

re-orthodox.org

Протоиерей Вячеслав Рубский

«Если око твоё светло...»

Проповеди

2025

Рубский В., прот.

«Если око твоё светло...». Проповеди: кн. 1. – 2025. – 380 с.

Перед Вами сборник избранных проповедей священника Вячеслава Рубского, настоятеля храма св. мч. царицы Александры при Одесском национальном морском университете, произнесённых в 2010–2022 годах.

Автор приглашает поговорить о вечных вопросах с улыбкой и самоиронией, с любовью к Церкви и надеждой на её будущее. Читатель найдёт в книге не «правильные» ответы по шаблону, а пространство мысли, глубокий и честный взгляд на веру, христианство и Евангелие, свет которого преломляется в нашей действительности и в наших глазах.

Для тех, кто не боится мыслить и задавать себе и Богу неудобные и предельные вопросы.

© Рубский В., прот., 2025

© re-orthodox.org, 2025

Содержание

Предисловие. Когда есть запрос на глубину	13
ВЕРЕНИЦА ПРАЗДНИКОВ И СОБЫТИЙ	17
1. Самая большая драгоценность (25.09.2022) <i>На Отдание Рождества Богородицы, Ин.3:16–21</i>	17
2. История вхождения к Богу (04.12.2016) <i>На Введение Богородицы во храм</i>	20
3. Праздник детской мечты (05.12.2021) <i>Про безумного богача, и Введение во храм, Лк.12:16–21</i>	22
4. Довериться Богу (07.04.2019) <i>На Благовещение, Лк.1:24–38</i>	24
5. Драгоценное в малом (03.01.2021) <i>Перед Рождеством Христовым, Мф.1:1–25</i>	26
6. Развернуть приношения (07.01.2022) <i>На Рождество Христово, Мф.2:1–12</i>	28
7. Завтра начинается сегодня (07.01.2022) <i>На Рождество Христово, Мф.2:1–12</i>	30
8. Тепло и движение (09.01.2022) <i>После Рождества, Мф.2:13–23</i>	33
9. Христос без детства (12.01.2020) <i>На Отдание Рождества, Мф.2:13–23</i>	35
10. Духовное обрезание (14.01.2018) <i>На Отдание Рождества, перед Обрезанием, Мф.2:13–23</i>	38
11. Увидеть спасение (16.02.2014) <i>После Сретения, Лк.2:22–40</i>	40
12. Препятствие между Богом и человеком (19.01.2014) <i>На Богоявление, Мф.3:13–17</i>	42
13. Несостоявшееся в человеке (19.01.2020) <i>На Богоявление, Мф.3:13–17</i>	45
14. Смена божественного мышления (27.01.2019) <i>На Отдание Богоявления, Мф.4:12–17</i>	47

15. По мокрым следам Христа (26.01.2020) <i>На Отдание Богоявления, Мф.4:12–17</i>	50
16. Увидеть святость в других (03.06.2018) <i>В Неделю Всех святых</i>	52
17. Ускользающее Евангелие и День всех любящих (19.06.2022) <i>В Неделю Всех святых, Мф.10:32–38, 19:27–30</i>	53
18. Праздник единства противоположностей (12.07.2022) <i>В День Петра и Павла</i>	56
19. Ближний и святость за горизонтом (17.07.2022) <i>О Гергесинских бесноватых и наших святых, Мф.8:28–9:1</i>	57
20. Спокойствие Преображения (17.08.2019) <i>На Предпразднство Преображения, Мф.17:1–9</i>	60
21. Таинство пробуждения (29.08.2021) <i>На Успение Пресвятой Богородицы</i>	62
22. О любви к ошибавшемуся пророку (11.09.2022) <i>На Усекновение главы Иоанна Предтечи</i>	63
23. Святые, ближние и мозаика Святого Духа (18.09.2022) <i>О Захариц, Елисавете и многих святых, Лк.1:67–75</i>	69
24. Крест, триумф и выход из соревнований (27.09.2020) <i>На Крестовоздвижение, Ин.19:6–20,25–35</i>	74
25. Ощутить человечность Бога (14.10.2018) <i>На Покров Пресвятой Богородицы</i>	77
26. Культ дальнего (29.12.2018) <i>В День святых праотец</i>	78
27. Будем учиться радоваться (10.08.2019) <i>В субботу вечером о праздновании Воскресения</i>	81
28. Проповедь на венчание (октябрь 2010) <i>На молитву Христа о единстве, Ин.17</i>	83
29. Подлинность соприкосновения (29.12.2018) <i>Перед Новым годом</i>	86
НА ДОРОГАХ И РАСПУТИЯХ ЕВАНГЕЛИЯ	88
30. Надежда и душа (24.01.2021) <i>На начало служения Иисуса, Мф.4:12–17</i>	88
31. Побывать с Богом (21.06.2015) <i>О призвании Андрея и Симона, Ин.1:35–42</i>	90
32. Христианство: быть на стороне Бога (06.10.2019) <i>О призвании галилейских рыбаков, Лк.5:1–11</i>	92

33. Место для Бога (26.06.2022) <i>О призвании галилейских рыбаков, Мф.4:18–23</i>	95
34. Евангелие для хоббитов (02.02.2020) <i>О деяниях Христа в Галилее, Мф.4:23–25</i>	96
35. Толкователи на вершине (октябрь 2012) <i>Об отвержении Иисуса в Назарете, Лк.4:16–30</i>	100
36. Мы не согласны с лёгким прощением! (12.03.2018) <i>Об исцелении расслабленного в Капернауме, Мк.2:1–12</i>	102
37. Невозможная вера (20.03.2022) <i>Об исцелении расслабленного в Капернауме, Мк.2:1–12</i>	105
38. Превысить меру добра (июль 2010) <i>Об исцелении сухорукого в субботу, Мф.12:9–14</i>	107
39. Воля Божия и человеческая (23.11.2019) <i>«Что должно делать в субботу?», Лк.6:1–10</i>	109
40. Просто будь рядом (24.09.2017) <i>«Славы от человек не приемлю...», Ин.5:41</i>	112
41. Существительное и прилагательное (06.07.2014) <i>«Ищите же прежде Царства Божия...», Мф.6:22–33</i>	114
42. Бог и польза (24.03.2019) <i>«Ищите же прежде Царства Божия...», Мф.6:22–33</i>	116
43. «Если любите любящих вас...» (18.10.2020) <i>О законе любви, Лк.6:31–36</i>	119
44. Свобода и заботы в христианстве (25.06.2017) <i>На притчу о светильнике и оке, Лк.11:33–36</i>	121
45. Удивительная вера (05.07.2020) <i>Об исцелении слуги сотника, Мф.8:5–13</i>	124
46. Взять след жизни (23.10.2022) <i>Об исцелении сына Наинской вдовы, Лк.7:11–16</i>	126
47. В поиске святого (19.07.2014) <i>Об ответе Иисуса про Иоанна Крестителя, Мф.11:2–15</i>	128
48. По ту сторону знамений и определений (03.08.2014) <i>Об отказе Иисуса явить знамение, Мф.12:38–45</i>	131
49. О божественных гибридах и братьях-мутантах (01.11.2020) <i>На притчу о сеятеле, Лк.8:5–15</i>	133
50. Утешение для инквизиторов (03.04.2011) <i>На притчу о пшенице и плевелах, Мф.13:24–30</i>	136
51. Опасная идея (12.12.2021) <i>На притчу о горчичном зерне и закваске, Лк.13:18–21</i>	138

52. Сокровищница для каждого (24.08.2014) <i>О притчах про Царство Небесное, Мф.13:44–54</i>	141
53. Духовное рождение в нестабильность (16.07.2017) <i>О следовании за Христом, Мф.8:14–23</i>	143
54. Спящий Бог и верующий человек (23.07.2017) <i>Об укрощении бури на море, Мф.8:23–27</i>	145
55. Бог как угроза (01.07.2018) <i>Об исцелении двух бесноватых, Мф.8:28–9:1</i>	148
56. Так-то оно так, но не совсем (29.01.2017) <i>Об исцелении кровоточивой и воскрешении дочери Иаира, Мк.5:22–6:1</i> ...	151
57. Вера и скверна (21.11.2021) <i>Об исцелении кровоточивой и воскрешении дочери Иаира, Лк.8:41–56</i> ...	152
58. Видеть всё в свете Божиим (15.07.2018) <i>Об исцелении двух слепых и бесноватого немого, Мф.9:27–35</i>	154
59. Silentium! (Молчи) (08.08.2021) <i>Об исцелении двух слепых, Мф.9:27–35</i>	156
60. Обыкновенный Христос (сентябрь 2011) <i>О втором отвержении Иисуса в Назарете, Мк.6:1–7</i>	159
61. Формула проповеди христианства (17.01.2021) <i>О послании Двенадцати на проповедь, Мф.9:36–10:15</i>	161
62. Вернуться к основанию мысли (11.08.2019) <i>О чудесном насыщении пяти тысяч, Мф.14:14–21</i>	163
63. Не нужно подражать Христу (18.08.2019) <i>О хождении по водам, Мф.14:22–33</i>	166
64. Радость об эфемерном (20.11.2016) <i>О бегстве по водам и беседе о хлебе жизни, Ин.6:14–27</i>	168
65. Оставьте «слепцов» Богу (05.10.2014) <i>О преданиях старцев, Мф.15:1–20</i>	171
66. Преодолевая модели и условности (23.09.2018) <i>Об исцелении дочери хананеянки, Мф.15:21–28</i>	173
67. Театр нашей жизни (09.11.2014) <i>О закваске фарисейской и саддукейской, Мф.16:1–6</i>	176
68. «Господи, да прозрю!» (30.01.2022) <i>Об исцелении слепого, Лк.18:35–43</i>	179
69. Крайнее убеждение и живая вера (16.08.2020) <i>Об исцелении бесноватого отрока, Мф.17:14–23</i>	181
70. Вера по одну сторону с Богом (03.04.2022) <i>Об исцелении бесноватого отрока, Мк.9:17–31</i>	183

71. Проповедь о снежинках (ноябрь 2017) <i>О тех, кто не ходил с апостолами, Лк.9:46–56</i>	185
72. Радость обретения (02.12.2018) <i>На притчу о пропавшей овце и потерянной драхме, Лк.15:1–10</i> ...	188
73. Выйти из дилеммы не/прощения (05.09.2021) <i>На притчу о немилосердном должнике, Мф.18:21–35</i>	190
74. В танце закона и добра (27.11.2022) <i>На притчу о добром самарянине, Лк.10:25–37</i>	193
75. Фарисеи как наши братья (26.11.2017) <i>О книжниках и фарисеях, Мф.23:1–12</i>	196
76. Христос и авторитеты (03.12.2017) <i>О книжниках и фарисеях, Мф.23:23–28</i>	198
77. Папа ушёл: учимся жить по-новому (10.12.2017) <i>О книжниках и фарисеях, Мф.23:29–39</i>	202
78. Распрямление согбенных (11.12.2022) <i>Об исцелении скорченной женщины в субботу, Лк.13:10–17</i>	205
79. Священное нарушение субботы (ноябрь 2018) <i>Об исцелении в субботу страдающего водянкой, Лк.14:1–6</i>	208
80. Притча, которой не должно быть (ноябрь 2018) <i>О первых и последних, Лк.14:7–11</i>	212
81. Место для праздника (26.12.2021) <i>На притчу о званых на пир, Лк.14:16–24</i>	215
82. Место для Учителя (06.11.2022) <i>На притчу о богаче и Лазаре, Лк.16:19–31</i>	216
83. Будь здоров, иди к своим! (18.12.2022) <i>Об исцелении десяти прокажённых, Лк.17:12–19</i>	219
84. Когда спасение возможно? (январь 2012) <i>Об оставивших всё ради Христа, Мк.10:23–32</i>	222
85. Вынужденное Евангелие (24.11.2019) <i>О богатом, вопрошающем о жизни вечной, Лк.18:18–34</i>	224
86. Неконвертируемое в богообщении (26.01.2020) <i>О богатом, вопрошающем о жизни вечной, Мк.10:17–31</i>	227
87. Ответ и вопрошание (31.01.2021) <i>О богатом, вопрошающем о жизни вечной, Мк.10:17–31</i>	230
88. Завеса слов и богообщение (12.09.2021) <i>О богатом, вопрошающем о жизни вечной, Мф.19:16–26</i>	233
89. Нет ни последних, ни первых (август 2017) <i>О работниках виноградаря, Мф.20:1–16</i>	235

90. Реакция на Бога (14.02.2021) <i>Об обращении Закхея, Лк.19:1–10</i>	237
91. Услышать, чтобы ужаснуться (16.09.2018) <i>На притчу о талантах, Мф.25:14–30</i>	239
92. Голубей подобрали и продолжили (01.10.2017) <i>Об изгнании торгующих из храма, Мк.11:11–23</i>	242
93. Об осознанной и свободной вере (15.10.2017) <i>На притчу о двух сыновьях, Мф.21:28–32</i>	244
94. О меркантильности и благодарности (22.10.2017) <i>На притчу о злых виноградарях, Мф.21:33–41</i>	246
95. Пир с Богом (26.09.2021) <i>О злых виноградарях и брачном пире, Мф.21:33–41, 22:1–14</i>	249
96. Кесарево и Божие. Что такое духовность? (05.11.2017) <i>О подати кесарю, Лк.20:19–26</i>	251
97. От игры слов – к Богу (03.10.2021) <i>О трёх ответах иудейским вождям, Мф.22:15–40</i>	254
98. «Да любите друг друга!» (сентябрь 2017) <i>О наибольшей заповеди и о Господе Давида, Мф.22:35–46</i>	256
ОТ ВЕЛИКОГО ПОСТА ДО ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ	259
99. Барьер принятия (09.02.2020) <i>В Неделю о мытаре и фарисее, Лк.18:9–14</i>	259
100. Выйти из соревнований (21.02.2021) <i>В Неделю о мытаре и фарисее, Лк.18:9–14</i>	261
101. Повод обнять человека (16.02.2014) <i>В Неделю о блудном сыне, Лк.15:11–32</i>	264
102. Что Богу сказать людям? (08.02.2015) <i>В Неделю о блудном сыне, Лк.15:11–32</i>	267
103. В поисках и ожидании лучшего мира (16.02.2020) <i>В Неделю о блудном сыне, Лк.15:11–32</i>	270
104. Станный отец и его сыновья (21.02.2022) <i>В Неделю о блудном сыне, Лк.15:11–32</i>	273
105. Христос ломает все счётчики (03.03.2019) <i>В Неделю о Страшном суде, Мф.25:31–46</i>	275
106. Время послушать Бога (07.03.2021) <i>В Неделю о Страшном суде, Мф.25:31–46</i>	279
107. Встреча Христа и человека (февраль 2011) <i>Накануне Великого поста, Лк.4:1–15</i>	282

108. Открыться пред Богом (02.03.2014) <i>Накануне Великого поста</i>	283
109. Принять прощение Бога (14.03.2021) <i>На Прощёное воскресенье, Мф.6:14–21</i>	286
110. Оставить суд другим (март 2014) <i>На притчу о сучке и бревне, Мф.7:1–5</i>	288
111. Игры с Богом (март 2011) <i>Об искушениях в пустыне, Мф.4:1–11</i>	290
112. Защитить икону Бога и человека (15.04.2012) <i>На Торжество Православия, Ин.1:43–51</i>	293
113. Евангельское торжество Православия (17.03.2019) <i>На Торжество Православия, Ин.1:43–51</i>	295
114. Крест как бунтарство (11.03.2018) <i>«Отвергнись себя... и следуй за Мною...», Мк.8:34</i>	297
115. Путём позора и уничижения (27.03.2022) <i>В Неделю Крестопоклонную, Мк.8:34–9:1</i>	299
116. Музыка и тишина христианского пути (11.04.2021) <i>В Неделю Иоанна Лествичника, о вере и неверии, Мк.9:14–27</i>	302
117. «А вы за кого почитаете Меня?» (ноябрь 2013) <i>На Петрово исповедание Иисуса Мессией, Лк.9:18–22</i>	304
118. Этапы веры (август 2018) <i>Накануне крестных страданий, Мф.16:20–28</i>	306
119. Встреча на горизонтали (02.04.2017) <i>«Когда были они на пути, восходя в Иерусалим...», Мк.10:32–45</i> ...	310
120. Урок уступать друг другу (18.04.2021) <i>«Когда были они на пути, восходя в Иерусалим...», Мк.10:32–45</i> ...	312
121. Шествие со Христом (25.04.2021) <i>На Вербное воскресенье, Ин.12:1–18</i>	314
122. Благословенное несовпадение (17.04.2022) <i>На Вербное воскресенье, Ин.12:1–18</i>	315
123. Плохой Иуда и хороший Христос (25.04.2019) <i>В Великий Четверг</i>	318
124. Бремя одиночества (29.04.2021) <i>В Великий Четверг</i>	322
125. Бог умер понарошку? (26.04.2019) <i>В Великую Пятницу</i>	325
126. Правда Погребения (30.04.2021) <i>На Великую Пятницу</i>	330

127. По ту сторону наших страхов (02.05.2021) <i>В Светлое Христово Воскресение</i>	333
128. Вера как ощущение ран Христовых (19.04.2015) <i>В Неделю апостола Фомы, Ин.20:19–31</i>	334
129. Благовествование для опоздавших (09.05.2021) <i>В Неделю апостола Фомы, Ин.20:19–31</i>	336
130. Пасха для взрослых (01.05.2022) <i>В Неделю апостола Фомы, Ин.20:19–31</i>	338
131. Преодоление дистанции (16.05.2021) <i>В Неделю жен-мироносиц, Мк.15:43–16:8</i>	341
132. Путь к женам-мироносицам (08.05.2022) <i>В Неделю жен-мироносиц, Мк.15:43–16:8</i>	343
133. Нарушить священное (29.04.2018) <i>В Неделю о расслабленном, Ин.5:1–15</i>	345
134. Ходячий между субботой и Богом (15.05.2022) <i>В Неделю о расслабленном, Ин.5:1–15</i>	348
135. Усложнение от человека (04.06.2017) <i>В Неделю о самарянке, Ин.4:5–42</i>	351
136. Подслушанный разговор (30.05.2021) <i>В Неделю о самарянке, Ин.4:5–42</i>	354
137. Бог и человек (22.05.2022) <i>В Неделю о самарянке, Ин.4:5–42</i>	356
138. Слепляющее прозрение (06.06.2021) <i>В Неделю о слепом, Ин.9:1–38</i>	358
139. Оторваться от абстракций, или «так получилось» (29.05.2022) <i>В Неделю о слепом, Ин.9:1–38</i>	360
140. Желание Бога (20.05.2018) <i>В Неделю отцов I Вселенского Собора, о единстве, Ин.17:1–13</i>	362
141. Истина и единство (05.06.2022) <i>В Неделю отцов I Вселенского Собора, о единстве, Ин.17:1–13</i>	365
142. Большие вопросы и беседа у костра (04.08.2018) <i>О явлении Воскресшего при море Тивериадском, Ин.21:1–25</i>	369
143. Последние слова Христа (29.05.2022) <i>Перед Вознесением</i>	371
144. Бог далёкий и близкий (02.06.2022) <i>На Вознесение, Лк.24:36–53</i>	372
145. Благословение жить (20.06.2021) <i>На Пятидесятницу</i>	375

Предисловие

Когда есть запрос на глубину

Зачастую слушатели моих лекций, «чаёвен», «зумов» или проповедей раздражённо недоумевают или по-доброму удивляются: неужели православный священник может так говорить? Как правило, этот вопрос вызван сложившимся стереотипом – священник должен быть таким-то, мыслить так-то и произносить (точнее, ретранслировать) «правильные слова». Если же он не вписывается в прокрустово ложе нашего мировоззрения, говорит не по методичке, не идёт синхронно шаг в шаг с большинством и даже нарушает некую гармонию соборного звучания, – это вызывает тревогу: «Внимание! Сбой в системе! Ему здесь не место! Его надо выключить, заблокировать, закрыть, запретить!..»

В этой примитивной модели Церковь представляет собой идеологическую структуру или партию, где важно не то, *с кем* соприкасаются, живут и общаются, а то, *что* говорят. Священник здесь – своего рода агитатор, который состоит только из агитационных речёвок. Но если мы как Церковь хотим двигаться вперёд и надеемся на какое-то будущее, мы не можем позволить себе рассуждать в таких категориях. Иначе мы будем вечно находить себе врагов и «сжигать» еретиков.

Вспомним здесь митрополита Антония Сурожского. По сути, он должен был уйти из священства, когда обновлял церковную проповедь, т.е. говорил не так и не то, что говорили до него, и этим раздражал своих собратий. В 90-е годы

можно было услышать: «Будьте осторожны, на Антонии Блуме явлена печать протестантизма!» Но сегодня его проповеди, казавшиеся тогда либеральными и модернистскими, признаются вполне каноничными и ортодоксальными. То, что когда-то считалось невероятной смелостью, неординарностью и даже «еретичностью», через несколько десятилетий свободно вошло в умонастроение и лексикон многих батюшек и почти всех семинаристов. Поэтому меня не удивит, если через лет пятнадцать какие-то мои нынешние слова – для кого-то сложные и неудобовразумительные, опасные и недопустимые, оскорбительные и еретические – будут звучать так же наивно и банально, как сегодня звучат проповеди священников начала 90-х.

Вся история христианского богословия показывает, что кто-то должен немножко вырываться вперёд, рисковать, озвучивать то, что назрело, а кто-то – подтягиваться позже, и, таким образом, двигать керигму Церкви, углубляя и актуализируя её. На этом поле плодотворно работали вышеупомянутый владыка Антоний, протоиерей Александр Мень и другие проповедники. Они сеяли надежду на развитие церковной мысли, на рождение нового слова, и, конечно, вызывали жажду возвышенного и глубокого.

Частично этот запрос надеется восполнить православное богослужение, которое претендует на глубину вхождения в христианство. Однако изначальная установка христианских мистерий, направленная на «говорение языками» и «глаголами неизреченными», поставила рациональное осмысление происходящего и произносимого (читаемого) на Литургии в конфликт с поиском духовных состояний и откровений. Именно проблематичность восприятия и осмысления хоть какой-то богословской глубины из весьма усложнённого (недоступного большинству) богослужебного чина сегодня требует создания альтерна-

тивного смыслового пространства, мостиком к которому в какой-то степени может быть проповедь (не как разъяснение, а как отклик, как приглашение к внутренней работе, к движению, к диалогу). Но реализация этого возможна только в том случае, если это просится на реализацию, когда человек хотел бы честно взглядеться в свою веру, глубже что-то понять и прожить.

Для начала нужно сказать и показать: православие – разнообразно. Тот, кто это хотел бы услышать, – услышит и естественным образом примет, а многие (кому это и не нужно) – нет. Нам же важно осознать, что православно как «хотеть слышать», так и «не хотеть слышать», как соглашаться, так и не соглашаться. Разнообразие внутри православия не угрожает единству, а раскрывает его полноту. Мы разные, и мы должны звучать по-разному, если мы живы.

Для меня проповедь как жанр – это отклик или сентенция на тему. Например, на тему евангельского зачала. Это некоторое преломление евангельского луча через наше время, нашу жизнь, наши акценты и контексты. Это интересно и полезно в том плане, что полученный спектр слов даёт возможность актуализировать двухтысячелетнее благовестие. И если это удаётся, тогда нам не нужно продираться сквозь время, чтобы оказаться, например, в Палестине I века. Наоборот, нам просто нужно донести этот луч в каком-то ясном виде до нашего современника, не требуя от него труда по исагогической, герменевтической и прочей реконструкции. Проповедь есть моя попытка настроить зрение, напомнить о Боге и о Христе, о человеке и мире, о свете и святости, о том, что всё это может быть ближе, чем кому-то кажется. Естественно, проповедь может быть разной по настроению, по форме или стилю, по интенции, но всегда это именно сентенция.

Проповеди, выбранные для настоящего сборника, сказаны в 2010–2022 годах на богослужениях в храме св. мч. царицы Александры при Одесском национальном морском университете. Разумеется, живое слово, обращённое к конкретной общине в конкретный момент часто несовершенно – сбивчиво и шероховато. Однако это дело поправимое. Доработав расшифровку проповедей, мы убрали какие-то неточности и неровности речи. Поэтому, конечно, проповедь на страницах книги может несколько отличаться от её видео- или аудио-оригинала.

Возможно, те или иные проповеди, собранные здесь, у кого-то вызовут возражения, у кого-то – беспокойство, у кого-то – улыбку. Значит, вы не остались равнодушными. Значит, у нас есть точка входа в диалог. Значит, в мире стало чуть больше живой мысли, тепла и света.

Вереница праздников и событий

1.

Самая большая драгоценность

25.09.2022

На Отдание Рождества Богородицы,

Ин.3:16–21

Сегодня Отдание Рождества Богородицы, а впереди у нас Воздвижение Креста. И между Рождеством Богородицы (как началом начал) и Крестом (как финалом) пролетает жизнь наша. Конечно, мы не такие, как Пречистая Богородица, мы не сделали в жизни ничего великого, даже на крест не пошли. Эта жизнь нам кажется незначительной, и сами себе мы кажемся незначительными, так как ничего толком мы не сделали, чтобы об этом говорили, или это на что-то повлияло. А значит, не будь нас – ничего бы не поменялось. Однако, тем не менее, Бог разговаривает с человеком.

Из ночного разговора Христа с Никодимом до нас дошло несколько фраз, которые, по большому счёту, никак нельзя реализовать. Никодим не может родиться заново, ни в физическом смысле, ни в метафорическом. Старым людям очень сложно поменять структуру мышления, даже если они теперь болеют за новую футбольную команду. Они болеют точно так же, как за старую, только теперь за новую. И привычки, которыми человек жил лет семьдесят, – это уже не привычки, а природа. При всём желании, при всей своей святости, Никодим не мог понять Иисуса, хотя мог Его одобрять. Но это неважно. Важен

и ценен этот диалог сам по себе, потому что драгоценность человека – в коммуникации, в том, что люди могут друг с другом общаться.

Воспользовавшись образом Блеза Паскаля, можно представить два тростника, растущих один рядом с другим. Если бы они могли что-то сказать друг другу, это была бы уже совершенно другая форма жизни. «Ну, как дела?» – спрашивает один тростник другого. «Нормально, только бобры уже достали до самого корня». А тот ему: «Ну, ты крепись, меня тоже грызут понемногу». И вот это общение, если бы оно состоялось, было бы самым драгоценным, что произошло между ними.

Общение между нами есть самая большая драгоценность. Даже Распятие и Воскресение служат только для того, чтобы усадить людей рядом друг с другом. Кажется, мы ничего не делаем, но мы обращаемся к другому, мы видим друг друга. Это гораздо важнее, чем спасти человечество. Какой смысл спасать человечество, если человечество не видит друг друга? А если видит, то оно уже сделало самое важное, оно уже, в каком-то смысле, спасено. Оно уже осуществилось, сбылось. Мы интересуемся друг другом. А вот культы «Великого» (Зевса, Христа, Магомета... – неважно) делают человека маленьким, безликим, ничего толком не могущим сказать. Даже пробуя что-то говорить, он извиняется, что говорит не так, потому что он вообще должен молчать. Перед величием можно только молчать.

Но Бог пришёл для того, чтобы поговорить. И это путь, который начинается с Рождества Богородицы, от небытия молчания – до бытия слова, до общения. И самое главное наше таинство – это таинство общения – Тайная Вечеря. И не в том дело, что они там съели. Знаете, поклонники еды говорят: «Они тогда съели что-то очень важное. Давайте, мы тоже это воспроизведём». Важно

не то, *что* они съели и что именно тогда выпили, а важно то, что они сидели вместе со Христом, Который говорит: «Вот Я весь с вами». Сидели ли мы когда-либо с кем-либо, кто сказал бы: «Вот я весь здесь, я весь твой, мой собеседник»? Мы обычно играем в шахматы с тем, с кем дружим. А уж с тем, с кем не дружим, играем нередко на шпагах и пистолетах, как пел Высоцкий¹.

Бог не судит мир, потому что мир сам себя судит. Мир достаточно заряжен на самоосуждение. Мы и без Бога найдём, где правые, а где виноватые. Мы всегда осуждаем другого, потому что такова формула нашего мышления: правильное – неправильное, съедобное – несъедобное (помните, мы играли в детстве?), подходящее – неподходящее, удобное – неудобное... Мы так мыслим, поэтому всегда будем осуждать кого-то. В этом нет преступления, и в этом нет добродетели. А драгоценность – она появляется после того, как люди перестают играть – кто лучше, кто правильнее... Тогда люди садятся и каким-то образом являются самими собой. Вот для чего люди пьют на застольях и праздниках: не для того, чтобы показать «я пью», а для того, чтобы снять все барьеры, чтобы перестать делать из себя кого-то. Это, конечно, практика убогая, но тем не менее нам понятная.

И вот Христос, говорящий Никодиму, говорит всем нам: «Ребята, то, что мы говорим, уже есть самое главное. Ничего главнее никогда не произойдёт». Поэтому цените тот разговор, который Бог с нами начал. И мы его будем продолжать, доколе будет Он и будем мы.

¹ Песня В.С.Высоцкого «На стол колоду, господа» (1968).

Прошла первая неделя Рождественского поста, посвящённая изгнанию торгующих из храма – изгнанию торгующих из храма души нашей. Мы пытались молиться Богу без прошений, без попрошайничества, без эгоцентризма, без того, чтобы постоянно принижаться перед Ним. Мы просто славим Бога за то, что Он есть, за то, что мы есть, за то, что был день, за то, что будет день. Конечно, внутри мы почувствовали, что там кроме торгующих вообще-то никого нет почти. И когда мы их выгнали, нам стало сложнее и труднее.

И Пресвятая Богородица нам пришла помочь этим праздником. Праздник Введения как раз такой, как нам надо сейчас – праздник исключительной радости, беспечной радости, когда во Святая Святых входит трёхлетняя Девочка. Всё происходит чудесно, без труда. И это как раз то, за что можно благодарить Бога – за то, что всё это случается, за то, что это бывает.

XXI век – время, когда перед каждым праздником все решают и спорят, сколько в нём реальности, а сколько фантазии. И перед этим праздником тоже сошлись в баттлах многие проповедники. Кто-то говорит, что это чистая правда, кто-то – это не соответствует истории. Но дело не в историчности. Мир – это притча, которую Бог рассказывает нам. И если мы поймём эту притчу, в которой всё непохоже на действительность, но всё ей соответствует, тогда мы окажемся верными чадами Божиими. Доказывать историческую достоверность какого-то события двухтысячелетней давности – это совсем не то дело, которое нужно делать, потому что это событие потом надо будет связать с современностью, и это как раз-таки будет искусственно.

Куда более важно, что в сегодняшнем событии мы можем заметить различия и сходства с нами. Можем сказать: да, когда мы входим в духовную жизнь, всё бывает чрезвычайно радостно, и будто бы Сам Бог помогает нам преодолеть какие-то ступени, которые отделяют тех, кто стоит на земле (т.е. уповающих на землю), от тех, кто устремляется к Богу. И эти пятнадцать ступеней мы вначале можем пройти на крыльях ангельских. Но затем, когда мы входим во Святая Святых, мы начинаем замечать отличия. То ангелы не всегда прилетают покормить нас духовной пищей, то мы куда-то «отключаемся», пропадаем, не появляемся в храме Божиим. И отсюда, наша духовная жизнь немножко не такая, как положено. Но она и не должна быть ровной. Ведь праздник заканчивается тем, что Богородица вошла. А как Она там жила? что было дальше? Это уже мы знаем лучше, чем составители праздника, потому что мы-то знаем по своему опыту, что бывает после того, как человек вошёл во Святая Святых. Мы знаем это лучше любого, потому что мы входили и знаем, что такое бытие в Боге, а не какой-то рассказ, быль или предание. Вот где истина. Истина заключается в том, что этот праздник нас просто поддерживает, он говорит: вот она – история, история твоего вхождения к Богу. И дальше мы научаемся в этот день опять хвалить Бога, говорить слова благодарения, говорить слова, которые рождают в нас благодущие, улыбку, какое-то расположение к другим людям.

В этом празднике нет отрицательных персонажей, как во многих других праздниках. Захарию никто не наказал за то, что он сделал, Марию Богородицу никто не оставливал, родителей Её никто не осудил, что они, по сути, принесли в жертву ребёнка... То есть здесь нет оппонентов. Скажем, на Рождество они уже есть: и Ирод, и жестоко-

сердные люди, которые не пустили к себе Святое семейство и т.д. А вот на Введение – всё хорошо.

Я думаю, что это именно тот праздник, который нам нужен на этом этапе прохождения Рождественского поста. Здесь Бог показывает нам, как важно не просить, не каяться, не пытаться модифицировать мир, а принять его таким, каков он есть. Вот привели, и зашла, и принята, и ангелы Божии восхвалили, и мы вместе с ними восхвалим, и это будет очень важная часть нашего пути.

3.

Праздник детской мечты

05.12.2021

Про безумного богача, и Введение во храм,

Лк.12:16–21

Сегодня притча у нас невесёлая, хотя и праздник на дворе. В притче есть очень странное противопоставление. Однако, возможно, Господь намеренно здесь всё так сложил, чтобы мы в конце немного повозмущались.

Человек некий в кои-то веки собрал хороший урожай. Что сделает нормальный хозяин? Конечно, он построит новый большой амбар для этого урожая. Для чего люди заботятся о посевах, трудятся, не покладая рук? Для того, чтобы можно было потом сказать: «Ну всё, теперь я могу не беспокоиться, как сводить концы с концами. Наконец-то у меня есть столько, чтобы душа отдыхала и веселилась многие годы». Этот богач был бы святой, если бы ему удалось реализовать своё, в общем-то, хорошее намерение. Однако успокоиться в итоге этому богачу было не суждено...

И как всегда, Христос не оставляет нам путей для положительного толкования, потому что Он говорит: «Так бывает с каждым, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет». И действительно, в этой притче богач, может быть, как-то слишком эгоцентричен, всё про себя

да про себя. Сказал бы: «Хорошо, что у меня теперь закрома переполнены богатством, – с друзьями делиться буду, на храм пожертвую». Вот это уже другой разговор. И богач был бы уже нормальный. А когда он всё себе да себе, то с точки зрения тех, кто стоит внизу, получается не совсем справедливо. Когда нам ничего не достаётся, мы возмущаемся, мы недовольны. Когда же нам что-то перепадает, мы, конечно, радуемся этому.

Но давайте посмотрим на эту обычную человеческую мечту. Когда человек думает о себе что-то хорошее, это выглядит как очень наивная мечта. Это даже стало пословицей – «хочешь насмешить Бога – расскажи Ему о своих планах». И вот Бог ему говорит: «Эх, глупец, в эту же ночь ждёт тебя невиданное...» Но ведь мы все родом из детства. И как раз сегодня у нас ещё продолжается детский праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы – праздник маленькой Девочки, Которая наверняка мечтала именно о том, чтобы войти во Святая Святых, где Её питали бы ангелы Божии. Наверное, питание в детстве было не очень, поэтому хочется, чтобы уже хоть нормально покормили из ангельских рук. Это всё наши детские мечты. Мы похоронили этих детей, которые жили у нас внутри, которые мечтали стать певцами (как я), космонавтами (как мои знакомые), и о всяком разном... Но как показывает история с Богородицей, мечты иногда сбываются. Сбываются, конечно, в самом глубоком смысле слова, потому что в жизни произойти это не может. И хотя все наши невозможные мечты мы похоронили, но вот этот человечек, который мечтает, он всё равно остаётся. Мы всё время его жёстко гасим, подавляем: «Ишь ты, размечтался! Ну-ка, подожми коленки! Жизнь сурова. Хорошего не жди». Поэтому и выходит, что притча эта какая-то нерадостная – уже и помечтать нельзя. Мечтал-то он о хорошем.

Так что сегодня праздник наших детских мечтаний. Думаю, хорошо, если бы на праздник Введения мы вспомнили свои мечты, побыли с ними рядом, не считали, что они глупые, наивные. Они не наивнее, чем вхождение Девочки в алтарь и питание Её там ангелами... Нет же, это светло, это свято. Это что-то такое, что действительно невозможно, и поэтому прекрасно. Как пел Бутусов: «Я люблю тебя за то, что твоё ожидание ждёт того, что никогда не сможет произойти».² За это мы себя не любим. И Бог нас, по этой притче, тоже не любит. Но я думаю, что Бог нас всё-таки за это любит. Пусть же этот праздник будет единственным днём в году, когда мы себе позволим воскрешать эти мечты.

4.

Довериться Богу

07.04.2019

На Благовещение, Лк.1:24–38

В день Благовещения мы вспоминаем о том, как ангел Гавриил является и благовествует Деве Марии. Из богослужебного чина мы узнаём, что при этом трепещет не Мария, а сам ангел, потому что в поздней христианской традиции укрепились, что большая честь ангелу, что он входит к Деве («честнейшей Херувим и славнейшей без сравнения Серафим»), а не наоборот.

Во времена написания Евангелия почитание Святой Девы не было таким большим, и поэтому считали, что Божий посланник входит к обычной простой девушке, которая молится, которая чиста пред Богом и открыта. Вся языческая традиция держалась на том, что люди недостойны видеть Бога. Только жрецы каким-то образом (через определённые практики, через урим или туммим,

² Из песни группы «Nautilus Pompilius» «Утро Полины» (1994).

через бубен, через какие-то вращения дервишей и прочее) могут проникать к Богу. Остальные люди не могут этого, и Бог не может приходить к ним. То есть и язычество, и иудейство, как форма язычества, эту свою немощь объясняли тем, что Бог не хочет общаться со всеми, Бог открывается только избранным.

Дело, конечно, не в Боге. Как объяснить себе, что, несмотря на моё желание, я неспособен на что-то? Надо просто сказать, что мне запрещено это. Люди могли рассуждать: «Мы хотим подойти к великому, хотим слышать Бога, но мы неспособны». Однако признаться в этом сложно, поэтому они говорили: «Мы хотим, мы знаем как, но Бог нас не выбрал, Бог выбрал наших жрецов, наших великих учителей». И вот эта традиция дожила до сих пор.

Но Гавриил приходит к Деве Марии не потому, что Она особенная, а потому что Христос особенный. Миссия ангела – сказать Ей, что Сына Божия родит именно Она – Та, Которая не ожидает. Здесь очень интересная и крамольная, конечно, аргументация того, почему это может быть. Ангел указывает на Её родственницу, которая в старости зачала: «Та зачала, и ты зачнёшь». Бог может всё, хотя люди не ожидают и не готовы к этому. Если традиционная религия нам внушает: вы недостойны, вы не готовы, вам нужно ещё много учиться, вам нужно очищать свою плоть и душу (и так до бесконечности, ибо, как только вы скажете священнику: «Я уже чист», – он скажет: «О, так ты в прелести! – продолжай очищаться!»), то Евангелие нам говорит о том, что Господь просто входит к человеку. И достаточно, чтобы человек был открыт и сказал: «Да, Господи, я буду служить Тебе и в этом».

Дай Бог, чтобы, когда Господь посетит нас, мы не сказали: «Ой, мне это причудилось». Нужно серьёзно отнестись к нашему духовному опыту и к своему христи-

анству. Мы с Богом решили, что я христианин. И мне не надо, чтобы кто-то за меня решал и говорил: «О, ты христианин, вот тебе справка» или «Да ты не христианин, ты еретик» или «Ты не еретик, вот тебе другая справка». Доверяйте своему духовному опыту больше, потому что если бы Пресвятая Дева была такая как мы, запуганная, Она бы сказала: «Может, это Мне причудилось? Пойду, спрошу у раввина, он-то знает». И раввин бы сказал: «Иди, кайся, дереза ты такая, потому что не может такого быть никогда! Только нам, учёным раввинам, является такое! Вон Моисей – и постился, и на Синай поднялся, и засветился!..» Она же даже не засветилась! Понятно же, что у Неё всё неканонично! Но мы – наследники неканонической традиции, и, слава Богу, что для нас это не великий день скорби и покаяния канонов, а великий праздник Благовещения о Христе.

5.

Драгоценное в малом

03.01.2021

Перед Рождеством Христовым, Мф.1:1–25

Каждый раз перед Рождеством Спасителя, с которого начинается Новый год, мы думаем начать что-то новое. И сколько бы раз мы не начинали, мы ловим себя на том, что это уже началось до того. Даже Рождество Христово, библейская история и отношения человека с Богом начинаются не с того, что Христос рождается, а гораздо раньше. Сколько бы мы ни говорили: «Вот, я уже не тот, во мне умерло то, во мне умерло это», – а глядишь, оно не совсем и умерло. То есть, много раз заканчивая и начиная какие-то процессы в себе, мы понимаем, что они по-настоящему цикличны. Они не начинаются и не заканчиваются.

Значит, речь в Евангелии не о том, что теперь вот с этого момента началось то, как сказал кто-то в Ветхом

Завете, что «спасёт от грехов их». Конечно, это не так. Это обычная надежда, над которой ещё Екклесиаст потешался и говорил: смотрите, говорят, что есть нечто новое, но ничего нового нет под солнцем; всё, что кажется новым, уже было.

Действительно значимым для нас является другое – то, что Младенец, рождаясь где-то в хлеву для скота, в нарочито уничижённых условиях, является Тем, Кто очень важен, Тем, Кто создал небо и землю, Кто чрезвычайно глубок, высок и прекрасен. И это глубокое, высокое и прекрасное нам очень сложно разглядеть в самих себе, потому что мы подавлены человеческой множественностью. Людей так много, что каждый в отдельности скажет: ну кто я такой, разве может быть во мне какая-то важность? Столько миллионов людей живёт на свете, столько уже умерло и ещё умрёт! И мы не находим себя в этой множественности. Вот если бы мы были одни на планете, как мне когда-то рассказывали знакомые мормоны, что если хорошо себя вести, Бог может потом поселить тебя на отдельную планету. В этом есть некоторая идея значимости. Вот если жил один-единственный человек, прожил как-то и умер, то это – событие. А если умирает один из миллиарда, то мы его теряем без особого сожаления. И себя теряем.

Наше мышление очень экономно, мы мыслим по аналогии, т.е. мы где-то творим мысль, а потом её распространяем на другие случаи. И нам очень важен такой эпический прецедент, где Кто-то, выглядящий маленьким и слабым, на самом деле великий и значимый. Так мы смотрим на Христа, от созерцания Которого возникает подобный образ. Эту мысль очень важно родить именно здесь, в Вифлееме, чтобы потом её можно было перебросить на себя и на других людей. Тогда человек напротив нас, выглядящий не очень-то значимо, как и миллиарды тех, которые жили, были и умрут, может стать для нас глуже.

Возможно, ради него и существует всё, и он достоин отдельной планеты, как говорят мормоны. Может быть, это великое явление на земле.

Рождество показывает, что великое явление может выглядеть совершенно тривиально. Но раз оно бывает в жизни, значит, и друг на друга мы можем посмотреть таким рождественским взглядом: да, ты малютка, почти зародыш, но в тебе наверняка сходятся все пути. Вот живёт обычный человек, и умирает он по-обычному, и даже позорно, как и Христос умер позорной смертью, но в этом кроется огромный кладёзь света, который мы каждый носим в самих себе, только этого почему-то не замечаем.

6.

Развернуть приношения

07.01.2022

На Рождество Христово, Мф. 2:1–12

Рождество Христово – это праздник, к которому нужно идти, который почти никогда не случается просто от того, что наступило 25 декабря или 7 января. Говорю «почти», потому что иногда случается всё. Это день, к которому идут, как шли три волхва, – идут продолжительное время, для того чтобы принять Богомладенца и принести Ему свои дары.

Надо признать, очень сложно принять Христа в Его немощи, в Его уязвимости; в том, что не Он нам гарантирует Свою заботу о нас, а мы оказываем Ему свою заботу, своё тепло, свою любовь. Это очень необычный день, когда всё с ног на голову, когда человек радуется о рождении Бога. Нужно пройти долгий путь, чтобы это принять как само собой разумеющееся.

И вот, три восточных волхва или мудреца, а может быть, даже три царя приносят золото, ладан и смирну, для того чтобы подчеркнуть царское, человеческое и божественное достоинство Христа. Я думаю, если бы они сегодня

шли встречать Христа, то они, как люди очень умные, уже догадались бы, что Богомладенцу не нужно золото, не нужно, чтобы кто-то преклонял перед Ним колени и подчёркивал Его величие. Ему нужно, чтобы мы ценили друг друга как достойнейших людей, чтобы принесли друг другу свою любовь и, может быть, рассмотрели друг в друге некий отблеск божественного. Он бы хотел, чтобы мы принесли друг другу то, что напоминало бы нам о смертности нашей, и чтобы мы любили друг друга, пока мы ещё живы. И разворот этих приношений, когда Бог разворачивает человека и направляет его к другому человеку, – это и есть день Рождества Христова.

На иконе Праздника мы замечаем также барашков, коров, потому что своим теплом Рождество объединяет нас даже с животными, и уж тем более с людьми. Поэтому я желаю нам праздновать Рождество не как событие одного Богочеловека, как бы отделяя себя от этого события, но воспринять его как обогащение нашей жизни, когда нечто падает между нами и, как магнит, притягивает друг к другу. И тогда мы обнимаемся с животными, тогда мы любим тех, кого, может быть, никогда бы не полюбили, если бы не Господь наш Иисус Христос. По крайней мере, в эти праздничные дни от Рождества до Крещения, которые у нас называются святками.

Поздравляю вас с Праздником и желаю вам провести эти дни свято настолько, насколько позволяет нам наша душа, насколько позволяет нам наше пространство мысли, пространство духовного действия. И желаю вам, чтобы ваши родственники и друзья от ваших посещений только радовались, но не уставали. И чтобы вся наша жизнь каким-то образом крепилась бы к этому дню как к одному из фундаментальных поворотов во Вселенной, где Бог берётся на руки человеком и рассчитывает на его любовь и помощь.

Однажды к царю Ироду пришли чужестранцы и говорят: «Мы видели на востоке звезду, которая говорит о новом Царе Иудейском. Не подскажете, Ваше Величество, как нам поклониться этой новой власти?» Естественно, Ирод, испуганный, обеспокоенный властью, подумал: «Новой власти не будет», – и стал действовать коварно и беспощадно. Так действует всякая власть, когда некто под видом духовности говорит о воцарении новой долгожданной власти, которая грозит свержением старой. Это всё пахнет очень скверно и скверно откликается.

Такими сложными путями нас ведёт Бог. Если мы посмотрим на историю поклонения Богу, то вначале Бог очень далёк от людей. Но Он становится всё ближе и ближе... И во Христе Иисусе Он берётся людьми на руки. «На колени!» – нам говорят. И вот мы берём Бога на свои колени. Это и есть Рождество. Когда *вы* на колени перед Ним падаете, это всё ещё Зевс, Марс и прекрасный Аполлон. А когда *Бога* берёшь на колени, это совсем другая история. К этому путь не близок. Бог очень долго шёл к нам сложными путями мифологии, путями драмы. Пришлось понервничать немного. Он успел даже потопить человечество, а потом опять размножить. Некоторые народы Он полюбил, некоторые – разлюбил, а потом догадался всё-таки, что все народы одинаковые. Такая вот история представляется, как будто бы Бог менялся.

На самом деле, когда люди идут друг ко другу, те черты, которые казались незаметными, слишком мелкими, далёкими, они, постепенно проявляясь, образуют практически другое лицо. И когда мы приближаемся к Богу, тогда совершенно неважно становится, что за этим последует.

Ведь поклонение волхвов – это поклонение не вот этому Младенцу, а Его завтрашней будущности, Тому, Кем Он станет завтра. И, в целом, поклонение Богу нужно для того, чтобы завтра было лучше, – может, этой весной или после гроба, но чтобы мы это ощутили очень конкретно. То есть мы что-то делаем из расчёта на что-то другое. А приближаясь ближе к сути, ты понимаешь, что дальше идти уже некуда. Вот ты встретился с Богом, и что дальше? Что ты ещё хочешь?

Мы вот недавно встретились со школьными друзьями – тридцать два года после школы. Сидим, а кто-то говорит: «Надо будет нам обязательно встречаться почаще». Я же думаю, так мы уже встретились! И что дальше? Дальше-то нечего делать и нечего планировать. Так всегда получается при предельном приближении. Дальше уже ничего не будет. Это и есть настоящее христианство. А всё, что заглядывает за человека, за Бога – это язычество. «Ты зачем с этим человеком дружишь?» – «Да так, пригодится». Значит, это не дружба, это расчёт. «А зачем ты пригласил этих гостей?» – «Ну, они могут на что-то повлиять». И так далее. Если есть что-то по ту сторону общения, какой-то расчёт, значит, это уже не то.

И вот, празднование Рождества должно быть финалом. Сказать, что Христос родился – это большая радость, это откровение Бога о Себе. Но мы каждый раз говорим: «А завтра-то будет лучше... Когда Он вырастет, Он всем покажет, защитит нас и устроит настоящий праздник...» и т.д. Если кто примет Бога в немощи, никогда не будет смотреть на завтрашний день, когда Бог сделает что-нибудь ещё. Уже сегодня Бог что-то сделал, сегодня мы общаемся, и сегодня Он с нами. А что будет завтра? Собственно, мы уже завтра, завтра уже началось. Что будет восьмого числа – это неважно. Что нам будет за то, что мы сегодня здесь? Неважно. В этом суть Рождества. Суть Рождества в том, что это есть финальная встреча с Богом.

Но люди, они же такие заковыристые! Они каждый финал сделают полуфиналом. И даже когда Христос воскресает, Его спрашивают: «Ну что, пойдём теперь устраивать Царство Израиля или нет?» Когда Он ходит по водам, говорят – теперь и нас надо этому научить. «Господи, повели мне идти по водам». То есть каждый раз ставят следующую цель. Каждый раз мы хотим сказать: «Нет, давай не это, другое». Это как ребёнок в детском магазине, которому даёшь игрушку, а он говорит: «Не эту, вон ту». Даёшь ту, а он: «Нет, другую». На самом деле он просто голодный, и ему бесполезно игрушки давать. Так и человек, поклоняясь Богу, каждый раз откладывает торжество, говорит: вот Рождество – хорошо, а Воскресение – ещё лучше! И Пятидесятница – это так замечательно, ведь Дух Святой сходит для того, чтобы мы покорили все народы! А вот когда все народы покорим, объевангелизируем, вот тогда всё станет совсем прекрасно... Наше стремление перешагнуть событие делает его для нас не воспринятым, как бы непонятым.

Если сосредоточиться на том, что есть, то другого нам и не надо будет. И продолжая сейчас богослужение, мы говорим: это моя молитва, я вот так молюсь, другой молитвы у меня нет и не будет. А вот мои ноги, мои руки, глаза. Это есть. И всё. Это финал. Это ситуация финального принятия чего-либо. Не «для того чтобы», а вот просто это есть сейчас. И тогда нам приоткроется немного эта идея – идея того, что можно зайти в рождественский вертеп и кроме коров и других добрых животных увидеть Бога, взять Его на руки и обнять.

Многие сегодня приложились к иконе избиваемых младенцев, и тех, кто избивал младенцев. Эта икона похожа на одесский «Привоз», там много всего намешано, и поэтому точно приложиться умеют только мастера типа меня. Сегодня я увидел Его там спелёнутого, думаю: это Он!

И прямо приложился. Смотрю, многие мимо. Но намерение-то Бог приветствует. Не важно, что мы делаем, не важно, как у нас получилось приложиться и прожить эту жизнь. Но намерение-то было как раз обнять Младенца. И оно финальное. Оно уже само по себе существует. Правда ведь? Независимо от того, что нам удалось, а что нет.

8.

Тепло и движение

09.01.2022

После Рождества, Мф. 2:13–23

Вот мы читаем в Евангелии, как Святое семейство спасается, как разгневанный на волхвов Ирод приказывает избить вифлеемских младенцев, как подключаются небеса, т.е. ангел Божий участвует во всём этом броуновском движении – является Иосифу и говорит, куда идти...

Почти двести лет назад Роберт Броун открыл в жидкости и газе хаотическое (как он думал) движение микро-частиц, связанное с тепловым движением молекул и атомов этого вещества. Но если бы спросить какую-нибудь микрочастицу, которая крутится по некой замысловатой траектории, то окажется, что она точно знает, куда направляется, потому что на неё каким-то образом подействовали другие тепловые подвижные частицы вещества.

Так и здесь, всё вращается вокруг того тепла, которое даёт Бог. Ирод гоняется за младенцами, ангелы уводят Иосифа с Марией и Младенцем в Египет, потом обратно, потом Архелай царствует вместо Ирода, а Святое семейство поселяется в Назарете, который, оказывается, неизвестен никому, кроме евангелиста и т.д. Со стороны всё это движение похоже на броуновское. Ведь оно тоже порождено теплотой. И поиск этой самой теплоты начинается не с того, что человеку холодно, а с того, что холодно и неудобно Богу. И в Своё Рождество Он находит

эту теплоту не в человеческих домах и апартаментах, а в хлеву, рядом с животными. И мы также очень часто ищем эту теплоту в нашей духовной и душевной жизни, и находим её то у Бога, то у людей, а то у животных.

Как-то несколько лет я кормил одну бродячую собаку, а вот недавно приехали какие-то шариковы и расстреляли её. Вместе с другими собаками во дворе. И вот какая-то частица тепловая из этой жизни уходит. И мы, как твёрдые частицы, уже двигаемся меньше, потому что чувствуем утрату и недостаток тепла.

Глядя на это Евангелие, мы замечаем какое оно суетное, шумное. Тот пошёл туда, этот – туда... А ведь всем им нужно не это, а что-то другое. Где-то в глубине души они ищут покой, ищут тепло. Ищут некоторое приятное столкновение. И если посмотреть внутрь броуновского движения, то каждая частица – она очень обоснованно и осмысленно движется. Если спросить, куда или зачем она вращается, эта частица бы объяснила – да вот зачем, да вот почему, да вот куда. Ну а в целом это, конечно, суета сует, связанная как-то с Богом. То, чему учат нас построждественские события, это то, что даже эпицентр доброты и лучей добра, само рождение Бога, окружает суета сует. Суета сует, порождённая Богом. Как тепло порождает броуновское движение.

И в этом движении надо всегда помнить о том, что хоть мы и движемся из точки А в точку В и дальше, но во всём этом движении самое главное – это тепло, которое мы ощутили каким-то боком и как-то к нему стремимся. Если мы уже давно забыли, что мы ищем тепло, мы начинаем искать справедливость, правильность, последовательность, ну и кто во что горазд. А ищем-то мы тепло, так как задеты мы теплотой Бога.

Поэтому, начав с хлева, где в яслях среди животного тепла лежит Младенец, мы так вот и должны оставаться

в рождественском контексте. Мы будем там, где теплее, даже если это общение с животными. И если это общение кто-то назовёт душевным, а не духовным – что ж, так ведь теплее, так ведь лучше. Не думаю, что тогда общение у Христа с осликами и коровками было очень духовным. Но оно было тёплым, оно было принятым. Было то, что принимает нас, и то, что от Бога принимаем мы.

9.

Христос без детства

12.01.2020

На Отдание Рождества, Мф. 2:13–23

Отдание праздника Рождества Христова – своего рода день прощания с детством. Очень и очень рано Христос потерял своё детское измерение. Уже завтра мы будем читать зачало, где Младенец Христос, едва родившийся, уже воспринят как взрослый. И в этом Его трагедия. Приходят волхвы и со всею взрослостью поклоняются Младенцу. Ирод воспринимает Его как взрослого царя и борется с Ним. В этой борьбе гибнут вифлеемские дети, а Сам Он вместе с родителями убегает в Египет.

Но не только гонители христиан отказывают Христу в детстве, но и сами христиане. Например, отсутствие детства у Иисуса для евангелистов – в порядке вещей. Есть апокриф про приключения святого семейства в Египте, где египетские идолы падают от того, что к ним приближается Богомладенец. Это уже действие взрослого Бога, скорее ветхозаветного, сумасбродного. Наконец, возвращение Его в Назарет обозначено как очень важное, стратегическое. И таким образом, у воплощённого Бога нет детства. Мы Его развоплотили. Он перестал быть маленьким. Мы всё ещё исповедуем воплощение, боясь его отрицать, но всей душой отрицаем его. Для нас Он уже взрослый, Он – Царь и Владыка мира. И Ему подобает всё взрослое.

А между тем, Христос – Младенец, и неслучайно вся рождественская атрибутика – детская. И ёлка нарядная, и пряники, и гирлянды, и подарки – всё это детские мотивы. И всё это вроде как понарошку, как некий игровой компонент. Это всё, на что мы способны. Мы не способны принять Бога в Его детстве, но способны создать для Него детский садик. Он длится одну неделю, а потом приходит взрослое богословие, где: «воплощается», «подлинно», «две природы», «одна ипостась» и т.д. Всё это очень сурово и неинтересно. Взрослая жизнь с её перипетиями, интригами, воцарениями, избавлениями... Так редактировал Матфей своё Евангелие, что когда надо было пояснить, а зачем собственно рождается Христос, то он говорит: «И избавит их от множества...» Чего? Да ничего. Вот ничего и всё. Знаете, старая надежда сломалась не тогда, когда не сбылось какое-то желание, а когда потерялась возможность что-то загадывать. Христос родился! И что? В этом – конец Ветхого Завета. Евангелист Матфей пишет: «И избавит их от грехов их». И что, избавил? Конечно, нет. До сих пор Израиль грешит на широкую ногу. Как и Египет, и Греция, и Япония и прочие. Никто не избавлен от греха, ни одна страна.

Попытка представить рождение Христа как что-то целесообразное, имеющее какую-то конечную цель, которую Он поставил, чтобы в конце её выполнить, – эта система не срабатывает. А срабатывает материнское чувство, когда в семье нас стало больше. Бог теперь здесь с нами. Он с нами в нашей немощи, в нашей жизни с её жареной рыбкой, с её надеждами, спорами, какими-то волнениями. Он пытается поднять маленьких, страдающих от того, что их побеждают большие. Он говорит женщине, которая Его оплакивает, что она сделала самое большое дело, когда возлила на Него миро. А сотнику, который пришёл к Нему как к шаману без бубна, – что он

великую веру проявил. И так далее. Христос пытается сказать нам, как детям в детском саду: не обижайте друг друга. Тот, кому не досталось лопатки, ничем не хуже того, у кого две лопатки или три. Только через призму детского попечения можно рассмотреть Христа. Он родился в этом детском саду, в котором дети обижают друг друга, искренно веря, что обладание пасочками, игрушками делает их лучше. Но это делает их только агрессивнее.

Поэтому Христос помогает бедным. Не потому что Он был так глуп, чтобы думать, что бедные лучше богатых. Бедные ничем не лучше и не хуже богатых – это показывают все революции. Христос это понимал, поэтому Он заведомо поднимал тех, кто просто согнулись, и говорил: «Придите ко Мне, все труждающиеся».

Итак, сегодня день Отдания Рождества. Мы не можем влезть в те ясли, в которых родился Христос; мы всё спешим подтянуть Его под нашу взрослость. Но давайте эти дни будем проводить в безопасности младенца, который хочет тепла, участливости, и ничего не хочет больше обсуждать. Евангелист Лука заставил Его уже в двенадцать лет дискутировать с фарисеями. Я бы это послушал. Мы, взрослые, до сих пор их переспорить не можем, а в двенадцать лет тем паче. Можно выявить внутренние противоречия в Талмуде, но Талмуд на то и Талмуд, что он сам выявляет противоречия.

Поживём это время по-детски беспечно. Сам Бог нам велел отложить всякого рода взрослые мысли и побыть в свете этой нарядной ёлки. Завтра у нас сладкий стол, каждый что-нибудь принесёт для угощения. Может быть, и Дед Мороз придёт, а может, и нет. Они же у нас такие, Деда Морозы.

Духовное обрезание

14.01.2018

*На Отдание Рождества, перед Обрезанием,**Мф.2:13–23*

Мы «отдаём» сегодня праздник Рождества Христова, и как бы уходим от него. Наступает другой праздник – праздник Обрезания – более непонятный нам. По звучанию кажется, что обрезание в чём-то ущемляет нас, что-то отнимает. На самом деле, обрезание означало некоторую принадлежность Богу, а значит, наоборот, оно что-то добавляет. Ребёнок – не просто биологическая масса, от родителей происходящая. Ребёнок теперь, когда он обрезывался на восьмой день, каким-то образом относился к Богу, был посвящён Богу.

Рождество Христово соединило земное и небесное, и теперь всё, что делает на земле человек, соотносится с Богом. Теперь Бога не надо искать где-то «на небесах», не надо взбираться на гору Синай, не нужно каким-то образом высчитывать Его по звёздам. Он здесь. Он рядом. К Нему можно прикоснуться. Ему можно подать воды. Он совсем близко. Бог есть тот, кого мы принимаем, кого кормим, кого одеваем... Кого мы принимаем, тот принимается нами как Бог. Это Он в темнице, это Он голоден, это Он наг...

И я думаю, что Рождество Христово даёт нам смысл этого поворота к Богу. Христово Рождество даёт нашему сердцу основание делать разницу между переживаниями, потому что все наши переживания – это биохимические реакции. Кто-то расстраивается, кто-то радуется, кто-то хихикает, кто-то скорбит или за что-то борется, или спит. Всё это не имело бы смысла, если бы не было Христа, Который тоже имел сердце, Который тоже переживал, Который каким-то образом вобрал в Себя все человеческие опыты.

И теперь наши переживания и проживание этой жизни имеют под собою основание – это Сам Господь Бог, Который тоже человек.

Если бы Бог был просто Богом и не был бы человеком, то Он должен был нас воспринимать помимо наших переживаний, т.е. из какой-то глубины и отстранённости, где неважно, плачем мы или смеёмся. Но с тех пор, как Бог стал человеком, для Него важно, что мы делаем, что именно мы переживаем. Для Него важна всякая интонация нашей души. Поэтому наше духовное переживание, наше некоторое соучастие с Богом имеет смысл, даже если оно проходит на уровне эмоций. Эти эмоции тоже приняты Богом, они обожены, они восприняты.

Для ветхозаветного Бога главное, чтобы юнитов³ было побольше, а каким образом эти человечки там плодятся и размножаются, больше их или меньше – неважно. Поэтому Он легко может потопить или сжечь всех людей. В новозаветной ситуации даже проклясть тех, кто распинает Тебя, не получается, потому что они этим служат Богу. Священное служение нельзя прервать. Если человек думает, что он этим служит Богу, то Христос не может прервать этого Распятия, потому что Он ценит даже это состояние духа, которое не чуждо для Него, потому что Он – человек.

Итак, Рождество Христово связано с Обрезанием Христовым тем, что Рождество полагает фундамент, а Обрезание есть некоторая метка на сердце. Апостол Павел, как вы слышали, говорит о духовном обрезании, а в другом месте – об обрезании сердца. То есть наше сердце помечено Богом, его переживания Ему важны, Он к ним относится благоговейно. И мы верим, конечно же,

³ В компьютерных играх «юнит» (от англ. unit) – игровая единица, которую игрок может контролировать.

что наше сердце Бог как-то отметил. Есть люди, которых Бог не пометил, они просто живут и радуются этому миру или переживают об этом мире. Но нас Бог зацепил и развернул к себе, и мы повернулись к Нему. Это и есть обрезание сердца – духовное обрезание, т.е. некоторое внимание к Богу.

11.

Увидеть спасение

16.02.2014

После Сретения, Лк.2:22–40

Попразднство Сретения Господня – это дни, когда Сретение уже произошло, но всё ещё в памяти. Для христиан здесь интересный момент. Традиционно считается, что после того как Симеон Богоприимец подержал Младенца Христа на руках, изрёк светлые пророческие слова о том, что он увидел «свет во откровение языков, и славу людей своих Израиля», и сказал «ныне отпускаеши раба Твоего», его путь на этом обрывается, и он должен умереть, потому что он как бы больше не нужен. Но тут есть недоразумение. Ведь не умер же он в этот же час. Прожил же он сколько-то дней после Сретения. Я думаю, что сегодняшние дни попразднства – это как раз дни, когда Симеон уже вышел из храма, уже не держит на руках Богомладенца, но ещё жив. А чем он живёт? Может быть, он живёт мыслью о том, что он спасён? Нет. Он вовсе не о себе радовался. И вообще, идеи какого-то вечного спасения, вечной жизни он, конечно же, не знал. Скорее всего, этот человек жил тем, что видел свой народ спасённым. То есть, он жил тем, чего на самом деле не было. Но этого он ещё не знал. Он думал, что встретил спасение народа Израиля, как и сказано в Ветхом Завете. Апостол Павел в Послании к Римлянам это обыгрывает так: весь Израиль спасётся, но не весь Израиль – Израиль. Только этих вывертов

Симеон ещё не знал. Для него израильский народ – это именно народ Израиля, среди которого он жил, состарился и даже прославился как почтенный благочестивый человек, чающий утешения Израиля.

И вот эти глаза Симеона Богоприимца, смотрящие на каждого встречного израильтянина, мысленно поздравляющие его с этим спасением, эти глаза уже давно утрачены. Христианам, о которых мы читали сегодня в Евангелии, вскоре будет сказано: «идите, проповедуйте всей твари», и тут же приписка: «кто будет веровать и креститься, спасён будет; а кто не будет веровать, осуждён будет». Большая часть Израиля вдруг оказалась осуждённой. Это неожиданность и для самих израильтян, и для апостолов, и для Симеона. Это то, что он не предполагал.

И вот, если хотя бы в эти дни попразднства, ради праведного Симеона, ради его святой души, мы будем смотреть на людей как на спасённых, как на людей, которых мы знаем, с чем поздравить, а они не знают, с чем себя поздравить, то это и будет праздничное мировосприятие. И, может быть, Бог тогда скажет о нас, что мы дети Сретения – праздника, когда из храма выходят те, кто убеждены, что окружающие их будут спасены. Этого убеждения нам хронически недостаёт. Ведь мы-то уверены, что, наоборот, мало кто спасётся. Вот почему после светлого праздника Сретения Господня мы быстренько «хороним» Симеона Богоприимца и даже не спрашиваем, куда он делся, он не нужен нам, он слишком светлый для нас. Он думал и говорил, что все народы увидят свет и славу Израиля, израильского народа, который научит весь мир, как нужно веровать, поклоняться и радоваться Богу.

Я думаю, что это чувство, порождённое обстоятельством, которое должно было наступить, делает этот праздник похожим на Пасху, когда мы тоже говорим:

«никтоже да изыдет алчай, никтоже да убоится смерти, свободи бо нас Спасова смерть» и т.д. То есть мы говорим о том, что Пасха относится ко всем, а не только к нам, к таким хорошим. И праздник Сретения тоже относится ко всем, а не только к нам. По крайней мере, в этом надежда наша. И тогда люди, которые нас окружают, которые, может быть, и не знают или не осознают до конца, Кого Симеон встретил в храме, Кого он держал на руках, эти люди хотя бы должны встретиться с глазами, которые их с этим мысленно поздравляют.

12.

Препятствие между Богом и человеком 19.01.2014
На Богоявление, Мф.3:13–17

Крещению Господню предшествовала проповедь Предтечи, о котором и рассказывает сегодня Евангелие. Иоанн обличал и призывал к покаянию. Он обличал не каких-то внешних, необрезанных или прозелитов. Он призывал к покаянию самых «православных», самых правоверных, тех, которые привыкли считать себя детьми Авраама. На это Он говорил им: «Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму», «порождения ехиднины» и т.д. То есть самый жёсткий призыв к покаянию обращён к человеку, который уже давно во всём покался, у которого уже всё хорошо. Неслучайно евангелист Лука замечает в 7-й главе, что люди приходили, каялись и крестились у Иоанна, а фарисеи и книжники отвергли о себе волю Божию и не крестились от него. Конечно! Они были грамотные, всё знающие, а это иногда мешает.

И вот отверзлись небеса, и был голос: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, Его слушайте». Знаете, как в компьютерной игре: стоит человечек, а над ним надпись, кто это такой, и всё становится ясно. Если бы над каждым из нас

были надписи «этот грешник», «этот праведник», враг подсвечивался бы красным, а друг – зелёным, тогда всё было бы хорошо. Но в Евангелии не всё так просто. У Марка и Матфея мы читаем некую сказку, но у евангелиста Иоанна уже сложнее. Он пишет, что всё слышал и видел только Иоанн Креститель, больше никто не слышал. Ну вот, а мы только приготовились к тому, что Бог наречёт каждому своё подлинное имя: сей есть Сын мой возлюбленный, а эти фарисеи – лицемеры и т.д. Но всё в этом мире так перемешано, что и не поймёшь, где тут Сын Божий, а где бродяга с большой дороги.

Для чего Христос пришёл креститься к Иоанну на Иордан? Он пришёл для того, чтобы погрузиться в нас, в это наше море страстей. Как говорит апостол Павел, Христос стал «грехом за нас». Вода Иордана становилась водой очищения, где все люди смывали свои грехи. И вот в эту пучину смытых, недомытых, очищенных и недоочищенных грехов Христос погружается по собственной воле.

Благочестивые христиане, составляющие разные апокрифы, хотели бы оградить Его от этого. Ведь у Него, такого особенного, безболезненно родившегося, с детства чудотворящего направо и налево, что может быть общего с этой людской скверной? Из благих побуждений Его – Бога, ставшего человеком, – пытались изъять из этой греховной среды. Но Он Сам идёт туда, погружается и становится частью самого бурного человеческого борения – борения за свою чистоту и праведность. И самое главное не в том, что, как пишет святитель Василий Великий, Он освящает водное естество Своим погружением. Не в этом дело. Иисус погрузился и освятил водное естество не для того, чтобы после того, как Он вышел оттуда, куча православных туда кинулись, как тараканы набрасываются на что-то съедобное. Дело в том, что мы это делаем вместе с Ним. Это очень важно. Он погружается в воду, значит,

и мы погружаемся. В этом есть некая синхронность, синергия, единодушие, единодвижение, в котором и познаётся Христос Бог.

Сегодня в Евангелии можно услышать слова: «Ты ли приходишь ко мне?» Это заметил и сказал Иоанн. Очень часто мы говорим о нашем длинном и трудном пути к Богу. Мы в Рождественском посту можем зарядить проповедь на тему того, что мы сорок дней идём к Нему как волхвы. А на самом деле, мы часто не замечаем, что ещё более тернистый путь у Бога к человеку. Ведь иногда даже праведность человеческая, как у Иоанна Крестителя, мешает Богу пройти к человеку. Иоанн Креститель удерживает Его и говорит: «Не пройдёшь! Я вижу, кто Ты. Ты самый праведный на свете, Ты не должен креститься».

Что делает Христос, приходя к человеку? Он не даёт ему ответов на те жизненные вопросы, которые его интересуют.

Иоанн спрашивает: «Ты ли приходишь ко мне? Мне надобно креститься от Тебя». Иисус же говорит: «Оставь теперь». Говоря подробнее, Он бы сказал: оставь книжникам перелистывать их книги, Я не буду тебе объяснять, что Я – Вторая Ипостась Святой Троицы, и что Мне по домостроительству необходимо принять крещение, хоть Я и безгрешен, и т.д. Всё это потом напишут эллины, когда подумают, что они самые православные в мире. Они всем всё объяснят так, что потом никто читать не захочет.

И до сих пор никто не знает, почему Христос пошёл креститься. Но сказав всё это, Он вышел из воды, как говорит евангелист, и только тогда над Ним отверзлись небеса. Они разошлись, как некая завеса, как последнее препятствие между Богом и человеком. Оказывается, и небо может быть препятствием.

У простого народа было представление, что Бог живёт на небе – там, где чисто и светло, а мы живём здесь,

барахтаемся в мутном Иордане, в лучшем случае, а в худшем – вообще ходим в грязи и пыли. И вот Христос показывает, что небо отверзлось, и говорит, что Он находится совсем среди нас, в самой гуще, в самом бурлении нашей духовной жизни. В этот праздник Он находится между каплями, в каплях, среди нас и в нас.

13.

Несостоявшееся в человеке

19.01.2020

На Богоявление, Мф.3:13–17

Если мы прислушаемся к молитвословиям, которые сегодня звучали, то Иоанн Креститель, возражая Христу, говорит: «Здесь через погружение в воды Иордана люди очищаются, им прощаются грехи. Зачем Ты пришёл сюда?» Он недоумевает. И максимум, что мы смогли придумать – перевернуть «теорию», т.е. это Христос входит в Иордан, и Сам освящает воду. Так или иначе, Иоанн Креститель всё равно получается прав. Не важно, то ли Христос освящает воды, то ли воды освящают Христа. Важно то, что в этом ветхозаветном Иоанновом мире есть некоторая тёмная стихия и есть светлая стихия, и они перетекают, сталкиваются, якобы борются друг с другом, но на самом деле они просто друг друга взаимно дополняют. И это бессмысленно.

Смысл может быть только в том, что Христос пришёл побыть с людьми, погрузиться в их жизнь, погрузиться в самое нутро человеческой несозданности. Ведь что такое вода? Вода в древних архетипических сказаниях, мифах – это некоторая первообразная стихия. Неслучайно даже в Библии сказано, что в начале сотворил Бог небо и землю, и разделил воды, которые над землёй и под землёй. То есть вода есть некоторое первообразное состояние материи и жизни. И человек в основном состоит из воды,

а также из чего-то несозданного, из нереализованных своих возможностей. В основном, мы занимаемся тем, что бегаем за «морковкой»: кто-то догоняет и умирает, кто-то не догоняет и умирает, но, в принципе, как говорят читатели всяких диссертаций, половина всего этого – вода. То есть это то, без чего наша жизнь не стала бы беднее. Если законспектировать человеческую жизнь, исключая из неё моменты, где человек был устремлён к добыче мамонта и к его поеданию, то останется очень мало. А всё остальное – вода, нечто ещё несозданное в нас, нечто, что Бог видит, а мы не видим.

Поэтому Иоанн Креститель недоумевает: «Зачем? Не нужно этого». А Господь ему говорит, что он просто не видит, из чего он сам состоит. В самом Иоанне ничего ещё не состоялось, потому что в нём мир состоит из чёрного и белого, из плохих и хороших, из «порождений ехиднинных» и каких-то нормальных евреев, из тех, кого сожгут как солому, и из тех, кого погладят по голове. Всё это – ещё не преображённый мир.

Преображённый мир – это когда мы не удивимся, что вода нетленна. Простая вода, которую мы купили в магазине и освятили, стала святой потому, что Бог с нами – в повседневности, а не где-то далеко. Он с нами не для того, чтобы нас делать лучше, а для того, чтобы быть с нами. Если бы Христос пришёл нас сделать лучше, Он бы стал посреди Иордана, обличил бы Иоанна Крестителя и всех, кто приходили к нему, и научил бы их жить и т.д. Но Он этого не делал. Он покрестился и ушёл. Он просто хотел побыть с ними и уйти.

Иоанн как бы говорит Ему: «Мы здесь грешников принимаем. А Ты зачем пришёл?» Христос хочет войти, но Ему там нет места. И не только в этом сюжете. Христу нет места вообще нигде. Поэтому Он вливается в нашу жизнь, как эта вода. И, конечно же, мы не можем Его исчерпать,

мы не можем набрать Его в бутылку и закрыть как джинна. Он невместим.

Этот праздник, эта святая вода – Его дар, как лучи, посылаемые на нас. И дай Бог, чтобы мы умели видеть и в дождике благодать Божию, и в снеге, и в морозе, и в нашей жизни. Чтобы мы нашу нереализованность, нашу воду, которая внутри нас, стихийную такую, бурлящую и, в общем-то, никчемную, могли бы реализовать, опознавая Бога во всяком акте, во всяком деле, во всяком слове. И тогда выпиваемая нами вода будет служить не только к исцелению наших кишок, сухожилий и всего остального, но и к оздоровлению души, потому что Бог нуждается быть рядом с нашей душой, а не только рядом с нашим здоровым телом. Он хочет, чтобы мы приняли Его совершенно. Это Его давняя мечта, она всё никак не может осуществиться. Бог такой мечтатель! Он всё ещё думает проникнуть к нам, стать посреди и сказать: «Где двое или трое, где двадцать или тридцать (переводя на наши коэффициенты), там Я посреди вас». И я думаю, иногда это у нас получается, иногда у нас с Богом это получается. И, наверное, сегодня получилось.

14.

Смена божественного мышления

27.01.2019

На Отдание Богоявления, Мф.4:12–17

Когда мы отдаём праздник Богоявления, мы с ним как бы прощаемся, выходим из иорданской купели и задаёмся вопросом: что это было для нас и что это было для Христа? Мы чувствуем эту разницу и понимаем, что для Христа прийти на Иордан означало заявить о решимости к чему-то новому. Люди, погружавшиеся в воды Иордана, хотели покончить со своими грехами, заявить о кардинальной перемене в своей жизни. Они словно бы рождаются заново,

омывают всю свою «прошлость», оставляют всё, что было. И для Христа это тоже был переломный момент. Некоторые ищут в Нём грехи. Но при чём здесь грехи? Просто человек начинает новый этап в жизни. Теперь Он будет вести себя иначе, теперь Он будет по-другому Себя позиционировать. До того Он был неизвестным сыном плотника, а теперь Он будет другим. Поэтому Он приходит на Иордан.

Было бы прекрасно вспомнить эту традицию. Представьте, если бы на Крещение окроплялись святой водой только те, кто выходил бы посреди и говорил: вот с этого дня я начинаю жить по-новому, я буду в чём-то другим, я начинаю что-то важное для себя. И глас бы был: «молодец, хорошо делаешь». А сейчас что? Окропляем всех подряд, кто начинает, кто не начинает, и меняем пустую тару на полную. А что нам ещё менять? Мы и так хорошие.

Иоанн Креститель, в отличие от Христа, был строг и к своим слушателям, и к себе – плохо питался, плохо одевался, других стращал, что они не так всё делают, и поэтому угрожал: вот-вот придёт Тот, кто сожжёт вас, как ненужную солому. Было бы интересно спросить у него, зачем нужны те, которые крестятся, если те, кто не крестятся, не нужны? Если какую-то часть соломы омочить, что может сделать солома? Да ничего толком не сделает. Поэтому сжигать пришлось бы уже всех.

Христос воспринимает реальность несколько иначе. Он крестится, начинает новый этап, но от других этого не требует. Если же они хотят начинать, Он им показывает, что это невозможно. Например, некий юноша спросил у Иисуса: «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» Тот ему говорит: «Заповеди соблюдай». – «А если соблюл?» – «Тогда раздай всё имение и иди за Мной». Тот не раздал и не пошёл.

Быть со Христом без радикализма – означает знать, что Он Бог, но не требовать, чтобы Он что-то делал по этому поводу. Если бы вы сидели рядом с президентом, небось квартиру бы уже на пятой минуте попросили, а машину – на шестой. А можно ничего не делать в связи с тем, что Он – Бог? Без какого-либо радикализма или фанатизма можно просто посидеть с Ним и чаю попить? «Нельзя!» Потому мы и не христиане. А христианами станем, когда избавимся от этого «нельзя». Когда мы поймём, что если Ты – Сын Божий, ну и хорошо. Пока ученики надеялись на то, что Христос наведёт порядок в Израиле, улучшит их статус, или спасёт Себя и других – всё проваливалось. Как только была принята идея, что они во имя Его должны принимать других, просто и без лицедейства, тогда и наступило христианство.

И Крещение – это момент, когда Христос выходит из воды, и теперь Он на нас будет смотреть по-новому, теперь Он прерывает ветхозаветную риторику «будьте строги к себе, и за это вы сможете быть строгими с другими». Это неверная риторика, это человеконенавистническая риторика. Христос преломляет всё это, Он погружает всё это в воды Иордана и смывает. Выходит Христос, который ничего людям не говорит, и идёт в пустыню. Он ничего от них не требует, Он готовит им речь о том, что блаженны нищие духом, блаженны плачущие, блаженны кроткие. В общем, Он их любит. Он – не Иоанн Креститель, Он – его противоположность. Поэтому, если бы диалог Христа и Иоанна Крестителя продлился немного дольше, если бы Иоанн понял, Кого крестит, он бы Его, конечно, не крестил, потому что Христос приготавливал совершенную противоположность тому, что он ждал. И поэтому позже, когда Иоанн уже сидел в темнице, он искренне и честно спрашивал Христа: «Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?»

Вот что стоит помнить и отмечать в этот праздник. А «освятил воды» – ну что это? Освятил, не освятил – какая разница? Встречая и провожая Богоявление, мы должны, знаете, бросать на него взгляд как на большую гору, которая видна издалика. И это действительно величайшее событие в истории человечества. Тотальная смена божественного мышления. Теперь Бог мыслит иначе, Он крестился, Он покаялся. И вот это стоило бы отметить. И в следующем году, когда придёт Крещение, мы это отметим, ведь мы, как Земля вокруг Солнца, вращаемся вокруг Бога.

15.

По мокрым следам Христа

26.01.2020

На Отдание Богоявления, Мф.4:12–17

Куда идёт Христос после Крещения? Куда мы по Его мокрым следам можем пойти? Только в пустыню. Если бы мы праздновали цикл праздников, как библейскую историю, то сейчас мы находились бы на пороге Великого поста – не пасхального, а другого поста – поста начала служения. И вообще наш годичный цикл должен был бы быть не годичным, а трёхгодичным, потому что Христос три с половиной года проповедовал, и мы должны были бы праздновать Пасху раз в три года. Каждый цикл начинать с Рождества, затем – Обрезание, затем – праздник двенадцатилетнего Иисуса, который потерялся и в храме беседовал с учителями – Праздник мудрости. Потом – праздник Иоанна Крестителя как Его предшественника, потом – праздник Крещения. Потом – пост начала служения. Потом – после поста – большой праздник первого чуда в Кане Галилейской, и на этот праздник наверняка все бы пили вино – сначала плохое, а потом хорошее, «когда напьются». Это был бы хороший праздник. Потом

были бы другие праздники: Первой проповеди, Нагорной проповеди, когда православные христиане (или хотя бы миссионеры) просто выходили бы на улицу проповедовать. И так за три года мы проследили бы за Христом, прошли вместе с Ним, постепенно отпраздновав Его жизнь.

Но Христа «навернуло» на языческое колесо аграрной смены времён года. Наши древние предки жили годовым циклом, потому что природа проходит свой полный круг за один год: зима, весна, лето, осень, и опять зима, весна, лето, осень... Это было связано с деяниями различных божеств. И Христа туда же – в один год всё скомпоновали, потому что гораздо важнее уложиться в один год, нежели следовать библейской истории.

Поэтому мы последуем дальше, куда нас ведут евангельские зачала. Например, если читать Евангелие по Матфею, то после рассказа о Крещении у него идёт рассказ об искушении, а потом сразу – Нагорная проповедь. И её мы будем читать уже завтра, и первые её фразы очень важны – это некоторое программное большое заявление.

Так что мы отдаём наш праздник без каких-либо сожалений, потому что Господь всегда зовёт нас дальше. Не только в Крещении Он бесконечно окунается и выныривает. Мы идём дальше, и Он тоже там: где-то проповедует, где-то исцеляет, где-то спорит с кем-то. Куда бы мы ни пошли, в какую бы область жизни, везде мы увидим Христа, Который там уже есть, к Которому нужно просто присоединиться и делать вместе с Ним то, что Он делает. Цикличность праздников – это наше наследие, и слава Богу! Иначе, может, мы бы и не вспомнили, что там за чем следовало.

Сегодня День всех святых – святых, которых Господь Бог собирал, как квочка собирает птенцов под крылья свои. И тех, кто искал Бога и хотел Его видеть, и тех, кто не искал и не хотел Его видеть... Бог собирает всех святых: суеверных и верных, толстых и худых, кротких и наглых, здоровых и больных, – всех святых собирает Господь, чтобы люди могли порадоваться, каждый той радостью, которую он для себя придумал, которую он может воспринять. И, конечно же, с точки зрения Бога День всех святых – это каждый день.

Для нас День всех святых – это день, когда мы воспринимаем святость другого. Потому что деление на святых и не святых – это человеческое деление. И хорошо, что мы видим святых. И в День всех святых мы должны стараться о том, чтобы увидеть больше святых – в тех, которые ещё живы, и в тех, которые уже ушли от нас. Если очи наши будут здоровы, если признаки святости будут у нас самих, то мы будем видеть больше святых, мы будем видеть больше в них Божиего тепла, которое Он вложил, когда создавал их, когда их придумывал. И тогда мы действительно сможем выйти из этого круга, где святой не должен осознавать, что он святой, не должен признаваться себе в том, что он свят, и что должно служить признаком нашей святости. Но ведь если мы это осознали, то мы не можем признать себя святыми, а если мы не можем – это и есть признак святости... ну и т.д.

Чтобы выбраться из этого круга, надо понять, что когда мы говорим «святость», речь идёт не о нашей святости, а о святости того, кого мы видим. Если мы видим святость – мы святые; не видим святость – мы не святые.

Это и есть принцип, который Бог желает прозреть в нас, и Бог Сам так смотрит на людей. Даже в распинающих Его Он видел: они не знают, что делают, они просто что-то перепутали (как будто включили не ту кнопку) – бывает!

Это также о тех, о которых Он сказал в 23-й главе Евангелия от Матфея: «Иерусалим, Иерусалим..! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» Что значит «не захотели»? Опять напутали что-то. Они захотели, но как-то это выглядело, словно бы не захотели, или они просто не того хотели. Так это обычно и бывает с нами, святыми: всё чего-то хотим, но вечно чего-то не того.

День всех святых – это день, когда мы понимаем это обстоятельство: хотение наше бывает искренним, но ошибочным, и стремление наше исправить или спасти кого-то тоже бывает ошибочным. Иногда говорят: «Да какой же он святой? Он то-то и то-то говорил, то-то и то-то делал». А, может, он спасал так молодость свою (да, бывает, человек в пятьдесят лет начинает спасать свою молодость), а другой, наоборот, изображает из себя старца в молодые годы и тоже спасает свою репутацию, хочет куда-то деть свой интеллект и т.д. Поэтому, если мы с вами дети Божии, если мы призваны любить друг друга, то День всех святых – это день, когда мы видим всех святыми!

17.

Ускользающее Евангелие

и День всех любящих

19.06.2022

В Неделю Всех святых, Мф.10:32–38, 19:27–30

Сегодняшнее зачало – это Евангелие Дня всех святых. И, конечно, это не лучшее евангельское зачало, потому что оно говорит о том, что если вы возлюбите Христа, то

и Он вас возлюбит, и если вы исполните заповеди, то вам будет хорошо, и те, кто пошли за Христом, те воссядут на двенадцати престолах.

«Ты – мне, я – тебе» – не самый лучший принцип, который мы знаем в жизни. Но наши предки были достаточно примитивны. Они считали, что если мы с Богом общаемся по какому-либо принципу, то он сразу становится божественным. Скажем, отношения с продавцом, когда мы ему что-то отдаём, а он в ответ даёт нам что-то нужное, – это обычные отношения. Но когда то же самое переносится на Бога, считается, что это уже божественные отношения. Раньше так мыслили. Люди были простые и не заморачивались ни о чём.

Но, слава Богу, мы не очень-то в это верим, потому что православные как-то интуитивно оградили себя от этого слишком грубого Евангелия. Поэтому они сказали: «Это сказано последовавшим за Христом святым апостолам, и они, конечно, воссядут на двенадцати престолах, а мы – грешные, т.е. к нам это не относится». Получается, я зря только что это читал. Другие православные говорят: «Да, Он это говорил, но это не репортаж из будущего. Мы же понимаем, что апостолы что-то спрашивали, и Христос им что-то отвечал. Мы слышали диалог. И тогда это, действительно, им важно было сказать. А так ли всё будет?..» Это тоже делает это Евангелие ускользающим.

В любом случае блаженны апостолы, потому что они сначала последовали за Христом, а потом узнали, что им за это будет. А у нас, получается, всё наоборот. И это обесценивает наше шествие за Христом, потому что мы сначала узнали, что почём здесь, а потом говорим: «По курсу один к ста обмениваем земли, дома, сестёр, жён, детей...» И мы пошли. Чего ж не пойти! И хорошо, что мы оградились от этого, и мало в это верим, иначе это вообще ничего бы не стоило.

День всех святых – это день тех людей, на которых сошёл Дух Святой. Эти люди зачастую во дни своей жизни не считались святыми. Ну, кто считал апостолов святыми? В тот день их посчитали пьяными, а потом их считали еретиками, зловредной сектой. Да и сами апостолы не сильно жаловали друг друга: тогда же по дороге в Иерусалим десять апостолов обиделись на Иакова и Иоанна, Павел и Пётр недопонимали друг друга, Павел и Варнава поссорились... То есть они друг в друге не видели святых.

Кто-то скажет, что большое видится на расстоянии. А я бы это перефразировал: «Большое вообще не видится, оно только воображается». Нет ничего большого, это всё наши фантазии, абстракции. Если мы не видим святого перед собой, то мы воображаем, что святой был в прошлом веке, или двадцать веков назад. Чем дальше, тем легче нам воображать. Ведь гораздо больше почитания оказывается Божией Матери и Николаю Чудотворцу, чем святым XIX или XX века, – воображать неудобно.

Святость заключается не в том или ином объекте или субъекте, который надо видеть, или который надо воображать. Святость заключается в отношении. Свят не тот, кого любят за то, что он хороший, а свят тот, кто любит, потому что тот, кто любит, тот – хороший. И если мы хотим, чтобы этот день был Днём всех святых, тогда в этот день надо всех любить. День всех любящих и есть День всех святых. Не объект святой, и мы его фиксируем, а мы любим, и всё, на что мы обращаем свой любящий взор, становится святым. Тогда мы не безнадежны. Тогда мы можем сделать каждый день Днём всех святых.

18.

Праздник единства противоположностей

12.07.2022

В День Петра и Павла

Праздник апостолов Петра и Павла – это праздник единства противоположностей, праздник, когда мы соединяем внутри православия разные голоса. Мы знаем, что не только современная библеистика обнаруживает разность проповедей Петра и Павла, хотя исторически о них нам мало известно. Сочинения Павла всячески дополнялись, улучшались, а то и вовсе писались вместо него и т.д. Но это неважно. Важно то, что даже древняя православная традиция доносит до нас вот эту разницу двух голосов. Так, в Послании Павла к Галатам виден их конфликт, а Пётр пишет, что у Павла «нечто неудобовразумительное». И действительно, они разные. Павел ратует за радикальную «перезагрузку», говоря, что во Христе нет ни мужского пола, ни женского, ни раба, ни свободного, ни иудея, ни эллина; во Христе Иисусе всё едино, ибо Он соединил в Себе всё небесное и земное и любит нас не за то, что мы хорошие или плохие, а ещё до того, как мы сделали что-либо доброе или злое. В то же время Пётр подчёркивает важность того, что он был свидетелем Преображения на святой горе, а Павел пишет, что для него высшие апостолы ничего не значат. То есть он не ставит одних людей (даже тех, кто был рядом со Христом) выше всех остальных. У людей, единых во Христе, не может быть иерархии, даже если кто-то действительно лучше других! Павел говорит, что если среди вас есть слабый, тогда вы равняйтесь на него – «если мой брат не ест мяса, то и я буду таким же вовеки». То есть это некоторое даже уже юродство и полемический перегиб апостола Павла.

Мы видим их разные позиции. И эта разность внутри православия всегда воспринималась как проблема, которую надо решать административно, репрессивно или, как минимум, уговорами, переубеждениями и т.д. А сейчас, дай Бог, чтобы мы научились праздновать День Петра и Павла как день разности наших воззрений. Кто-то из нас, условно говоря, Пётр, кто-то – Павел, кто-то – Аполлос, кто-то – ещё кто-то. Но мы можем обняться во Христе Иисусе, и понимать, что если Он упразднил разницу между мужчиной и женщиной, которая тогда была сильнее и значительнее, чем сегодня, – сегодня мужчина и женщина мало чем отличаются социально, потому что права уравнинены, – и если Он упразднил разницу между иудеем и эллином первого века, то что уж говорить о наших взглядах на какие-то богословские и церковные вопросы. Это совершенно не важно, потому что есть праздник апостолов Петра и Павла, в которых мы объединяемся, пожимаем друг другу духовные ручки и прижимаемся духовными щёчками.

19.

Ближний и святость за горизонтом

17.07.2022

О Гергесинских бесноватых и наших святых,

Мф.8:28–9:1

Читая зачало о бесноватых, которые пугали народ, и мимо которых никто не мог пройти, мы чувствуем какую-то дистанцию – мы сегодня не знаем таких бесноватых. Мы в какой-то степени обделены опытом восприятия таких людей, и поэтому, в целом, очень сложно принимать этот рассказ. Рассказ повествует нам о силе Христовой, которую мы не наблюдаем сегодня. Бесноватые кричали: «Зачем Ты, Иисус, Сын Божий, пришёл прежде времени мучить нас?» Православная аскетика вообще-то советует

нам не доверять бесам, но иногда, как видите, можно. Иногда они говорят правду... Для разнообразия.

И вот эта дистанция ощущается во всём. Например, сегодня день памяти Андрея Рублёва, который был современником Сергия Радонежского в конце XIV века. Почему о нём вообще ничего неизвестно, кроме одного воспоминания Иосифа Волоцкого из XV века, где тот хвалит работы не только Рублёва, но и всей его бригады иконописцев? Да потому что Рублёв никому не был нужен. Вот такой, получается, был святой. Иосиф Волоцкий говорит, что когда от болезни Андрей умер, то во сне Даниилу он явился и сказал, мол, здесь всё хорошо, приходи. И отсюда Иосиф Волоцкий заключает, что, видимо, он был святой. Но что нам до него? Андрей Рублёв канонизирован только в 1988 году. Все эти столетия Церковь не видела его святости. Но как только его иконы оценили, так сразу Андрей Рублёв – святой.

Или вот Евфимий Суздальский, преподобный, очень святой человек, восемьдесят восемь лет прожил, тоже был современником Андрея Рублёва и Сергия Радонежского. О нём известно только то, что он был основателем монастыря, и что он настолько ущемлял себя в питании и питье, что не мог есть хлеб без слёз. То есть, только когда мы будем есть хлеб, умываясь слезами от умиления, как сказано о нём в его житии, тогда мы поймём, о ком мы вообще говорим (т.е. никогда!). А ещё мы читаем, что когда он умер, он продолжал следить за своим монастырём. И вот один келарь ночью подъедал, – а святой-то видит! Явился ему во сне с огромной свечой горящей и пригрозил: «Будешь ещё есть ночью – будет тебе плохо». Тот наутро проснулся, перекрестился, подумал: «Мало ли что приснится», забыл всё и дальше ел. Тогда явился преподобный, и келаря хватил полный паралич до конца жизни, чтобы мало не показалось.

Говоря про эти жития, я вижу, что вы как бы ухмыляетесь, – потому что есть дистанция между нами и теми, о ком там повествуется. И в этом не виноваты ни мы, ни эти святые люди. Или вот, Андрей Боголюбский (XII век), который учредил множество монастырей, и которого убили придворные интриганы. Когда читаешь, какой это был великий ратный человек, – и немцев бил, и шведов бил, – думаешь: ну, прям террорист какой-то! Опять же – дистанция. И как нам её преодолеть? Наверное, нам для того и даны святые и огромная история православной Церкви, чтоб мы почувствовали, что до них нам не дотянуться. Мы дотягиваемся только до своих каких-то интересов.

Сегодня также день памяти Николая II и его семьи. Разве Николай II хотел стать страстотерпцем, хотел быть расстрелянным? Да нет, вообще-то человек с семьёй в Англию собирался, отрёкшись от престола. Ан нет, не получилось. Но зато у него была замечательная семья.

Я думаю, у нас есть ключ к тому, чтобы видеть в этом промысел Божий. Христос говорит: «То, что вы сделали одному из малых сих, вы Мне сделали». Вот мы имеем некоторую симпатию друг к другу, расположенность, любовь. И Бог принимает это на Свой счёт и говорит: «Вот то, что между собой у вас есть, – это и есть святость. То, что вы сделали друг другу, то Мне сделали». Наверняка Андрей Рублёв что-то доброе сделал своим ближним, но мы не знаем. О нём могут засвидетельствовать только его современники, например, его друг Даниил. Андрей Боголюбский был хороший, но весь двор его ненавидел, и его убили. Однако, наверное, он кому-то был мил. Так кто может его канонизировать? Мы, которые читаем и сидеем от его жития, или же те, кто жили рядом с ним?.. И нас тоже сможет канонизировать только наш современник, только тот, к кому мы отнеслись по-доброму, и кто к нам отнёсся по-доброму.

Вся православная история святости – это история того, как люди уходят от нас за горизонт, и мы уже не понимаем: а что там святого, что там ценного? Мы соглашаемся: «это очень ценно!», но мы не знаем, что! Святость самоочевидна, поэтому святым может быть только тот, кто рядом с нами, только тот, на кого мы посмотрели, и кто посмотрел на нас.

20.

Спокойствие Преображения

17.08.2019

На Предпразднство Преображения, Мф. 17:1–9

Когда мы говорим «я не знаю этого человека», мы от него можем ожидать что угодно, у него широкий спектр действий. Когда мы говорим «я знаю этого человека» (он хороший или плохой, смелый или робкий и т.д.), то мы его как бы сужаем... Апостолы не просто знали, они любили Христа. И это знание и любовь, опять же, сужают Его. Когда Христос преображается перед учениками, Он показывает, что может быть другим, не таким, как они Его знают. И когда мы общаемся с людьми, мы должны помнить, что они могут быть другими. Каждый из нас может быть положен в контекст, где он будет чувствовать и вести себя иначе, где из него будет идти свет или тьма. Просто мы живём как бы в непогоду, и кто-то прикрылся зонтиком, кто-то надел тулупчик, а кто-то скрутился, как бы идя против ветра. И отсюда мы все ненормальные, потому что мы погружены в эти стихии – нас кружит в стихиях идей, эмоций, событий и т.д. И даже хорошие люди всё-таки немножко не те, что на самом деле.

Человек преображённый ни к чему особо не стремится, он светится спокойствием. И, может быть, каждый из нас такой. Люди стремятся как-то выявить в себе второй потенциал, второе «я». Например, пьют алкоголь, пытаются

как-то справиться со своим статичным сознанием, с тем, что у нас сейчас есть, поскольку они не могут по щелчку пальцев превратиться в других людей. Но алкоголь – это как ненаправленная мутация. Пьёшь и не знаешь, чем это закончится. Как правило, это заканчивается тем, что нам ещё больше не нравится то, что происходит.

В этом круговороте мы вдруг понимаем, что «беременные» преображением, что где-то внутри – светящаяся личность нас самих. Но мы не знаем, как её вывести, на какую гору влезть, чтобы в нас преобразился человек. И Христос не дал нам этого знания. Но Он ещё более укрепил в нас это чувство, что в нас есть свечение, и мы можем быть рядом с Тем, Кто уже сияет, Кто уже преобразился, Кто уже духовно достиг такой светлости. Светлости, которая никуда не идёт.

Моисей и Илья беседуют со Христом об Его исходе в Иерусалим. Но Он не беседует с ними, Он беседует с учениками о чём-то таком, что их не тревожит. Учеников очень тревожил сам поход Христа в Иерусалим. Фома храбрился: «Пойдём и мы умрём с Ним». Пётр отговаривал: «Не иди туда, Господи», на что Христос ответил: «Отойди от Меня, сатана!..» и т.д. Они были очень встревожены накануне шествия в Иерусалим. Но там, на горе Преображения, Пётр не думал об этом, он сказал: «Хорошо нам здесь быть». Стало быть, Моисей и Илия, как люди, поддерживали тревогу, а Христос – нет. И рядом со Христом апостолы тоже были спокойны.

Подлинный свет не тревожен. Он не освещает тоннель, он не освещает путь, он – просто свет. И пока мы куда-то стремимся, добиваемся что-то отколупывать в этой жизни с помощью божественного света, мы неправильно понимаем его. Пока мы думаем, что свет Фавора доказывает божество Христа, и поэтому что-то надо делать с этим, мы не поняли этого света. В первый день творения Бог сказал:

«Да будет свет», и увидел, что он хорош. Как просто! Ещё нет ни травы, ни пальм, ни животных – никого, кто видел бы этот свет. Свет сам по себе хорош!

21.

Таинство пробуждения

29.08.2021

На Успение Пресвятой Богородицы

На иконе Успения мы видим момент, когда Бог берёт на руки душу Богородицы. Возможно, нам хочется отвернуться, отвести глаза от этой иконы и сказать: «Христос пришёл именно к Ней, и берёт Её, потому что Она святая». Но правильнее было бы сказать, что Он так приходит к каждой душе и каждую душу берёт на руки. И таким образом, праздник Успения становится праздником нашего перехода, к которому мы, так или иначе, движемся.

Что остаётся от нас, когда мы умираем? Прекращаются психические процессы, прекращается наша адаптация к природной и социальной среде. Всё прекращается настолько, что нам сложно сказать, что же, собственно, остаётся. Мы как спички горим, светим, даём тепло друг другу, и вскоре, немного покрутившись, сгораем. Какой-нибудь художник-постмодернист мог бы взять эту спичку сгоревшую, перекрученную, никому не интересную, и сказать: «Вот это шедевр! Настоящее произведение искусства!» Или как старый нумизмат, который откопал где-то какую-нибудь наполовину изъеденную жизнью копеечку XV века, дорожит и любит её. Что от нас останется после нашей смерти? Наверное, вот эта заржавевшая копеечка, на которой не видно даже надписей. Где тот нумизмат, который нас подберёт и скажет: «Это драгоценность! Это то, что я давно искал»?

Христос похож на этого очень странного коллекционера, который собирает огрызки человека и говорит:

«Вот оно! Он уже не катается на велосипеде, не сочиняет стихов, не отжимается от пола. Но это – то самое!» Мы так не можем, поэтому в фантазиях нашего «послежизния» человек ещё больше сочиняет стихов, ещё лучше соображает и всё умеет, он – ещё больше человек.

Так, наверное, приходит Христос к каждой душе. Потому что если Он воскресает, то, несмотря ни на что, и мы воскреснем. Ничего, что мы грешны. В нас живёт надежда, что и за нашей душой придёт Господь и возьмёт её на руки. И мы будем как такие глазастые иконки, будем клыпать, клыпать перед Ним глазками и только учиться понимать, что вокруг происходит.

Успение – это не таинство усновения (т.е. сна), а таинство просыпания, пробуждения, потому что на иконе, где тело уснуло, – душа проснулась. Только там не хватает вот этих клыпающих глазок, которые олицетворяют собой пробуждение души для нового мира. И сколько бы мы к нему не готовились – это, знаете, как институт и производство. Сколько бы ты ни учил, на работе всё равно придётся учить заново. Думаю, что в духовной жизни примерно то же самое. Хотя мы ценим тех, кто идёт впереди нас.

22.

О любви к ошибавшемуся пророку

11.09.2022

На Усекновение главы Иоанна Предтечи

В православной традиции в этот день – будь то воскресенье, понедельник или вторник – установлен строгий пост, не вкушают ничего круглого, квадратного, треугольного, ромбообразного и т.д. Главное, ничего не перепутать, чтобы соблюсти положенную строгость.

По промыслу Божиему усекновение главы Иоанна Предтечи оказалось, так сказать, плодотворным и при-

несло большую пользу Церкви, потому что мы с вами знаем три обретения главы Иоанна Предтечи. По преданию вредная Иродиада бросила голову Иоанна в нечистое место, но служанка, положив голову в глиняный сосуд, погребла её на Елеонской горе. Примерно через триста лет святая Елена нашла её, и так как эта глава стала достоянием ариан, поэтому она опять куда-то пропала. Второе обретение главы пророка было чуть позже, а затем – в 842 году при патриархе Игнатии. Ему было видение, он нашёл место, откопал, и точно! – там глава Иоанна Предтечи. В 850 году на месте обретения главы Иоанна Предтечи появился монастырь. Потом глава опять была утеряна. А уже с самого начала XIII века православные празднуют третичное обретение главы Иоанна, и не просто одной головы, а очень многих. Так, например, Студийский Предтеченский монастырь говорит, что у них глава Иоанна Предтечи, а румынский скит Продром говорит, что у них. Глава Иоанна Предтечи с XII века находится в Риме, с XIII века – во Франции, с XVIII века – на Афоне. И в Дамаске, и в Антиохии, и даже в Армянской Апостольской Церкви в Нагорном Карабахе вы тоже можете увидеть главу Иоанна Предтечи. Таким образом, семя, посеянное в одном месте, вырастает, так сказать, в многоголового Иоанна. В статьях на эту тему уже пишут корректнее – «частица». Но если вы посмотрите на эти частицы, то лобная часть есть у всех. То есть, опять же, с частицей здесь не пройдёт.

Но речь не о том. Иоанн Креститель сам по себе привлекателен. Он призывал людей: «Покайтесь. Измените сердца ваши». И он верил в то, что они могут покаяться и стать лучше. Эта проповедь и эта вера – очень странная. Ныне покойный Илья Кормильцев писал о тех, кто прагматично мечтает о том, что может осуществиться, кто мечтает о чём-то очень близком и реальном. И вместе с тем он писал о других мечтателях:

*«Я знаю тех, кто дожждётся, и тех, кто, не дождавшись, умрёт.
Но и с теми и с другими одинаково скучно идти.
Я люблю тебя за то, что твоё ожидание ждёт
того, что никогда не сможет произойти...»⁴*

Пророк Иоанн был велик тем, что его пророчество не сбылось. Не пришёл тот, кто сжигает всех людей как соломѹ, исчезла секира из-под дерева, ничего не случилось из того, что он говорил. Но мы его любим за то, что его «ожидание ждѣт того, что никогда не сможет произойти». Он мечтал и верил в то, что людей можно исправить, и они могут стать лучше. И я думаю, что мы стали лучше, мы сегодня стали настолько добрыми, что проповедь Иоанна Крестителя по отношению к грешникам уже кажется нам жестковатой.

Среди богатства нашего Предания мы одновременно находим очень ригористичного, бесстрашного пророка Иоанна и сердобольного Серафима Саровского, Тихона Задонского и Феофана Затворника, очень по-доброму писавшего людям. Нам не нужно решать, кто из них прав. Конечно, есть люди, которые и сегодня нуждаются в проповеди Иоанна Крестителя. Вскормленные им, они будут жить и бороться за то, что никогда не сможет произойти: за чистоту православия, за стройные ряды хороших епископов, за настоящих священников, за то, чтобы никто не впадал никогда в ересь...

Поэтому сегодня мы можем поститься, потому что мы чтим память пророка и мученика. А можем и не поститься, потому что чтим воскресный день, в который, согласно постановлению Вселенского Собора, поститься нельзя. И ощущая столь богатую палитру, поместим в своё сердце и Иоанна Крестителя с его выжигающей проповедью,

⁴ Из песни группы «Nautilus Pompilius» «Утро Полины» (1994).

и проповедников, которые говорят о любви Божией, растекающейся по всей вселенной. Я думаю, что в этот день те, кто будут поститься, должны спокойно себя чувствовать рядом с теми, кто не постится, и наоборот. И тогда мы скажем, что Иоанн Креститель не просто живёт в отдельной какой-то реальности, – он живёт вместе с нами, он принят нами. Это начало того Царствия Небесного, о котором проповедовал не Иоанн Креститель, а Господь наш Иисус Христос.

* * *

Мы можем сегодня всмотреться в лицо Иоанна – в лицо того, кто сказал на Иордане: «Се, Агнец Божий», указывая на Иисуса Христа. Конечно же, это неправда. Потому что если бы он действительно убедился и понял, что это Агнец Божий и Мессия, разве он и все ученики его не оставили бы всё и не пошли бы за Ним? Но он не пошёл, и никто, кроме двух учеников, не пошёл. Иоанн по-прежнему крестил, и, как мы видим, началось даже соперничество. Его ученики говорили ему: «Смотри, ученики Иисусовы крестят больше, чем ты». Таким образом, Христос был неочевиден. Христос и Иоанн хотя и жили на одной земле, но у них были разные вселенные. Позже, находясь в тюрьме, Иоанн Креститель спрашивал: «Ты Тот или не Тот?» Конечно, не Тот! Но Христос ему ответил: «Что же Я ещё могу сделать, чтобы ты поверил, что Я – Тот? Вон уже и парализованные встают, и мёртвые воскресают. Что ещё нужно сделать?» Но этого мало. Потому что надо думать об Израиле, о спасении народа. А Христос об этом не думал ни секунды. Он всегда думал о какой-то кровоточивой, о сухоруком, о расслабленном, об учениках своих неразумных, о Никодиме, ещё о ком-то. Он никогда не думал о стране. И поэтому люди, которые думали о стране, о её безопасности, Его и распяли.

Иоанн очень любил Израиль и горячо желал спасения своему народу. Каждый раз, когда человек любит свою страну, он презирает часть её населения. И также, когда человек любит свою Церковь, он презирает часть Церкви. Поэтому, если мы хотим любить свою страну, то нужно с высоты этого орлиного полёта спуститься на землю. Любите не страну, а свою парадную. Любите поломанную беседку и непокрашенный забор. И тогда вам не придётся никого проклинать, как это делал Иоанн, который очень любил свою страну.

Образ этого великого пророка говорит нам: не идите за мной, иначе, если вы будете любить такую большую абстракцию, как Израиль, вы будете постоянно посылать кого-то в геенну огненную, каждый день кому-то угрожать; любите того, кто рядом. Пророка Иоанна, парящего где-то высоко-высоко, не интересовали судьбы маленьких людей. Он мыслил в масштабах страны. А Христос любил маленьких людей. Он не мыслил в масштабах страны. Если мы говорим «я очень почитаю свою страну», тогда купите хлеба нищему, сделайте асфальтовую дорожку, ведущую в ваш двор, более комфортной. Видите белочку возле вашего дома? Сделайте ей кормушку. Видите собаку? Сделайте ей будку или вынесите ей часть своего ужина. И вам не придётся никого проклинать, вам не придётся изводиться пеной на тех, кто этого не делает.

Линия Иоанна Крестителя разошлась с линией Иисуса Христа. Поэтому Иоанн – не Его пророк, а антагонист. Он тот, кто говорит ровно наоборот, но из вполне благих побуждений. И в нашей Церкви всегда было и есть это раздвоение. Одни из самых лучших побуждений стараются смести «пятую колонну», выявить предателей в рясах и т.д. и т.п. Другие из тех же побуждений пытаются принять их как братьев и сестёр, отнестись с уважением или пониманием к их взглядам. И хотя эти два пути рас-

ходятся, но всё равно они помещаются во вселенной, где есть почитание Бога. То есть можно почитать Бога, как это делал Иоанн, ратуя за чистоту религии, проклиная половину человечества и пастырски, так сказать, обличая: «Порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева?» И это нормально. Просто масштаб другой. И Иоанн – это последний представитель старого мировосприятия. Он всё ещё мыслит идеологически, а Христос мыслит антропологически, т.е. – «от человека». Он смотрит на Никодима и говорит: «Ну, старец, ты даёшь! Тебе, получается, надо всё заново начинать. Именно тебе!» А юноше отвечает: «Ты, конечно, прекрасен, но тебе придётся или всё раздать, или отойти». И каждому Он говорит что-то своё, потому что Он спустился на уровень глаз человека, Он не смотрит поверх голов. Иоанн Креститель и Христос – проповедники практически разных миров. И только Бог превыше всех миров и над всеми.

В этот день, когда мы то ли празднуем, то ли скорбим о том, что Иоанну Крестителю отрубили голову, мы можем, наконец-то, поменять оптику. То есть, если мы видим в этом политическую несправедливость и жестокость, то в плане индивидуальном, может быть, судьба Иоанна Крестителя обогатилась, и он встретил Господа Бога таким, каким Бог его видит, а не таким, каким он виделся со стороны его почитателям и неприятелям.

В этот день, когда мы ничего круглого, квадратного и ромбообразного не едим, мы можем всё это, наоборот, съесть, понимая, что всё зависит не от того, какой оно формы и какого содержания, а от того, как мы смотрим на это поедание. И даже на танец, который танцует Соломия, мы можем посмотреть по-новому. В чём виновата эта девочка? Что она хочет? Она танцует. В её жизни, может быть, это самая счастливая и важная минута. Это всё равно, что нам выступать и победить в чемпионате мира. Для Иродиады

Иоанн был дискредитирующим компонентом, так как он постоянно её ругал. А кто знает, может, она своего Анти-почку-то любила? Мы ж не знаем. Мы рады очернить всё: «Нету там любви!» А может всё-таки была? Знаете, как раньше заключали браки? Чисто в интересах бизнеса, как капитал с капиталом. А вдруг там любовь случилась? Но Иоанн размышляет не в категориях любви, а в категориях закона: «Так не положено! Мне безразличны ваши чувства. Я хочу видеть, что закон исполняется». Она же ему говорит: «Глупец! А если мы любим друг друга?» Поэтому для неё это был не столько реванш, сколько избавление от скорби. Бедный Ирод должен был как-то решать вопрос, который не решался. Вот он его и решил...

Естественно, пророк Иоанн оставался пророком до конца и никогда не сошёл со своей линии. В этой шахматной партии все фигуры прекрасны, а сыграна она как-то не очень. Поэтому, если мы будем смотреть в лицо каждого человека, мы его скорее полюбим, чем ту ситуацию, в которой он находится.

23.

Святые, ближние

и мозаика Святого Духа

18.09.2022

О Захарии, Елисавете и многих святых, Лк.1:67–75

Сегодня день праведных Захарии и Елисаветы, Бориса и Глеба, Петра и Февронии. О них нам известно очень мало. О Захарии и Елисавете буквально несколько слов из 1-й главы Евангелия от Луки указывают на их праведность и непорочность пред Богом. К сожалению, это просто строка, и мы не можем убедиться в этом. Лишь однажды, кажется, Захария рассердил архангела, когда не поверил ему, за что и был наказан немотой и даже глухотой, потому что его

потом жестами спрашивали, мол, как ты хочешь назвать своего сына. А ещё вот интересно: почему решили, что бесплодна именно Елисавета? Наверное, Захария где-то проверился... И хотя рассказ о Захарии и Елисавете небольшой, но, как ни странно, в церковной жизни такие маленькие рассказы становятся важнее и больше, чем люди, которые стоят в церкви, больше, чем вы. Понимаете?

У Бориса и Глеба очень скудное житие, а у Петра и Февронии – вообще мифологическое. Но нам эти страницы оказываются дороже живых людей. Вот вы передо мной стареете. Хотел сказать «растёте и стареете», но, думаю, нет, – только стареете. И я перед вами старею. Мы живём, мы – люди, а это – рассказы. Почему же эти рассказы становятся гораздо важнее, чем люди? Казалось бы, Бог создал человека по Своему образу и подобию. Но человек немного подслеповат и глуховат, и эти образы и подобию в себе и друг другу не очень-то видит, поэтому рисует их отдельно. Люди всегда ратовали за виртуальную реальность и максимально виртуализировали свою жизнь. Вот и лента на Facebook у нас красивее, чем мы на самом деле. У кого есть картинки в Instagram, тот, конечно, предпочёл бы, чтобы смотрели на них, а не на его реальное лицо утром, после вчерашнего. Но было бы совершенно постыдным предпочесть изображение красивого человека реальному человеку. Жития святых – это красивые изображения. И пусть даже так было на самом деле, но ради этой строчки мы сделаем больше, потому что мы рисуем и представляем образ Божий отдельно от людей. И таким образом мы уходим от задачи.

А задача в том, чтобы увидеть образ Божий в людях, увидеть, что мы окружены живыми иконами и именами реальных святых людей. Мы же образ Божий нарисовали отдельно, а отдельно – человека. Так мы решили задачу, вместо того чтобы совместить «картинки» и раскрасить себя.

Я ни в коем случае не говорю, что если там строчки – значит, это неправда. Это очень даже правда. Но это – всего лишь строчки. Получается, мы вывели отдельно святых людей на бумаге. А задачу «увидеть нимбы у простых людей» мы сняли с себя. Нимбы не для них. У нас нимбы существуют отдельно. Люди ставят памятники знаменитым людям, но никто не поставит памятник человеку, у которого было две ноги, две руки, или он мог членораздельно говорить. Почему не ставят такие памятники? Потому что вокруг много таких людей. Мы не видим смысла ставить им памятники. Вот почему, если мы не видим святости в человеке, мы ставим памятник святому. Когда мы не видим, тогда мы рисуем и пишем. И чем больше икон, чем больше позолоты, тем больше мы расписываемся в своей слепоте, причём принципиальной, потому что мы рисуем иконы не только как свидетельство нашей инвалидности, а как ещё и то, чем мы должны гордиться.

Таким образом, мы отдельно нарисовали папу, которого любим, и – папу, который есть. Вот люди, которых мы уважаем, а вот – люди, которые есть. И это большая проблема. Мы читаем: «Захария, Елисавета, Борис, Глеб, Пётр, Феврония...» Боже мой, столько хороших людей! А вы кто такие? То есть они каким-то образом компенсируют то хорошее, чего я не вижу в других людях. Мне нужны эти Захарии, потому что я не вижу в жизни ни пророчеств, ни ангелов, ни прочего. Поэтому мы ставим Захарии словесный памятник. Нам бы он был не нужен, если бы мы признались себе в том, что перед нами другая задача. Посмотрите на Христа, на Его проповедь. Если бы Он хотел строить монументы этим великим святым, Он бы сидел и рассказывал: «Жил-был такой великий пророк Илия... А какой был Моисей!.. А Исаия, ух!..» Но ничего Он такого не говорил. Все Его речи и притчи направлены на

простых людей: какой-то мытарь, какой-то раб, должник, самаритянин, ещё кто-то. Он говорил про простых людей, Он не строил идолов, не рассказывал про святых. Хотя были святые в древности, но Он о них специально не рассказывал, чтобы не заменить ими живых людей. У нас же, получается, есть этот отдельный резервуар для святых, где и ангелы приходят регулярно, что-то сообщают и даже обижают, где и леший бродит, и русалка на ветвях сидит. Там всё нормально. И мы как бы заходим в этот склеп, где кости святых, и радуемся – сколько святых людей! – выходим и начинаем бороться друг с другом, как греки и троянцы, призывавшие на свою сторону олимпийских богов. Как же это нелепо и грустно!

Итак, надо заметить, что когда мы читаем текст, мы не смотрим на ближнего. Перестаньте читать тексты о святых, поднимите свои очи. Ближние ещё живы, ещё недостаточно растрескались. Всё ещё ходят, говорят, думают. Они гораздо интереснее, по крайней мере, для Христа, Который не рассказывал ни об одном святом ровно ничего, при том, что, наверное, мог рассказать о них много интересного. Итак, оторвавшись от Евангелия, мы вернулись к иконам. Будем же считать это своей инвалидностью, или, по крайней мере, знать, что что-то с нами уже не так. Может, тогда хотя бы плюс пять к смирению у нас будет, и мы продолжим нашу молитву.

* * *

Как обычно мы с нашими молитвами выглядим разноцветными камешками, собранными пред Богом в большую мозаику. И, знаете, если из неё выпадает какой-то камешек, тусклый или яркий – неважно, то картина в целом уже не та. При всей нашей разности, при том, что у каждого из нас свои тараканы в головах, Бог одинаково относится к нам. Особенно это показывает сегодняшний день.

Память Захарии и Елисаветы связана с ложным пророчеством, которое звучит дважды. Первый раз – в устах ангела, благовествующего Марии о скором рождении Мессии, а сегодня мы услышали это от Захарии, который исполнился Духа Святого и сказал, что наконец-то Бог сотворил избавление народу Израиля от всех врагов его. Конечно же, мы знаем, что всё случилось ровно наоборот – Израиль пережил трагедию и в 70 году, и в 135-м. В целом, этот многострадальный народ только в XX веке через постоянные войны пытается как-то устроиться. Поэтому, конечно же, если мы берём пророчество, то оно оказалось совершенно ложным, но зато Дух Святой – истинен.

Дело в том, что когда Дух Святой сходит на человека, тот начинает искрить самыми максимальными своими надеждами и впечатлениями. Так благочестивый еврей первого века, конечно, вспоминает об оккупации и о давнем обещании избавить Израиль от врагов, которое всё никак не исполнится. И вот, наконец-то, Бог вспомнил завет Свой с домом Иакова, вспомнил, что Аврааму, Исааку и Иакову Он обещал господство над другими народами и царство, которому не будет конца. Подобно Захарии средневековый человек, вдохновлённый Святым Духом, тоже будет говорить о том, что наконец-то все будут в гармонии и благодати, исчезнут всякие еретики и раскольники, инославные и язычники будут просвещены. А человек XXI века толком и не знает, что говорить, едва ощутит Святого Духа.

Я думаю, нам не стоит цедить тексты, которые рожают люди, когда на них сходит Дух Святой. Ложное пророчество гораздо ценнее, чем истинное, потому что истинное – прагматично, а ложное пророчество – как песня. Человек не может не петь. И он поёт о том, что у него на душе, что для него самое святое. Если ребёнка посетит Дух Святой, что он скажет? Он скажет: «Да будет много

мороженого, шоколада, и папа и мама всегда вместе и не ходят на работу». Наверное, так бы он сказал, потому что он ещё глупый, но, тем не менее, Дух-то Святой истинен.

И, слава Богу, сегодня Дух Святой тоже нас выложил, как мозаику. И как обычно, проповедь кривая-косая, но зато она ведь тоже вдохновлена Духом Святым! Так, собственно, можно и определять: если хорошая, значит – готовился, а если такая, значит – Дух Святой, не иначе.

24.

Крест, триумф

и выход из соревнований

27.09.2020

На Крестовоздвижение, Ин.19:6–20,25–35

Сегодняшний день сочетает в себе торжество честнаго и животворящего Креста и евангельское чтение, которое не содержит в себе ни честнаго, ни животворящего, а только позорное и мучительное. Крест, который для Христа был позором и мучением, постепенно в христианстве превратился в нечто триумфальное, в нечто красивое и изящное, как наперстные кресты у многих батюшек. Даже не все рэперы в негритянских кварталах Детройта имеют такие крестики. Мы же хвалимся, украшаем тем, на чём Христа распяли. Мы позолотили это всё дело, сделав христианство религией триумфа, религией, которая несёт в себе заряд превосходства над другим. А между тем, и в сегодняшнем апостольском послании тоже не нашлось ни честнаго, ни животворящего, а только Крест, который «для иудеев соблазн, а для эллинов безумие», который является позором, ересью и глупостью с точки зрения тогдашнего просвещённого человечества.

Почему иудеям соблазн, а эллинам безумие? Потому что они все ищут мудрость и силу Божию. Павел же говорит, что для нас Крест Христов (т.е. некоторая обречённость) – это и есть наша сила и мудрость. В Послании к Евреям, рассуждая о Распятии Христовом за вратами Иерусалима, он говорит: «Итак, выйдем к Нему за стан, нося Его поругание». Крест – это поругание, и всегда будет поруганием Христовым. Никогда он не превратится в блестящую эмблему христианского превосходства над другими «марками»... Никогда не будет так, что Христос сойдёт с креста и скажет: «Это была шутка, розыгрыш, на самом деле Я очень сильный». Это не было шуткой, вот в чём всё дело. И апостол Павел в Послании к Колоссянам рассуждает об этом же и говорит, обращаясь ко вчерашним язычникам, что Он оживил вас, бывших мёртвыми во грехах, и пригвоздил ко Кресту бывшее о нас рукописание грехов. Это невозможно, но это случилось, потому что тем, что Христос распялся, Он показывает, что Он не участвует в соревновании, кто круче, Он не участвует в том, чтобы кому-то что-то доказывать, кого-то в чём-то убеждать.

Мы сегодня читали, как Пилат предлагает Иисусу убедить его: «Мне ли не отвечаешь? не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя?» Но Христос не хочет участвовать в этих состязаниях, и апостол Павел вместе с Ним выходит из них, говоря в 1-й главе Послания к Коринфянам о юродстве проповеди Христа распятого, что для иудеев, конечно, соблазн, а для эллинов безумие. Он говорит, что Крест навсегда останется символом того, что христиане выходят из социальных соревнований в мудрости и силе.

Когда-то Аарон по велению Моисея и Господа бросил пред фараоном свой жезл, который, превратившись в змея, пожрал всех змей, которых сделали своими чарами египетские волхвы. Но начав однажды соревноваться, Моисей

и другие еврейские вожди пришли к тысячам жертв своего собственного народа, и все потомки их постоянно кромсали и терроризировали этот народ, потому что однажды змей Аарона и Моисея пожрал неугодных змей товарищей из фараоновой партии.

Если мы приняли этот компонент соревнований, то мы не сможем остановиться. Это понимал Христос, но этого не понимают сегодня многие. И сегодня Крест возвышается как знак превосходства, между тем как для апостола Павла это знак выхода из игры за превосходство. Он не хочет участвовать в том, чтобы на мудрости строить проповедь Христову, потому что вдруг он окажется глупее, и тогда, получается, те, кто не заценят мудрость, они не станут христианами. Но христианство – это не про силу, это не про мудрость, это не про преимущество и превосходство, это про что-то другое. Поставим здесь многоточие, потому что долго придётся рассказывать.

В том-то и дело, что явление Бога, взошедшего на Крест, заключается в том, что Бог выходит из гонки соревнований с другими богами. Он говорит: «Я проиграл. Не ищите Меня в забеге. Я не стою ни на какой дорожке, на Мне нет номера, который участвует в соревнованиях богов, героев, гениев и т.д.»

И мы с вами сегодня, в этот амбивалентный праздник, вслед за апостолом Павлом скажем: «Да, может быть, Бог не всех победил, не всех убедил, может быть, Он не всех вдохновил, но мы всё равно будем на Его стороне, потому что Он стоит в стороне от всего этого. Мы выйдем за стан, выйдем из этого шума стадионов, чтобы побыть вместе с Ним и сказать: “Господи, может быть, Ты действительно не можешь сойти со креста, но мы всё равно с Тобой, потому что мы любим Тебя, и нам нужен Ты, а не слава победителя. Мы вместе с Тобой”».

Сегодня день праздничный – день Покрова Божией Матери. Нас же всегда сдувает с темы вечности, с темы чего-то светлого, чего-то радостного. Людям нужна эмоция стресса, поэтому многие сегодня возмущаются тем, что коварные фанариоты дают автокефалию раскольникам. Ведь нельзя допустить, чтобы благодать Божия посетила раскольников! Эти проблемы отвлекают нас. Люди спорят, кто прав, кто не прав, а Богородица остаётся не у дел. Ещё один вариант отрицания этого праздника – это милитаризация праздника. Сейчас стало модно вспоминать, что некоторые казаки освящали в этот день мечи, чтобы потом рубить врагов. Тоже не очень-то духовная тема. Так мы с вами стоим перед Божией Матерью, Которая нас всех покрывает, и разводим руками. Но если Она разводит руками, покрывая нас, то мы разводим руками, потому что не знаем, от чего нас покрывают – то ли от фанариотов, то ли от наших грехов, то ли, когда в 910 году наши предки напали на константинопольцев, и Сама Божия Мать защитила людей от того, чтобы они друг друга не убивали.

Покров – это прежде всего ощущение того, что этот холодный безразличный космос, где одна сила угнетает другую, где более быстрая рыбка с большой пастью догоняет и пожирает более маленькую, эту безликую механику всё-таки обнимает теплота Божия. Когда человек поднимает голову к небу, он ощущает человечность Бога. Не только потому что Бог стал человеком, а ещё и потому что Бог окружён людьми, т.е. Он весь утыкан людьми. И если мы хотим обнять Бога, мы обнимаем людей, которые вокруг Него.

В Ветхом Завете Бог представлялся как огонь – как нечто бесчеловечное. А сегодня, если человек движется по пути к Богу, он понимает, что Бог – ещё больший человек, чем он сам. Это мы в себе не находим теплоты и благодати. У нас как-то всё механистично: заболел – умер, выздоровел – не умер, покушал – радуешься, не покушал – гневаешься. Всё как-то бесчеловечно. А вот у Бога всё человечно, у Бога самое главное – любовь.

Неважно, кто на кого напал и почему. Важно то, что под покровом Божией Матери могут уместиться и нападающие, и те, на кого напали. То есть это ощущение уюта, человечности Неба – вот что такое Покров Божией Матери. И чтобы понять это, нужно почувствовать, насколько плотно Бог окружён людьми. И мы, стремящиеся к Богу, натываемся на этих людей – безусловно, в хорошем смысле – мы их встречаем на пути и говорим: «Вот, Божия Матерь, Она за нас молится». Это естественный этап, когда мы идём к Богу и видим Богородицу, Которая за нас молится. И мы будем молиться вместе с Ней, потому что это праздник человеческого в Боге – праздник того, что Бог невозможен без человека. И если, поднимаясь к Богу, под сенью Божией Матери могут поместиться все, кого мы любим и не любим, то уж тем более в Господе нашем Иисусе Христе соберутся все, кого мы даже и не знаем, насколько мы можем не любить.

26.

Культь дальнего

29.12.2018

В День святых праотец

Сегодня мы вспоминаем Авраама, Исаака, Иакова, царя Давида, пророка Даниила и прочих ветхозаветных праведников, и пытаемся их как-то принять как христиане. Но мы замечаем, что нам не дано этого. Почему мы их не можем

принять по-настоящему? Возможно потому, что Бог освободил наши руки, чтобы мы принимали друг друга.

Любовь к дальнему нередко становится формой устранения ближнего. Когда мы говорим, что любим праотцев, то получается очень любопытная аберрация. В Ветхом Завете все праотцы стояли на том, что Бог осуждает человека. И у нас в христианстве родился такой милый кентаврик под названием «не осуждай ближнего, иначе Бог тебя за это осудит». Но если Бог осуждает того, кто осуждает, значит, Сам Бог ничем не лучше того, кого Он судит. Чем этот Бог лучше меня, если Он осуждает меня за то, что я осуждаю соседа, а соседа – за то, что тот меня тоже осуждает? Так случилось потому, что мы путаем проповедь Христа, который говорит: «Не судите, да не судимы будете». Почему «не судите»? Потому что Бог уже не судит. В Ветхом Завете вся квинтэссенция Бога была в том, что Он судит. Последний из пророков, Иоанн Креститель, говорил, что уже секира при корнях деревьев лежит, и Он готов уже срубить и сжечь их огнём неугасимым. А квинтэссенция Бога Нового Завета – в том, что Он не судит. В этом вся соль. И когда нас призывают не осуждать другого, потому что Бог осудит, они не улавливают смысла произносимого.

Кажется, хорошая идея – обнять людей Ветхого Завета. Но на самом деле, это ужасная идея, потому что вообще нехорошо обнимать людей из другого времени. Бог нас освобождает от этого: «Бросьте почитание отцов, бросьте почитание Писаний, любите друг друга». «Нет, – возражаем мы, – любить праотцев гораздо удобнее». А может, кому-то только кажется, что это удобнее?..

На самом деле, конечно, эта любовь невозможна, потому что мы не знаем, за что их похвалить. Давид так боролся с Саулом за власть, что разжёг братоубийственную гражданскую войну. Чувствуете разницу: или царь Саул,

или царь Давид? Конечно, мы ничего не почувствовали. Но нам этот конфликт навязывают. И мы должны любить Давида и не любить Саула. А чем Саул нам не угодил? Тем, что он занимал место Давида. На самом деле мы не можем их отличить. Нам сказали, что один – хороший, другой – плохой. Но зачем мы туда смотрим? Не бежим ли мы от самих себя? Зачем нам они нужны? Скажите, нам нужен Сергей Радонежский? Конечно, он хороший человек, наверное, но зачем он нам нужен? Мы будем отталкивать кого-то у мощей преподобного Сергия, потому что нам нужен Сергей, а не тот, кто стоит рядом.

Культ дальнего (когда-то философ Семён Франк написал книгу об этом) – это некоторая форма отрицания реальности, нежелания жить в этом мире: давайте почитать первый век, пятнадцатый или какой-нибудь ещё! Главное, не сегодняшний день, не сегодняшних людей! Будем любить кого-нибудь великого, жившего и творившего когда-то далеко в прошлом!..

Мы пытаемся войти в этот праздник и не можем. Почувствуйте, как это сложно – почитать святых праотец. Не в смысле «читать» (хотя читать их тоже сложно), а отнести к ним хоть как-нибудь. Как мы можем отнести к Гомеру, Гесиоду, Ксенофану? Они для нас всего лишь фигуры. По-настоящему мы можем отнести только к живому человеку. Его нет – он ещё не сказал тебе ни слова. Но вот сказал – и создан. Сказал ещё слово – и он уже другой. Вы с ним поговорили две минуты – и он как бы расцветает, он живёт, он настоящий. Мы можем повлиять на него, он может повлиять на нас. Мы можем согреть друг друга, а можем толкаться локтями в почитании какого-нибудь замечательного батюшки, который жил «триста лет тому назад», как та черепаха Тортилла. Вот в чём проблема.

Есть такое песнопение: «Рыдания время преста, не плачите, воскресение же апостолом рцыте». И как трудно бывает перестать каяться и начать радоваться. А всё потому, что человек – такое существо, которое не хочет просто веселиться, а хочет быть глубоким и серьёзным. Так сложилось исторически и эволюционно, что серьёзность и значимость подтверждается трагичностью. Никто никогда не написал ни одного сочинения о любви, кроме некоторых стихов. Все романы о любви – не о любви, а о тех драмах, которые происходят с влюблёнными. Даже если всё заканчивается хэппи-эндом, как в сказке, основное содержание любого сочинения о любви – это какая-то драма: Орфей и Эвридика, Руслан и Людмила, Ромео и Джульетта и т.д. Люди не умеют говорить о любви, не умеют радоваться. Это очень сложно.

И даже войдя в Церковь, скорбеть, и тем самым подчеркивать значимость, научиться легко, а вот радоваться о Христе – сложнее. Даже воскресное богослужение нередко выглядит мрачным, как похороны. Почему? Потому что радоваться на службе не так просто. Какие-нибудь протестанты пытаются, но получается как-то не очень.

По своей немоци мы нуждаемся постоянно в том, чтобы получать какие-то подтверждения, что мы не совсем плохие. То есть нам нужны хоть какие-то победы. Поэтому мы любим страхи, доставляющие нам маленькие победы. Если мы боимся ходить по коридору, тогда то, что мы пройдем по нему, будет нашей победой. А так как мы этого не боимся, у нас не будет победы. Вот почему люди постоянно ищут себе страхи. И тем более, если реально чего-то стоит опасаться, то люди опасаются этого. Если вы

садитесь в самолёт и боитесь, приземлится ли он, то приземление будет победой, вашей маленькой радостью. А если вы дойдёте до того, что станете бояться всего и вся, тогда буквально каждая минута будет победой, так как вы будете преодолевать одно препятствие за другим.

Люди всегда нуждаются в страхах. Не Бог насаждает им страх, а они, глядя на Бога, – т.е. на Его силу и славу, на Его деяния и суды – моделируют, что Он может им дать. А самое нужное для них – это страх, особенно для людей цивилизованных, какими уже являлись евреи по выходе из Египта, и уж тем более которыми являемся мы. Мы можем испугаться и войти в депрессию от чего угодно. Можем бояться падения курса гривны, доллара, бояться за судьбу страны, мира и т.д. Христиане тоже нуждаются в этом и подчиняют этому своё богослужение. И сколько бы оно не говорило нам «Радуйтесь, ведь Христос уже воскрес!», а мы не умеем.

Сознанию необходимо решить задачу: как получать удовольствие не от преодоления страданий и страхов в одиночестве, а от дарения радости, когда кого-то зажигаешь чем-то хорошим. Но где это проработано в религии и культуре? Почти нигде... Помню, в одном старом мультике⁵ друзья шли по дороге и пели песенку о том, что «всегда есть мороженое одному невкусно ни мне, ни тебе, никому». И действительно, хотя в одиночку мороженое кушать бывает и вкусно, но нельзя сказать, что *нам всем* вкусно. А когда делишься с друзьями, тогда всем становится и вкусней, и радостней. Думаю, нам стоит проработать эту идею, потому что играть на одной струне, может быть, и хорошо, но это надоедает.

Для того чтобы праздновать Воскресение, нужно быть христианами. А мы пока что не христиане, а трагики.

⁵ Мультфильм «По дороге с облаками» (режиссёр Юрий Бутырин, 1984).

Был в древности такой разряд софистов, они сочиняли трагедии. Или как у Гёте в его «Страданиях юного Вертера», где вроде бы взаимную любовь он использовал для страданий. Это умение любую новость использовать для депрессии. У нас Христос воскрес – а мы продолжаем говорить, что недостойны. Он искупил нас, Он спас нас – а нам всё плохо. И в этом умении мы уже мастера, а в другой области, оказывается, мы новички. Так что с этого момента начнём трудиться в другом направлении. А то мы как самолёт, у которого не два крыла, а одно; с другой же стороны торчит какой-то нелепый отросток. И чтобы нам хорошо летать, будем учиться радоваться.

28.

Проповедь на венчание

октябрь 2010

На молитву Христа о единстве, Ин.17

Неслучайно я выбрал сегодня не зачало о первом чуде Христа в Кане Галилейской, которое всем настолько знакомо, что люди уже путают, было ли это просто умножение вина, или это было благословение брака, или это был какой-то общий для всех дар радости. Здесь же, в другом отрывке Евангелия от Иоанна, Христос молится о единстве, Он говорит Отцу: «Как Мы едино, так и они да будут едино в любви». Нельзя выяснить, как оно происходит. Об этом можно только молиться. Богословы первого тысячелетия пытались выяснить, как это работает у лиц Святой Троицы, и выяснили, что Они единосущны по Существованию, троичны в Лицах, и поэтому Они любят Друг Друга и т.д. Но почему Они вместе, выяснить невозможно. Это некая изначальная данность. Так оно есть, такова основа мироздания.

Христос, Который мог дать людям вино по просьбе Своей Матери, Который мог дать пяти тысячам хлеб,

Который мог дать очи слепорождённому, Который мог дать всё, чего не пожелают люди, не может дать единство. Он не может его дать, Он может только молиться о нём. Он может возглавить нашу молитву об этом. Потому что святость человека не в нём самом, не в том, хорош он или даже очень хорош, а в том, что он может протянуть «волшебную невидимую нить»⁶ другому человеку. И вот то, что *между людьми*, – то и есть христианство. Не случайно Господь говорит: «где двое или трое, там Я посреди вас», – т.е. «Я» как олицетворение, как явление любви «между вами». Что толку, если кто-то будет хорошим и станет ещё лучше, приняв христианство? Важно то, что человек связан с другим человеком, связан именно так, как связаны Лица Святой Троицы, связан бесконечно, дыханием самой Вечности, самой Благости, самой Любви.

То, что мы называем любовью, невозможно выяснить, вычислить. И поэтому очень мудро было установлено Церковью не читать на венчании паремий из Ветхого Завета. Это должна была быть паремия из Песни Песней. Представьте себе, диакон выходит и говорит: «Сестра моя, невеста! пленила ты сердце моё... Ланиты твои под кудрями твоими...», и далее ещё про что-то читает, что, конечно, он не может передать. Никакой диакон не может читать Песнь Песней. Он может только говорить о чём-то строгом и очень серьёзном. А любовь – это гораздо серьёзнее, чем сама серьёзность. Это гораздо важнее, чем все важности мира. И поэтому, если он будет читать эту песнь, то исказит благовестие о любви. И мы не читаем Песнь Песней, потому что мы не умеем. Нашим же молодожёнам эта Песнь вручается на ближайшие сорок дней в качестве утреннего и вечернего правила, потому что они

⁶ Из песни В.С.Высоцкого «Баллада о Любви» (1975).

имеют такую душу светлую, которой можно доверить эту паремийку, которую ни мы и никто не дерзает читать. Мы можем только своими словами сказать: «Господи, Ты есть любовь наша. Ты есть то, что делает нас способными любить другого человека, невзирая на то, что мы грешники». Ведь Бог пришёл не для того, чтобы люди стали праведниками, а для того, чтобы грешники научились любить друг друга.

И вот грешный Роман и грешная Анна сегодня являются центром нашего собрания. Они стоят в центре и окружены другими грешниками. Но когда все мы собираемся на общее дело, на Литургию, то каждый приносит свою святыньку, святыньку своей души. Мы тем боком входим в Церковь, каким мы святы. И наиболее святы сегодня, конечно, наши молодожёны, потому что они наиболее наполнены тем, о чём всё Евангелие. Они наполнены единством, они наполнены любовью. «Не по тому узнают, что вы Мои ученики, – говорит Христос, – что вы не грешите, или у вас нет дурных помыслов, или ещё что-то, а по тому, что имеете любовь между собою». И вот эта любовь между собою – она является стержнем, соком, воздухом, почвой и всем, что делает нас живыми. Неслучайно жених и невеста сегодня в центре общины. Самое главное должно быть в центре, второстепенное должно быть по бокам, а совершенно ненужное должно быть где-то вообще за кадром.

И мы будем молиться вместе со Христом, Который молится не о здравии, не об упокоении, а о единстве тех, кого Бог Ему дал. А лучшие из них – это те, кто сегодня стоят посредине. Дай, Боже, чтобы они всегда были лучшими. Лучшими не потому, что мы всё хуже и хуже будем, а потому что они будут всё лучше и лучше.

Прошёл этот год, и у нас остались какие-то воспоминания о нём, будто песок на руках, который, знаете, просыпался сквозь пальцы. Мы стараемся схватить что-то крупное, чтоб было за что взяться: может, я дом построил или вырастил дерево, или ещё что-то важное. Но жизнь-то не состоит из крупных дел. Крупные дела проходят. Жизнь состоит из мелких взаимосостояний, когда люди ощущают, что они действуют, они кому-то нужны, они вместе и рядом с кем-то.

Вот почему я считаю, что осуждать можно. Если мы запретим себе осуждать, мы не сможем никого полюбить. Любить всех мы не можем, а когда мы начинаем затыкать себе рот, нам уже не стоит верить. Когда свидетели Иеговы начинают улыбаться с порога, мне почему-то мерещится в этом игра, искусственность. Почему? Потому что они запретили себе целый ряд простых, естественных чувств. У них во взгляде нет вопроса «а ты кто? зачем пришёл?» Они сразу изображают любовь. Да, возможно, они её будут испытывать, но поначалу они точно врут. Зажатые, сдавленные люди, они сами себе не верят. Если спросить кого-то из них: «Ты уже любишь того, кто к вам пришёл?», он скажет: «Да, я его уже люблю», и сам себя обманет. Люди, когда требуют от себя слишком много любви, уже не могут понять, когда они любят, а когда – нет. Потому что они думают, что они всегда должны любить. Они всегда в состоянии «полной любовной готовности». А это неправда. И мы теряем те моменты, когда мы по-настоящему любим. Вот цена, которую мы платим за всеобщность наших требований. Всё, что мы в себя впихиваем, отнимает место у того, что там действительно могло быть.

Поэтому я думаю, что сейчас самое время почувствовать, что этот год прошёл, как некое соприкосновение с людьми. У Фредди Меркьюри был клип, где люди катятся, а он по ним скользит. И вот мы целый год как бы проскальзывали друг возле друга, соприкасались. Кто сколько заработал, кто сколько потратил, кто что разбил, починил – неважно. Так как это «бесчеловечно», тут нет ничего индивидуального, того, что относится к личности. Это всё мог бы сделать кто-то другой вместо тебя. А вот соприкосновение – это нечто личное, что-то настоящее, подлинное, то, что действительно есть у меня и у тебя.

На исходе года люди часто пытаются как-то посмотреть назад и сказать: этот год был таким-то и таким-то, спасибо тебе, жизнь, Господь Бог или судьба. И вот это макроизмерение всё портит. Мы как христиане должны любить друг друга, любить тех, кто поближе к нам. И тогда нам будет легко любить. Нам не надо будет любить всё человечество. Не нужно этого. Нужно любить ближних. «И кто есть ближний мой?» – спрашивает человек Иисуса. Тот, кто рядом с тобой, тот, кто тебе встретился, кто бы он ни был. Вот и всё.

На дорогах и распутиях Евангелия

30.

Надежда и душа

24.01.2021

На начало служения Иисуса, Мф.4:12–17

«...да сбудется реченное через пророка Исаию, который говорит: земля Завулонова и земля Неффалимова, на пути приморском, за Иорданом, Галилея языческая, народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет» (Мф.4:14–16).

Когда мы читаем наивные строки пророка Исаии и ещё более наивную их цитацию у Матфея, то вопрошаем: мы действительно должны присоединиться к этой ложной надежде, или нам стать в сторону для того, чтобы осмеять её?..

Данному пророчеству посвящены первые семь стихов 9-й главы Исаии. Но обычно христиане цитируют 1-й и 2-й стихи, стыдливо опускают 3-й и 4-й, а дальше цитируют 5-й и 6-й и стыдливо опускают 7-й. Так бывает, потому что мы – как бы недозрелый плод, мы – неспелые христиане, мы стыдимся чужой надежды. В первых двух стихах написано о том, какая была ничтожная земля Завулонова и земля Неффалимова, «но последующее возвеличит приморский путь...», а дальше, в 3-м стихе, говорится, что «Ты (т.е. Мессия) умножишь народ, увеличишь радость его. Он будет веселиться пред Тобою, как веселятся во время жатвы, как радуются при разделе добычи». И в 4-м стихе написано, почему они будут так радоваться: «Ибо ярмо,

тяготившее его, и жезл, поражавший его, и трость притеснителя его Ты сокрушишь, как в день Мадиама». Но Христос вовсе не собирался сокрушать ярмо притесняющих народ Израилев. И, в общем-то, так Он этот народ и не развеселил, и не умножил. В 6-м стихе Исаия пишет: «Ибо Младенец родился нам – Сын дан нам; владычество на раменах Его...». Это мы читаем обычно на Великом повечерии: «С нами Бог», «Сын дан нам». Но дальше в 7-м стихе сказано, что умножению владычества Его не будет предела на престоле Давида, который Он укрепит судом и правдою... И опять как-то не подходит. Мало того, что это не подходит ко Христу, это ещё и само по себе, скажем так, наивно.

И когда мы это читаем, наша незрелая душа хочет отойти от этого, побыть в стороне от чужой наивной надежды – столь же наивной, как и раннехристианская надежда о скором конце света. Нам бывает стыдно за это. Однако не нужно стыдиться чужой надежды. Потому что чужая надежда, конечно, несурозна, как всё, производимое людьми, но мы тоже надеемся на что-то другое. Мы – родственные души. И если древний иудей оформлял свою надежду как вечное Царство Израиля, избавление от притеснителей и т.д., то сегодняшние христиане надеются на всё хорошее против всего плохого, их надежда ещё более нелепа. И когда мы поясняем, на что мы надеемся, мы всегда выглядим нелепо, и в XXI веке, и во времена Исаии.

Но наша душа цветёт надеждою. Так она реагирует на Бога. И нам нужно ценить то, что она не мертва. Бог разговаривает с нами на языке нашей надежды, на языке нашей немёртвости. Наша душа пытается как-то выразить: «Я чувствую, что не всё пропало, я чувствую, что со смертью человека не всё кончается, и с положением Церкви не всё так гибло. Всё будет хорошо. Я не знаю, каким образом. И не пытайтесь брать у меня интервью, каким именно образом, потому что дальше будет глупость на глупости». Не надо

дальше спрашивать. Надо беседовать с немёртвостью души человека и распознавать в глазах блеск надежды, которая встречается и у верующего до встречи со Христом, и у верующего после общения со Христом. Вот что священо.

Поэтому, когда Матфей цитировал пророчество, он, наверное, имел в виду, что и тогда Исаия, находясь близко к Богу, был воодушевлён надеждой. И сегодня мы тоже, приближаясь к Богу, говорим: да не может быть, чтобы мир состоял из случайных скоплений атомов, не может быть, чтобы история человечества была подобна истории мха на каком-то пеньке, который пропадёт вместе с пеньком. Эта надежда в нас свята. И дай Бог каждому иметь сердце Исаии, которое надеется. А текст Исаии мы как-нибудь проинтерпретируем.

31.

Побыть с Богом

21.06.2015

О призвании Андрея и Симона, Ин.1:35–42

Какие странные диалоги мы слышим между Христом и апостолами! Услышав от Иоанна Крестителя «Се агнец Божий», они обращаются к Иисусу и идут за Ним. И Он их спрашивает: «Что вам надобно?» Этот вопрос относится ко всем нам. Бог всегда нас спрашивает: «Чего вы хотите? Что вы ищете?» И мудрые апостолы не стали перечислять пожелания из мирной ектеньи – о благорастворении воздúхов, о всевозможных градах, о мире во всём мире, ещё о чём-нибудь. Они ответили Ему: «Учитель, а где Ты живёшь?» Вот такой выходит абсурдный, кажется, диалог.

Конечно, Он знает, чего они ищут. Он же там появился для того, чтобы взять их с Собой. Им, конечно, известно, где Он живёт. И вообще, не в жилище ведь дело. Его жилище им не скажет ни о чём. Он не выглядит так, как будто у Него необычное жилище – то ли бочка Диогена,

то ли золотые хоромы. Он выглядел, как обычный человек, поэтому Его жилище – это лишь присловье. Христос говорит: «Ну, пойдёте и увидите». Со стороны выглядело так, будто их очень интересует, где Он живёт. И Ему тоже хочется узнать, как они оценят Его жилище. И «они пошли и увидели, где Он живёт; и пребыли у Него день тот».

После этого Андрей находит своего брата Симона и говорит: «Мы нашли Мессию» (т.е. чаемого Помазанника). Откуда он это взял? Неужели на жилище было написано «Здесь живёт Мессия»? Конечно, нет. И мы с вами должны понимать, что диалог между Богом и человеком всегда такой. Мы говорим об одном, а черпаем совершенно другое. Вот мы произносим мирную ектенью, а сами питаемся не тем, что мы говорим, и даже не тем, что Бог исполняет, а тем, что мы это говорим. Стоя пред Богом и произнося нечто, мы уже питаемся Богом. Неважно, что мы произносим. Мы можем сказать: «Господи, покажи нам Твоё жилище», «покажи нам, как выглядела Твоя правая стопа», или ещё что-нибудь наподобие. Неважно, не в этом дело. И слава Богу, что апостолы не стали конкретизировать, не стали уточнять, а ответили вот таким нелепым вопросом о жилище.

И этот диалог между нами и Богом продолжается и сейчас, и во время богослужения, когда прекрасные слова – уже, наоборот, не простые, а закрученные – переводятся нами в простые мысли. Когда богослужение говорит: «От юности моя мнози борют мя страсти», – мы думаем: «Господи, сохрани мою молитву от развлечения сейчас, а что там с юностью, я не знаю». Какой там был первый антифон? какой второй? о чём там зачало Апостола на Литургии? – не так важно. Важно, что мы стоим вместе с Богом и слушаем это Послание и Евангелие. Важно то, что мы вместе. И если бы апостолы ответили искренне на вопрос «чего ищете?», так, как они думают, они бы сказали: «Побывать здесь. Вот чего мы ищем. Мы ищем быть вот здесь, рядом».

И оттого что они искали побыть с Ним, им оказалось по пути. Христос идёт домой – и они идут к Нему домой. Потому что это самая важная задача – побыть с Богом.

Сегодня, когда в основном христиане живут счастливо, и не особо есть что загадывать, нам нужно вспомнить о самом главном апостольском движении – побыть с Богом. Позже Пётр скажет: «Хорошо нам здесь быть, сотворим три кущи» и т.д. А потом уже образованные апостолы прокомментируют: «Он говорил, не зная, что говорит», как будто они сами, когда были призваны, знали, что говорят. Мы исповедуем Христа Бога, но не знаем, чем исповедуем. Голова говорит, но самое главное говорит не голова. И поэтому, когда мы слышим такие вот диалоги с Богом, мы должны узнавать своё, и сказать: вот это братья наши во Христе, Иоанн и другие апостолы, говорят с Богом, и мы чувствуем, что это настоящий диалог. А вот когда они будут говорить о будущих делах, о своих чаяниях, о том, когда это сбудется, как скоро, какие приметы – это уже ерунда. Потому что Христос ответит так, что для них (и для нас тоже) толком ничего не будет понятно. Люди тогда понимают друг друга, когда не размениваются на понимание, а когда видят, что главное в том, что они стоят друг напротив друга. И это есть тайна евангельского слова. Не в том, что оно означает, а в том, перед кем оно произносится.

32.

Христианство: быть на стороне Бога

06.10.2019

О призвании галилейских рыбаков, Лк.5:1–11

В этом коротком евангельском зачале, можно сказать, сжат весь путь человека к Богу – от язычника до христианина. Вначале рыбакам ничего не удаётся поймать, но Господь даёт им рыбу. Они удивляются, радуются. Но Он

их призывает идти за Собой. И они оставляют сети, рыбу и идут за Ним.

Когда мы в стеснённых обстоятельствах, в нужде или горе, мы просим у Бога утешения. И это хорошо, это нормальное язычество. Это то, что есть в любой религии, в любом народе. Любые боги исполняют все эти просьбы – они утешают, помогают, а какой-нибудь Посейдон даёт рыбакам рыбу.

Но мы – христиане. Мы те, кто оказывает милосердие и поддержку Богу, кто приносит Ему утешение. Ведь у Него, по большому счёту, ничего не получается. Мы дожили до дилеммы, которую Достоевский когда-то обозначил: если будет по одну сторону истина, а по другую – Христос, то я выберу Христа. И сегодня, если мы посмотрим на библейскую историю, перед нами тот же выбор. У Бога ничего не получается. Он дал человеку рай. И что из этого вышло? Пришлось выгонять его оттуда – слишком умным змей оказался. Потом Бог потопил людей, думая, что потопил грех, – не получилось. Те, что выплыли, опять грешат. Он выводит Авраама из Ура Халдейского, чтобы через него начать народ, который должен поклоняться одному Богу. Потом Моисей с большим трудом учит этот народ единобожию, даёт закон, чтобы они были хоть немного лучше других народов, чтобы они были добрее, человечнее. И что? Евреев ненавидит вся планета, их презирают. Они не лучше других. Они распинают Христа, и тем самым выказывают обычное расположение человека. Так что и Моисей ничего не добился.

Наконец, приходит Бог наш во Христе Иисусе и учит свободе – от закона, от субботы, от старцев, от Писаний. Кажется, у Него-то должно получиться. Но ничего у Него не получилось. Стоило Ему улететь, как апостолы начинают убивать своих оппонентов. Анания и Сапфира умерли за грóши – немножко не донесли в церковь и уже убиты.

В IV веке, когда христиане получают власть, они начинают уничтожать своих оппонентов. Первая публичная казнь в 385 году – за убеждения. Значит, Христова идея свободы не принята.

Христос проповедует и завещает, что не должно быть у вас иерархии, не должно быть всё как в курятнике: один – выше, другой – ниже. «Мне не нужно ваше служение, давайте лучше Я вам послужу, Я вам умою ноги. Если кто из вас хочет быть первым, пусть будет всем слуга». Что-то вышло с этого? Смешно даже и вспоминать: иерархия в Церкви – наиболее жёсткая среди других социальных институтов. Христа даже пытались сделать царём – Он же не хотел этого. Но сейчас мы говорим: «Ты бо еси Царь мира и Спас душ наших, и Тебе славу воссылаем...» и т.д. Ничего не вышло.

Христианин – не тот, кто выпрашивает у Бога, а тот, кто Ему сочувствует; тот, кто становится на Его сторону не из желания что-то получить от Него; тот, кто говорит: «Господи, ничего страшного, что у Тебя ничего не получилось, у нас тоже ничего не получается. Мы всё равно на Твоей стороне, хотя всё похоже на то, что у Тебя и дальше ничего не получится».

Заповедь «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем» нужна не для того, чтобы угодить Богу, а для того, чтобы вообще Его понять. Если мы не полюбим Бога, мы не поймём, что происходит – почему всё валится из рук и у Него, и у нас; и почему Он может восхищаться травой и цветами, в то время как тысячи людей погибают в бессмысленных войнах. Наверное, и у нас остаётся только эта перспектива. Мы смотрим на траву, на солнышко, выглядывающее из ветвей, и говорим: «Слава Тебе, Господи, за то, что у нас есть. Это у Тебя, пожалуй, получилось». Вот эти мелочи, что-то незначительное. И если, знаете, мы будем мыслить как язычники: один бог заведует рыбой, другой – охотой, третий – ещё чем-нибудь, то наш Христос – Бог маленьких радостей и чудесных маленьких

явлений, которыми Он радует человека, которыми Он влюбляет в Себя. И мы, влюблённые в Бога, всегда должны стоять на Его стороне. Не потому что Он выгоден (пожалуй, нет, Он не выгоден), а потому что мы Его любим. В этом и есть христианство – быть всегда на стороне Бога, сочувствовать Ему, утешать Его и делать меньше то глубочайшее вселенское одиночество, на которое Его обрекают те, которые называют Его Царём, Всевышним и Абсолютным.

Пока мы не возлюбим Бога всем сердцем, всем помышлением, вообще ничего не будет понятно в этой жизни. Не будет понятно даже, зачем любить ближнего. Я думаю, что первая заповедь – это ключ к познанию всего бытия. Стало быть, для нас, христиан, это главная заповедь. И вторая – подобная ей – «люби ближнего», потому что для Христа это, собственно, одно и то же.

33.

Место для Бога

26.06.2022

О призвании галилейских рыбаков, Мф.4:18–23

Рассказ о призвании апостолов всегда оставляет такое впечатление, что что-то очень важное здесь пропущено. Христос подходит к Андрею и Петру, говорит: «Пошли за Мной», и те встают и идут за Ним. Потом также Иоанн с Иаковом встают и идут. Даже если так всё и было, кажется, что пропущено то, что происходило и зрело у них до того: размышление, томление...

Все четверо были рыбаками, и эта рыба им, наверное, уже снилась: сети – рыба, рыба – сети, сети – рыба... И Христос, обращаясь к ним, говорит: «Я сделаю вас ловцами человеков», т.е. вы будете иметь дело не с рыбой, а с людьми. Рыба и сети – это «оно», а человек – это нечто живое. Вы перестанете ковыряться в мёртвом, вы будете

общаться с живыми. Конечно же, здесь дело не в том, чтобы ловить людей и жарить их, но именно в благовестии общения. И, может быть, рыбаки пошли за Христом, потому что им уже совершенно невозможно было находиться в этой ситуации. Другие же апостолы, может быть, были призваны по другой причине. Например, многие чаяли избавления Израиля от оккупантов, как зилоты, а кто-то – «от грехов их».

Мы, к сожалению, редко предоставляем Богу отдельное место в душе. Обычно Бог у нас занимает чье-то место – место надежды на спасение, на утешение, избавления от пороков, страданий и т.д. И Бог призывает каждого человека, обращаясь к его «естеству». Кому-то, видя его психологическую усталость, выжженность, Он говорит: «пошли за Мной»; другому говорит: «пошли, я тебе расскажу что-то интересное». Третьи узнают в Нём Того, по Кому они давно тосковали. И всегда люди идут не за Богом, а за чем-то своим. Поэтому не надо смущаться и удивляться, что у одного Бог выглядит как либерал, у другого – как ницшеанец, у третьего – как Иоанн Грозный. Мы всегда идём не за Богом, а за тем, чего нам недостаёт. И как-то апостол Павел верно сказал: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти хотя бы некоторых». Я думаю, что это он подслушал у Самого Бога, Который для каждого из нас делается чем-то важным, недостающим, чтобы быть с нами хотя бы на этих условиях.

34.

Евангелие для хоббитов

02.02.2020

О деяниях Христа в Галилее, Мф. 4:23–25

Читая это зачало о великом множестве исцелённых бесноватых, расслабленных, лунатиков и всяких немощных, кажется, что Христос таки поддался искушению дьявола,

который как бы говорил Ему: «Яви чудо – и тысячи пойдут за Тобою». И вот Он явил чудо, и тысячи пошли за Ним. Но мы понимаем, что рассказ об искушении в пустыне был дан Христом ученикам, т.е. «элите» – тем, кто мог различать, что значит «для себя», а что значит «для других». Конечно, есть нечто очень доброе в том, что Христос исцеляет простых людей. И здесь в Евангелии подчёркнуто, что не одиночки за ним ходят, а целые толпы: «из Галилеи и Десятиградия, и Иерусалима, и Иудеи, и из-за Иордана...». За ним ходят люди как бы ещё «нерождённые» – люди, которые ещё не отделяют себя от толпы, от масс. Они идут туда, куда все идут. Там, говорят, чудотворец – они идут к чудотворцу. Там, говорят, еретик – ну, значит, надо убить еретика.

И хотя эти люди ещё нерождённые, Бог любит их. Как и профессор Джон Рональд Руэл Толкин по-настоящему любил своих придуманных фантастических хоббитов, похожих на людей, но живущих в уютных норах и очень любящих есть, пить, танцевать и курить. Сам Толкин любил курить, и поэтому он воплотил в них такие примитивные интересы и привычки. Для него хоббит Бильбо Бэггинс – это, конечно, примитивный, но очень дорогой персонаж. И для Христа люди – это своего рода хоббиты, которым ничего великое и духовное не интересно, но это тоже очень дорогие, драгоценные сущности, и Он ради них, собственно говоря, соглашается с дьяволом. Тот думал, что Бог не любит их так же, как и он сам. Что с этих людей взять? Им посыпешь немножко чуда, и они, как голодные курочки в курятнике, сбегаются, надеясь, что им что-то достанется, что-то перепадёт. Им нет дела до того, кто сыпет. Может, он болен раком и скоро умрёт, а может быть, он на пороге прекрасного открытия – им всё равно. Они идут туда, где чудо. И для дьявола это означает, что они просто голодные слабосильные твари – они никто.

Однако Христос, соглашаясь с тем, что они никто, любит их. А мы – нет. Потому что у нас каждый раз, как бы мы ни рассуждали, получается, что духовные люди лучше, чем бездуховные. А Христос, может быть, для того и исцелил эти сотни или тысячи, чтобы через пару строк сказать: «Блаженны нищие духом... Блаженны вот эти самые хоббиты». У нищих духом нет этого духа. У них этого духа на две копейки. Они нищие, и они плачущие, они страдают. И этого достаточно для того, чтобы быть к ним милосердным. Не надо требовать от них ещё каких-то духовных высот, размышлений о сущности бытия, о бессмысленности круговращений во Вселенной и т.д. Они никогда об этом не думают. Но Бог их любит, а мы нет. Почему нет? Потому что мы сделали замечательную приписку в конце вот этой тирады о блаженных: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить...», – и мы дописали, – «за Меня». А что, если не «за Меня», то уже их не жалко? Ну какого-нибудь китайца, избитого до смерти плетью по велению хозяина, уже не жалко? Он же не «за Меня», в смысле не «за Христа». Нам уже всё равно на него, получается? Всё равно, так как мы не такие, как Бог. Мы озабочены: а кто из нас выше? Наверное, выше тот, кто духовнее... Но Христос мыслит иначе: «Да, хоббиты ни на что не способны, но они такие же прекрасные, как и духовные люди». Поэтому Христос с духовными духовен, а с хоббитами Он как хоббит. Я не думаю, что на свадьбе в Кане Галилейской Он выхватывал людей из-за стола и поучал их Царствию Небесному. Не для того наливают вино, чтобы потом морали читать, куда рыгать можно, а куда – нельзя. Христос любил этих людей, которым не хватило вина, и Он с ними радуется. А тем людям, которым не хватило рыбы, – всю ночь ловили, ничего не выловили – им не хотелось ничего духовного, просто рыбы, и Он дал им

рыбы – огромный улов. К тому же Он Сам для них пожарил эту рыбу.

Вот это большое откровение Божие о том, как Он любит этих хоббитов, нам ещё предстоит освоить. Нам ещё нужно пожить с Ним, чтобы понять, за что Он любит духовных, за что Он любит исступлённых, неистовых, типа Иоанна Крестителя, за что Он любит бездуховных.

А за что Он любит фарисеев, мы слышали сегодня в Апостоле: «но будь образцом для верных в слове, в житии, в любви...» и т.д. То есть будь примером! В пиаре это первое наставление: кажись кем-то, будь кем-то, чтобы кто-то тебя видел. Представьте, человек что-то делает, чтобы его видели. Он как дойная корова на выставке, он не для себя делает, а для примера. Разве фарисеи не ради этого всю жизнь полагали? Они и старались быть примером. Они и были примером. Ничего, что внутри бардак. Будь примером, ведь это работа у тебя такая – быть примером. И поэтому люди духовные, которые понимают и наружное, и внутреннее, от этого не страдают. Они понимают, что некоторые работают для того, чтобы быть примером, а есть внутренний человек, который живёт не для того, чтобы быть кому-то примером, а для того, чтобы *быть*, чтобы реализоваться.

И вот Христос принимает и обнимает нас всяких, а мы ссоримся в этих объятиях. Один говорит: «Этот хоббит вообще ни о чём не думает, кроме жареной картошки, пива и ещё каких-то удовольствий. Я всю жизнь провёл в подвиге, я даже бычок не кидаю мимо урны». А другой: «Посмотрите, они не радеют о науке, о стране, они не патриоты, они не те, не те...». Мы ссоримся в объятиях Христовых, потому что не поняли эту проповедь... А если уже поняли, то и ладно.

Удивительно, как в церковной традиции люди не желают слышать то, что слышат. Это часто бывает, но случай в Назарете очень показателен.

Приходит Христос в отечество своё, где Его все знали, и где с детства Он возмател в любви у Бога и людей. По обыкновению Своему Он идёт в день субботний в родную синагогу, читает там любимую 61-ю главу книги пророка Исаии, и говорит: «Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами». И самое удивительное в этом зачале, что «все засвидетельствовали Ему это, и дивились словам благодати, исходившим из уст Его». Но чего стоит это свидетельство, если спустя несколько минут, поняв, что чудес не будет, эти же люди решили убить Его? То есть они, кажется, готовы были обнять Его, расцеловать, подарить открытку со словами любви и восхищения, если бы была такая традиция, и воздать всяческие почести... Это очень напоминает другое зачало, в котором Ему тоже кричали «осанна, осанна!», но через пять дней просили Пилата: «распни Его!» Здесь же Его земляки в минут десять уложились. Десять минут и всё. И все эти восторги «ах, как хорошо! какая благодать!», оказывается, ничего не значат. Они решили всё-таки выгнать любимого своего Иисуса. Мало того, они поволокли Его из города на вершину горы, чтобы скинуть оттуда.

Что же не понравилось назарянам? Христос сказал им, что они ждут от Него чудес, которые были явлены Им в Капернауме, и тут же намекает на то, что скорее чудеса явлены будут среди язычников, чем здесь, в отечестве Его. «Услышав это, все в синагоге исполнились ярости», что означало одно: «раз Ты хочешь быть Мессией не для

нас, а для них, то не быть Тебе Мессией вовсе, любимый Ты наш, – скинем Тебя».

Скинуть Христа им вроде как не удалось. Хотя Ефрем Сирин говорит, что удалось, и Он упал с горы. Но воздух, как пишет преподобный, покорно поддержал Его крыльями своими, и Христос упал мягонько и пошёл дальше. А как можно уйти от разъярённой толпы? Это вам не на корзинке спуститься, это не от стражников убежать, которым дела нет до Христа. Убежать от разъярённой толпы, которая довела Тебя уже до обрыва, невозможно, подумал святой Ефрем. Он скорее поверит в то, что воздух сгустится под Христом и спасёт Его, а не ангелы или какие-то Его товарищи, друзья детства. Поэтому он истолковал, что галилеяне Его таки скинули, а когда увидели, что падения не случилось, то поверили и приняли Его.

Некоторые чудотворцы из толкователей говорят, что Он так лихо – раз! – и прошёл между капель, как в старом еврейском анекдоте. Хотя мы знаем, что легче пройти между капель, чем между людьми, которые находятся в кураже, у которых оказался общий враг...

Другие горе-толкователи говорят, что «ещё не время». Но если не время, зачем тогда было ходить в синагогу, говорить что-то, народ баламутить? Ну да ладно. Главное, что скинули. Или не скинули, но хотели скинуть.

А что это означает для Луки? Открыв его Евангелие, а не толкователей, можно заметить, что для евангелиста это становится обратной стороной искушения Христа. Ведь это зачало идёт сразу после сорокадневного поста Иисуса в пустыне, где дьявол искушал Его чудом. Подняв и поставив Его на крыле иерусалимского храма, он сказал Ему: «Прыгай, и Ангелы сохранят Тебя и на руках понесут! Ты ведь такой праведный!» Христос сказал: «Нет, не прыгну». – «Ах, Ты не хочешь прыгать? Значит, Тебя скинут». И вот для Луки попытка людей скинуть Христа с горы означала

ещё одну попытку искушения. То сатана *прямо* говорит Ему: «бросься вниз», то *вынуждает* Его броситься вниз и сделать чудо.

Так прыгнул Он или не прыгнул?.. Кто-то хочет верить в чудо. А некоторые толкователи толкуют, что Христос на них как глянул Своим трезвым взглядом (я вот смотрю, а эффекта, увы, нет), так они все и пристыдились, камни выронили, ручки опустили, и Он прошёл между ними, пребывающими почти что в оцепенении от того поступка, который они замыслили. Это же ужасно, на что они решились! Но это тоже толкование тех, кто сидит в кабинете, и кто никогда не видел людей, правых в своей ненависти и мести. В другое время, когда они пьют чай или посещают Третьяковскую галерею, – это те же люди, но это другие люди. Когда люди собираются вместе против кого-то, включаются такие законы, которых даже Исаак Ньютон не знал. Наверное, потому что он не открывал законов социологии.

Православные говорят: «Христос посреди нас». И это правда. Но бывает, что Он посреди нас сматывается, спасается бегством. Потому что мы вместе нередко потому, что есть кто-то третий – «редиска» – или какие-то там еретики, атеисты, или (страшно сказать) всякие пусирайты. И мы, когда объединяемся против кого-то, Христос тоже посреди нас, но только в этом случае Он сматывается незаметно сквозь разъярённую толпу.

36.

Мы не согласны с лёгким прощением! 12.03.2018

*Об исцелении расслабленного
в Капернауме, Мк. 2:1–12*

В сегодняшнем зачале много граней. Здесь и дружба людей, которые принесли расслабленного Иисусу. И их вера, вменяемая самому расслабленному. И ропот книжников,

которые чего-то недопонимают. И само чудо исцеления притягивает к себе внимание. Оно здесь курьёзно. Собственно, его не должно было быть. И расслабленный, который был исцелён, по идее, должен был поклониться низко в ноги книжникам, потому что из-за них и ради них произошло это исцеление. И если мы посмотрим на это повествование в целом, то, конечно, оно не о чуде исцеления.

Четверо друзей, принесшие расслабленного, не смогли войти в переполненный дом. Они разобрали крышу и спустили постель, на которой лежал расслабленный. Христос говорит: «Чадó! Прощаются тебе грехи твои». Но фарисеи и книжники были людьми очень честными и праведными, и они возмутились: «Ну как можно вот так просто прощать грехи? И вообще, кто Он Такой, что прощает грехи?» Главное здесь то, что их праведность не позволяет так легко прощать грехи. Так получается, что праведность человеческая где-то на самом глубоком уровне требует непощения грехов. Не только для других, но и для себя. Такова наша праведность, застрявшая, зациклившаяся на самой себе. Расслабленный не кается, а Христос смотрит на него и говорит: «Прощаются тебе грехи твои». Как легко и просто! Что же это Он делает? Он профанирует прощение грехов, которое должно быть плодом долгих покаянных усилий, серьёзного изменения ума, перерождения сердца, ещё чего-нибудь такого хардкорного. А здесь – на тебе! – прощаются грехи. Да кто Ты такой?! Даже Бог не имеет права так прощать грехи!

Получается, что наша праведность, наша «освящённость» приводит нас в этот тупик. Мы не можем согласиться с лёгким прощением, и простить самих себя мы не можем, так как это был бы слишком лёгкий путь. Мы боимся того, что будет дальше. Но это Евангелие и читается для того, чтобы мы разобрали путь к Богу, разобрали этот завал, эту крышу, которая мешает нам спуститься

к Богу. Оказывается, Бог проще, к Нему надо спуститься с высот нашего романтизма, наших грёз о себе, какие мы окаянные. Да какие же мы окаянные?! Просто люди. Разве может какая-нибудь тля, например, быть окаянной? Может заяц быть окаянным? Не может. Но человек любит мечтать о себе и говорить: «Я великий грешник, я нечто! Поэтому нет мне прощения». А если посмотреть на себя проще, то можно увидеть, что ты просто расслабленный, не хочешь думать дальше и застрял на этом этапе. Ведь фарисеи и книжники хотели, чтобы вот этот расслабленный не получил прощения грехов, а стал бы получать его, т.е. что-то делать, каяться, трудиться. Они бы хотели видеть этот процесс. Но они бы не хотели видеть его финал, когда он встал бы и сказал: «Всё, теперь я свободен, иду к девчонкам». Нет, и мы тоже не позволим ему идти к девчонкам. А вы думаете, он мечтал ходить в синагогу? Ведь расслабленность – это своего рода проклятие. А тут проклятый Богом оказался просто так помилованным.

Итак, мы в той же ситуации. Мы тоже не можем принять этого деяния Христа. Что-то в нас возражает. Мы говорим: «Не может быть всё так просто». А Евангелие говорит: «Нет, всё просто». Всё проще. И мы должны, раскопав этот завал в своей душе, сказать: «Господи, вот я пред Тобою. Сегодня есть, завтра завяну. Я такой как есть, а завтра и этого не будет. Начни со мной диалог, который продолжится вечно. Скажи мне что-нибудь, и я запомню это. Я буду Тебя о чём-нибудь спрашивать, а Ты мне будешь что-нибудь говорить. Это куда важнее, чем моя праведность или неправедность».

Вот этот живой диалог между человеком и Богом должен начаться, и должно прекратиться чаяние движения воды. Есть похожий сюжет у Иоанна Богослова, где у расслабленного, лежащего тридцать восемь лет у купели, удалось взять интервью. Христос его спрашивает:

«Чего ты ждёшь?» – «Жду движения воды, чтобы что-то чудесное как-нибудь со мной произошло». Понятно, что он ждёт того, что не может произойти. И этот расслабленный тоже, небось, ждал чего-то такого. А всё, оказывается, просто.

И мы с вами, если немного станем попроще, то скажем: «Господи, вот мы, как цветы, выросшие пред Тобой, радуемся каждому дню и благословляем ближнего, будь он хоть трижды проклят от Тебя, Господи». И это будет шаг, равный тому, про который рассказало нам сегодняшнее Евангелие.

37.

Невозможная вера

20.03.2022

*Об исцелении расслабленного
в Капернауме, Мк.2:1–12*

Евангелие, как обычно, возвещает нам о том, что мы должны верить в то, во что невозможно верить. Если мы присмотримся ко всем этим случаям исцелений, то везде Христос говорит о вере. И это всегда вера в какую-то ересь – во что-то совершенно немыслимое, невозможное. Вера в то, что Сын Человеческий может прощать грехи. Вера в то, что если кровоточивая прикоснётся к праведнику, то она исцелится... Все подобные случаи говорят не просто о вере как убеждённости, а именно о еретической вере. И доколе у нас есть хоть сколько-то веры в то, что не может быть и неправильно, доколе мы и христиане...

Вчера я был в одном храме, где кроме обычных песнопений пели «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав». С одной стороны, вроде как рановато и неправильно. А с другой стороны, вполне правильно – духу-то соответствует!..

В этом Евангелии ценно то, что Христос обращает внимание на человека самого простого. Поэтому-то Он и говорит расслабленному: «Прощаются тебе грехи твои». Он словно бы продолжает диалог тех, кто его принёс. Они, наверное, были убеждены в том, что тот очень грешен, и поэтому расслаблен. Иисус как бы говорит: «Нет, ты не грешен, прощаются тебе грехи твои».

Христос обращает внимание на простых людей, на тех, кому плохо. И если мы хотим соответствовать Евангелию, то должны обратить внимание на простых людей. Сейчас наши умы заняты геополитическим раскладом на планете. Это хорошо, конечно. Но лучше позаботиться о тех, кто рядом, кому за рыбкой на «Привоз» сходить страшно. Так вот, вы сходите и купите им рыбку. И съедите. За них... Шутка. Вместе с ними!

То есть Христос, от Которого ждут царство, – Он же такой чудотворец! Он же Сын Давидов! – обращает внимание на отребье, т.е. на людей третьего сорта, как тогда считалось. Да ещё и грешников. И нам стоит оторвать взгляд от больших событий хотя бы для того, чтобы этот взгляд оказался свободным для нашего ближнего. Это будет и для нас полезно, и по-евангельски. Пусть мы не скажем «встань и ходи» и не исцелим никого, но мы скажем «привет!» Это уже хорошо. Мы можем спросить «есть ли у тебя печенье к чаю?», и это всё равно, что сказать «встань и ходи». Многих людей никогда об этом не спрашивали. Когда вас последний раз спрашивали, есть ли у вас печенье к чаю? Только на чаёвнях у нас всегда спрашивают. Это же всё равно, что услышать голос с неба «встань и ходи!» Так что мы с вами тоже можем поучаствовать в этом Евангелии даже в эти дни, в которые обычно люди с головою закапываются в такие проблемы, которые уж точно решить сами не в состоянии.

Превысить меру добра

июль 2010

Об исцелении сухорукого в субботу, Мф.12:9–14

Господь, придя в субботу в синагогу, исцеляет человека, имеющего сухую руку. И фарисеи, чтобы обвинить Иисуса, спрашивают Его: можно ли исцелять в субботу, да ещё и в синагоге, т.е. в центре самой субботы? Вопрос риторический. Конечно, нельзя. Потому что из законнической логики первого века следует, что если Бог велел ничего не делать в субботу, значит, не положено. Неужели человек, который исцеляет другого, добрее Бога? Если каждый будет исцелять в субботу, значит, в субботу можно работать и врачу, и медсестре, и уборщице, и буфету, который их всех кормит, и тренеру в тренажёрном зале или бассейне, который помогает другим не болеть и т.д. И конечно, салоны красоты и парикмахерские также должны работать в субботу, потому что они стимулируют людей к здоровью. То есть если позволить людям исцелять в субботу, то вся суббота будет отменена...

Христос говорит: «Когда у вас в субботу овца упадёт в яму, вы же её вытаскиваете?» Но что там овца? Дело не в том, что фарисеи тоже нарушают субботу, а в том, что для законника Бог есть Бог, а добро есть добро. Они не видят в добре Бога. Если кто-то делает что-то доброе, для законника это ещё не означает, что это от Бога. Потому что Бог – это одно, а добро – это другое. Он видит Бога отдельно, слишком отдельно. И если Бог не повелел это делать в субботу, значит, это и не добро. Если доброе дело совершено не по уставу, значит, оно не от Бога. Это нам очень знакомо. Например, если потомственная ведьма исцелила вас от какой-то ужасной хвори, значит что? Значит – это не от Бога. И мы ввязываемся в эту драку. Мы говорим: от Бога то, что Он сказал и прописал, а то, что Он не сказал, то не от Бога. Теперь мы заставляем Бога соблюдать наши

субботы. Мы говорим: «Господи, Ты не должен творить чудеса у пятидесятников! Господи, не иди к язычникам! Тебе там нечего делать! Ты не имеешь права там исцелять! Ты ведь Сам сказал! Остановись!» И это вместо того чтобы человеку, исцелённому язычниками, сказать: «Он тебя исцелил, а мы тебе расскажем о смысле той жизни, которую Бог тебе дал. Мы согреем тебя любовью и вниманием». Но вместо того, что заповедовал Христос, мы говорим: «Нет! Он не исцелил, и мы не исцелим. Умри, но не сдавайся».

И вот эти люди, которые окружают сухорукого, они обнажают свою сухость. Но только у них пересохло сердце. У того не двигается рука, а у них не двигается религиозное чувство. У них нет ощущения, что Бог везде, что Он всех любит и Он больше субботы. Христос исцеляет этого сухорукого при их свидетельстве для того, чтобы исцелением одной сухой руки, может быть, исцелить двадцать сухих сердец. Чтобы вместе с движением этой руки что-то подвинулось и в нашей душе. Мы не в синагоге и не думаем о субботе, но мысли всё те же. Дальше своего огорода мы Бога не пускаем и говорим: «Господи, как Ты смеешь нарушать собственный устав? Ты не можешь быть добрее Себя Самого!» А Бог может быть добрее Себя Самого. И мы должны быть добрее самих себя. Потому что если мы привыкли к определённой мере добра, то каждый раз, когда Бог нарушает Свою меру добра, мы тоже должны спешить нарушить свою собственную меру добра и сказать: «Да, я, конечно, добр, но сегодня я буду ещё добрее, потому что сегодня суббота (т.е. по-нашему – воскресенье)». И Бог в субботу ещё добрее, чем Он бывал в другие дни. Он исцелял даже в самом центре запрещения, в центре святого покоя.

Конечно, остаётся много людей, для которых почитание Бога означает соблюдение Его запретов. Но может быть, сегодня станет чуть больше тех, для которых созерцание

Бога – это созерцание Его добра. И может быть, мы, наконец, будем узнавать в добре Бога и не искушаться словами апостола Иоанна, который говорит: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём».

39.

Воля Божия и человеческая

23.11.2019

«Что должно делать в субботу?», Лк.6:1–10

Пока ребёнок маленький, он не понимает, что он повторяет родителей. Подросший ребёнок думает, что он совсем не похож на них. Но позже, уже повзрослев и успокоившись, он понимает, что многие черты, какие-то привычки и замашки у него от отца, и он является в каком-то смысле продолжением отца. Если мы сыны Божии, мы также должны ощущать Небесного Отца. То, что мы раньше считали своим, теперь мы осознаём, что это от Бога в нас такое желание, от Бога у нас такое стремление. Это потому что мы дети Божии. Вот почему мы делаем то-то и то-то. Когда человек взрослеет, он осознает это. Пока он ещё ребёнок, пока он очень занят осмыслением того, что он индивидуален и неповторим, он думает, что это неправда, и что он даже против Бога. Но он и против Бога как Бог, потому что Бог тоже был против «Бога», и Он тоже не очень-то чтил Того, Кого чтили люди. Почувствовать себя сыном Божиим означает быть, в некотором роде, продолжателем Отца, который в нас запечатлелся и живёт. Это здорово, когда мы обнаруживаем в себе сопричастие Бога. Потому что тогда мы ощущаем свободу волеизъявления, ибо наше волеизъявление подчиняется не только греху, но и благодати Божией. Наша воля перестаёт быть только человеческой, она ещё становится и благой Божией волей.

Человеческая воля и Божия не противостоят друг другу (как думали древние), а только одна из другой и могут

следовать. В случае их противопоставленности существование Бога раздавит существование человека. Если же Бог существует как часть человеческой интенции, человеческого намерения, если Бог – это то, что во мне святое, что двигает меня, что делает меня беспокойным, делает меня обрадованным, значит, моё человеческое – оно не пропащее, оно может жить вечно. Именно человеческое! Не потому что Бог его возьмёт на поруки, а именно потому, что оно человеческое, оно моё. Именно моё может жить вечно, а не Божие, которое я буду имитировать подчинением Божиим требованиям. Они никогда не будут моими, потому что они довлеют надо мной.

Когда пешеход переходит дорогу, он смотрит направо и налево. Кажется, что он подчиняется правилам дорожного движения, где расписан безопасный порядок перехода через дорогу. Так вот, он не думает, что он кому-то подчиняется, потому что считает, что это естественно – оглянуться по сторонам. То есть правила дорожного движения и сам пешеход в этот момент говорят одно и то же, потому что они рождены одним и тем же. Вот что такое воля Божия. Она не противостоит человеческой. Она тоже человеческая, если Бог и человек исходят из одних принципов, из одной цели.

И когда один человек любит другого, он вполне Божие дело делает. Апостол Иоанн это выразил так: «Тот, кто любит, тот познал Бога». Вот почему не влезает Евангелие Христово в ветхозаветные страницы. Нельзя дописать его на полях, нельзя делать Христа толкователем или продолжателем Ветхого Завета. Он совершенно радикален. Он радикальнее, чем радикализм. Он вообще другой, Он – о другом. Его сделали моралистом, хотя Он только попытался показать, что то, чего вы хотите, – оно же не работает. Не бывает так, чтобы человек стал святым и от этого стал добрее. Не получается. Наши святые – это загнанные

в клетку люди, которые не могут выйти из клетки, они даже подрысник не могут снять с себя. Система попросту не работает. И этот аргумент не против морали, а против системы. Если мы намереваемся заявить о смене какой-то системы, надо показать, что она не достигает намеченной цели.

Вот почему Христос нарушал субботу. Он хотел этим подчеркнуть, что нарушение субботы входит в *заповедь* о субботе. Если нам нужно сказать, что субботу не надо нарушать, значит, мы не чувствуем, что её не надо нарушать. То есть когда мы, следуя заповеди, не нарушаем её, мы её нарушаем, потому что остаёмся бесчувственными к тому, чтобы знать это по самим себе, что нельзя нарушать субботу. Порождение слепцов! Если человек не понимает, что переходить дорогу в неположенном месте опасно, то ему бесполезно что-то объяснять. Даже переходя там, где надо, он всё равно не поймет, почему это делает, и не соблюдёт заповедь о безопасном переходе, потому что он останется таким же дундуком, каким и был.

Каждая заповедь, только потому что она есть, оглушает того, кто её слышит. И она не нужна тому, кто её и так понимает. Если нам не нужно говорить о субботе, значит, мы подлинно можем чувствовать субботу, но особенно пятницу. А если мы дундуки, то нам можно говорить про почитание субботы именно потому, что мы таковы. При этом мы, даже зная о том, что настала суббота, не почувствуем, что она настала. Суббота – ладно, то ерунда. А вот Бога не чувствовать и думать «какую Он заповедь сказал?»... Неужели вы не видите, какую Он заповедь говорит? Если этого не видно, или если это нужно отдельным кодексом, заверенным патриархией, получать, то это бесполезно, потому что там может быть любая интерпретация.

Хорошо, что мы прочли это зачало не в контексте какого-либо праздника, а просто в контексте евангельской истории – той истории, которую Бог разделил с людьми. Мы с вами знаем, как оно всё было и чем всё закончилось. Когда Христос входил на ослёнке в Иерусалим, люди собрались, устроили Ему овацию и хваления. Но в конце 5-й главы Евангелия от Иоанна Он говорит: «Не принимаю славы от человеков». То есть Он понимает, и мы с вами должны понимать, что в рукоплескании, прославлении и превознесении может утонуть не только Бог, но и человек. Когда человек слишком хвалит, теряется тот момент, кого именно он хвалит и ради чего всё это.

Поистине, крайне радостный язычник очень похож на крайне радостного христианина, и крайне грустный язычник тоже очень похож на крайне грустного христианина. И когда люди встречают и хвалят Христа – «Осанна Сыну Давидову», – Он воспринимает это как искажение человека, и уж тем более искажение Бога. И дело не в том, что они были нечестны в этот момент. Почему Христос не приемлет славы от человеков? Почему «Сын Человеческий пришёл не для того, чтобы Ему служили»? Почему всё это пресмыкательство перед Ним чуждо для Него? Потому что Он знает, что это искажает человека.

Беда не в том, что они в воскресенье прославляли Его, а в пятницу уже готовы были распять. Главное, что когда человек делает это искренне, он искривляется. Поэтому Христос использует любую возможность и ситуацию, чтобы просто побыть с людьми, какие они есть.

Скоро после торжественного входа в Иерусалим, через несколько дней, происходит Тайная Вечеря. Кажется,

что эта ситуация закручена вокруг Христа. Но на самом деле Тайная Вечеря закручивается вокруг обычного пасхального ужина, где Он мог бы просто побыть вместе с друзьями. Нашему Богу в какой-то Своей трансценденции – где-то по ту сторону добра и зла – может быть холодно, одиноко, и Он привлекает к Себе человеческую любовь. Но Он не хочет, чтобы вокруг Него плясали. Он хочет просто побыть между людьми, поэтому Он выбирает ситуации, где Он не служит центром внимания, где люди просто едят и пьют, просто сидят и разговаривают. Хотя в сказаниях евангелистов Он находится в центре внимания.

Христос не приемлет славы от людей, потому что любое крайнее состояние уводит и от истины о человеке, и от правильного восприятия Бога. Поэтому если мы с вами почаще будем обращаться к Богу без особого повода, без торжественного пафоса, даже без глубочайшего покаяния, просто как к человеку, который рядом с нами, думаю, мы приблизимся к истине.

Представьте себе, у вас день рождения, все вокруг вас порхают как бабочки. Согласитесь, это ситуация нездоровая. Вас не так любят. Вас любят чуть-чуть меньше и тише. А вот когда в быту к вам хотят сесть поближе, послушать вас, может быть, притронуться к вам – это гораздо истиннее, чем велебечивые слова на вашем юбилее.

Вот почему Христос уходит от ситуации, когда бы люди должны впасть в славословие или даже выпрашивать у Него что-либо очень важное. Потому что тогда всё как-то не по-настоящему.

Мы каждый день, я считаю, можем стоять пред Богом и просто говорить: «Господи, вот я перед Тобой». И постояв так минутку, можно идти смело. Потому что все наши кривляния типа «я самый грешный» или «сегодняшний день просто прекрасен» – это уже искажение.

Знаете, раньше были комнаты смеха. Заходишь, и там одно из зеркал обязательно растягивало человеческое лицо в области рта, и человек превращался в некий ходячий смайлик. Но это искажение. Поэтому мы приходим к Богу как есть, чтобы Он насладился нами – Своими созданиями. Как мы дарим друг другу тепло, так мы должны дарить тепло и Богу. И тогда Он постучит к нам в дверь, мы услышим Его, впустим, и Он будет с нами вечером, т.е. просто ужинать, а не торжествовать, пьянствовать и т.д.

41.

Существительное и прилагательное 06.07.2014

«Ищите же прежде Царства Божия...», Мф.6:22–33

Христос проповедует: «Не можете служить Богу и маммоне». И часто после этих слов бедные люди теряются и не знают, что им делать, тем более дальше они слышат: «Посмотрите на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; сегодня эта полевая трава есть, а завтра будет брошена в печь; и всё же Бог одевает её и заботится о ней...» То есть делайте, как они – летайте и пойте, растите и цветите, и не думайте о завтрашнем дне! Люди, услышав это, не знают, что и думать об этом Евангелии. То ли мы не так поняли, то ли те неправильно записали. А часто бывает и то, и другое. Мы бы уже давно переинтерпретировали Христа, но никак не получается. Хорошо, когда попадётся хороший поп, который сначала про одно расскажет, а когда дойдёт до другого места Евангелия – про другое. И всё будет складно, и все будут довольны. Например, в 14-й главе от Луки очень мудро сказано: «Кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не посчитает, что для этого нужно, и что у него есть». То есть перед тем, как что-то делать,

надо подумать о завтрашнем дне, обо всём позаботиться наперёд, иначе нас ждёт фиаско. Если человек решит, что он как трава полевая будет расти себе, цвести и пахнуть, то расти он будет, а вот цвести и пахнуть – вряд ли. Если он думает, что он как птичка или стрекоза будет беззаботно летать и петь, то скоро его песенка станет очень грустной.

О чём же Христос говорит здесь? Вернёмся к Его словам «не можете служить двум господам». (Странно. А нам казалось, что можем. И получается, в принципе.) Дальше идёт аргументация: «ибо или одного будете любить, а другого ненавидеть, или одному будете усердствовать, а о другом нерадеть. Поэтому не можете служить Богу и маммоне». Выходит, что деньги – это грех? И чем больше денег, тем больше греха?..

Так получилось, что здесь Бог и маммона поставлены на одну полочку. Но разве может Бог стоять на одной полочке хоть с чем-нибудь? Разве может Он противоречить чему-либо? Вот деньги. Но Бог превыше всяких денег. «Отдавайте кесарево кесарю, а Богу Божие». Почему здесь Он не стал на эту позицию? Почему в одном месте Он говорит, что погоня за деньгами не может сочетаться с верой в Бога, а в другом месте, когда у Него спрашивают о подати кесарю, Он говорит, что одно дело – Бог, а другое дело – налоги? Налоги нужно платить. А чтобы их платить, нужно зарабатывать...

Чтобы разобраться с этой сложностью и понять, о чём здесь говорит Христос, обратим внимание на сказанное в начале: «Светильник для тела есть око. Если око твоё чисто, то всё тело твоё будет светло», а также глянем на заключительные слова: «Ищите прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам». Таки приложится нам маммона! Значит, маммону мы никуда не отменяем, он у нас просто идёт вторым номером. И помня о том, что нам это остальное приложится, мы иногда забываем и о Царстве Божиим.

Думаю, для того чтобы понять Христа, нам нужно то, о чём здесь пишет евангелист, соединить с первым тезисом: «Если око твоё чисто, то всё тело твоё будет светло; если же око твоё худо, то всё тело твоё будет темно». Идея такова – если ты видишь мир правильно, светло, то он весь светел. Если ты воспринимаешь мир как Царство Божие, если каждое добро, каждый пирожок и каждый рубль ты воспринимаешь как Царство Божие, и ты ищешь его, то всё остальное, что у тебя будет, оно будет как прилагательное. Жизнь будет во Христе, жизнь будет в Царстве, жизнь будет в радости. А сколько у человека будет денег и прочих благ земных, которые приложатся потом, много их будет или мало, – это совершенно не важный вопрос по сравнению с тем, чем ты, собственно, живёшь.

Когда люди, живя количеством денег, думают, что им нужно сто тысяч, вдруг оказывается, им нужно двести тысяч. А потом им не хватает и трёхсот тысяч, особенно гривен. И человек никак не может успокоиться на том, что у него есть. Он думает: как только я получу вот это, так сразу настанет Царство Божие. Христос предлагает развернуть картину. Если для тебя Царство Божие уже что-то означает, то всё остальное – это прилагательное. Всё остальное – это лишь цвет твоего автомобиля, так сказать. Это не так важно. Важно то, чем ты живёшь. И если вы ищите прежде Царства Божиего и правды его, то всё остальное даже если и не приложится, то это уже не так важно.

42.

Бог и польза

24.03.2019

«Ищите же прежде Царства Божия...», Мф.6:22–33

Проповедуя Царствие Божие, Христос делится Своим взглядом на мир, на людей. Сравнивая, отождествляя нас с полевыми цветами и травой, которая сегодня есть, а завтра нет, Он замечает в нас ту красоту, которая ценнее

всякой красоты. Ведь мы созданы для вечности. Он смотрит на нас и как бы говорит: «Посмотрите, какая красивая трава и цветы выросли в храме! Так посмотрите на эту красоту и вечность вот уже сейчас!»

Но если мы хотим как-то использовать человека, он сразу перестаёт быть этой травой и созданием Божиим в самом себе, т.е. красивой такой вот поделкой Божией. Она нам может показаться горькой и невкусной или недостаточно зелёной и густой. Потому что, используя что-либо, оно рискует нам не подойти, и у нас рождаются негативные эмоции. Из-за неспособности удовлетворить какие-то запросы мы можем вызвать друг у друга нарекания.

Этот же взгляд приводит к мысли, что мы можем быть чем-то полезны Богу, Который также думает, как бы использовать нас, т.е. оценивает нашу полезность. И отсюда мы приходим к убеждению, что Бог должен нами быть доволен, так как мы никакущие, ни на что не годные и т.д. Это целая полоса очень негативного переживания жизни, которая никогда не может быть позитивной, потому что на одно нами сделанное дело будет тысяча несделанных и ещё тысяча недоделанных. То есть функциональное восприятие человека – это гибель для Бога и для человека.

Вместо того чтобы радоваться, что Он открывает нам глаза на то, как всё вокруг красиво, как Бог всё это любит, нам достаётся от Бога только стук из Апокалипсиса, о котором Христос говорит: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною». Но мы уже не слышим продолжения о вечере с Ним, мы слышим только стук, тревожный стук, который нас беспокоит или приводит в ужас. Что нужно делать, когда к вам стучат, а вы не одеты, не готовы, у вас везде нагажено? Кажется, мы понимаем, что это Бог стучит, Он хочет со мной вечерять, а я весь функционально не подготовлен. Это рождает только тре-

вогу. А между тем, надо открыть дверь и сказать: «Господи, вот что я есть. Ты про это говорил “посмотрите, какое красивое”? Ну так давай вечерять, что там Бог послал». Где-то Он послал вкусную пищу, тихую погоду со спокойным морем, приятную встречу, может быть, прекрасную музыку, чтобы мы её послушали и этим насладились и возрадовались. Неважно, чем мы будем вечерять, ведь Бог тоже не очень-то богат. Мы не должны дрожать коленками от того, что к нам зайдёт нечто. Зайдёт просто Бог, и это означает, что Он с нами поделится тем, что у Него есть. Он даст нам видение мира. Вот что Он нам даст. Закусывать и запивать мы будем чем придётся. Может, рыбкой жареной, а где-то барашком. Но мы со своей тревогой накрываем Ему такой стол, где барашка нет, а есть только горькие травы. На Тайной Вечере должен быть барашек с горькими травами, а у нас барашка нет, потому что мы, тревожные, говорим: «Господи, жуй нашу тревогу вместе с нами. Прости нам наши грехи, прости, что мы к Тебе обращаемся, мы отстали от поезда...» и т.д.

Итак, как мы примем Его? Готовясь, ожидая чего-то, мы можем друг с другом перешёптываться: «Ты слышишь, какой стук?! Это Божий гнев. Божия поступь идёт, стучит». Как некрасовский Дед Мороз, кто-то бьёт палицей в нашу дверь, и мы готовы убеждать, доказывать, кто этот стук слышит лучше, и кто более тревожен из нас. Не тревогу ценит Бог, по крайней мере в этом зачале, а некоторую такую красоту, которую Он видит. И мы увидим, как только перестанем примерять друг друга на предмет забивания гвоздей, несения бревна, бега стометровки, игры на скрипке и прочего. Тут мы все становимся неудачниками. Вот наш хор – как поёт, так и поёт. Мы молимся – так и молимся. Вот и слава Богу! Не нужно друг друга впихивать в какие-то точные задачи, иначе будет торчать много чего лишнего.

Много уже было нами сказано об этой невероятной Христовой заповеди, воспринимаемой и почитаемой нами как совершенство. Призыв «не различать праведных и грешных» – действительно что-то очень высокое, поэтому сегодня я лучше зайду с другой стороны и скажу: что же Ты, Господи, сказав это, не подумал про других людей?

Во-первых, Христос говорит: «Если вы любите любящих вас, какая вам за это благодарность?» А зачем нам за это благодарность? Ведь любовь – это уже финал. Что ещё надо?! Мы не торгуем любовью, когда любим другого, и не собираемся что-то за это ещё получить.

Во-вторых, человек любит в ответ на любовь, отдаёт тепло, надеясь на взаимность, или даёт займы, ожидая получить обратно, в силу диалогичности человеческих отношений. Конечно, это можно прочесть с точки зрения, что он расчётливый эгоцентрик – его добро не должно пропасть впустую. Но можно же за этим увидеть диалогичность нашей жизни. Даже когда человек делает зло другому, он делает это в качестве продолжения диалога: ты мне сделал зло, а теперь я тебе делаю зло. Для человека очень важен сам диалог, а не его содержание. А в этом зачале говорится, что важно только содержание.

Более того, многим людям, которые не способны, как Бог, одинаково взирать на праведных и неправедных, необходимо качественное эмоциональное состояние. Они хотят получить полезную для себя эмоцию. Например, перед Причастием мы читаем 22-й псалом Давида, где он говорит: «Ты приготовил мне трапезу на виду у врагов моих, украсил елеем главу мою, и чаша моя наполнена вином крепким». Это высокомерие, торжество перед врагом. И он позволил

себе эту эмоцию. Человеку нужно иногда позволять себе какую-то эмоцию, он не может быть как Бог, равно взирать на грех и на добродетель. Он хочет рефлексировать, эмоционировать. Мы хотим быть в диалоге с тем, чем мы живём, мы хотим как-то среагировать на это. А смотреть на то, как один человек убивает другого, и говорить: «ну что же, Федя, сегодня у тебя удачный день – ты убил своего брата, а у тебя, Вася, неудачный день – тебя убил твой брат, и оба вы мне очень милы и замечательны», – это немыслимо для нас. Как в книге Пола Янга «Хижина», где Бог Отец (в качестве женщины афроамериканки) говорит: «Та я вас всех люблю!» Но всех любить – это неправильно эмоционально, в этом есть какая-то ущербность или неадекватность. Ну не может человек одинаково относиться ко всем. В этом есть что-то ненастоящее.

Представьте себе, вы заходите в комнату, и вам радуется человек, который впервые вас видит. Потом в комнату заходит другой человек, его родной брат, – он так же радуется. А потом заходит третий, который будет тому брату резать ухо, и первый человек тоже радуется. Вы скажете, что, наверное, он немножко того. В этой предложенной нам проповеди мы чувствуем – что-то здесь не то, что-то ненормальное. И мы говорим: «Ну, тогда мы пойдём вслед за Давидом – будем ненавидеть зло, ненавидеть ненавидящих Бога, т.е. своих врагов и т.д.» Да, большинству, в том числе и нам, нужно, чтобы мир состоял из разных оттенков. И нельзя его окрасить только в белый цвет. Даже если бы мир и состоял из одного белого, мы бы раскрасили его в два цвета. Так жить полноценнее получается и удобнее.

Итак, для того чтобы нам любить врагов наших, нужно понимать, что им нужны негативные эмоции по отношению к нам. Например, враги наши – это те, кто нас ругает. Вы же чувствуете, насколько им это нужно! Вы когда-нибудь играли со щенком или котёнком? Они почти

что «загрызают» вашу руку. Им нужна эта эмоция загрызания. Конечно, вы скажете: так это же щенок играет, это безопасно, а наш враг нас по-настоящему кусает, и мы боимся. Так вот в этом и совершенство, чтобы различать свой страх и ненавидеть его, и различать эмоцию чужого человека, который хочет нас презирать. И вот тогда мы будем сынами Божиими, когда посмотрим на наших оппонентов и скажем: как хорошо тебе сегодня презирается, но я тебя понимаю, потому что я тоже тебя презираю. Мы друг друга понимаем. Замечательный диалог. И это взаимопонимание мне кажется более гармоничным, чем если мы скажем: «Ты меня презираешь, я тебя понимаю, и за это я тебя люблю». Может быть, для сынов Божиих более высокого класса эта заповедь будет роднее. Ну, а мы предложенную нам проповедь воспримем, как предложенный нам накрытый богатый стол. Не обязательно всё доедать до конца. Можно попробовать то, что вам хочется. И из проповеди Христовой мы берём некоторую часть, которая нам кажется самой прекрасной, самой высокой, самой человеческой и, одновременно, божественной.

44.

Свобода и заботы в христианстве

25.06.2017

На притчу о светильнике и оке, Лк.11:33–36

«Светильник для тела есть око... если око твоё будет худо, то и всё тело твоё будет темно». Здесь Христос говорит о том же, о чём говорил и Вернер Гейзенберг в 1927 году, объясняя принцип неопределённости: чем более точно мы определяем одни характеристики частицы, тем менее точно мы определяем другие её характеристики. Если мы захотим определить точную скорость частицы, тогда мы не определим её положение, и наоборот. И в окружающем нас мире мы не можем определить, «схватить» всё. Мы не

можем принять мир как есть. Знаете, раньше в начале программы «Время» шла заставка – экран, поделённый на сто экранчиков, на каждом из них мелькает какая-то мировая новость. Но мы так не можем воспринимать, так как чем больше мы обращаем внимание на одно, тем менее способными мы оказываемся заметить что-то другое в этом мире.

Бог поставил нас перед проблемой выбора. Поскольку мы всегда принимаем мир однобоко и не можем принять мир как есть, мы должны решиться на эту однобокость. И если мы гонимся за Богом и мамоной (что соответствует нашей пословице о гонке за двумя зайцами), то у нас ничего не получится... Не нужно думать, что мы сохраняем некую объективность. Вот сейчас в мире кто-то кого-то убивает или насилует, кто-то возвращается с ночной смены, а кто-то только проснулся и готовит завтрак. Мы ухватываем лишь кусочек жизни и не успеваем рассмотреть остальные её грани.

Если в наше око, которым мы смотрим на мир, попадает сучец, а то и бревно, как говорил Господь, то видеть этот мир уже становится невыносимо. Мир становится для нас требующим исправления. Если же око твоё светло, тогда мир не нуждается в исправлении, и ты можешь светло, т.е. спокойно, смотреть на мир и не переживать о том, что что-то ужасное происходит в Африке, в Америке или в Австралии. Нужно спокойней отнестись к этому – как птицы небесные, как трава полевая.

В другой притче Христос говорит: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадёт...; у вас же и волосы на голове все сочтены». Зачем Он это говорит? Дело в том, что христианство можно принять только тогда, когда у нас голова не заморочена всякими заботами, подчиняющими религию нашим заботам, или – ещё хуже – делающими религию нашей заботой, поглощающей всё вокруг. На веру во Христа способен только

человек, который может сбросить с души бремя ненужных пустых забот.

Если мы не научимся спокойнее воспринимать свой сектор мира, то мы не научимся следовать за Христом. Потому что обременённые заботами, обременённые всякими целями и задачами люди навешивают на Христа все эти заботы, цели и задачи. Если израильтяне тогда желали освобождения от Римской империи, то, конечно, немудрено, что и на Христа они повесили эту задачу. И только свободные души могут быть последователями Христовыми. Вот почему Христос говорит о том, что насколько мы хватаемся за одну часть жизни, настолько мы теряем другую её часть. Это не должно нас беспокоить.

И слава Богу, что сегодня мы здесь. Ничего, что мы упускаем в этот момент все остальные спектры жизни. Мы должны насладиться тем, что есть сейчас. Кто-то, стоя на службе, думает о том, что будет потом. Многие думают: «эта служба может поспособствовать моему бизнесу», «...здоровью»... То есть, опять же, заботы «выгоняют» нас из храма.

Сам по Себе Бог может быть нужен только беззаботным людям. Вот почему нужно оставить всякие заботы хотя бы на время богослужения, не вешать на Бога все свои проблемы, комплексы, амбиции, и сказать: «Господи, вот я здесь. Не знаю, зачем. Не знаю, чем это закончится. Но вот я стою перед Тобою, как трава полевая, которая сегодня есть, а завтра нет. Но вот сейчас я стою. Меня не волнует то, что завтра. Сегодня – вот, что важно». Если мы так не поступим, мы не сможем принять даже «сейчас».

И хорошо, когда человек кушает, целиком поглощённый едой. А кто-то, наоборот, ест и думает: «Вот скоро пообедаю и побегу по делам». Знаете, у Родена есть статуя под названием «Поцелуй». Все детали этой фигуры подчинены поцелую. Когда люди целуются, они не смотрят

на то, как их воспринимают. Если человек вовлечён в процесс, только тогда он по-настоящему что-то делает. Если мы на службе, используйте это время для того, чтобы побыть с Богом. И вот тогда мы воплотим в жизнь эту проповедь Христову о птицах и о траве. Не обязательно быть тупым, как жаворонок, и неповоротливым, как дуб. Но надо быть столь же погружённым в тот процесс, которым мы увлечены сейчас. Иначе мы не познаем ни один процесс, который существует в нашей жизни.

45.

Удивительная вера

05.07.2020

Об исцелении слуги сотника, Мф.8:5–13

Благочестивый израильтянин не пошёл бы к шаману языческому просить исцеления. А римляне были толерантны, поэтому сотнику ничего не стоило подойти к «шаману иудейскому» и попросить у Него исцеления своего слуги. Он воспринимал Иисуса почти как шамана, который повелевает духами, а значит, Ему необязательно идти и прикасаться к больному: «Ты скажи, и духи, которые Тебе повинуются, сами всё сделают». И вот Христос хвалит эту веру сотника, ставит её в пример.

Иногда слушаешь Христа и думаешь: «Зачем такую притчу испортил?», но потом думаешь: «Ну ладно, пусть будет». Почему? Потому что если вера – это то, что одних спасает, а других обрекает на ад, то в этом понятии веры как приятии (или неприятии) Христа нет предположения о существовании каких-то внутренних мотивов и оснований веры. А между тем Христос Сам знает об этих основаниях. Вот почему я думаю, что для большего эффекта Он иногда просто сдабривает Свою речь какими-то оборотами.

Он говорит апостолам: «Вас будут гнать и думать, что этим служат Богу». Позже апостол Павел пишет, что

ради Господа одни люди соблюдают дни, а другие – не соблюдают дни. И если Господь считывает поведение язычника, его веру, как подлинную веру в Бога, то Он может считать и поведение других язычников, которые отрицают (или не принимают) Его, как подлинную веру в Бога, ведь именно так поступают люди. И если бы это зачало представить в более завершённом виде, то оно звучало бы так: «Во всём Израиле не нашёл Я такой веры. И многие от востока и запада придут и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном. Те же, кто противились им, возлягут напротив, как их непримиримые оппоненты». Таким образом, не отнимая у людей своего мнения, Бог мог бы их собрать вокруг Своей большой-большой трапезы. И непримиримые оппоненты – те, кто находились до этого в противопоставлении – на этот раз сидели бы друг напротив друга в «противопоставлении» царского стола, вокруг пира, которым является Господь наш Иисус Христос.

И если Он смог похвалить веру сотника, то, наверное, сможет похвалить и неверие тех людей, которые сегодня не доверяют шаманам, не доверяют всякого рода странствующим проповедникам, выгоняют их из церкви и вообще не верят во все эти чудеса, где человек может исцелить тяжело болящего на расстоянии: по фотокарточке, например, или как Кашпировский – по телевизору. Есть люди, которые в это не верят, и Бог может это неверие ценить не меньше, чем веру сотника, потому что Бог понимает нас глубже, чем мы понимаем себя. Христос говорит Петру: «Теперь ли веришь? Ты же вот-вот отречёшься от Меня». А Пётр восклицает: «Верю», и все апостолы говорят: «Верим». В то время как Фома думал, что он не поверит, не ощупав воскресшего Христа, он уже верил. Итак, Бог понимает нас и нашу веру глубже, чем мы – нашу веру и наше неверие.

Исцеление сына Наинской вдовы связано с нарушением закона. Поэтому евангелист подчёркивает, что Христос прикоснулся к одру. Мог бы и на дистанции сказать: «Молодой человек, встаньте, пожалуйста», и тот бы встал. Но здесь речь идёт о том, чтобы что-то важное поменять в строе духовной жизни этих людей. Воскресить человека хорошо, но Иисусу очень важно что-то изменить в их понимании жизни. Он возвращает ему жизнь не потому, что этот юноша был святым или потом стал святым, не потому что мать его была святой или впоследствии стала святой. Евангелиста это вообще не интересует. Этот юноша воскрес, пожил и опять умер. Какой смысл в этом воскрешении? Никакого. Смысл только в том, чтобы он пожил ещё немножко, ничего не добившись, ничего особенного не сделав, не став ни грешником, ни праведником. Его судьба остаётся за рамками внимания, но Бог даёт ему как бы ещё один шанс жить.

Давайте задумаемся: что, если бы Бог дал нам ещё раз пожить? Очутившись в третьем классе, с нашими знаниями, опытом, что бы мы сделали? Мы, конечно, постарались бы исправить свои ошибки и воспользоваться всеми шансами. Конечно, мы наделали бы других ошибок. А главное, мне кажется, мы допустили бы ту же ошибку – мы ринулись бы в погоню за какой-то там жизнью. Иногда нужно просто остановиться. На этом и делает акцент евангелист: «Христос прикоснулся – и несшие остановились». И создаётся впечатление, что этот рассказ надо было рассказать иначе. Люди так неслись на скорости к кладбищу, что бедный сын вдовы не мог головы поднять. Христос говорит: «Стойте!», и когда процессия остановилась, он встал.

Это было бы более правдиво, потому что всё дело в этой самой скорости.

Нам иногда нужно просто остановиться, чтобы почувствовать, что такое жизнь. Представьте себе: перед нами толпится очередь нерешённых задач, мечтаний и всяких удовольствий, и каждое из них говорит: «ты ещё там не был», «ты ещё этого не пробовал», «ты даже забыл, когда отдыхал» и т.д. Эти замыслы и удовольствия никогда не дадут нам покоя. Мы как та собака-ищейка, которая унюхала в жизни что-то важное для неё, и всё остальное уже неважно. Когда-то Бог коснулся нас один раз, два раза или пятнадцать раз. И поняв что-то важное, мы идём вслед как та собака, но в окружении других, которые тоже идут, но ничего не унюхали. Они идут за компанию, просто идут, пытаюсь показать, как красиво они идут. Представьте себе: собаки идут по следу, одна – по следу, остальные идут и думают: «Как красиво идёт!» Другая собака обогнала её и говорит: «Вообще-то я тут впереди иду». И вот в этом окружении нам действительно сложно идти и ловить след. Мы сами его теряем, начинаем ориентироваться на других собак и говорим: «Смотри, какая пошла начёсанная! Я тоже хочу такой начёс», и т.д.

Мы уже забыли, собственно, а с чего всё началось. А началось с того, что Бог воскресил нас и говорит: «Живи! Бессмысленно, временно, ведь ты всё равно умрёшь. Не надо быть ни святым, ни прекрасным. Просто живи. Это вообще не интересует никого». А мы, вместо того чтобы жить, опять куда-то мчимся. И когда галопирует очередная повозка, несущая нас на кладбище, надо сказать: «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!.. Я ещё жить не начал!»⁷ И Бог даёт нам время от времени

⁷ Немного изменённая фраза из песни В.С.Высоцкого «Кони привередливые» (1972).

эту остановку для того, чтобы взять иной след жизни. Наверное, об этом повествуется в этом зачале. Потому что, если бы это повествовалось об одном каком-то мальчике, который воскрес, а потом всё равно умер, какая нам, собственно говоря, разница.

47.

В поиске святого

19.07.2014

Об ответе Иисуса про Иоанна Крестителя,

Мф.11:2–15

К Иисусу от заключённого в темнице Иоанна Крестителя пришли ученики с вопросом: «Ты ли тот, которого чаем, или другого нам ждать?» Но для того чтобы понять этот рассказ, начнём с его середины.

Когда ученики Иоанновы ушли, Христос вопрошает народ: «А вы вообще чего ходили в пустыню? Кого вы там хотели увидеть? Святого? Божиего человека?» Но что именно искали люди в этом Божием человеке? Трость ли ветром колеблемую (т.е. какой он весь худенький, слабый, шаткий)? Или какую-то экзотику (т.е. что-то необычное, изысканное, особенное, что может учудить святой)? В те времена экзотикой было увидеть человека в дорогих льняных одеждах. И Христос говорит им, что если хотите видеть что-то эдакое, то пойдите в царские дворцы. Но Иоанн Креститель не был одет в изысканные одежды. Так почему же за ним шли?

Кстати, в 787 году на VII Вселенском Соборе установили 16-е правило, которое гласило, что священник должен быть скромным, не одевать роскошных одежд и даже не пользоваться благовониями. Но с тех пор желания изысков и мягких одежд победили постановления Собора.

Но возвратимся к вопросу Христа: «Что вы ходили смотреть в пустыне?» И здесь любой человек, подумав

немного, сказал бы, что те речи, которые говорил Иоанн Креститель, не особенные. В основном, это фразы из пророка Исаии и немножко из пророка Малахии. Но то, как он говорит, то, с какими глазами и с какой душой он это говорит – это делает его человеком Божиим, это то, что делает его особенным. И Христос подхватывает: «Вы ходили смотреть пророка? Да, говорю вам, и больше пророка». Что означает «больше пророка» для Израиля, который не знает никого больше, чем пророк? Это всё равно, что нам назвать кого-то большим, чем святой, большим, чем преподобный. Кто это? Бог что ли? Конечно, не Бог. Так что значит «больше чем пророк»? И Он подчёркивает ещё раз эту непонятность: «Никто из рождённых женами не восставал больше Иоанна. Он больше всех пророков, но меньший в Царствии Божием больше его». Эта запутанная духовная арифметика окончательно сбивает слушателей с толку, и они уже не понимают, к чему Он клонит. Он клонит к вопросу: «А что вы, собственно, хотели видеть? Если что-то понятное, то этого не может быть».

Я открою вам тайну, что люди действительно хотят видеть. Каждый человек, начиная с греческой мифологии и заканчивая русскими сказками, хочет поймать золотую рыбку и вытребовать у неё свои три законных желания. Найти бы такого святого, который бы нам и квартиру преподнёс, и жениха/невесту помог найти, а на третье желание мы сами что-нибудь придумаем. Главное, поймать эту золотую рыбку, узнать, где она ловится, в каких морях, монастырях и пустынях. Христос, конечно, над этим смеётся. Православный, когда ловит золотую рыбку, говорит ей: «да будет воля твоя». И говорит это не потому, что он решил мужественно отречься от своих прекрасных трёх желаний, которые у него есть.

Если мы поймём это евангельское зачатие, то мы поймём, что, когда мы встречаем святого человека, то мы

не знаем, что мы хотим видеть, чего желаем. Чтобы он чудеса из рукавов сыпал, или чтобы он по небу летал, или чтобы он был высохший, старый и неказистый? Что мы хотим от него, мы и сами не знаем. Поэтому дальше Христос говорит, что оправдали Бога те, кто крестились от Иоанна, и отвергли Бога те, кто не крестились от него. Мы с вами привыкли, что Иоанн – человек великий, пророк, а значит, креститься от такого – это нормально. Но вообще креститься (т.е. погружаться, омываться) было невозможно от кого-либо. Это процедура, собственно, духовно интимная. Мы же не можем позволить кому-то чистить нам зубы по утрам. А вот люди готовы были принять крещение Иоанново, т.е. смириться перед проповедью Иоанна и сказать: «Да будет воля твоя, святой человек, мы ничего не понимаем, что ты говоришь».

И вот приходят к Иисусу ученики Иоанновы, очень похожие здесь на фарисеев. Оказывается, что вся «школа» Иоаннова никуда не годится, потому что они всё ещё ходят с сачком и ловят Бога по Его признакам. Ты кто? Тот ли, которого чаем? Докажи нам! Покажи нам всё, что у Тебя есть, чтобы мы поверили в Тебя. И Он говорит, что так нельзя со святыми. Есть момент, когда Христа грешно спрашивать. Если мы хотим быть со Христом, мы будем со Христом. Если хотим, чтобы Он вклинился в наши философские, богословские, религиозоведческие параметры – это будет бесконечно. И взяв 35-ю, 60-ю и 61-ю главы пророка Исаии, сделав компиляцию и метнув в них таким файер-боллом цитатным, Христос сказал: «Блажен, кто не соблазнится о Мне». То есть эти люди, которые только что получили ещё одно свидетельство, едва ли в него поверили. Эти проверки бесконечны: «Ты ли или другого ждать?», «а Ты точно Христос?», «а точно Бог есть, или Его нет?» И в этот момент наш умишко претендует на суд. Докажи нам, Боже, мы сейчас рассудим, какими цитатами Ты можешь нам это доказать, какими свидетельствами обосновать.

И курьёз всего этого зачала в том, что «нищие благовествуют, хромые ходят, слепые видят, мёртвые восстают», а они всё равно не верят. Резюме: «Блажен, кто не соблазнится о Мне». Нет в этом зачале того, чтобы ученики Иоанновы сказали: «Ух ты! Точно, мы видим!» Они ушли, оставив Христа расстроенным. И Он сказал: «Что вы вообще ходите смотреть (вы – туда, а они – сюда)?» Одинаковые две толпы слепых. Одни ходят смотреть на Иисуса: вклинивается ли Он в их понятия? Другие – на Иоанна: годится ли он на роль святого? И если годится, давай, золотая рыбка, нам три желания, которых мы и не знаем. Что загадать? Богатство, молодость, ум? Или ум, молодость, богатство? Мы не знаем, мы озадачены и растеряны.

И вот Христос видит этих людей и вопиет через века, что тот, кто ищет святость, должен ум свой немножко оставить позади, чтобы, когда душа почувствует святого человека, святую строку из Писания или, может быть, святой возглас из богослужения, чтобы она не поднимала архивы и не проверяла, а точно ли это свято. Потому что именно таков путь святости, о котором говорит Христос: «Отвергнись себя и по Мне гряди».

48.

По ту сторону знамений и определений

03.08.2014

Об отказе Иисуса явить знамение, Мф.12:38–45

В начале этого зачала мы слышим о тех, кто ищет знамения, и кто их не получит. А в конце Христос рассказывает о тех, у кого душа с помощью знамений (раз она их требовала) всё-таки приняла Господа Иисуса Христа, отогнала от себя нечистого духа, став чистой, выметенной и убранной. И вот рано или поздно в эту душу вместе с прежним

духом приходят семь злейших: «и бывает для человека того последнее хуже первого». То есть люди, пришедшие к Богу за знамениями, требующие чудотворений, в конце концов, распинают чудотворца.

Если Христос до конца не переставал чудотворить (за неделю до Своей смерти Он воскресил Лазаря), почему же Его распяли? Людям мало чудес, они хотят чего-то большего. Но коль скоро они воспринимают от Бога только чудеса, то они и не понимают того, что им надо большего, и поэтому изгоняют и распинают Бога. Почему мы выбрасываем, скажем, разбитую чашку? Потому что у нас с чашкой больше никаких других отношений, кроме использования её, не было. Почему люди выбрасывают чудотворца и Бога за ненужность? Потому что они не знают, для чего кроме чудес Он им нужен.

Чего ждёт от людей Христос? Что мы заведём с Ним отношения по ту сторону всех Его замыслов о нас, по ту сторону всех Его свойств и доказательств, по ту сторону всего. Иначе всё то, что мы примем за Бога, убьёт Его. Это закон человеческой психики. Коль скоро человек назвал что-то Богом, то после того, как это определение Бога вызреет, он убьёт Бога. Поэтому независимо от того, каков Бог, и что Он о нас думает, что планирует, велик Он или не велик, вездесущ или не вездесущ, грешны мы перед Ним или нет, нам нужно завести с Ним особенные отношения. Мы должны взглянуть на Него и предстать перед Ним помимо всех этих религиозных штучек, напрямую – так, как мы стоим перед бытием.

Он знает, что любое правильное определение – например, Мессия, Сын Божий или Бог – никуда не годится. Если Он Мессия или Сын Божий, почему Он не сойдёт с креста?.. Если Он приносит искупление Своему Отцу, то неужели Его Отец злее, чем Он Сам, и даже чем мы – люди, которые можем иногда и простить?.. Никакое определение

не годится. Как только мы дали определение, мы стали атеистами, только не сегодняшними, а завтрашними. Мы посадили зерно атеизма, которое вырастет. И поэтому, слушая такие слова Господни, слушая слова, которые выглядят как беспросветные, мы должны знать, что в словах и формулах просвета нет. Просвет – Он Сам. В конце всех теорий, после того, как закончатся все предположения и гипотезы, находится Сам Бог. Поэтому всё это надо быстрее исчерпать, обернуться к Нему и сказать: «Господи, вот он я».

49.

О божественных гибридах и братьях-мутантах

01.11.2020

На притчу о сеятеле, Лк.8:5–15

Притча о сеятеле рассказывает нам о том, каково быть Сеятелем, Который бросает слово и не надеется на то, что все поймут, примут, и у каждого отзовется это слово. Ведь слушают Его всегда разные люди.

В этой притче есть только один значительный недостаток – виноваты всегда слушающие. Проповедник идёт «на белом коне», у него всё о'кей, а люди вокруг (т.е. почва) виноваты, и сами они не такие, и «терний» много, и «камней». Это не совсем правильная установка для проповедника. Подлинный проповедник должен узнавать своё слово, отозвавшееся в любой душе. Дело в том, что когда мы говорим человеку слово – необязательно о Боге, вообще любое слово, и уж тем более о Боге – наше слово падает на почву, на которую падало уже очень много слов, на очень генномодифицированную, агрессивную почву, и вырастает всегда гибрид. Эта почва рождает гибриды. Один связал идею христианства с другими идеями – и мы видим, что вместо пшеницы вырастает кактус, но похожий немножко

по цвету на пшеницу. Другой какую-то другую колючку вырастил, чтобы защищаться от всяких лосей или лошадей вокруг. Кто-то вырастил какой-то одуванчик, потому что это красиво. Но красиво – не значит полезно, пшеницу выращивают для другого.

Выходит, что каждый – модификат. Мы все модификаты. Я не думаю, что кто-то принял христианство именно так, как его возвестил Христос, ибо чтобы понять Его, надо быть самому Христом. До конца понять и принять Его не удавалось даже ближайшим ученикам, поэтому Его слово, падая на нашу почву, встречается с целым роем агрессивных идей, которые это слово всячески модифицируют.

И вот Христос идёт засеянными Собою полями, и натываясь на очередной чертополох или репейник, узнаёт, что это Он посеял, просто семя так проросло и воспринято, оно так смодифицировалось. Где-то пшеница похожа на ячмень, где-то – на рожь, а где-то – на пшеницу, и всё это даёт разный плод.

Это правильное восприятие, потому что все по-своему реагируют на Бога. Вот мы видим атеистов, которые проповедуют подлинную любовь, подлинную дружбу. Встречали, наверное, таких атеистов? Разве в них не горит сердце, как у Луки и Клеопы, которые говорили: «Разве в нас не горело сердце по дороге в Эммаус, когда мы с досадой рассказывали о том, что никакого воскресения нет, и ничего из проекта “Иисус из Назарета” не вышло?» Они говорили об этом, но у них всё равно горело сердце. Современные атеисты – это модифицированные христиане, они говорят что-то против Бога, против Церкви, но у них горит сердце о Церкви, о правде, они хотят блага, любви, хотят, чтобы мир не сводился к психофизическим процессам, к химии, биологии и физике. И это посеял Бог, просто семя так модифицировалось.

Если мы – настоящие сеятели, мы должны узнавать своё семя. Мы можем сказать: действительно, в этом человеке христианство проявилось во взрывании храмов, потому что он взрывает что-то мёртвое и громоздкое, что не даёт человеку расти и меняться. А другой построил храм, потому что он думает, что христианство – это нечто монументальное, величественное, культовое. И как-то иначе выразить эту вещь он не может. Не думаю, что Христос был в восторге от тех, кто строил храмы, ведь, глядя на прекрасный Иерусалимский храм, Он говорил: «Не останется здесь камня на камне. Зачем вы на это смотрите?» Но я не думаю, что Он одобряет тех, кто рушит храмы.

Я не думаю, что в нас прорастает именно Сам Христос. Всегда прорастает ещё один человек, чуть-чуть похожий на Слово Божие. И мы, которые сами есть та почва, которая реагирует на Слово Божие, та лужа, которая на своей ряби отражает солнышко, мы должны узнавать и друг в друге это отражение Божие. Мы скажем: «Брат, хоть ты и еретик, но ты так живо и ярко реагируешь на Бога, потому что ты не можешь не ходить и не проповедовать свою ересь. А ты, брат, вообще оккультист, и я понимаю тебя – ты не согласен с тем, что мир состоит из колбасы и её переработки в твоём организме, из белковых тел, генов и их распространения; есть в этом мире что-то неуловимое и таинственное. Надеюсь, я правильно тебя понял». И это всё семя Божие, которое посеяно в этих людях. И Александр Глебович Невзоров – тоже семя Божие, которое аукает, говорит: «Ау, вы же совсем испортились, христиане! Я вас критикую, потому что я недоволен христианством». Я думаю, что Сам Христос недоволен христианством, и, может быть, в этом недовольном глазе Он обретает Своих сторонников среди тех, кто нас критикует.

Итак, проходя засеянными полями вместе со Христом, мы будем узнавать наших братьев-мутантов, потому что мы

сами реагируем на Христа, исходя из агрессивной среды, исходя из своих собственных мутировавших состояний – из идей, которые находятся внутри нас. И мы, как божественные гибриды, обнимем других божественных гибридов, которые живут и растут с нами в одно и то же время, на одной и той же грядке.

50.

Утешение для инквизиторов

03.04.2011

На притчу о пшенице и плевелах, Мф.13:24–30

Сегодняшняя притча – про Царствие Божие. Но Царствие Божие – это мы, а не какое-то место или какое-то время. Оно похоже на то, как люди хотят вырвать сорняки, а Бог им не даёт. Это Евангелие для инквизиторов на языке инквизиции. Это Евангелие для тех, кому мешают сорняки. И, конечно, сорняки это те, кто растут рядом с нами. Бог обещает то, чего Сам не может исполнить. Он утешает их: «Подождите, мои юные инквизиторы, подождите всех вырывать и наказывать. Я дам вам мечту о том, что сожгу всех как соломѹ, но потом». И, может быть, потеплеет где-то в сердце у человека от этого огненного евангельского обещания. И, может быть, зубы инквизиторов сомкнутся в сладкой истоме, услышав, что всё то, что они сейчас хотят сделать с ближним, всё это сделает потом Господь Бог наш. И хотя Он говорит несурязицу, инквизитор не понимает этого и думает, что это будет потом.

Как Бог собирается судить людей?! Или Он не понимает, что грешники и праведники переплетены? Ведь праведники потому и праведники, что переплетены любовью с грешниками. Может ли настать тот момент, когда праведники «развяжутся» с грешниками и скажут Богу: «Ату их в ад, а меня в рай, пожалуйста»? Но это уже не праведники! Поэтому этот час не наступит. Никогда невозможно развести

грешных и праведных. Это невозможно. Они слишком тесно связаны. И Господь говорит следующее: «Невозможно сейчас отделить сорняк от пшеницы. Невозможно вырвать сорняк, потому что он вырвет и пшеницу». Действительно, сорняки переплетаются корнями и стеблями с культурными растениями, и когда человек вырывает что-то одно, то вырывается и остальное.

Но людям злым Бог говорит «злые» притчи: «Подождите, Я всё сделаю Сам». И у христиан появилась притча: «Отдайте суд Богу». Думается, что Бог так не ревновал бы о том, чтобы Самому судить, если бы Он хотел тоже казнить преступников, как и мы этого хотим. Но Он переживает, что *мы* судим. Потому что мы судим не так, как Он судит. Мы судим слишком жёстко, слишком прямолинейно и просто: на поле есть пшеница, и на поле есть сорняки, нечто совершенно полезное и совершенно вредное. Но в жизни так не бывает. И Господь Бог утешает нас, злых людей, Своим злым обещанием, которое, конечно, никогда не исполнит. Потому что, если бы Он был такой злой, как мы, Он бы сказал: «Истину глаголите, так их! Ату их! Я бы тоже так сказал на вашем месте, и обязательно скажу». Но Он говорит: «Подождите, не судите». И апостол Павел говорит: «Отдайте суд Богу, не судите прежде времени».

Для Бога очень важно, чтобы мы, хоть из каких-то соображений, перестали считать другого сорняком. Сорняки – это те люди, которые мешают жить и развиваться другим культурным растениям. Некоторым людям мешают жить очень многие, почти все окружающие люди, потому что они – очень культурные растения. И Бог как бы подтверждает это: «Да, да, вы – очень культурные растения, и Я вас всех потом прополю. Не беспокойтесь, всё будет сделано. Но только сейчас не делайте этого. Повремените».

Самый главный сорняк – это вера в то, что вокруг сорняки. Это самый большой сорняк нашей души. А самая большая истина в том, что если мы считаем себя праведниками, то мы должны питать своей жизнью, своим теплом других людей, т.е. сорняки. А если мы сами сорняки, то не должны торопить Бога с тем, чтобы Он нас всех повырывал.

51.

Опасная идея

12.12.2021

*На притчу о горчичном зерне
и закваске, Лк.13:18–21*

Господь, когда как-то поступает, кого-то исцеляет или чему-то учит, как обычно провоцирует нас на мышление. Вот Он рассказывает притчи о Царствии Божием и уподобляет его вначале зерну горчичному, которое некто посадил в саду своём, и оно выросло в большое дерево, так, что птицы небесные укрывались в ветвях его. Не знаю, рад ли был этому тот человек. Собственно, не для этого деревья и сажают. Ну да ладно. А ещё чему подобно Царствие Божие? Оно подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё.

Какая здесь идея? Очень опасная идея. Она заключается в том, что когда ты посеял зерно, то не надо ничего делать. Пусть оно само растёт. Нечего на него смотреть, не надо его как-то стимулировать, тянуть и прочее. Ты положил закваску в три меры муки, и не надо мацать, трогать, ускорять. Мы же, наоборот, какую-то свою встревоженность, своё беспокойство переносим в область духовную. С одной стороны, мы говорим, что нас коснулся Бог, мы веруем в Евангелие, мы православные, а с другой стороны, мы как будто после психотренинга какого-то. Мы говорим: «Вот это надо делать, то развивать, вот тут

простимулировать, здесь проработать... Не сиди, шевелись, делай, делай!..» «Что делай?» – говорит Христос. Если тебя коснулся Бог, нечего уже делать. Само как-нибудь всё вскиснет или взойдёт. Если в тебе действительно семя Божие, что ты его трогаешь? Вырастет оно. Ничего больше делать не нужно. Вот и всё.

Сегодня психология поразила монастыри и даже сельские приходы. Все твердят: «Делай, напрягайся, ты достоин большего, возьми от жизни духовной всё...». Куда тебе это всё? Мы же дети Божии. Чему подобно Царствие Божие? Тому, что уже произошло. Оно произошло, и мы ждём, пока оно реализуется. Ничего не надо делать. А мы в ответ: «Ну как же, как же? Ведь святые, преподобные, подвижники, они ведь делали, старались как-то педалировать ситуацию, гребли вёслами, работали, пахали... Само-то оно не происходит!» И это правильно, кажется. Но если бы Христос не был Христом, Он бы говорил что-то одно. Но против этого правильного, о котором мы все знаем, что это правильно, Он говорит другое правильное. Он говорит: «Да брось, Царствие Божие – это когда главное произошло, а дальше мы наслаждаемся тем, что теперь это в каком-то смысле неотвратимо».

По большому счёту, перестать быть православными, перестать обращать внимание на Бога, перестать анализировать себя мы уже не можем. Уже поздно. И плодов этого всего, если они не созрели до сих пор, ждать уже не надо. Можно успокоиться и пожить, так сказать, духовно, для себя.

Знаете, это как находиться в постмортальной молитве⁸. Считайте, что мы уже сделали в этой жизни

⁸ Подробнее о постмортальной молитве см.: прот. Вячеслав Рубский. Православная духовность: перезагрузка. Наброски внутренней реформы. – М. : Никея, 2021. – с.187–190.

что-то духовное, но это уже прошло, всё уже как-то случилось, всё уже как-то сбылось. И ситуация, когда мы стоим после того, как это сбылось, – она драгоценна, потому что обеспечивает нам тишину для диалога с Богом. Не о том, как бы дальше нам ещё прокрутить педальку, а просто для того чтобы побыть с Ним и хоть о чём-нибудь *пустом* пообщаться.

Общайтесь с Богом о пустом, именно о пустом, потому что по делу – это уже неприлично. Когда вы общаетесь с человеком по делу больше одного года знакомства, это уже неприлично. Вы должны как-то сойтись и говорить по пустякам. Это признак дружбы, по-настоящему близких отношений, когда люди уже не требуют, чтобы обсуждать какие-то очень важные дела. Например, нашу гибель в геенне огненной и возможности спасения от неё мы уже обсудили, я думаю, раз пятьсот.

Дал нам Бог пожить – поживём. Дал нам Бог Себя – поживём с Богом. Сколько нам осталось? Целая вечность. Но если мы не научимся жить во времени, то вечность для нас будет чем-то совершенно непонятным. Потому что ключик к вечности, к этой вот нашей исключённости из потока событий, находится здесь у нас, в сегодняшнем.

Так вот, оказывается, иногда нужно оставить тесто в покое, и огород свой лишний раз не топтать. Пусть само растёт. Может, не вырастет и не вскиснет ничего. В этом есть риск. Но ходить туда и мацать постоянно уже точно не надо. Доверимся Богу. Пусть психологи крутят нам хвосты и говорят, что надо делать каждый день максимум. А духовные люди говорят: поможись на Бога. Он же сказал, что уже посеяно. И мы же знаем, что уже посеяно. Значит, всё остальное будет, как Он сказал.

Христос, рассказав три разные притчи о Царстве Небесном, толкует их всё-таки вместе, говоря, что «всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит (т.е. раздаёт людям) из сокровищницы своей и новое, и старое». Таким образом, эти различные притчи рассчитаны иногда на добрых людей, а иногда на злых.

В первой притче Царство Небесное отождествляется с сокровищем, найденным человеком, который «от радости о нём идёт и продаёт всё, что имеет, и покупает поле то». В другой притче Царство Небесное уподоблено купцу, «который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошёл и продал всё, что имел, и купил её». А третья притча вообще о другом. В ней Царствие Небесное подобно неводу, закинутому в море и захватившему много всяких рыб, чтобы затем собрать хорошую и выбросить худую. Вот так же и ангелы отделят злых от добрых, отправив их на сковородку, а добрых куда-то ещё.

Чтобы понять Христа, нам нужно переместиться в первый век, когда люди мыслили большими категориями. Куда пойдёт народ Израилев? Что будет с ним? Явится ли в Израиле Мессия? Спасёт ли Он свой народ? Во всех этих вопросах нет идеи, что в народе люди бывают и злые, и добрые. Речь идёт о всём народе. Поэтому, когда Христос в Евангелии говорит о таком разделении на злых и добрых, Он проповедует расщепление того, что мыслилось цельным и нерасщепляемым. Народ можно или всецело помиловать, или всецело казнить. Христос же говорит: «Нет. Там внутри, в народе, есть люди, которых можно отделить».

Мы с вами выросли уже в христианской культуре, из которой прекрасно знаем, что не бывает злых и добрых наро-

дов, бывают люди. Более того, мы должны по-христиански спросить: «Господи, как можно разделить человека? Как можно назвать его злым или добрым? Разве не знает Господь, что добрые – они же и злые, а злые – они же и добрые?» Почему Фёдор Михайлович Достоевский знал, а Христос не знал (судя по этой притче)? Он, кажется, наивно рассчитывает, что можно построить всех и сказать: «Злые – шаг влево, добрые – шаг вправо». Это невозможно сделать.

Но притча эта сказана тем, кто надеется, что Бог всё-таки очистит их ряды от всяких примесей и помесей, которые затем будут удалены. И мы, составив «фасцию» чистых, станем чистыми «фашистами». Это очень «светлая» идея, но она, конечно же, не христианская. Поэтому рядом стоят две притчи, которые говорят о динамике, о том, что кто-то что-то нашёл, куда-то пошёл, откопал... Царствие Божие – это не статика, когда всё по полочкам распределено, Царствие Божие – это когда обрадованный человек идёт продавать что-то своё кровное, дорогое, т.е. отрекается от чего-то ради чего-то прекрасного. И всякий раз мы можем узнать, нашли мы Царствие Божие или нет, по тому, от чего мы отказываемся, какие соблазны отсекаем от себя, что мы готовы продать или выкинуть вон, как тот, кто нашёл сокровище или нашёл жемчужину.

Поэтому Царствие Божие – это не что-то одно, это когда и добрые притчи об обрадованном человеке, и злые притчи о человеке, желающем полного очищения, хранятся в одной сокровищнице, и хозяин знает, что всё это относится к нему самому. То есть он сам и добрый, и злой, и поэтому эти три притчи резюмирует четвёртая – притча утешения о книжнике, который подобен хозяину, сохраняющему в сокровищнице и старое, и новое. Это означает, что мы с вами и ветхозаветные, и новозаветные. Мы жаждем реванша, и мы жаждем обрадования. Мы жаждем, чтобы то, что мы отдаём Христа ради, мы знали, за что отдаём.

Если мы постимся или от чего-то воздерживаемся, мы хотим видеть, для чего это. Как и тот, который продаёт всё, что имел, только после того, как нашёл драгоценную жемчужину.

И мы с вами, идущие за Богом, надеемся найти и клад, и жемчужину, но для этого нужно идти. Притча динамична. Она говорит о том, что человек не просто сидел на печи, а усердно работал в поле, поэтому нашёл клад. Также и тот, который жемчужину нашёл, – он искал, он трудился. Но даже когда человек ищет, но ещё не нашёл – это тоже евангельское состояние, оно тоже есть Царствие Божие, как и тот человек, который нашёл и обрадовался, а также тот, который что-то сделал после этого. Человек, когда хочет покарать всех, кто не нашёл клада, не искал и не обрадовался – это тоже есть Царствие Божие. Всё это Царствие Божие в одной душе – вот что нужно принять. И тогда будет Царствие Божие.

53.

Духовное рождение в нестабильность 16.07.2017

О следовании за Христом, Мф.8:14–23

Ко Христу подходит впечатлённый Его проповедью человек. Впечатлённые люди особенно опасны, потому что они думают, что уловили суть. А суть неуловима. Он говорит: «Учитель! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошёл». И Христос отвечает ему: «Мне некуда идти. Вот лисицы имеют норы, а птицы – гнёзда, а Сыну Человеческому негде голову приклонить». То есть Он никуда не собирается идти.

Когда Христос говорит: «следуй за Мной», кажется, что Он куда-то идёт, и всё лучшее впереди. Но когда ты Ему говоришь: «я следую за Тобой», Он говорит: «а мы никуда не идём». Почему? А нам некуда идти. У человека нет среды обитания, где бы он чувствовал себя полноценно,

в полном спокойствии. И никакое состояние Он не может назвать полноценным. Всегда и везде ему неймётся: когда он богат и здоров, когда он беден и болен, когда он говорит на трёх языках и на одном языке, когда у него моторная лодка, яхта или когда её нет. Где бы он ни жил – на острове, в пустыне, на экваторе, на севере – везде с человеком происходит одно и то же – он не находит себе точки, где бы он мог сказать: «вот это я».

«Куда ты пойдёшь за Мной?» – говорит книжнику Христос, Которому негде главу приклонить. Христос находится в состоянии «не на что опереться» и «не от чего оттолкнуться». А значит, чтобы уподобиться Христу, нужно родиться от воды и Духа, так как вода не имеет формы, она обтекает всё, она испаряется, а дух, как воздух, – не знаешь, откуда он подует, какие формы он примет. То есть нужно родиться для состояния нестабильности и ситуации неуловимости.

И здесь же показана другая ситуация. Ученик говорит Иисусу: «Позволь мне прежде пойти похоронить отца моего». И Христос ему отвечает: «Предоставь мёртвым погребать своих мертвецов». Это было бы чистым хамством, если бы речь шла действительно о погребении человека. Но так как мы имеем дело с гностическим отрывком, который надо толковать гностически, то здесь речь идёт, конечно же, не о похоронах отца, а об авторитете отечества, об авторитете того, что было раньше. Надо родиться для нестабильности, для того, что у тебя нет ничего за плечами. Тебе нельзя опереться ни на авторитет отцов, ни на предания, ни на что предыдущее. Даже для того чтобы его покритиковать. То есть человек, рождённый из небытия, из ниоткуда, осознающий свою начальность – он и есть начало всего, он и есть тот, кто создаёт, а не тот, кто за кем-то следует или же чему-то соответствует. Нам нечему соответствовать, нам не за кем идти. И вот такой человек может быть христианином.

Евангелист Матфей дальше пишет: «И когда вошёл Он в лодку, за Ним последовали ученики Его» – т.е. те, кто понял суть вот этой беспочвенности, вот этой ни на чём неоснованности, – те стали Его учениками. А те, кто думает, что Христос чему-либо соответствует, что-либо продолжает или куда-либо направляется, – те не могут быть христианами. Вот в чём самая сложность этого христианства.

Кто-то скажет: «Да, у меня сейчас хата покосилась, но Бог даст мне в Царстве Божием хату трёхэтажную». А кто-то скажет: «Да, Церковь сегодня не идеальна, но где-то она существует в идеальном виде – у Бога в Царстве Божием». А Христос на это сказал бы: «Да не существует ничего идеального! Вот то, что есть – оно и существует».

И если мы ученики Христовы, мы просто должны стоять рядом со Христом. Он никуда уже не идёт. В этом и есть ученичество, чтобы научиться ни за чем не бегать, ни к чему отдельному, далёкому от нас, не стремиться. Иначе мы не будем жить здесь, а будем думать о жизни где-то там: в ближайшем светлом будущем или в прекрасном прошлом, или ещё где-либо.

54.

Спящий Бог и верующий человек

23.07.2017

Об укрощении бури на море, Мф.8:23–27

Это евангельское зачало подобно тому кораблю, который, идя по волнам, разрезает их направо и налево. И то ли надо думать, что действительно человек может *так* спать, то ли этот рассказ представлен нам уже почти как притча о том, что Бог спит в этот час. Потому что трудно поверить и даже представить себе ситуацию, как можно спать в лодке, которую накрывает волнами, на которой уже паника, а кто-то там ещё спит.

Но тут самое главное ведь не это. Нам действительно кажется, что Бог спит. А мы тут и тонем, и выплываем, как в анекдоте про мужика, ищущего место для парковки, и который, отчаявшись, наконец восклицает: «Господи, помоги мне найти место для парковки, обещаю бросить пить и каждое воскресенье ходить в церковь...» И когда чудесным образом появляется свободное местечко, мужик снова обращается к небу: «А, всё, не надо... Нашёл!» Так и мы иногда стоим перед своими проблемами, из которых не видно выхода, и помощи вроде бы ждать неоткуда. И кажется, что Бог спит.

Но мы бы были уже спокойными деистами, если бы не знали, что Бог всё-таки помогает, содействует нам, и иногда усмиряет бури наши. Иногда Он действительно идёт нам навстречу. Но самое сложное в этом предложении – это слово «иногда». Нам не понять вот этого «иногда». То есть бывает, что Бог приходит, и, как в сегодняшнем зачале, говорит: «ша, море», и наступает штиль. А бывает, что не бывает. И мы застреваем посреди этой веры в Бога. Мы не знаем, как правильно реагировать на Его сон. Апостолам легче – они подошли, разбудили. А сейчас Он «Иже еси на небесех» – поди разбуди. Мы бы тоже Его дёрнули за косы, за пейсы, или ледяной водой окатили, чтобы Он проснулся, но у нас нет такой возможности. И самое главное, мы не знаем, а стоит ли это делать.

Такое «застревание» посреди веры бывало часто у апостолов. Например, когда Христос, проповедуя о хлебе небесном, говорил: «Кто не будет пить крови Сына Человеческого и есть плоти Его, не имеет в себе жизни», – конечно, все отвернулись. Потому что проповедь каннибализма – это уже слишком, даже для таких оригинальных слушателей, как слушатели Иисуса из Назарета. Он сказал апостолам: «Может, и вы хотите отойти?» И Пётр ответил Ему: «Господи, к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни».

Я хочу, чтобы мы задумались над этой фразой. Это как раз вот наше состояние «середины веры».

Христос уже выжег своим нигилизмом всё, где можно было спрятаться от накрывающих волн. Они, может, как простые рыбаки пришли бы к старцам седовласым. Но они уже не верят преданиям старцев, давно махнувших рукой на Божию заповедь. Они уже не очень-то верят и в это Писание, потому что Христос как-то так оригинально его трактовал, что уже слово «Писание» поменяло своё значение. Христос не почитал субботу, поэтому обратно вернуться к почитанию традиции тоже уже было невозможно. И получается, что они ещё не поняли, ради чего всё это.

«Ты имеешь глаголы вечной жизни!» А какие глаголы Пётр имел ввиду? Вот эти глаголы, от которых разбежались все?..

То есть мы тоже отчасти поняли, что весь мир – он «не то». Но что есть «то»? Ради чего всё это? Ради чего Бог тогда проснулся и успокоил море? Он же не Посейдон какой-то, чтобы успокаивать море, Он не ответственный за все стихии. Иначе мы бы с Него спросили, почему вулканы губят людей, почему камнепады, цунами и прочие вещи бывают, почему люди тонут? За что? Но Он то ли заведует этими делами, то ли не заведует...

И вот это стояние наше посреди веры, конечно, имеет истину Божиего откровения – зачем мы стоим здесь. Но всего не вместить в это зачало. Оно заканчивается тем, что «люди, удивляясь, говорили: кто это, что Ему подчиняются стихии?» А мы бы как ответили? Подчиняются или нет? Мы не знаем. Потому что иногда подчиняются, а иногда нет. Вот они – верующие, им медаль на грудь. А мы? А мы кто? Нельзя сказать, что мы не верующие, но мы не думаем, что Ему подчиняются стихии. Уже не думаем. Мы не думаем, что Он исцеляет от болезней. А были когда-то верующие, которые думали, что Он исцеляет от болезней. Приносили

к Нему больных, и Он исцелял их. И это была правда. А мы так не думаем, но мы всё равно верующие. Потому что мы на середине пути, мы стоим там, где уже невозможно быть без Христа. Но мы ещё не знаем, зачем мы с Ним. Придумываем всевозможные причины: Он даёт удачу, даёт плюс пять-десять лет к нашей жизни, ещё там что-то. Но это не так. Мы не знаем, зачем мы со Христом. Но мы со Христом.

И пусть эта середина веры нам запомнится как очень необходимый этап. Только начиная с неё, мы можем что-то постичь, что-то познать. И даст Бог, наш путь продолжится вместе с Ним. То ли на море в бурю, то ли в штиль, то ли с противным ветром, то ли с попутным бризом, то ли уже на суше.

55.

Бог как угроза

01.07.2018

Об исцелении двух бесноватых, Мф.8:28–9:1

Евангелие об изгнании Гергесинских бесов – о чём оно? О любви, конечно. О чём ещё может быть Евангелие! О любви человека к Богу и Бога к человеку. Но это Евангелие нам подано как бы в другом свете. Вот к бесноватым подходит добрый Христос – свет мира, утешение всякой душе. А бесы говорят: «Что Ты пришёл прежде времени мучить нас?» То есть для них человек – оппонент (они жили в гробницах и пугали людей), и Бог для них – угроза. Так они воспринимают Бога, человека и весь мир.

И эта линия продолжилась дальше в богословии – Бог как угроза, а человек как оппонент. Но это бесовский взгляд. Этот взгляд делает Христа невыносимым. Может быть, Он просто пришёл чаю попить, а Ему говорят: «Ты пришёл мучить». Такое восприятие Бога как мучителя – ложное. Христос исцеляет бесноватых, бесы вселяются в стадо свиней, которое утопает в море. Мы понимаем, что нам с бесами не по пути – они не любят Бога, они

не любят человека. Они никого не любят (может, потому что их тоже никто не любит?). Только в сердце грешника они находят какое-то утешение. Их не любят даже свиньи. Ну что со свиней взять? Свиньи утонули... А куда этим бесам деваться? Им некуда деться в этом мире. А всё потому, что у них такой взгляд на этот мир. Они так смотрят на мир, что даже Бог, пришедший к ним, тоже для них является плохой новостью.

Дальше мы видим, что весь город вышел к Иисусу. И как они на Него смотрят? Тоже как на угрозу. Какой-то чудотворец явился с невероятными побочными эффектами: бесноватых исцелил, а свиньи пропали. А что, если Он войдёт в город и исцелит кого-то? А там дети бегают, жёны рядом... Вдруг они начнут болеть? Он же такой – когда исцеляет одного, другие страдают, а то и гибнут. Вы бы пустили такого на свою улицу?.. Конечно, они восприняли Иисуса как угрозу и сказали: «В добрый путь! Будешь проходить – проходи мимо нас». То есть у них, оказывается, то же самое восприятие.

Кто здесь более близок к истине, так это сами бесноватые. В Евангелии от Луки они описаны как действующие лица, у Матфея они – пассивные фигуры. У Луки их не два, а один, но зато он говорит: «Господи, разреши мне идти вслед за Тобой». Но Господь велит ему: «Иди в город и расскажи, что с тобой сотворил Бог». Собственно, можно было ему это и не говорить, он бы и так туда пошёл. Куда ему ещё, бедному, идти? Он должен социализироваться, должен сказать о том, что он не бесноватый, пока люди ещё помнят, иначе они его не примут (в силу инертности общества), даже если он уже не бесноватый. Но сам бесноватый оказался опустошённым, потому что он жил этими бесами. Христос опустошил его от его содержания, от его борьбы с бесами, если она была, от его утешения бесами, если оно было, – неважно. Человек оказался пустым, и эту

пустопорожность нечем было заполнить. Вот почему он говорит: «Господи, я пойду за Тобой».

И если мы воспринимаем Христа как опустошителя, то это благая весть для нас. Только внутренне опустошённый, обесмысленный человек может по-настоящему наполнить себя Христом и принять Его не как внешний фактор, не как угрозу. А Он всегда будет угрозой, пока Он будет внешним фактором. В этом вся соль. И тогда внутри себя мы уже не находим ничего стоящего, – ни грехов, ни добродетелей, – ничего. Вот у бывшего бесноватого были грехи? Не было. Бесы ж все вышли! А добродетели? Ну, какие добродетели? Жил он в пустыне и от беснования не очень-то хотел избавиться. Вот эта исконная пустота человека – вот что для нас должно являться благовестием. А мы держимся за своих идолов и идольчиков. Помните, Христос говорил: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»? Ну, а сокровищем мы почитаем что угодно, только не нашу внутреннюю пустоту. К истине приблизится только человек, который увидел, что он ничего не может сделать, потому что всё, что делается, делается и без него...

Благая весть заключается в том, что пришествие Христа по-настоящему опустошает человека. И тогда человек может принять Бога, сказав: «Я – некоторая оболочка Бога. Я – это то, что приняло в себя Бога. Моё самое интимное – это Бог. Моё самое внутреннее – Бог». И тогда он может идти со Христом, а может оставаться в городе. Тогда он может кушать свиней, хотя кто-то говорит, что бесы вселились в свиней, потому что те некошерные. А если бы бесы попросились вселиться в рыб? Рядом же море. Бесноватые рыбы – опасное дело, можно потом косточкой подавиться. Поэтому Христос правильно сделал, что послал этих бесов в свиней. Свиньи показали своё отношение к бесам – свинское. И показали, что Господь любит нашу пустопорожность. И мы, бегущие навстречу Христу,

должны не просто говорить «вот я, Господи, согрешил» или «вот я, Господи, не согрешил», а говорить вообще: «Вот я, Господи. Сейчас-то я и начнусь». Потому что до того был не «я», а некоторая пульсация жизни, как в лесу: деревья, трава, цветы осенью засыхают, весной – опять оживают. И человек как трава. И когда он с Богом соединяется, то он начинает быть как человек. Об этом и Евангелие.

56.

Так-то оно так, но не совсем

29.01.2017

*Об исцелении кровоточивой и воскрешении
дочери Иаира, Мк.5:22–6:1*

Евангелист Марк (и не только он) повествования о дочери Иаира и кровоточивой жене соединяет вместе. И именно вместе они обретают смысл. Двенадцать лет было умершей отроковице, и двенадцать лет болела женщина. Неслучайно, что самая чистая и самая «осквернённая» встречаются на пути Христа. Он идёт ко всем. Он спасает и праведных, и грешных. Кто-то у Него просит – и получает. И тот, кто не просит, всё равно получает так, будто бы он попросил об этом. Иаир просит малого – «приди и помоги, пока она не умерла» – но получает многое – воскрешение дочери. Кровоточивая вообще не просит, но получает исцеление. Ветхий Завет (как и обычное человеческое сознание) всё делит на белое и чёрное, Новый же – учит видеть в «погибшем» человеке – в неисправимо плохом человеке, – что он не до конца таков. Оказывается, что в этой кровоточивой жене, безнадёжно скверной, не всё было плохо. И даже если дочь Иаира и умерла, в ней всё равно ещё что-то есть, что можно воскресить. Она не совсем умерла, «но спит».

Когда на нас находит неверие, уныние, малодушие, и в душе начинают действовать категории «всё плохо», «всё безысходно», нелишне помнить, что на самом деле

не всё. У Бога не бывает, чтобы было только плохо или только хорошо. Когда апостолы говорят, что они Его верные ученики, вскоре выясняется, что не совсем. Когда люди вокруг Него собираются без надежды, без перспективы, совершенно умершие, Он показывает, что и в них есть жизнь. Дочь Иаира умерла? Да, но не совсем. Кровоточивая жена забыта Богом? Да, но не совсем. В унынии человек говорит: «Я самый плохой, и нет во мне просвета». Да, возможно, это так, но не совсем. Евангелие в том, что Бог соглашается с немощью этого мира, но только с оговоркой, что всё не совсем так. Потому что если это только так и никак иначе, то это не реальность. Ведь реальность всегда оставляет щёлочку, из которой исходит свет Евангелия, исцеляя кровоточивую и воскрешая умершую.

57.

Вера и скверна

21.11.2021

*Об исцелении кровоточивой и воскрешении
дочери Иаира, Лк.8:41–56*

Перед нами два чуда – исцеления и воскрешения – соединяются одной темой – темой осквернения. Евангелист связывает умирающую двенадцатилетнюю дочь начальника синагоги со страдающей двенадцать лет кровотечением женщиной. Из дня сегодняшнего мы говорим, что, да, кровоточивая всё-таки права. Хотя в истории христианства, как мы знаем, отношение к менструации неоднозначное. Во многих приходах до сих пор считают, что такая женщина не может прикасаться к святыне. А эта женщина посчитала, что может, хотя и видела себя виноватой. Бог как бы заглядывает внутрь этой вселенной, где женщина считает себя виноватой, и поддерживает её веру. Он говорит: «У тебя есть вера для того, чтобы прикоснуться и исцелиться, а веры для того, чтобы придать этому положитель-

ное значение, – ещё нет. Поэтому Я тебя поддерживаю – это было хорошо, это было правильно».

И пока Иисус говорил это, кто-то сказал начальнику синагоги: «Дочь твоя умерла, не надо утруждать Учителя». И здесь Христос тоже мог бы остановиться и не приближаться к покойной девочке, сказав: «Что ж, твоя дочь умерла. Ничего уж не поделать. Я пошёл». Но Он говорит: «Ты верил в то, что Я мог её исцелить? Значит, ты можешь поверить и в то, что Я могу её воскресить. Ты можешь верить ещё больше. Давай побудем ещё немного вдвоём».

Для Христа вера человека – это способ сопребывания с человеком. То есть Бог сопребывает с человеком до тех пор, пока тот как-то верует. Неважно, как именно.

И вот, Он приходит к дочери Иаира. Здесь важно то, что Он взял её за руку. Нельзя касаться мёртвых. Это нарушение закона. Как и то, что нельзя, чтобы кровоточивые касались Учителя. Но Христос дважды поощряет нарушение закона, объясняя, что в нас есть место и такой вере Богу. Одновременно с этим в нас всё ещё живёт страх сделать что-то неправильно. Вот, мы причастились в храме Тела и Крови Христовых, а причаститься из крана – это уже неправильно. Мы ощутили благодать при помазании маслом на вечерне, а просто словить где-то в парке приветики от Бога – уже не то. «Это просто последние листья слетают с деревьев. Ну причём здесь Бог? Это как-то неправильно». Христос же говорит: «Да нет, вот это как раз и правильно. Важна не столько вера, которая у тебя была до какой-то степени, а момент её продолжения». В этом Евангелии акцентируется внимание на том, как можно было бы продлить этот момент, сказав женщине: «ты молодец, иди с миром, не чувствуй себя виноватой», а дочери Иаира сказав: «девица, встань, ты не умерла, а спишь». В этот момент начальник синагоги точно знал и понимал, что прикоснуться к дочери – это нарушение закона. Но это нарушение закона

привело к воскрешению дочери. А значит, оказывается, он может перешагнуть через это, и его вера может расти куда-то дальше.

И конечно, наша вера существует за границами храма: в парке, в общественном транспорте, дома, на кухне, когда мы моем посуду, и между людьми, с которыми мы общаемся по пустякам. Я думаю, это и есть – настоящая вера, к которой призывает нас Господь Бог. А то, что у нас уже есть, – тоже вера, и это тоже классно. Но это то, что может и должно прорасти.

58.

Видеть всё в свете Божиим

15.07.2018

*Об исцелении двух слепых и бесноватого
немого, Мф.9:27–35*

Какое доброе Евангелие сегодня у нас! Все здоровы в конце. А дальше Иисус пошёл, исцеляя всякую болезнь и немощь в людях. Но фарисеи, конечно, не понимали этого, и мы бы тоже не поняли. Мы, похоже, больше понимаем фарисеев, чем Иисуса. Потому что они возмущались: ну как может человек исцелять, если он грубит священноначалию, не уважает закон, религиозные установления, священные традиции? Даже субботу не очень почитает, на акафисты не ходит, не чтит ничего вообще. Ну как такой человек может исцелять?

Более того, ещё с 90-х годов помню байку, которая бытует до сих пор, о том, что люди болеют не случайно, а по грехам. Даже умирают – и то по грехам. Вот думаю, чем рыба, которую мы ели недавно, согрешила? Она ведь тоже умирает. Может, за компанию? Так же и иудеи считали, что если человек увечный или страдает серьёзной болезнью, а тем более, если он бесноватый, то кто-то согрешил – если не он, то родители его или предки.

Да, Христос исцелял. Но то, как Он исцелял, обескураживало. Он не отчитывал, не ругал человека за грехи, не говорил: «кайся, грешный! вот тебе епитимья!» Нам передан очень странный диалог. К Нему пристали два слепца, и Он их спрашивает: «Вы веруете, что Я могу это сделать?» – «Да, Господи». – «Ну что ж, по вере вашей да будет вам». И они исцелились. А где покаяние, где сокрушение о грехах? Что за десакрализация всего? Это возмутительно. И фарисеи, воспитанные в тонких настройках иудейской духовности, не могли не возмущаться такой беспринципностью этого целителя, хоть и работавшего не за деньги.

И святые отцы, толкуя эти исцеления слепых или слепорождённого, всегда говорят о том, что речь здесь не столько об исцелении глаз, сколько о духовном прозрении, о том, что Бог дал им увидеть свет истины. Как-то Клайв Льюис сказал, что для него вера в Бога – это зрение всего вокруг в свете Божиим, как в лучах солнца. Вера – это присутствие другого измерения в нашей жизни. То есть Бог есть Тот, в контексте Кого мы воспринимаем мир. Мы много чего не видим. Мы видим очень узкий спектр. О чём-то мы лишь догадываемся, что-то у нас претерпевает аберрацию, искривление. И всё это происходит в контексте Бога. Бог есть свет, но Он не является какой-то отдельной подсветкой. Он – свет, который даёт нам видеть всё остальное. Этим прозревшим слепцам не просто открылась новая опция, им открылся целый мир.

Конечно, в этих исцелениях больше символики. И сопротивление человека символично. Даже если мы и просветились духовно, мы говорим: «этого не может быть, мы всё ещё во тьме, во грехах, нет в нас света Божия!» Кто это говорит? Фарисеи, вселившиеся в нас. Только если в Евангелии фарисеи отдельно, а слепцы отдельно, то сегодня сами слепцы являются фарисеями и говорят: «Да не может этого быть!» И даже те, кто просвещены светом познания Бога,

говорят: «Нет, мы не просвещённые светом познания Бога. И этого не может быть. Только бесы или те, кто в прелести, говорят, что видят всё в свете Божиим». Правильно, да? Видите, как всё поменялось! То, что раньше фарисеи навешивали на Христа, сегодня говорят сами христиане. Кто скажет, что он познал свет истины? Только тот, кто от бесов. Именно это говорили фарисеи. Но ничего. Жизнь как бочка в море: то одним боком повернётся, то другим. И мы тоже как бочка, плаваем в этом море понятий, в измерениях духовной жизни. И может быть, наши дети, толкуя это Евангелие, скажут: «Да, эти слепцы, которых исцелил Христос, – это мы. Мы теперь видим всё, мы просвещены, и мы теперь в свете истины».

Мы – это всё, что у нас есть. Значит, Бог открыл нам глаза для того, чтобы мы видели друг друга. И если свет, которым мы видим мир, – Божий, то мы видим каждого Божиим чадом.

59.

Silentium! (Молчи)

08.08.2021

Об исцелении двух слепых, Мф.9:27–35

В рассказе об исцелении двух слепцов эпицентр повествования (т.е. то, что запускает в нас мышление) заключён в словах Христа: «Смотрите, чтобы никто не узнал». Евангелист дальше сообщает: «Но они сделали этот случай известным везде». Почему повествование выстроено вокруг тезиса «не рассказывайте никому»? Потому что дальше следуют две реакции – одобрительная и отрицательная. Народ говорит: «Никогда не бывало такого явления в Израиле». Фарисеи говорят: «Он изгоняет бесов силою князя бесовского». Поэтому Христос и просит не рассказывать об этом. Мы очень часто не готовы к тому, чтобы качественно реагировать на что-то духовное. Поэтому мы или одобряем, или отрицаем всё сразу.

Мы уже давно стали рационалистами. Уже во времена Христа Его процеживали через какое-то сито рациональности. То ли Он не соответствует правильному поведению, то ли Он не соответствует правильной речи. Даже феномен чуда Божия, который сложно объяснить, всё равно подпадал или под «да», или под «нет». И любой из этих ответов был преступно примитивным. Я думаю, что и одобрение этого поступка Христос не приветствовал, потому что народ слишком легко принимал чудо. Они мыслили как рационалисты: «О, это же выгодно. Чудеса – это вообще хорошо, сейчас мы их поставим на конвейер. Он пройдёт по всей Палестине, исцеляя всех и вся». И толпы шли к Нему. Фарисеи же, слушая Его, говорили: «Он не то говорит, и поэтому не подходит».

Вот так наша рациональность блокирует нашу духовность.

Что делать? Исходя из этого зачала нужно, по крайней мере, удержать свою первую реакцию. Иногда Бог стучится к нам: через сон, как святому Иосифу, через какую-то мысль, как апостолу Павлу, – и мы очень быстро всё это или отсекаем, или одобряем. А между тем нужно задуматься – а что происходит? что это во мне?

Человек очень слабо себя знает. Мы состоим из горстки идей, в которую пытаемся втиснуть весь известный нам мир. И даже всё неизвестное тоже именуем этими идеями. Сколько их мы знаем? Десять, двадцать, кто-то сорок. И в эти сорок идей мы записываем абсолютно всё. И получается, что подлинный феномен вообще невозможен. Он возможен тогда, когда мы о нём молчим, не судим, не даём своей голове его разбить или быстренько одобрить.

Мы можем заплодировать речи или чуду Христа, а можем сказать: «Нехорошая речь, нехорошее чудо». А между тем, чудо – это знамение, а не просто – раз! – и слепцы стали видеть. То было откровение человеческой

природы. Посмотрите – человек может исцелять! Как это возможно? Что это в Нём такое? Самый простой, вульгарный способ – сказать, что Он нажимает на кнопки, а Отец Небесный синхронно исцеляет. Или, наоборот, – у Него есть такие специальные возможности, к нам вообще не относящиеся. И мы ничего в результате не поняли, и если одобрили, и если отрицаем. Вот почему Христос говорит бывшим слепцам: «Смотрите, чтобы никто не узнал об этом, потому что вы сами ещё не узнали об этом». Они ещё сами не поняли, как это возможно и что это значит.

Мы родились и, как те черепашки, бежим туда, где поглубже, безопасней, чтобы выжить в этом мире, и не успеваем задуматься «а что это значит?». Мы слишком быстро одобряем или отрицаем, вместо того чтобы внимательнее отнестись к тому, что мы есть. Бог не может пройти к нам через нашу голову, через эти наши три-четыре идеи. Он стучится во все окна, надо просто быть внимательным к себе, не говорить скоропалительно: «это бесы меня искушают, а это Бог меня вразумляет».

Если человек побудет на паузе хотя бы два-три дня, чтобы подумать, что было на молитве вчера вечером или сегодня днём, тогда он станет более внимателен к себе. Пусть неизъяснимое дольше останется неизъяснимым, но зато быстрое изъяснение не убьёт всё. Потому что те, кто осуждали Христа за то, что Он неправильно чудотворит, убили Его, и те, кто одобряли Христа, тоже Его убили, потому что они все были на той площади, где выбирали Варавву или Иисуса. И не нужно смущаться тем, что положительное и отрицательное здесь одинаковое, потому что и то, и другое слишком поспешно.

Бог говорит прозревшим слепцам: «Вы прозрели? А теперь задумайтесь, что произошло с вами». И может быть, когда придёт внутреннее озарение, об этом тоже не надо будет никому рассказывать. Потому что мы

принадлежим к культуре языка, риторики, которая за слова может казнить человека, а может – прославить. Мы слишком высоко ценим то, что проговариваем. Это проговариваемое тушит всё остальное. Опять же, то, что мы можем проговорить – это, наверное, процента два от всего существующего в нас.

Получается, это Евангелие о молчании, о том, что не надо говорить. Но евангелист не мог промолчать. Он, как достойный последователь своего Учителя, сказал: «Надо молчать». И вот теперь мы перед искушением: если сказанное верно, об этом говорить или помолчать? Я думаю, по крайней мере, пока идёт Литургия, об этом стоило бы помолчать.

60.

Обыкновенный Христос

сентябрь 2011

*О втором отвержении Иисуса в Назарете,
Мк.6:1–7*

«Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своём...» О чём беспокоится Христос? Неужели Он изменил Себе и тревожится о том, что Его не почитают за пророка и не славят, как в других районах Палестины? Неужели Он оскорбился тем, что в родных пенатах Его не уважают, и в родной назаретской синагоге Его не слушают? Конечно, скорбь не об этом.

С одной стороны, видя пророка, ум человеческий понимает, что он, конечно, кому-то будет родственником или другом, а кому-то даже братом или сыном. Но гордость ума подсказывает другое: не может быть такого, чтобы пророк был обыкновенным человеком. И Ему вменяют как бы в вину то, что вот Он простой плотник, сын плотника Иосифа и Марии, и братья и сёстры Его здесь, между ними. Эти факты оказываются неподъёмными.

Люди не могут принять такого пророка, и тем более такого Мессию или Бога. Они чуждаются Его родственности и близости и не могут назвать пророком (словно бы бывали пророки без родственников, без матери и без братьев).

Мессия должен быть как минимум Зевсом или Гермесом. И мы сами до сих пор не можем вынести того, что Христос обыкновенный. Так или иначе мы приписываем Ему какие-то особенные черты, какую-то Его величавость и особенную важность Его речи. А когда начинаем писать иконы, там уже фантазии ещё больше, изображаем Его в дорогих одеждах, на троне и прочее.

Евангелист Марк рассказывает нам о фиаско Иисуса в Назарете для того, чтобы объяснить, почему Он потом посылал Своих учеников. Ирония в том, что Христос посылает тех, кто едва узнал Его и едва понял Его, кто с трудом расстаётся со своей ветхозаветностью. Но это Ему неважно, главное, чтобы они были издалека и незнакомы слушателям Благой вести, и тогда люди принимают их по принципу «там хорошо, где нас нет». Святыми всегда оказываются те, кто дальше от нас. Например, какой-нибудь монах из Почаева. А старец с Афона ещё святее, потому что святая гора Афон ещё дальше. Суровый проповедник из Гренландии, из сурового арктического монастыря, со льдом на бороде, конечно же, более впечатляет, нежели тот, кто ездит на тех же трамваях, стоит в тех же очередях, покупает и носит те же штаны, что и мы.

Человек уверен, что Бог не похож на него. Он хочет, чтобы Мессия был похож на Бога, на что-то необычное. Христос же хочет быть похожим на человека. Поэтому у Него не было шанса создать первое впечатление в Назарете. Но затем было второе впечатление, Воскресение Христово, которое для многих является единственным. Мы говорим: «Господи, чему Ты там учил, собственно говоря, неважно. Ты ведь воскрес! Ты ведь Бог!» И мы

наконец-то хватаемся за что-то необычное, за то, что непохоже на человека. Люди обычно не воскресают, а Этот, гляди, воскрес! Так Евангелие доказывает божественность Христа, возвращая нас на обычные рельсы – Бог есть Бог, а человек есть человек. И эти двое так и остались в состоянии какой-то разности и отчуждённости.

Христос хочет сказать, что мы Ему братья и сёстры, мы Ему друзья. А мы говорим: «Да нет, Ты особенный, Ты не такой, как мы». И поэтому мы не принимаем ближнего своего, не принимаем брата своего.

Вот уже скоро на Литургии мы скажем: «Возлюбим друг друга». Не далёкого и мощного Господа Бога Вседержителя, а «возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы Отца, и Сына, и Святаго Духа», потому что к этому призвал нас Христос. Не к тому, чтобы искать что-то непохожее на человека, что-то особенное, даже в Самом Христе, а к тому, чтобы в самом простом видеть нечто особенное. Чтобы принять ближнего, надо поверить в то, что Христос был ровно такой, как он – непонятливый, нагловатый и т.д. Люди же считали, что Он грешный, «любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам», а значит, Он не может быть праведным. Поэтому и мы, когда считаем ближнего нашего слегка грешным, когда он кажется нам самым обыкновенным, это ещё не значит, что он не Христос.

61.

Формула проповеди христианства

17.01.2021

О послании Двенадцати на проповедь,

Мф.9:36–10:15

Господь посылает на проповедь Своих учеников, и этой проповедью уже давно наполнена вся земля. И кто бы мог подумать, что всё так перевернётся, что последние апостолы будут мудрее первых? Вот, например, святитель

Николай Японский в начале XX века выдал замечательную формулу: «Сначала нужно полюбить людей, потом постараться, чтобы они полюбили тебя, а потом рассказывать им о Боге». Эта формула настолько прекрасна, что хочется, чтобы она была не только где-то в далёкой Японии для японцев, но и для нас с вами.

Зачастую религиозные люди хотят, чтобы их любили только за то, что они уже рассказывают о Боге. Они рассказывают о Боге, но сами они ещё не успели никого полюбить, а уж те, кому они рассказывают, тем более не успели полюбить их. Христос же говорит нам о том, чтобы мы любили друг друга. И если мы вначале будем любить друг друга, а потом что-то говорить о Боге, то каждый съеденный нами барашек будет пасхальным, каждая булочка с чаем будет Хлебом и Вином, Кровью и Телом Христовыми. Это будет по-настоящему что-то. Как говорит апостол Иоанн, кто любит, тот познал Бога, и пребывает в Боге, и Бог пребывает в нём. То есть вначале – любовь, а потом всякого рода проповедь и демагогия.

Но нас слово «любовь» чрезвычайно напрягает, потому что мы живём в постромантическую эпоху. Мы живём после больших романов о любви. И когда мы слышим «любовь», мы имеем в виду фонтанирующее чувство, которое повергает нас в конвульсии обожания другого. Но это романы, это книги. Надо понизить градус, надо вернуться к проповеди Христовой. Он не имел в виду этих горячих чувств, Он имел в виду приятие друг друга. Если ты любишь человека, дай ему поесть, просто подвинься к нему ближе, может, ему будет теплее.

И вот если мы примем друг друга, тогда можно рассказывать о Боге, тогда будет понятно, почему мы такие добрые. Если же мы говорим о Боге для того, чтобы быть добрыми, тогда ничего не получается. И всё чаще летит прах от ног наших, и мы говорим – будь проклят один,

второй, третий. Мы нервничаем и теряем людей, теряем людей от того, что теряем людей, и нервничаем от того, что их теряем. Потому что вначале должна быть любовь, а потом всё остальное. Всё остальное приложится, если тому благоволит Бог. Только следуя за Богом, человек может рассказывать о Его делах. Если же люди не видят, что Бог сделал, то о ком тогда нам рассказывать?

Итак, как говорил Николай Японский (с него я начал, им же и закончу): «Вначале нужно, чтобы мы полюбили того, с кем говорим. И если он полюбил нас, то мы расскажем, что это всё сделал Он – Бог».

62.

Вернуться к основанию мысли

11.08.2019

О чудесном насыщении пяти тысяч,

Мф.14:14–21

Насыщение пяти тысяч – известный случай, который должен был бы остаться неизвестным. Это чудо, которое Христос пожелал сделать втайне, чтобы Его не восприняли потребительно, чтобы Его не посчитали лишь источником бесплатного хлеба. В Евангелии от Матфея есть сюжет, который выявляет это чудо как незамеченное, когда апостолы думают, что не взяли с собой хлеба, а Христос им говорит: «Разве вы не помните, что три тысячи Я накормил тремя хлебами, а пять тысяч – пятью хлебами? Разве вы не поняли этого?» И судя по Евангелию от Матфея – не поняли. Но судя по Евангелию от Иоанна – они всё поняли. Потому что Евангелие от Иоанна писалось позже, как ответ на какую-то евангельскую проповедь.

Поэтому, когда умножение хлебов, которое не должны были заметить, представлено как очевидное всем чудо, то это пошлость. И евангелист Иоанн обыграл это в 6-й главе своего Евангелия, где Христос говорит: «Вы ищите

Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились». То есть похоже, что они заметили это чудо, и, более того, сделали ложный вывод, увидев повод, которого не хотел давать Христос в Евангелии от Матфея. Он прятал это чудо, и поэтому люди, покушав хлеба с рыбкой, как ни в чём ни бывало как бы сказали: «Так о чём Ты там? Рассказывай дальше». А что дальше? Только что было чудо. Чудо осталось позади...

Мы постоянно устремлены вперёд, и поэтому не замечаем чудес, мы буквально их съедаем. Если мы будем правильно мыслить, то увидим, что Господь до сих пор творит столько чудес, которые мы пропускаем мимо и говорим: «Господи, ну что ещё Ты нам хочешь сказать?» Додумать мысль по-настоящему значит вернуться к её истокам, а не думать всё дальше, дальше и дальше.

В вопросе о Боге важно не то, что следует из тезиса Б после тезиса А, а то, зачем я вообще об этом думаю, что побуждает меня думать о Боге. Вот сидят богословы и спорят между собой, спорят и анафематствуют друг друга. А Христос как магнит среди них – обеспечивает им ситуацию высказывания. То есть они говорят, потому что Он есть. И если бы они обернулись к своей мысли, они бы не спорили об окончании мысли, а сошлись в её основании.

Основание нашего мышления о Боге есть Бог, потому что мы – дети Божии. Потому мы и спорим о Боге. Мы спорим о вечности. Мысль, которая таит в себе ядро добра, когда человек хочет подарить добро своему городу, своей нации, миру, в котором он живёт, вовсе не сводится к вопросам выживания и размножения. Это вопрос о Боге, и его основанием является Бог.

Итак, почему люди пошли за Христом? Потому что они – дети Божии. А то, что они поняли, – это всё ерунда, они уже и забыли об этом. Да евангелисты и не записывали, что они приняли из того, что Он сказал. Это не важно. Важно

то, что они пошли за Ним. Важно то, что начало их намерений – слушать Его – показывает главное: мы – дети Божии.

Мы спешим в храмы Божии, спешим на Причастие, мы спешим успеть за жизнью. Кто-то сегодня смотрит сериал и думает, что в его жизни чего-то не хватает. А в сериале есть всё, и герои там делают то, чего он не делает. Кто-то смотрит картинную галерею, насыщаясь красотой и эмоциями, которых в его жизни не хватает. Это желание догнать жизнь. Но её догнать невозможно. Надо оглянуться и подумать: почему ты считаешь, что ты её не догнал? что тебя тревожит? То есть нужно вернуться мыслью назад.

Если мы напишем слово «мысль» на доске, то стрелку надо провести не куда-то вперёд. Настоящая мысль возвращается назад – к своим истокам. И если мысль «поняла», почему она существует, то эта мысль правильная. И тогда мы поймём, что надо не начинать с того, что мы недостойны, и мы только в начале пути, или мы проделали какой-то путь и умрём в почестях и т.д., а с того, что мы уже дети Божии, потому что хотим об этом говорить и хотим так жить. Это то, что является основанием этой мысли. Но мы уже давно это съели, проглотили и говорим: «Господи, а дальше что?» А что дальше! У нас всё есть. Мы – дети Божии, и мы хотим ими быть. Вопрос: почему? Потому что Бог начал в нас это действие. Бог уже в нас. Иначе о чём спорят те, кто спорит, зачем разговаривают те, кто разговаривает? И кто благословляет, и кто принимает благословение – мы уже давно на ладони у Бога.

Не дожидаясь окончания речи, нужно вернуться в её начало, и тогда мы поймём евангелиста, который вместе со Христом отмечает чудо, не замеченное людьми. Оно не должно было быть замеченным. Но евангелист нам хочет открыть, что оно всегда так бывает, мы всегда переступаем через настоящее чудо и требуем фейерверков. Переступаем через истину о человеке и требуем красивых умозаключений

и правильных каких-то концепций. То есть мы, перешагнув большое, требуем малого. Вот Он насытил пять тысяч. Это невиданное чудо, а они хотят послушать Его речь, которая, как выясняется, никого не интересует, в том числе и евангелистов.

И хорошо, что рассказ построен так противоречиво. Теперь мы каждый раз, анализируя свой грех, будем думать: «Что являлось импульсом этого поступка?» Когда мы будем молиться и думать о Боге или спорить и не соглашаться и т.д., каждый раз будем думать: «Почему мне это интересно, каким образом я в это вовлечён? Что во мне сейчас говорит?» Не какие слова, а что за этим стоит. Ведь муравьи не спорят о Боге, и обезьяны не спорят. Они спорят о бананах или о листочках, спорят о первенстве. Но люди хотят знать какую-то истину, что-то священное, и этому нас научает это замечательное зачалло. Если мы упустили момент собственного мышления, то должны вернуться и сказать: «Слава Тебе, Господи, за то, что, когда я мыслил и жаждал большего, я не заметил, что уже мыслил в Тебе Самом».

63.

Не нужно подражать Христу

18.08.2019

О хождении по водам, Мф.14:22–33

Повествование о том, как Пётр ходил по водам, таит в себе глубочайший смысл, который понять не так-то просто. На первый взгляд, всё похоже на то, как какой-то заезжий факир учит своих учеников тонкостям своего искусства. Ты, мол, по водам ходить умеешь? – Не умею. – А ты попробуй. Главное, веруй! Будешь веровать – будешь, как водомерка, бегать по водам.

Так кажется на первый взгляд.

Но, по сути дела, с чем мы здесь встречаемся? Встречаемся с идеей ученичества, понятой как подражание.

Христос идёт по водам, и Пётр хочет делать то, что делает Христос. А не нужно быть как Христос и делать то, что делает Христос. Нужно просто любить Его и быть рядом с Ним. Например, чтобы дружить с пианистом, необязательно уметь играть на рояле, да и какой пианист будет заставлять вас делать то, что он делает. Дружба не есть подражание. А ведь именно так нам видятся отношения с Богом.

Это требование – быть похожим на своего учителя – растёт не от учителя (во всяком случае, не от Христа), а от учеников. Потому что мы – люди, вовлечённые в социальное соревнование, – хотим, чтобы все были похожи на нас, потому что мы боимся быть изгоями в чужом обществе, и мы создаём свои социальные связи – фаши, т.е. свой внутренний фашизм. Мы создаём своих арийцев, в рамках которых мы можем подняться хотя бы на средние показатели. В другом сообществе, субкультуре мы уже не можем быть кем-то. Поэтому поневоле, сознательно или бессознательно, мы создаём такие вот ячейки, поля, в которых чувствуем себя более-менее нормально. Мы имеем внутреннее требование, чтобы все были похожи на нас, иначе мы не сможем выстроить свою социальную лестницу. Мы не можем быть в обществе, где все не похожи на нас. Мы не знаем, как с ними соревноваться! Вот почему нам нужны люди, которые похожи на нас. Верующие тяготеют к верующим, неверующие – к неверующим, музыканты – к музыкантам, пьяницы – к пьяницам. Всё это совершенно естественно.

Но Бог не участвует в социальных соревнованиях. Поэтому Он учит нас быть, а не подражать. Быть, а не мимикрировать под кого-то. Раскрывать себя, а не имитировать Бога.

Тот, кто смотрит на распутившийся цветок и наслаждается им, не очень-то похож на цветок. И это хорошо. Хорошо, что мы не похожи на Бога, не умеем делать то, что умеет делать Бог. И не надо быть похожими на Бога, не надо за Ним повторять, не нужно Его имитировать.

Нужно быть другими. Он любит нас другими, потому что, когда мы дарим кому-то цветы, тот, кто их принимает, не похож на эти цветы. Это просто другое.

Пытаясь подражать Богу, ученики всегда будут тонуть в чувстве вины. Так и Пётр: он тонет и чувствует, что виноват. Конечно, если мы будем имитировать друг друга, мы всегда будем не доигрывать, всегда будем чувствовать, что мы виноваты. Вот я надел облачение, означающее Христа, а чувствую – что-то здесь не то, как-то я недотягиваю, недоигрываю! И по водам не хожу. Это потому что я начал игру, продолжить которую всё равно не смогу, не смогу имитировать до конца ни ближнего, ни Христа, ни Бога – никого.

Единственный путь – это говорить: «Не бойтесь!» Не бойтесь, что вы другие. Не нужно подражать Христу, нужно быть рядом с Ним, что бы Он ни делал. Ходит Он по водам, исцеляет или висит на кресте, – мы всегда должны быть теми, кто составляет Ему компанию, кто просто другой, но рядом. И таких вот учеников – не подражателей, не попугаев, не дублёров, а настоящих друзей – ищет себе Бог и принимает их.

64.

Радость об эфемерном

20.11.2016

О бегстве по водам и беседе о хлебе жизни,

Ин.6:14–27

Предыдущее евангельское зачало о чудесном насыщении пяти тысяч заканчивается радостными словами людей: «Это истинно Тот Пророк, Которому должно прийти в мир». Любопытно, что именно эта фраза служит для евангелиста Иоанна началом следующего сюжета, раскрывающего ошибку народа. Ошибку, от которой Христос вынужден спастись, «узнав, что хотят прийти, нечаянно взять Его и сделать царём».

Заканчивать зачало возгласом возбуждённой толпы – это значит совершенно не понимать Евангелие. Поэтому мы продолжили чтение. Накормленный народ желает ещё больше – он хочет получить себе царя. И Христос, видимо, сожалеет о насыщении этих людей, так как Ему приходится удирать от них – сначала Он уходит на гору (хотя понимает, что там Ему надолго не спрятаться), а затем бежит по водам, и как повествует евангелист Иоанн, проходит всё море до противоположного берега.

И вот здесь хорошо бы задуматься: называя себя последователями Иисуса, может быть, мы становимся теми самыми, от которых Он убегает? Ведь когда те люди настигли Его и спросили: «Равви! как так получилось, что Ты не сажился в лодку, но оказался по ту сторону моря?», – Он сказал: «вы идёте за Мной просто потому, что ели хлеб и насытились. А вы лучше старайтесь делать то, что ведёт в жизнь вечную».

Что может сделать человек для того, чтобы жить вечно? Ведь чего бы мы ни сделали доброго, например, какую-нибудь поделку, розетку или окно в храме – оно не будет вечным, оно всё равно пропадёт или канет в Лету. Может быть, мы будем крепко его помнить, но под старость всё-таки забудем. Всё временно. Мы говорим: вот мы – православные. Но православные XXVI века едва ли нас отождествят с собой – только люди, очень хорошо знающие историю, будут знать, что в XXI веке православные были другими. И мы ничего не можем сделать, чтобы быть с Иисусом в вечности. Как же мы исполним Его заповедь «старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную»? Многие толкуют так: здесь говорится о Причастии. Но для Христа это было бы слишком просто сказать: кушайте не хлебушек и булочки из магазина, а просто идите туда, где раздают Причастие. Всего-то! Не одно в рот положил, так другое. Какая разница?

Что же означает «старайтесь о пище, пребывающей в жизнь вечную»? Дело в том, что всё, что делает человек, и он сам находится во времени и пространстве. Христос же, наблюдающий за этим, понимает, что это всё пройдёт. И так же, глядя на свою жизнь и цenia каждое её мгновение именно за то, что оно пройдёт, мы будем делать то, что может длиться вечно. Мы можем смотреть на то, что пройдёт, и радоваться ему, потому что оно пройдёт, а не потому, что оно вечно. Вот осенняя листва – красная, жёлтая, бордовая. Если бы она была такой всегда, то это было бы не то. Но золотая осень радуется тогда, когда она временна, когда ей отводится короткий срок. И мы говорим: как красиво! Красиво именно потому, что это пройдёт и этого скоро не будет. Красиво именно потому, что это почти случайно. Вот мы любимся каким-то деревом и посыпанными под ним жёлтыми листочками. А ведь этого могло бы не быть, мы могли бы этого не заметить, или ветер мог разметать эти листочки в некрасивом порядке.

И когда мы понимаем, что всё то, чем мы живём, проходит, оно временно и поэтому ценно, тогда мы живём и мыслим как Бог, как Господь наш Иисус Христос. И тогда мы ценим себя. Мы же, наоборот, принимая Святое Причастие, думаем, может быть, как бы заспиртовать себя, вобрав в себя кусочек вечности. А невозможно вобрать вечность, можно вобрать только точку зрения вечности. И с точки зрения вечности мы вместе со Христом будем проходить нашу дистанцию и смотреть на себя так, как Он на нас смотрит.

Вот человек ковыряется в земле, в своих мыслях, эмоциях, в вещах, в каких-то событиях. Поковырялся и умер. А красота в том, что вот он нашёл какую-то эмоцию – и ценит её, нашёл какую-то вещичку, надел на себя – и радуется. Как дети радуются. Это всё пройдёт. Но именно вот этой его мудрости восприятия времени нам зачастую

не хватает. Мы или отдаёмся времени полностью (говорим, что это действительность, это то, что есть, то, что надо), или отрицаем время во имя вечности, которую никогда не видели, и, как говорил товарищ Кант, даже представить себе толком не можем, хотя знаем, что она существует.

Итак, не будем спешить за Иисусом так, чтобы Он от нас убегал. Может быть, и Его Вознесение – это чудо того же плана, как и Его бегство по водам. Но мы будем стремиться идти не за Ним, а вместе с Ним, и радоваться тому, что люди поели хлеба, рыбки, и тут же забыли, повернувшись к Нему своими неблагодарными спинами. Но в тот момент, когда они ели, – это же было прекрасно! Христа радует, когда люди едят. Но когда они делают из этого глубокие выводы и бегают за Ним, чтобы сделать Его царём, – это Его уже не радует. И мы должны вкушать и наслаждаться не какими-то смыслообразующими символами векового значения, а той радостью, которой радуется о нас Христос.

65.

Оставьте «слепцов» Богу

05.10.2014

О преданиях старцев, Мф.15:1–20

«Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст...» Фарисеи, услышав эти слова Христа, «соблазнились». Слово «соблазн» происходит от греческого «скандал». То бишь те подняли крик, кипиш. Однако, кто устраивает скандал в этом мире? Тот, кто сказал что-то скандальное, или кто шумит и возмущается сказанным? Это остаётся неизвестным, потому что далее повествование переходит к другому скандалу – к скандалу внутри самого христианства. Христос, соблазнив фарисеев, т.е. лучших людей того общества, говорит ученикам, т.е. будущим христианам: «Оставьте их, они – слепые вожди слепых; а если слепой ведёт слепого, то оба упадут в яму».

И здесь уже сердобольные христиане возмущаются: «Как же мы их оставим, когда они вот-вот упадут в яму?! Мы не можем их оставить!» Они бы исправили сказанное Христом и написали: «Не оставляйте их ни в коем случае, чтобы эти слепцы не упали и не погибли». Подсуньте, например, им хорошую книгу, чтобы они прочли её (или услышали что-нибудь такое), прозрели и обошли ту яму, к которой они шли. Но Господь говорит: «Оставьте их».

Получается, что этим новым апостолам, как тем же фарисеям, тоже хотелось бы закатить скандал. Ведь нехорошо это так оставлять. Христос же им предлагает картину мира, где не надо считать себя сидящими на пупе земли и имеющими рычаги для управления судьбами мира. Эту сложную работу нужно оставить Богу. Не надо думать, что каждый человек, который мыслит не так, говорит не то, нуждается в моём вразумлении, в моём непосредственном участии. Так мы станем как фарисеи, которые ходили за Христом и регулярно возмущались Его высказываниями. В конце концов, те так расстроились, что пришлось им Христа распять. И если христиане время от времени жгли на кострах тех, кто их возмущал, то только потому, что они не послушали этой заповеди Христовой – «оставьте слепцов в покое!»

Для нас слепец – это что-то обязательно плохое. Но слепота – это выбор человека. И мы должны понимать этот выбор, потому что мы сами этот выбор делаем регулярно. Слепота это не свойство зрения, слепота – это решение быть слепым. То решение, которое мы принимаем каждый раз, когда хотим почувствовать что-то чистое, светлое, что-то совершенное. Скажем, светлый праздник. Когда человек видит какую-то красоту, например, желает насладиться прекрасным закатом, он должен в этот момент перестать думать о том, что сейчас в мире кто-то страдает, кто-то умирает с голоду, кто-то кого-то убивает.

Он должен наполовину ослепнуть, чтобы хотя бы немного насладиться жизнью. Когда же человек хочет немножко погоревать, побыть в депрессии, попеть тоскливые песни, он должен забыть о том, что существует праздник, что существуют люди, которые радуются в этот момент, что вообще существует красота мира, и всё не так уж плохо. Чтобы жить, людям приходится, как на приеме у окулиста, закрывать то один глаз, то второй. Одновременно оба глаза никто никогда не открывает – с ума сойти можно.

Поэтому прежде чем судить, обвинять кого-то в слепоте и пытаться его исправить, направить, или попробовать зарыть ту яму, в которую он должен упасть, или хотя бы постелить соломки, нужно подумать о том, что мы такие же самые. Оставьте Богу управлять вселенной. Нужно только, чтобы в наше поле, которое мы видим, как бы мы ни слепли, всегда входил Господь Бог со Своими ближними, которые являются и нашими ближними.

66.

Преодолевая модели и условности 23.09.2018

Об исцелении дочери хананеянки, Мф.15:21–28

Это одно из сложных евангельских зачал, которое с трудом вмещается в современное понимание. Мы узнаём, как в странах Тирских и Сидонских Господь Бог отказывал женщине хананеянке (евангелист Марк называет её также сиропфиникиянкой) в исцелении её дочери. Но, дождавшись её самоунижения, Он таки да, соизволил её исцелить. Слава Тебе, Господи! Кажется, что сегодня этот текст, как и любой текст, который донесён до нас через тысячелетия, противостоит какому-то иному неписаному закону...

Так зачем нам рассказывают об этом?

Очевидно, что христиане проповедовали близость Бога и Его милость ко всем, даже к язычникам. Но как

объяснить, с какой стати Бог милует язычников? И вот это зачало отвечает: так как они настойчивые и смиренные.

Кстати, апостолы здесь проявляют поразительную бесчувственность. Они просят Христа не о женщине, а о себе. Они как бы говорят: «Отпусти её, потому что она идёт и кричит за нами. Сколько можно слушать её крики?!» И Христос ей тоже отвечает: «Видишь, как нехорошо, что Я тебя должен исцелить, забрать хлеб у детей и отдать его псам...» Весь этот диалог служит как бы в оправдание того, что язычники тоже помилованы. Для ветхозаветного Израиля очень сложно принять эту мысль. Поэтому первые христиане пользуются такой вот моделью, что язычники тоже помилованы, потому что они очень сильно просят и очень глубоко смиряются.

Апостол Павел в Послании к Римлянам даёт следующую модель: язычники потому спасаются, что некоторые израильтяне отказались от спасения, а те получили вакансии. В притче о званых на пир получается, что все те бомжи с распутий и дорог не были бы позваны, если бы званые откликнулись. Видите, какие сложные и глупейшие модели нам рисуются для того, чтобы пояснить простую (на первый взгляд) истину, что язычников тоже Бог любит, исцеляет и милует?

Но и сегодня люди находятся в похожей ситуации и тоже могут недоумевать, каким образом Бог может посетить раскольников, утешить и обнять еретиков, каким образом нас самих Бог может принять и пребывать в нас. Наверное, когда я сильно покаюсь и буду кристально чист и свят?.. Мы сами выстраиваем и выставаем барьеры, и отталкиваем Бога. Мы не понимаем, как может соотноситься абсолютная бесконечность с нашей вот такой ущербной конечностью. Мы не можем увидеть, что Бог по ту сторону всего того, что мы делаем и что имеем. Он глубже того, что кому-то Он должен помочь, а кому-то не должен.

Поэтому Он и может исцелять людей. А вот эти объяснения, причины, условия и прочее – это неважно.

Христос исцелил беснующуюся дочь какой-то хананеянки. И для того чтобы объяснить, как это возможно, мы прибегаем вот к таким вот громоздким моделям, где она обязательно должна была осознать и покаяться в том, что она язычница, а также смириться, долго просить и унижаться.

Когда в каком-то сгустке белковых тел проявляется внимание к бесконечности, это внимание настолько дорого, настолько оно бывает редким, что неважно, из чего этот сгусток состоит: мужчина это или женщина, много ли ему лет или мало, что он сделал плохого и хорошего. Но внутри этого обращения к Богу может таиться трещина или червоточина, когда мы говорим: «Господи, Ты так далёк, а я так мерзок и недостойн Тебя...» и т.д. Это исходит из того, что люди считают свои дела значимыми. Израильтяне видели в том, что та женщина – хананеянка, очень значимую вещь. Она, может быть, тоже так считала. И вот эти все условности, они-то и порождают огромную дистанцию на пути к Богу. Поэтому, обратившись к Богу, нам нужно научиться обходить собственные фантомы, значимость и условности всех наших дел и мыслей, условности всех наших измерений жизни: богатый, бедный, раб, свободный, нечистый, стерильный и т.д. Но эта истина ещё впереди нас.

Итак, мы должны понять ту ситуацию, в которой оказался евангелист Матфей. Он описывает исцеление дочери хананеянки, но у него самого в голове не помещается, как это возможно. Он не может просто написать, как Христос шёл, увидел женщину-язычницу, она Его попросила, а Он говорит: «Ну, конечно же, солнышко, мы тебя всегда любили, всей Святой Троицей». Для Матфея, как для первохристианина, это было бы совершенно невыносимо, абсурдно и невозможно.

Теперь же, читая это зачало, мы можем, по крайней мере, понимать, насколько мы сами близки к описанной в Евангелии ситуации. Да, нам не нужно объяснять, как и почему Бог любит язычников. Мы уже приняли язычников, неверующих, бесноватых, которых считали вдобавок ещё и проклятыми. Слава Богу, Христос донёс до нас очень много вещей. Но мы ещё не приняли более важную истину о жизни, потому что мы до сих пор не свободны от всех условностей: мы говорим то-то и то-то, потому что другие так мыслят, мы одеваемся так-то и так-то, потому что другие этого хотят. И вот когда мы почувствуем внутреннюю свободу от всего, что *нужно* делать и говорить, тогда мы сможем сказать: «Да, мы узнали истину, и истина сделала нас свободными».

67.

Театр нашей жизни

09.11.2014

*О закваске фарисейской и саддукейской,
Мф.16:1–6*

Когда человек любит другого, это Божие чудо. Ибо только Бог может любить человека, а человек не может любить человека, потому что он не может его даже увидеть. Вот подходят к Иисусу люди и как бы говорят: «Покажи нам знамение, и тогда мы увидим Тебя, и признаем в Тебе пророка или даже Мессию. Мы узнаем Тебя по древнему знаку, по предъявленному эффекту».

Люди, глядя друг на друга, видят только параметры и умения, свойства и функции, которые человек может предъявить, и которые они могут потребить. Мы постоянно упираемся в свойства человека, и только их и анализируем. А сам человек остаётся для нас закрытым. Не потому, что он принципиально закрыт, а потому что он нас не интересует. Нас интересует, чем ты полезен мне: ты мне протянешь

пирожок или скорпиона? И вот – моё мнение о тебе. Когда люди влюбляются, они влюбляются в параметры: какой он! какая она!.. Когда Иисус кому-то понравился, Он понравился, потому что Он что-то сделал, и все захотели, чтобы Он делал больше. Просто так никто не любил Его (кроме, наверное, Его Матери) и даже не обратил внимания на Него. Обратили внимание лишь на то, что Он делает...

Вот почему люди не могут никогда полюбить друг друга, они всегда требуют от другого каких-то слов, дел и характеристик. И не любят они тоже слова, дела и характеристики. Вот почему Христос говорит: «Смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской», – не потому что фарисеи и саддукеи – плохие люди, а потому что они воспринимают человека по тем фишкам, на которые он способен. Вот почему Иисус отказывается показать им знамение.

Фарисеи и саддукеи стали такими лицедеями и превратили весь мир в лицедейство, потому что верили в то, что о человеке свидетельствует именно то, что он может выдать/извлечь из себя, как он может проявиться. Как человек себя ведёт, что он говорит, что он мыслит, такой он и есть. В этом заблуждении они превратили весь мир в театр. И вот нарядившись в какие-то особенные одежды с филактериями, с каким-то показным нестяжательством они молятся на распутьях и в синагогах. Что заставило этих добрых людей выступать в этом театре? Убеждённость в том, что и их действия соответствуют им самим, и действия других людей тоже чему-то соответствуют. Они забыли о том, что театр сам диктует актёрам свои правила. Когда мы сейчас выходим на улицу, мы не выбираем – быть нам одетыми или нет. Это выбрала улица, время года и принятый этикет, т.е. тот контекст, в котором мы живём. Мы думаем – вот этот человек приличный, так как он делает то-то и то-то; а вон тот – неприличный, он делает что-то другое. «Берегитесь закваски фарисейской и саддукейской», ибо она не видит человека.

И поэтому от Христа будут бесконечно требовать знамений. Не только от Христа – это ничего, Христос потерпит, – от каждого человека их будут требовать. Вот ты увидел меня, значит, ты со мной должен поздороваться. Если ты со мной не здороваешься, ты уже плохой человек, ты поступил плохо. Люди отождествляют «поступил» и «есть».

Наверное, есть люди, которые верят, что улитка твёрдая. Только она не твёрдая, она прячется внутри своей раковины. Но если на неё подышать, то скоро оттуда выглянет «слизняк». Точно так и люди. Впереди у нас зима, и люди будут носить на себе много одежды. Они закроют свои руки и ноги, наденут варежки, головной убор... Человека почти не будет видно. Но там, за этими одеждами, есть человек. Почему он так оделся? Ему просто холодно. Вот так и в нашей жизни – мы прячемся, потому что нам просто холодно, мы не знаем, как жить в этом мире так, чтобы жить самим по себе. Мы всегда живём по отношению к другому, и только Бог знает, что мы играем. А мы только догадываемся об этом. Поэтому только Бог видит нас вне этой игры.

Вы рассматривали когда-нибудь актёра на сцене? Очень замечательный такой опыт – смотреть на человека, играющего какую-то роль. Вы думаете, что он придёт домой, наденет тапочки и будет нормальным? Нет, не будет. Тапочки не он придумал, и приходить домой – тоже не он, всё – не он. В театре главный – режиссёр, а дома главные – домочадцы, соседи и т.д.

И вот думаешь: бедный человек, а где ты? Ты вообще есть? Христос раскрывает фарисейскую и саддукейскую закваску лицедейства, т.е. их порочный принцип отношения к человеку и миру. Этот принцип делает их невидимыми друг для друга и бесконечно требует у нас и у Христа подтверждать свой статус: сделай что-нибудь, стань нашим героем, явись Спасителем Израиля! А если не можешь – умри, в конце концов.

Вот такой урок этого Евангелия.

И когда мы зимой оденемся, мы вдруг окажемся больше похожими на себя, потому что мы и так очень «одеты», т.е. закрыты. Что есть мы сами по себе, без всех этих отношений к миру и друг к другу, мы толком и сами не знаем. И вот если христианин поставит хотя бы этот вопрос для себя, то он уже на пути к Царству Божию, он уже понял эту мысль Христову. А поняв эту, как-нибудь поймёт и всё остальное, потому что, как говорят, всё гениальное просто. А может быть, это и есть гениальное.

68.

«Господи, да прозрю!»

30.01.2022

Об исцелении слепого, Лк.18:35–43

Об этом исцелении говорят сразу три евангелиста. Лука в 18-й главе говорит о том, что это был безымянный слепец. Матфей в 20-й главе говорит о двух слепцах. Марк в 10-й главе говорит об одном слепце по имени Вартимей. Но нам абсолютно неважно, что там произошло две тысячи лет назад, сколько Бог исцелил слепцов: одного, двух или двенадцать, – какая разница. Это только случай, который был когда-то давно.

И, конечно же, это написано не для того, чтобы сказать, насколько было тогда лучше по сравнению с днём сегодняшним, а для того, чтобы показать нам какой-то символ. Христос, который проходит мимо как бы по Своим делам, может слепого человека сделать зрячим, открыть ему другое видение мира. Если это Евангелие относится к нам, то оно должно означать, что мы в каждый момент своей жизни со Христом тоже можем в чём-то прозреть, как-то обновить своё мировоззрение. Мы, конечно, уже считаем себя зрячими. Но если мы чувствуем или исходим из предположения, что чего-то важного в этой жизни нам

не достаёт, чего-то мы не видим, или, может быть, мы видим жизнь как-то слишком черно-бело, слишком примитивно, тогда мы говорим: «Господи, отверзи ми очи, я хочу видеть». И тогда это Евангелие относится к нам. Тогда Христос может и нам сказать: «Прозри».

Если это относится к нам, тогда мы не должны заниматься только тем, что защищать нашу особую зоркость. Чем в основном занимаются православные? Тем, что говорят: «Мы лучше всех видим. Вот баптисты всякие плохо видят, а атеисты вообще ничего не видят. Не то что православные!» Как же тогда это Евангелие относится к нам? Может, мы откроем щёлочку в дверях к баптисту и будем благовествовать ему это всё, пока он не «прозреет»? Или атеисту под балконом станем зачитывать? Но если это относится к нам, значит, мы вместо жёсткой защиты своего мировоззрения должны задуматься: возможно, мы чего-то не понимаем, или у нас что-то важное отсутствует даже при том, что мы многое видим. И тогда действительно христианство будет путём обновления оптики, путём обновления мировоззрения, видения. И нам станет понятно, в чём здесь радость Евангелия.

У Христа по чину богослужения Свои дела: сейчас – Малый вход, чтение Евангелия, потом – Великий вход. А мы как бы смотрим на всё это, как куда-то Он выходит и заходит, проходит мимо. Мы можем сказать: «Господи, мне кажется, я чего-то не вижу, открой мне очи». И тогда, может быть, совершенно по-новому мы увидим мир, а через какое-то время Он откроет нам ещё что-то. Потому что у Бога бесконечное количество даров.

Итак, это Евангелие не о Вартимее, не о том, что Иисус исцелил двух слепых, а о том, что мы можем увидеть мир ещё более по-христиански, за что и будем благодарить Бога. В 10-й главе от Марка сказано, что слепец встал и пошёл по дороге вслед за Христом. Может, и мы где-то

на двадцать пятом году православия скажем: «Господи, как чуден мир Твой! Оказывается, оно во как!» Затем встанем и пойдём за Ним, и будем уже держаться чуть поближе.

69.

Крайнее убеждение и живая вера

16.08.2020

Об исцелении бесноватого отрока, Мф.17:14–23

Если бы это Евангелие читалось сегодня на современном языке, то оно звучало бы немного иначе, потому что сегодня люди не обращаются к мудрецам, чтобы те исцелили от беснования их детей. А те, что обращаются, потом часто жалеют об этом. Сегодня это звучало бы так: «Ученики спрашивают Иисуса: что самое главное в нашей духовной жизни, которую мы ведём вот уже несколько лет? И Христос отвечает: главное в вас то, что творит этот вопрос. Главное то, что спрашивает о смысле».

Спрашивание о смысле, о глубине есть глубина. Вопрошание о свете есть свет. А то, что нам положено в руки, уже лишено глубины. Как говорится в Одессе: чего стоит услуга, если она уже оказана.

Мы можем видеть, как бесследно прошёл этот случай с исцелением отрока. Вроде бы Иисус научил Своих учеников, а мы до сих пор ничего не умеем. Они Его спрашивают: «Почему мы не могли исцелить?» И Он отвечает им на том уровне, на котором они спрашивают. Если мы слышим глупый ответ, мы не должны жаловаться, потому что вопрос глупый. Если мы не доверяем тому, что в нас спрашивает, мы не можем родить подлинного вопроса, и, конечно, не можем получить умного ответа. Ну что это за вопрос: «Почему мы не могли исцелить?» Иначе говоря, «дай нам инструкцию, как правильно думать, действовать, чтобы исцелять всех направо и налево, и бесов гонять». Христос им ответил: будь предельно убеждённым в идее, в её реальности... Но вы

знаете, даже параноики, крайне убеждённые в какой-то идее, всё равно не получают эту реальность. В этом вся загвоздка. Крайнее убеждение тысяч людей в том, что было бы хорошо, если бы делали так-то и так-то, не реализуется. Люди отдавали жизни за это, и их убеждения остались совершенно бесполезными. Вот действительность, с которой не справляется это зачало, потому что неправильный вопрос рождает неправильный ответ.

А мы должны рождать правильный вопрос. Мы должны сказать: «Господи, вот это зачало – оно вообще о чём?» О том, что мы должны быть уверены на все двести процентов? Или мы имеем право сказать: «Не знаю, как Бог благословит, может, ты исцелишься, может, бесы убегут, а может, не убегут. Может быть, моя вера сильна, а может – слаба»?

Вот в этом колебании, в этой неуверенности в себе ведь тоже есть истина, которую мы же и проповедуем. Разве не проповедуем мы скромность о своих достоинствах, скромность о своей вере, скромность о своих молитвенных возможностях. Мы проповедуем и это. И вот, когда мы находимся на этом изломе нашей веры, когда мы одновременно хотели бы верить на сто процентов, и понимаем, что верить на десять процентов гораздо реальнее и гораздо смиреннее, мы должны спросить: «Господи, а что сейчас со мной происходит? Почему меня коробит то, что я слышу?» И вот то, что нас коробит, означает, что у нас есть живая душа, которая каждый раз разрушается, когда пытается вылезть из кожи, каждый раз надрывается, когда хочет перерасти, прыгнуть выше крыши. Ученики слушали этот завет Христов, и наверняка у них тоже коробило сердце: как же так, почему мы не можем так веровать, как Он говорит, – «скажи горе сей, и она переместится»? Понятно, что это гипербола, но, тем не менее, им ведь было сложно это слушать. Потому что какой вопрос – такой ответ.

Любите ваше вопрошание, взыскание вашей души, которая ищет чего-то большего, которая пытается сказать: «Господи, я в своей душе построю храм для Тебя. Ведь всё то, что у меня есть – это не то. Ты не можешь туда вписаться, Ты не можешь войти в то, что у меня уже занято футболом, книгами, наукой и т.д. Я построю Тебе отдельный дом. А потом разрушу его и построю другой, и буду рушить дальше, потому что наши отношения продолжаются».

Бог в стиле Кашпировского нам говорит: «Просто веруй и всё. Это установка». А дальше мы понимаем – что-то здесь не то. И этот наш запрос на что-то большее – святыня. Святыня человека, стремящегося к Богу. И он доходит до Бога. Какие-то иудеи считали, что Христос есть пророк Илиия или великий праведник, а некоторые – что Он Мессия. И те, которых это всё не удовлетворяло, поняли в итоге, что это Сам Бог к ним говорит – Бог во плоти. Но для этого сначала нужно было быть недовольным предыдущими моделями. И если мы слишком рано удовлетворяемся, то мы ничего не получаем, как ничего не получили апостолы, выслушав данное наставление.

70.

Вера по одну сторону с Богом

03.04.2022

Об исцелении бесноватого отрока, Мк.9:17–31

Это Евангелие о том, что, как кажется, Христос требует от человека какой-то веры и говорит скорбящему отцу: «Сколько можешь веровать – веруй!» Но дело не в каком-то количестве, потому что количество у человека ограничено, и от него невозможно требовать больше. А дело в характере веры, её векторе. И Он ему говорит: «Вот как ты можешь веровать, вот так и веруй!» Потому что если мы предположим, что Бог требует от человека какой-то подлинной веры, то возведём на Бога напраслину. Бог не требует

никакой веры от человека, Он воспринимает ту веру, которая есть, за подлинную. И поэтому говорит: «Хоть как-нибудь веруй, сколько можешь!»

У Бога не было настоящих друзей, которые бы Его не бросили в беде, но Он к ним относился как к настоящим друзьям и любил их. У них не было веры, как мы видим, – они не могли исцелить, не могли идти по водам, расстраивались, когда заканчивался хлеб, ещё что-то. Но Он к ним относился как к подлинным Своим последователям, подлинно верующим.

Чем же здесь возмутился Христос? В Евангелии это подчёркнуто. Отец говорит: «Вот я привёл к Тебе сына, он беснуется. Твои ученики не смогли помочь. Ты помоги». В этом случае Бог оставлен где-то отдельно от нас. Мы говорим: «Господи, помилуй, спаси и сохрани!» Но это уже вызывает у Бога какое-то раздражение: «Доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас?» То есть если мы приходим к Богу, как к врачу, и говорим: «Господи, вот у меня нога болит, вот у меня ребёнок беснуется», то даже если мы получаем просимое, мы всё равно остаёмся в позиции напротив. Мы не становимся на одну сторону.

И что делает Христос? Он говорит: «Сколько можешь веровать – веруй, потому что всё возможно верующему». Он ставит его по эту сторону, и вот уже отец и Иисус делают одно и то же дело. Иисус как бы говорит: «Помоги мне, Я без тебя не справлюсь». Он как бы разворачивает отца, и теперь они вместе делают дело исцеления. Они по эту сторону. Вот что такое вера! Та вера, которую ищет Иисус и никогда не найдёт, – это когда люди находятся не напротив Бога, требуя что-либо от Него или осуждая Его за что-либо, а вместе с Ним. Поэтому хороши те, кто говорят: «Помилуй, спаси и сохрани», но гораздо лучше те, которые вместе с Богом кого-то сохраняют, кого-то спасают и кого-то милуют.

Иисус в этом зачале добрее, чем апостолы. И мы говорим, что Он добрый, потому что Он Бог, или потому что безгрешен. Но всегда, когда добрые люди мыслят, они приходят к очень злым мыслям, потому что они не могут мыслить иначе. А Христос как-то так мыслит, что волен быть добрым. Он мыслит с такой перспективы, в которой даже тот, кто не ходит за апостолами, но изгоняет бесов Его именем, является их последователем в каком-то смысле, ведь «кто не против вас, тот за вас». У Него есть такая точка зрения, с которой всякий, кто претендует на некую особенность и хочет быть бóльшим, уже не прав, ведь «кто из вас меньше всех, тот будет велик».

Вот синоптики нам опять обещали снег, и я вдруг подумал о снежинках. Снежинки зарождаются и сотворяются в поднебесье, высоко в облаках, как бы в раю. А если рассмотреть их под микроскопом, то каждая снежинка похожа на галактику. Мы не видим, что там было за магнитное поле или какая-то ещё сила, но снежинка собрана вокруг какого-то центра, и она посвящена этому центру. И вот она ниспадает к нам. Она кружится и падает как придётся. Какая-то снежинка упадёт на дорогу, её раздавит машина, она её уничтожит. Какая-то снежинка упадёт на землю, а потом кто-то на неё наступит. Какая-то снежинка ляжет на еловую ветку и не уничтожится, но весной подует тёплым ветром, и она растает. Все они растают. Но перед тем как они растают, может быть, какой-то снежинке повезёт, и какой-нибудь ребёнок (ведь мы, взрослые, очень заняты, куда-то спешим, поэтому нам вечно некогда) рассмотрит эту снежинку. Я уже и забыл, когда в последний раз снежинку рассматривал. Это я так, по памяти говорю.

И ребёнок увидит, какая она неповторимая. Ведь говорят, что все снежинки неповторимы. Они все, как галактики, завернуты вокруг какой-то своей, им только ведомой, идеи.

Если мы увидим эту снежинку, рассмотрим, то она, значит, и была. А если мы её не увидели, то её, собственно говоря, и не было. Просто был снег. Был снег, и не стало снега. А была ли снежинка, которую никто не видел? Вот она где-то упала и растаяла. Она была или не была? Один епископ в XVII веке говорил о том, что она была, потому что Бог её видел. Никто из нас её не видел, а Бог её видел. А был ли человек, если он прожил всю жизнь, а никто его не увидел? Вот его, завернутого вокруг какого-то своего таинственного центра, посвящённого какой-то мистической идее, которую он сам-то обычно не знает. Ведь снежинка – это некоторый разворот вокруг ничего, вокруг пустого места. Там, в центре снежинки, ничего нет – ни бриллианта, ни алмаза, ничего особенного. Если его, человека, никто не видел, то он как будто бы и не жил. Разве что только Бог его видел. А люди его так, может быть, и не заметили. Мы же спешим, куда-то идём, за чем-то гонимся.

И вот всё это соперничество в параметрах – кто из нас больший, кто меньший – все эти прилагательные не говорят, кто из нас «кто», а лишь кто из нас «какой». Мы рассматриваем «какое» друг друга, т.е. что там у нас ещё, но не доходим до того, что за человек перед нами. А потом эта «снежинка» истаивает, умирает. Она превращается в «воду», а потом в «пар», её нет и больше никогда не повторится. Как писала Марина Цветаева, «уж сколько их упало в эту бездну»⁹. Сколько «снежинок» упало и растаяло вокруг нас! Мы же их и не заметили.

⁹ Из стихотворения М.И.Цветаевой «Уж сколько их упало в эту бездну...» (1913).

Вот суть христианства. Вот почему Христос может быть таким добрым. Потому что Он смотрит из этой перспективы. Не потому что Он такой добряк. Он сделан из того же теста, что и мы. Он не может быть добродушнее нас. Чтобы быть добродушнее, нужно иначе мыслить. И тогда нам не придётся во имя благоденствия народа распинать одного праведника, как говорил Каиафа, не придётся приносить какие-то жертвы.

Если у нас будет точка зрения на человека, как на снежинку, вот тогда мы поймём Христа, а не просто будем Ему послушными. Поймём, как у Него могла родиться эта мысль. Он же человек. Да, конечно, Он Бог и человек, и понятно, что в Божией голове что угодно может появиться, но как оно перелезло в человеческую голову? Ведь если бы такая «трансплантация» была возможна, то Бог сразу открыл бы Моисею Новый Завет. А Бог Моисею не мог ничего открыть.

Поэтому мы должны мыслить как Христос. Чаще думайте друг о друге, как о летящей снежинке. Большая она или маленькая – её никто не заметит, даже если она какая-то особенная. Вообще никто ничего не заметит. Человек пролетит, упадёт, кто-то его с лица снимет – знаете, когда мы идём, а нам снежинки в лицо, мы клыпаем, недовольны, – и стряхнёт на землю.

Я когда об этом подумал – сам себе дорог стал. Думаю, ничего себе, я же тоже умру, и таким как сегодня я не буду даже завтра! Хотя, в принципе, может и буду... Но вообще сама эта точка зрения на человека – вот что делает Христа Христом. Не посланничество с Небес, не какая-то там особая привилегия, о которой мы говорим: «ну конечно, у Него привилегия». Да не привилегия! Он Другой, но Такой, какими и мы могли бы быть. И тогда мы Его поймём и опередим Его весть, мы опередим Его мысль, потому что мы будем мыслить так же, как Он преподавал нам в Евангелии. Хотя про снежинки там, к сожалению, ничего нет.

Радость обретения

02.12.2018

На притчи о пропавшей овце и потерянной драхме, Лк.15:1–10

Евангелие Господа нашего Иисуса Христа евангелично (т.е. радостно, благовестно) тем, что не мы делаем нечто, потому что мы всегда делаем всё плохо и не то, что надо, – а Бог делает нечто.

Это зачало немного странное, на первый взгляд. Христа укоряют: «Да Он с мытарями и грешниками сидит и кушает!» Иисус же поясняет, что на небесах больше радости об одном грешнике кающемся, нежели о девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии. И нам может показаться, что Он говорит фарисеям и книжникам, мол, ребята, Я такой же фарисей, как и вы, просто Я перевожу этих людей обратно в фарисейство. Да, они мытари сейчас, но они вскоре начнут каяться – каяться в том, что они не фарисеи, – и станут такими, как вы. И если Иисус отличается от фарисеев только тем, что работает с низшим классом, то Он такой же фарисей, который хочет, чтобы этот грешный народ, покаявшись, изменившись, перешёл в класс избранных.

Но те две притчи, которые Он приводит, высвечивают нам, что Сам Он не так это понимает. Из теории аргументации известно, что если человек, подкрепляя какой-то тезис, приводит аргументацию другого порядка, то верить надо не тезису, а аргументации. И вот Христос, говоря о покаянии грешников, поясняет это двумя притчами, где никто вообще не кается. Вот первая притча, где овца потерялась. Кто виноват? Виноват, конечно, пастырь, который овцу потерял. Овца не кается, но он её нашёл и радуется. Вторая притча чисто еврейская. Было у женщины десять драхм, одна потерялась, и пришлось ей в связи с этим

перетрясти весь дом. И была великая радость, когда эта драхма нашлась. В любом случае, драхма не виновата. Виновата тётя Сара, которая потеряла драхму. Было у неё их десять, стало девять – о, ужас, ужас! Но она её нашла, и это стало большим праздником для всех, даже для её подруг и соседок. А кто здесь виноват? Тётя Сара виновата.

Этими притчами Христос поясняет, что Его желание и радость быть с грешниками исходит из Его собственной недоработки. Это Он виноват в том, что насадилась и закрепилась такая религия, в которой только элита стала приближённой к Богу. Он породил ситуацию, где приближёнными к Богу считают себя только знатоки Писания и закона, учений и преданий старцев. Это Его недоработка, что Он очень рано стал Богом элит, – с тех пор, как Моисей графоманствовал, записывая заповеди. Те, кто плохо их учили, были хуже, чем те, кто хорошо учили. И общество разделилось. И Бог «потерял» бóльшую часть общества, имея отношения только с теми, кто разбирается в Его мудрёных заповедях.

И вот Он идёт и собирает этих людей и радуется с ними, как та женщина радуется потерянной драхме, и как пастух радуется пропавшей овце, которая, может быть, попаршивее, чем остальные девяносто девять, но зато она ему дорога. Так Евангелие говорит о том, что Бог нас ищет и обретает. И Он радуется с нами без того, чтобы мы каялись и стремились изменяться. Потому что, если бы было наоборот, если бы Бог радовался, видя как мы изменяемся, то Бог никогда не радовался бы. Он прекрасно знает, что все наши изменения – до следующего понедельника. Изменения только кажутся изменениями. Их же нет!

Эти притчи как раз о том, что *Он* находит, а не мы находимся. *Он* к нам приближается, а не мы, покаявшись, добегаем как-то до Бога. В этом радость. В этом радость обретения, которую Бог устроит Сам, и Сам добежит до других людей.

И пусть многие из тех, кто отдали свои жизни на то, чтобы стать лучше, обзавидуются. Потому что Бог идёт и к тем, кто не стал лучше, и к тем, кто стал немного лучше. И это Евангелие для тех, кто не стремится быть кем-то по сравнению с другими, а просто стремится быть с Богом.

73.

Выйти из дилеммы не/прощения

05.09.2021

На притчу о немилосердном должнике, Мф.18:21–35

Сегодняшнее зачало выставляет Бога ничем не лучше того, кого Он ругает. И Господь заканчивает эту притчу словами: «Так и Отец Мой вам не простит, если вы не простите брату». Всё дело в том, что Богу приходится говорить на языке людей, а язык людей очень провокативен. Он провоцирует Бога на то, чтобы поступать именно так, как люди того ожидают.

В Ветхом Завете есть история о пророке Илие, который просил у Бога открыться ему. И вот, когда Илия взойшёл на гору, Господь явился ему, но не в громе, не в землетрясении, не в огне, а в тихом ветерке. И это было совершенно неожиданно для пророка. Он ждал привычного для Ветхого Завета зрелища, чего-то подобного тому, как у Моисея – гром, огонь, землетрясение... Но Бог ему является необычным образом. Откровение, которое даёт ему Бог, совершенно противоположно горячему Илие – это тихий ветерок. Если бы у Илии была возможность интерпретировать материалистически, то он бы сказал, что вообще никакого Откровения не было. Потому что он собирался увидеть феерию, а не получил ничего, кроме тихого ветерка. Но если вы подниметесь на любую гору, там всегда будет какой-то ветерок. Это всё равно что ничего не получить. И эта форма, в которой Бог открывается человеку, – неведома человеку. Она необычна для него, она противоречит Откровению. В Новом Завете Христос говорит человеку (возможно, имея в виду этот

сюжет), что Дух Святой как ветер, ты не знаешь, где Он, ты не знаешь, когда Он тебя коснётся.

Представленная в этой притче дилемма прощения или непростения – западня, из которой выйти непросто. Человек, который простит другого по примеру господина из этой притчи, на самом деле, не может простить никого. Потому что он простит для того, чтобы «господин» тоже его простил. В притче за то, что прощённый раб не простил своему товарищу, господин сурово наказал его. То есть прощение невозможно. Потому что и прощая, мы помним об этом прощении. Даже прощая и забывая, что мы прощаем, мы всё равно остаёмся в ситуации, которая требует от нас постоянного прощения.

Представьте себе воспитательницу детского сада, которая целый день прощает бедных детей. Детям – ничего, а она выйдет из сада с «квадратной» головой, потому что она всё это время не просто воспитывала, а ещё и прощала. Представьте себе человека, который идёт сквозь густой лес и то и дело прощает кусты, ветки, деревья, которые ему приходится преодолевать или обходить. Представьте себе футбольную команду, игроки которой постоянно прощают игрокам другой команды, что те не дают им пас. По-моему, это лишнее. Сама дилемма лишняя. Мы должны выйти на тот уровень, где эта дилемма будет выглядеть глупо, – как в данных примерах.

Рождаясь в этот мир, мы должны предполагать, что кто-то нас будет обманывать, кто-то будет заботиться только о себе, а не о нас, кто-то будет желать нам зла, а не добра. В молитве Оптинских старцев есть такие слова, что всё что ни пошлешь мне сегодня, Господи, я приму как от руки Твоей. Это очень верная установка. Потому что всё это – часть жизни. Если тебя сегодня не расстроили, не взволновали, не обманули, это всё равно что идти по лесу и ни обо что не спотыкаться, ничего не обходить, а играя в футбол, тебя никто не обыгрывает, все дают пас именно тебе и мяч

всегда залетает от твоего удара в ворота. Это совершенно невозможно.

Вот почему эта притча неубедительная. Она говорит: «Ты прощай, усиленно прощай, иначе Бог тебя не простит». Но если Бог такой же как и я, если Бог не прощает, когда Ему кто-то не нравится, то почему я не могу не прощать, когда мне кто-то не нравится? И так по кругу – Бог тебя не простит за то, что ты не простил (того, кто тебе не нравится), но ты в этот момент не нравишься Богу. И Сам Бог уже не может выйти из этого капкана. То есть эта притча скорее описывает ситуацию проблемы, чем ситуацию её решения.

Поэтому мы, решающие эту проблему, должны выйти из этой дилеммы. Принимая заповедь Господню, нужно отказаться от самой этой идеи – кого-либо прощать. И тогда нам не придётся бегать по кругу. Надо сказать: «Господи, я предполагаю, что сегодня не всё будет складываться в мою пользу, а завтра, может быть, кто-нибудь меня обсчитает на рынке, кто-то меня оскорбит или оклеветает. И я с этим уже согласен». Это правила жизни, как в игре. И здесь надо играть, а не ходить и обижаться, а потом (так и быть) прощать. Некоторым людям это нравится. Тогда жизнь становится насыщенной. Мы можем себе придумать различные поводы, чтобы прощать других. Но это скорее занимает и отвлекает, нежели что-то решает.

Я думаю, что Слово Божие иногда учит нас не идти слепо за выводом притчи, а в целом смотреть и на притчу, и на ситуацию, чтобы спросить Учителя, как достойные ученики: «Господи, а что Ты имел в виду?» Потому что притча, которая не вызвала вопросов, сказана для народа и принята по-народному. Притча, которая вызывает сомнения и желание переспросить, – это притча, которую приняли мы, ученики Христовы. И может быть, у этой притчи есть ещё более глубокий смысл, который Бог нам откроет потом.

В танце закона и добра

27.11.2022

На притчу о добром самарянине, Лк.10:25–37

«А кто есть мой ближний?» – спрашивает, искушая Иисуса, законник. И тут Евангелие нам показывает этот удивительный вальс перемены значений, в который мы все вовлечены. Строгий закон утверждает, что левиты должны строго соблюдать все правила (иначе, что они за левиты?), и священники должны строго соблюдать все правила (иначе, что они за священники?). И вот лежит некий человек, избитый разбойниками. Мимо него проходят священник и левит. Они наверняка направляются в Иерусалим, в храм на служение, и поэтому не могут даже прикоснуться к этому бедному человеку, потому что тот был окровавлен. И когда Христос говорит, чтобы люди возлюбили ближнего, Он нарушает закон, Он забывает, что закон имел в виду «возлюби израильтянина». Поэтому совопросник и спрашивает: «А кто мой ближний?» Иисус здесь не должен был коверкать закон, говоря, что ближний – это самарянин, т.е. иноверец, еретик и нечистый. Самарянин для иудея был карикатурой на человека, кем-то очень плохим, примерно как для нас оккультист или атеист. Закон говорит: ближний – это израильтянин, причем тот, кто соблюдает уставы Божии. Если же он не соблюдает уставы – он не ближний, и с такими иудеи поступали совсем не так, как со своими единоверцами.

И тут приходит новое поколение – это молодёжь, это Иисус со Своей компанией. Они уже объелись всего этого ритуального благочестия, и для них обычный добрый (т.е. секулярный) человек оказывается гораздо лучше, чем религиозно правильный, ритуально выверенный человек, поступающий по законам веры.

Мы постоянно движемся в этом вальсе. Когда-то люди верили в то, что очень важно строить храмы, соблюдать

установленные ритуалы, прибегать ко всем этим побрякушечкам, бородёночкам, шапочкам, бубенчикам... Всё это было очень важно, без этого всего Дух Святой не приходил. Потом пришло французское Просвещение в XVIII веке – всевозможные Гольбахи, Д’Аламберы, Гельвеции, Дидро, Вольтеры и другие, которые стали возвещать идеи гуманизма и здравого смысла. Они говорили, что человек сам по себе может быть добрый, и даже добрее, чем все религиозные предписания. Люди пошли за этим, и в конце XVIII века случилась очень какая-то бесчеловечная Французская революция. На гильотину отправились десятки тысяч самых разных людей, в том числе самих революционеров. Потом, в XX веке, человечество опять ужаснулось от Первой и Второй мировых войн. Получается, этот секулярный человек, этот «самарянин», который добрый сам по себе и не соблюдает никаких уставов, – жестокий зверь, и зря вы поверили Христу, что он добрее, чем тот священник и левит. И начинается обратный откат. Я помню девяностые годы: «давайте восстановим храмы!», «а какие у нас бородатые предки!», «это всё зов вечности!», «давайте всё это возрождать и восстанавливать!»...

В притче религиозная личность противопоставлена секулярной: главное, чтобы человек был хорошим. Если же представить одного в парче, а другого – просто в белой рубашке, то они по истории вдвоём вот так и танцуют вальсок – приставным шагом, бум-ца-ца, бум-ца-ца... Когда один надоедает – вызывается другой, и мы вспоминаем: «Давайте возрождать наши древние традиции!» А когда нам надоедает этот бородатый в парче, мы говорим: «Да обычный нормальный трезвый человек и то лучше, чем все эти религиозники и попы вместе взятые. Разве нет?» И мы говорим: «Вроде да».

Выходит, собеседник Христа – тоже секулярный проповедник. Он внутри себя давно либерал. И эту

по-иудейски неверную притчу он проглотил, сказав: «Ну, в принципе, да». Как же «да», если закон учит ритуальной чистоте?! Если ты иудей, ты эту чистоту должен принимать за подлинную монету. А ты говоришь: «Да, вообще-то самарянин прав». То есть иудеи дожили до того, что внутри их сознания прав оказывался самарянин, что в принципе невозможно. Бог им предлагает некий образ секулярного пиджачника, который оказывается лучше, чем поп, украшенный, как новогодняя ёлка. А когда пиджачник нас подводит в очередной раз и Владимир Ильич устраивает «красный террор», мы снова говорим: «Боже мой, зачем нам эти пиджачники? Давайте новогоднюю ёлку, давайте Деда Мороза!» Зовём: «Дед Мо-роз!» И выходят эти Деда Морозы, которые скоро снова нам надоедают. И снова, и снова...

Эта притча – только часть общей картины. Но почему она нам дана? Потому что мы думаем, что храмовое благочестие – это очень круто. Поэтому в нашем контексте эта притча является истинной, она нам «проветривает помещение». Всегда хорошо напоминать, что храм – это ничего, что белый пиджак может помочь тебе быстрее, чем парчовая мантия. И мы соглашаемся. В этом заключается внутренний подрыв нашего мировоззрения. И каждый раз, когда оно подрывается, айсберг переворачивается, чёрное становится белым. И благочестие становится секулярным, а потом благочестие опять становится религиозным, и так до бесконечности.

Я думаю, что Сам Бог находится с нами в этом вращении, в этом танце, и Он не может сказать нам что-то более серьёзное. Это похоже на водителя, который не знает, куда ехать, а тот, кто знает, говорит ему: «Поворачивай направо, теперь – налево, здесь – опять направо». При этом Бог-то знает, куда Он нас ведёт, а мы не знаем. И поэтому каждая притча выглядит однобоко, и каждый тезис выглядит, как съеденное яблоко. Но доверяя Богу, мы скажем: «Господи,

это же нам, церковникам, Ты сказал истину, что самарянин – т.е. оккультист какой-то – может быть лучше, чем православный». Вот самое главное в этой притче, когда Христос спрашивает: «И кто, как ты думаешь, ближний?», и Его собеседник ответил: «Ну, в принципе, самарянин, получается». Это кульминация притчи, когда сам законник выдаёт, что внутри себя он тоже секулярный мыслитель, он тоже разрушитель мира, в котором живёт. Так что мы будем идти вперёд, за Богом, куда бы Он нас не повёл.

75.

Фарисеи как наши братья

26.11.2017

О книжниках и фарисеях, Мф. 23:1–12

Прежде чем мы единодушно осудим книжников и фарисеев, севших на Моисеевом седалище, устроивших маскарад из своих облачений, любящих всякие бирюльки, цацульки и прочее, мы должны подумать о том, что это всё не случайно, это не просто характеристика лукавых и бессердечных фарисеев первого века. Ведь это происходит во все времена, во всех народах и во всех религиях. Почему эти люди хотят быть разодетыми, расфуфыренными, как индюки? Зачем отращивают разные бороды и любят, чтобы на шее висел не один крестик, а два или три, а на голове чтобы обязательно был «казанок» какой-нибудь. В других религиях другие прибаамбасы. Неужели они все такие «редиски»? Нет, наверное. Наверное. Слово «наверное» пропитано христианской надеждой.

Сколько раз мы слышали от Христа «не бойся, малое стадо», «много званых, но мало избранных», «не все имеют уши» и прочее? Что же это означает? Это означает, что религия – удел немногих. Все остальные вообще не понимают, о чём идёт речь. Поэтому им как-то надо пояснить, где духовность, как духовного отличить от недуховного.

И как? Давайте его как-нибудь оденем, чтобы нам, бездуховным, было всё видно. Поэтому духовность должна быть вся обвешана, как ёлка новогодняя. Более духовные, наверное, сверкают спецэффектами, а самые духовные, когда идут, то справа-слева от них исцеляются, спасаются и всё такое.

Именно ситуация, когда мы не можем идентифицировать, не знаем, как отличить духовность от бездуховности, рождает тот момент, когда мы должны духовность пометить «краской» – облачениями, бирюльками и всеми этими штуками. Да, фарисеи первого века любили воскрилия риз своих, любили внушительные филактерии, любили председательствовать, чтобы все их приветствовали «наставник», «учитель». А как же без этого? Без этого люди не смогут узнать, где духовность, а где её нет. Люди же не видят на самом деле ничего. Они говорят: «Бог, Бог...» Но если Бога не пометить богатой, яркой одеждой или нимбом, то и нет Бога – не отличим мы Бога никак. И вот поэтому эти люди делают доброе дело – они как умеют, так и помечают, идентифицируют, и тем самым они свидетельствуют о том, что мы слепы. И даже если бы кто-то из них действительно был высокодуховным, то всё равно его надо было бы одеть во что-нибудь такое особенное, чтобы нам сразу была видна духовность.

И поэтому, коль скоро Христос разразился осуждениями книжников и фарисеев, то мы тоже вместе с Ним скажем: «Да, они нехорошие, они так грубо, властно обозначают нашу немощь. Но и сама их властность есть тоже нам комплимент, ведь если мы действительно Церковь Христова, если мы действительно стадо тех, кто услышал заповедь Христову “Будьте кротки, ибо Я кроток и смирен сердцем”, если мы последователи Того, Кто дал Себя связать, оплывать, унижить и распять, то в нашей среде будут главенствовать самые наглые, своевольные и бесчестные люди. Ведь так, получается, должно быть? И так оно и есть. Значит, мы – подлинная Церковь Христова».

Именно в 23-й главе от Матфея Иисус Христос и говорит нам об этом. И если бы наверху были какие-то другие люди, значит, мы лишь играли бы в смирение. Представьте себе, между нами появился наглый человек, который хочет всеми управлять, а мы ему: «цыц, собака!» – и он сникает и умолкает. Где тут кротость и смирение? А когда мы по-настоящему смиренные, тогда он и становится среди нас главным и управляет нами.

Так что фарисеи, конечно, «редиски», но они свидетельствуют о многом хорошем, что есть в нашем мире. В том числе о том, что мы и жить-то не можем без этих специальных обозначений: есть иерей, а есть протоиерей, есть игумен, а есть архимандрит, есть епископ, а есть архиепископ и т.д. Это очень важно. Без этого как мы догадаемся, кто духовный, а кто – нет? Без этого вообще очень непросто определить – Бог-то есть или нет. А если есть жрец, значит, есть и Бог. И так во всём, ибо немощный брат наш нуждается в этом. Мы, конечно, фарисеев будем укорять, но одновременно и понимать, что это наши братья, они такие же, как и мы, и служат нам. И во многом даже делают нам комплимент своим бесчестием.

76.

Христос и авторитеты

03.12.2017

О книжниках и фарисеях, Мф. 23:23–28

Зачем Христос произносит эти обличительные речи? Неужели Он из тех, кто любит прикопаться к кому-нибудь и говорить, что у тебя и то не так, и это не то? Не нужно быть умным, чтобы обличать людей. Мы все на это горазды. С этого начинается всякий грех и этим заканчивается всякая «праведность». И прежде чем продолжить эту тему о лицедействе книжников и фарисеев, которые вечно изображают что-то из себя, давайте задумаемся, зачем

Христос это говорит. Вот если бы я говорил, что трава зелёная, а коврик красный, вы бы сказали: «Зачем ты нам это говоришь? Мы и так это видим». Или если бы я сказал, что зебра полосатая, а жираф пятнистый, вы бы сказали: «Какое это имеет отношение к нашей жизни?»

Так почему Христос произносит такую длинную речь, которая ещё и не окончилась на этих словах? А потому, что Он хочет оставить людей без авторитета, без опоры. Фарисеи и книжники были воплощением того самого закона, который был дан Моисеем тем, кому непонятны многоэтажные словесные пируэты, всякие логические схемы и предания. И вот Христос убирает всё это.

Тогда были одни авторитеты и идолы, сегодня – другие. Сегодня люди верят в путь добра, в хорошее поведение, в идею высокой морали. И если люди держатся этих идолов, служат им, то появившийся рядом Бог непременно должен вращаться вокруг них и служить им. То есть, если главное – это хорошее поведение, то и Сам Бог подчиняется этой идее, и мы говорим: «Бог пришёл для того, чтобы мы лучше себя вели».

Пока мы не отречёмся от всех авторитетов, мы не сможем принять Христа. Потому что любая идея закручивает вокруг себя и нас, и Бога. И в результате мы не знаем, зачем пришёл Господь. Нужно принять Христа так, как Он есть, совершенно обнажённым, безо всякой идеи и без необходимости, без писаний и сказаний, без старцев и молодцев, без никого и ничего. Но такого настоящего Бога мы принять не можем. Мы принимаем Бога в связи с какой-то идеей или нуждой. Например, в связи с тем, что у нас крыша течёт, или ад у нас впереди, могила роется уже для некоторых и т.д. А принять Бога без идеи – это и означает принять Бога! Всё остальное означает подчинить Бога нашим фантазиям, нашим иллюзиям о себе. Мы всё мечтаем о Царстве Божием. И вот мы спрашиваем Бога:

«А когда будет Царствие Божие?» Он говорит: «О том никто не знает, ни Я, ни ангелы...». А всё-таки нам нужно, чтобы Он сказал: «Будет. И очень скоро». Потому что Он подчинён нашей сумасбродной идее, и Он будет работать на неё. Потому что, когда нам благовествовали, мы не очистились. Мы не очистились от идей. Когда апостолы следовали за Христом, они думали, что Он их хочет чему-то научить, а Он их хотел всему разучить. Поэтому на Тайной Вечере Он говорил: «Вы уже чисты за слово, которое вы слышали от Меня». И что же в них может быть чистого? Они становятся чисты, когда они не верят ни в предания старцев, ни в авторитет храма, ни в авторитет морали. Только очистившись от всех стереотипов, люди могут принять Бога. Если же не очищены, то это всё равно что закинуть муху в пробирку с какими-то химикатами. Там всё пойдёт не так.

Нам кажется, что Христос обличает фарисеев, и мы говорим: «Смотрите, как Он зол на их нехорошее поведение». Так это мы злы на нехорошее поведение, потому что мы эгоисты. Мы хотим жить безопасно и комфортно. Вот почему мы хотим, чтобы все себя вели хорошо. И неужели Бог будет служить этой идее? Нет. Он просто хотел отнять у человека опору, чтобы тот не ссыался на предания старцев, не ссыался на праведников, живущих сейчас. Он хотел, чтобы мы приняли Его просто так – без повода, без величия, без Его обещаний, без Его заветов, без контракта, – как мы принимаем друзей своих, может быть. Без того, что они нам что-то будут потом должны, и без того, что мы им что-то должны или как-то виноваты перед ними. Почему человека мы можем хоть иногда принять по-нормальному? Да потому что человека мы принимали не как нужного, а просто как человека. А Бога мы принимаем как очень нужного нам.

Бог обличает не фарисеев первого века. Тогдашние фарисеи сами согнулись под бременем служения Богу, оглядываясь на закон Божий и думая, что Бог требует у них этого

служения. Но если Бог и требовал это когда-то, то в Новом Завете Он этого не требует. А требует лишь, чтобы мы поняли Его. И впереди у нас ещё месяц этого понимания – месяц Рождественского поста, когда мы должны принять Младенца на свои руки, на своё попечение. Младенца без обетований. И по-православному ангел Гавриил должен был явиться и сказать: «Благовествую вам радость велию, рождается Младенец, и ничего хорошего вам с этого не будет, плохого тоже. Но если вы хотите Его любить – любите. Любите, как собственного ребёнка, Он же не великим наречётся».

Никто не скажет, что любит ребёнка, потому что тот великим наречётся. Это уродство какое-то. Детей мы любим просто потому, что они дети, они – это мы в прошлом. Так же надо любить и Бога. Но мы же не можем, у нас муха проглочена (и ещё верблюд вдобавок) в момент принятия Христа. И поэтому Сам Христос является олицетворением наших амбиций о нашей власти на всей земле, о том, как мы покараем наших врагов, т.е. соседей по парадной и других негодяев. Ведь Он придёт и разделит праведных, т.е. нас, и неправедных, т.е. их, или наоборот. Это смешно слушать. Почему? Да потому что мы приняли Христа в то время, когда мы кружились вокруг идола. И Бог стал кружиться вместе с нами. И до тех пор, пока продолжается это кружение, никакое Рождество невозможно – Рождество остаётся Рождеством во имя силы, во имя власти, во имя славы, во имя помпы, во имя бесчеловечной любви.

Мы считаем зазорным чувствовать к какому-то человеку любовь во имя его славы, могущества, богатства или великого знания. Так почему же с Богом надо дружить именно за это? Ведь это оскорбление для Бога.

И вот пройдя этот путь, путь очищения, мы примем Рождество Христово не так, как мы его приняли, а так, как Он бы хотел, чтобы мы его приняли. И тогда Рождество Христово будет поистине второй Пасхой.

Опять Христос обличает с любовью нашего брата фарисея, т.е. всех нас: «Вы строите гробницы пророкам, украшаете памятники праведникам и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков; таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы – сыновья тех, которые избили пророков; а значит, вы бы тоже убили». И тут Христос, конечно, прав. Пророка нельзя не убить. Пророки, как буревестники, поднимали в душах бурю и воскрешали религиозное чувство народа. Но проходит этот тревожный момент, и пророки оказываются лишними. Они уже похожи на каких-то истериков, которые кричат: «Ваши посты и воскурения мне противны, гнев Бога придёт на вас!» Зачем людям это слушать? Люди готовы слушать про разгневанного Бога только для того, чтобы что-то сейчас поменялось, а потом наступило бы время, когда, как говорил пророк Захария, каждый приглашал бы друг друга под виноград и под смоковницу, чтобы тихо и уютно сидеть, помешивать чай и хрустеть французской булочкой. Вот ради этого мы готовы послушать крики пророка и даже что-то сделать. Но пророк-буревестник не может быть постоянным. Отыграв своё, он должен замолчать, исчезнуть. Вон как Иоанн Креститель раскаркался: «Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь!» Сколько можно истерить? Ну, год, два... Дальше его надо убить. Потому что таков закон жанра.

Мы с вами хотим, чтобы наше религиозное чувство было имманентным, т.е. пронизывало всю нашу жизнь. Чтобы Бог действовал – кого-то наказывал, кого-то награждал.

И в то же время мы хотим, чтобы у нас всё было спокойно, тихо, в изобилии плодов земных, в благорастворении воздухов и в духовной радости. В этой шизоидности, раздвоенности идеала, мы любим пророков и убиваем пророков, мы любим Христа и убиваем Христа. Таковы не только фарисеи, все мы таковы.

И вот Бог как бы говорит: «Смотрите, вы думаете, что вы не дети тех, которые убили. Вы думаете, что держитесь лишь одной линии праведности. Но это именно та самая праведность, которая слушала пророков и убивала пророков». Потому что те, кто не слушали, им и дела нет до них, им незачем их убивать. Вот в чём суть.

Всякое человеческое сообщество (не только Израиля) повторяет одну и ту же песню. Каждый раз мы говорим: «мы не будем, как наши нечестивые предки», или наоборот: «мы будем как наши благочестивые предки». В результате – всё то же самое. Борьба человека с Богом может закончиться только той победой человека, которую он и не ждёт. И Христос говорит: «Се, оставляется дом ваш пуст», т.е. ничего не будет. Ничего. У вас не получится вовлечь Его в эту дурацкую, глупую интригу. Спорить с дураком означает быть дураком. Бог не может в этом участвовать. «Оставляется дом ваш пуст». То есть как живётся, так и живётся. Скушал котлетку, переварил – и хорошо, так и умер. Страшно не то, что Бог придёт и накажет, а то, что вообще ничего не будет. И дом Израилев, и храм Господень, и вся жизнь – всё остаётся пустым, бессодержательным. Ужасно не то, что в 70-м году Бог отомстил Иерусалиму за непослушание, а христиан наградил за послушание. В таком случае Он был бы тем, кто возится как ребёнок в песке, строит какие-то здания, а какие-то опять топчет, гоняет нас, как муравьёв по песочнице. Помню, в детстве я так делал. Но я вырос. И Бог вырос. Он уже этим не занимается. И самое худшее для этих

людей, что Он этим не занимается. Теперь в пустом доме мы остались как бы без Бога. Теперь нам нечего ждать – ждать, что вот-вот Он придёт и что-то сделает. Не придёт и не сделает. Теперь мы должны выходить и аукать: «Господи, где Ты? Мы здесь, а Ты где?»

И вот в этом нашем поиске, в том, как мы устремляем душу к Богу, и есть наша духовная жизнь. Когда мы найдём друг друга, когда ищущий найдёт ищущего и они побратаются не потому, что что-то нашли, а потому, что что-то ищут, – вот тогда между христианами будет любовь. Не когда один скажет: «Ты нашёл католическую версию христианства, а я – православную версию, лучше, чем у тебя». Если они будут спорить о том, что они нашли, они никогда не будут любить друг друга. Даже те, кто внутри православия.

Нужно сойтись как ищущие, как потерявшие что-то. Как действующие. Без того чтобы Бог действовал. И теперь мы говорим: главное – это то, что я ищу Бога, вот что главное в моей жизни. Поэтому всякий ищущий становится ближе ко мне. Всякий не ищущий – дальше. Но не потому, что он хуже, просто он занят другим. Знаете, как короткие и длинные радиоволны. Они друг другу не мешают, потому что они находятся на разной волне. Кто-то ищет, а кто-то нет, и они не пересекаются.

Вот такое трагичное пророчество изрёк тогда Христос. И мы понимаем его не в ветхозаветном ключе, что Он ещё больше разолился, и нам теперь всем влетит. Не влетит. Просто Папа ушёл. И никому ни за что не влетит. Мы теперь можем становиться взрослыми и иначе жить духовно. Не так как раньше, а иначе – только так можно. И на этом пути мы будем молиться, любить друг друга, а значит, Бог будет с нами.

Распрямление согбенных

11.12.2022

*Об исцелении скорченной женщины
в субботу, Лк.13:10–17*

Когда нам евангелист повествует о чуде, он желает нам рассказать какую-то идею, которая выражена в этом чуде. Само чудо, конечно, прекрасно, но о нём стоит рассказывать, только если оно означает гораздо больше, чем нечто, произошедшее две тысячи лет назад.

В одну из суббот Господь исцеляет женщину, которая была скорчена восемнадцать лет. Этот случай означает, что Христос приходит и разгибает людей, духовно согнутых под правилами и под установлениями человеческими. Эта женщина, которая пришла в синагогу получить очередную порцию нагибания от законников, вдруг получила свободу и прославила Бога. Ведь славить Бога может только человек, который разогнулся и стоит прямо. А духовно согнутый человек может только бояться и приспособливаться, он может только страдать, и за свои страдания выпрашивать какие-то надежды.

Христос говорит женщине: «Встань, распрямись». А законников Он называет лицемерами, заставляя их стыдиться своего негодования из-за нарушения Им субботы. Он противопоставляет непротивопоставимое, говоря: «Вы же тоже нарушаете субботу. Каждый из вас отвязывает вола или осла, идёт его поить или кормить». Ещё можно было добавить, что в субботу евреи могут принимать роды и делать что-то другое. Священным декларациям и лозунгам Он противопоставляет практику жизни.

Всегда должно быть расстояние между жизнью и тем, что мы декларируем. Это и делает нас людьми. Мы похожи на демонстрантов, которые идут в одной колонне и кричат: «Свобода! Демократия! Борьба с коррупцией!»

Эти люди никогда не видели свободы, демократии и борьбы с коррупцией. Но эти лозунги их объединяют и делают одним мощным потоком. Эти кричалки их греют, и ради них они готовы лишиться здоровья и жизни.

То, что человек декларирует, всегда далеко отстоит (и должно далеко отстоять) от реальности. Мы все говорим: «старцы», «Предание», «Промысел Божий», «Бог меня не оставит», – но тем не менее, православные, выходя из дому, вешают замок на дверь, а машину ставят на сигнализацию, ровно так, как это делают те, кто говорят, что нет никакого заботливого Бога. И, таким образом, мы никогда не позволим себе убрать лозунг, что Бог заботится о нас. Но мы всё равно будем поступать на практике так, словно бы Он не заботится о нас. И приходит Иисус, и говорит: «Ну, вот видите, Вы живёте одним образом, а декларируйте другое». А мы ему отвечаем: «А как иначе? Ты хочешь, чтобы мы, как улитки или гусеницы, жили тем, что мы делаем прямо сейчас?»

То есть у нас есть воображаемое место для шага вперёд. Пусть его мы никогда не сделаем, но без этого пространства мы не можем жить. Да, мы с амвона всегда будем говорить: «Просите, и дано будет вам; ищите, и обрящете. Всё, чего ни попросите с верою, получите», – и в то же самое время никто из нас не захочет, чтобы его оперировал молитвенник, а не профессиональный хирург, пусть даже и атеист. Не так ли? Именно так. И мы тоже, как те фарисеи, заботимся о своей субботе – о своём воскресенье. Мы заботимся об этом точно так же, и мы говорим: «Не рушьте наши лозунги, иначе мы все разбредёмся». Одно дело – жизнь, а другое дело – социальная интеграция, социальная религиозная коммуникация, она нуждается в совершенно придуманных вещах.

Мы будем объединяться не вокруг каких-то булочек с маком и пирожков с капустой. Вокруг этого люди не могут

объединиться. Они объединяются вокруг своей мечты. И суббота, и закон для иудеев были мечтой о другом мире – о мире, в котором все всё соблюдают, о мире правил, о мире, где всё происходит так, как должно происходить. Также и мы, если не будем соблюдать некоторые элементы другого мира, тогда мы должны будем признаться себе, что никакого другого мира нет и не будет, и, более того, – мы в него не верим.

Поэтому проповедь Христа выглядит как проповедь нигилиста. Он как будто бы хочет соединить эти два уровня – реальное и воображаемое – в одну плоскость, чтобы всё стало плоским. Но мы не можем так поступить. И поэтому, распрямляясь вместе с этой женщиной перед Христом, мы говорим: «Господи, мы теперь христиане без субботы, – и в то же время мы тихо-тихо добавляем, – но с воскресеньем; мы – христиане без заповедей Моисея, но теперь мы с заповедями святых отцов». А может, мы теперь христиане без каких-то человеческих обрядов? Да-да-да, конечно! Особенно глядя на разряженных батюшек, можно заметить, что мы теперь не зависим от обрядов!

Мы никуда не сдвинулись. Потому что декларируемое всегда должно быть немного впереди, немного фантастичнее, чем реальность. Оно должно быть как огненный столп, который вёл Израиль в погибель. Но людям надо было куда-то идти, куда-то простираться. И израильтяне шли за столпом, даже не зная, что они никуда не попадут.

И вот мы можем по замыслу Христа – а он высок! – сказать: «Да, мы не верим ни в какие обряды, ни в какие установления, ни в какие Предания. Мы верим только в Бога». А что такое «Бог»? Всё, что мы знаем о Боге, это то, что Он к нам прикоснулся. Мы – обезьяна, которая выбирала у себя вшей на пузе, и тут кто-то ей положил тёплую руку сзади на спину. Кто это – она не знает, и кто это вообще может быть – она не имеет понятия. Она придумывает себе

другую Обезьяну – Небесную. И в этом вот прикосновении есть загадка и самая подлинность всякой субботы, воскресенья, понедельника, среды и пятницы.

Вот эта необъяснённая присутствия Божия в нашей жизни – она каким-то образом оправдывает начальника синагоги, который говорит: «Да что же вы делаете? Вы же субботу сейчас поломали! Вокруг чего мы будем дальше собираться, если уже и субботу не уважаем?» Он оправдан тем, что Бог есть, и Христос оправдан тем, что Бог есть, потому что в результате и то, и другое – дела Божии. Только не нужно противопоставлять одно другому, так как всё равно мы не сможем этого сделать, не став нигилистами, или атеистами, или обрядоверами. Давайте оставим всё как есть, только отнесёмся с глубоким пониманием к тому, что разогнутая женщина лучше, чем согнутая, и духовно разогнутые христиане лучше, чем согнутые, скрюченные, подавленные и вечно извиняющиеся.

79.

Священное нарушение субботы

ноябрь 2018

*Об исцелении в субботу страдающего
водянкой, Лк.14:1–6*

Читая Евангелие, мы часто можем чувствовать, что оно будто бы написано в другом мире. Мы видим, как то, что сказал Христос, воспринимается как очень сильный аргумент, на который законники и фарисеи не могли ничего ответить. А вот сейчас бы те люди, которые умеют думать, ух, как ответили бы! Так вот, если мы слышим какой-либо тезис: вот здесь Христос сказал о том, что соблюдение субботы не нужно, поскольку вы уже нарушаете субботу, вытаскивая упавшего в колодезь вола, – то против этого тезиса всегда найдётся другой тезис или ещё два-три тезиса. Не зная их, мы машем этим тезисом как шашкой,

и нам это кажется мудростью. А это вовсе не мудрость, это часть круга, в котором вращается наш разум.

Люди иногда думают, что в книге есть мудрость, и от этого допускают сразу две ошибки. Во-первых, думая, что в книге есть мудрость, они уверены, что владеют истиной. И потом Бог над ними издевается, потому что, когда они пытаются танцевать вокруг какого-то кодекса, они вдруг начинают ссориться, держа один и тот же кодекс в руках, цитируя одну и ту же строку. Казалось бы, они должны задуматься над этим, но они не могут думать иначе. Но ошибка не только в том, что мудрость и истина – в книге, но и в том, что она вообще есть. Ведь мудростью нам представляется только протяжённость мысли из точки А в точку Б. А если идти дальше?

Здесь для Христа исцеление человека важнее субботы. Мол, главное, чтобы людям было хорошо. Причём это «хорошо» противопоставляется религии. А причём здесь религия? Как раз религия-то и мешает человеку, чтобы ему было хорошо. Ведь что такое суббота? Для иудея это самое главное. А здесь – главное, чтобы человек хорошо себя чувствовал. И до завтра он не подождёт, надо срочно сегодня это делать!

С проповедью гуманности (доброты человека) против религиозности (сакрального человека) мы уже давно знакомы. Вот, например, когда в фольклоре продают душу дьяволу, то за что её продают? За разные удовольствия, за богатство, за долголетие или вот за исцеление от какой-нибудь водянки. Почему бы нет? А тут – нарушить субботу за то, чтобы быть здоровым! Здесь просто важно подчеркнуть: нарушить субботу для иудея – это всё равно, что христианину вылить Причастие в помойное ведро, это что-то очень страшное. Вот ради исцеления можно нарушить субботу? Конечно же, против утвердительного тезиса Христа они не смогли возразить. И съев этот тезис, мы

видим, что он ведёт к противопоставлению гуманности и религии. И тогда приходит гедонизм и говорит: «Долой всякую аскетику!» А между тем, даже сам этот исцелённый, может быть, хотел бы чего-нибудь сакрального, а не только пышущее здоровье с горячими пирожками. Если мы субботу нарушаем ради благоугождения плоти, то что тогда мы не нарушим ради того же здоровьяца нашего? Если мы уже субботу нарушили, будучи в иудейском контексте, то что нам помешает дать Причастие собакам (ради здоровья, конечно). И это проповедует Христос.

Поэтому против любого тезиса – даже против того, что я сейчас сказал – тоже есть тезис, просто мы можем пока этого «не догонять».

И люди, которые верят, что истина содержится в книге, ставят себя в очень уязвимое положение. Ведь завтра другая книга обязательно представит им бесспорные или такие же весомые аргументы, о которых они просто не знают. А не знаем мы ещё и потому, что знать не хотим. Мы, как Дон Кихот, который, когда сделал себе шлем, решил его испытать: ударил палкой – он поломался, он сделал следующий шлем, ударил его алебардой – он поломался опять, он сделал третий шлем и решил больше не проверять. Это мы! Потому что у нас есть истина, но – о нет! – не говорите нам что-то против неё! А я вам говорю, тезисов «против» есть столько же, сколько и «за». Потому это и выглядит как бегание по кругу.

Вот мы с вами видели небывалое духовное возрождение в 90-х годах и очень значительное разочарование в этом возрождении уже сегодня, а до того было полное презрение к религии. Так вот, полное презрение – это одна крайность, духовное возрождение – другая крайность, сейчас мы идём по пути разочарования, а впереди грядёт ещё один этап – или атеизма, или веры. И это всё идёт по кругу, это бесконечно. Почитайте историю.

Двадцатый век, девятнадцатый, восемнадцатый... Люди то отрицают Бога, то утверждают, то отрицают, то утверждают. Христос хочет вытянуть нас из этого круга, чтобы мы не гоняли один тезис другим просто потому, что не знаем или не понимаем другого.

Он хочет извлечь нас, вытянуть в то пространство, бегать с тезисом где не надо. Конечно, в этом зачале этого нет, но если бы это было, то звучало бы это так: в субботу, когда мы отвязываем своего вола или вытаскиваем осла, который упал в колодезь, для нас это должно быть сакральным действием, мы должны отвязывать вола, словно бы совершая священнодействие, потому что всё – священнодействие. Мы должны не противопоставлять субботу другим дням недели, а освящать субботу и другие дни недели, чтобы они тоже были благословенными днями. Святость не должна отделяться как масло от воды, она должна раствориться и окрасить собой каждый день, каждую минуту.

Кто-то может обрадоваться, что Христос осудил чью-то субботу; ему приятно слышать, что суббота иудейская – это ерунда, а вот наша суббота – не ерунда, православная суббота (т.е. воскресенье) – это супер. И это всё, к чему мы приходим в толковании этого зачала?

Если мы внимательно и серьёзно посмотрим на мысль «всё священное – это пустяк», тогда мы должны спросить: «А что дальше после этого?» А дальше Христос расскажет и покажет ученикам, что после Воскресения надо кушать рыбку, не смея спросить Учителя «кто Ты есть?», потому что это очевидно. Он никому ничего не будет доказывать или рассказывать о Царстве Божиим. Они просто будут вместе. Быть вместе – это будет самое священное, что невозможно пересказать. Потому что, если перескажешь, другой скажет: «это самое обычное», хотя для Бога, наверное, это самое священное.

Итак, чтобы выйти из этого круга взаимного отрицания священного и несвященного, друг на друга, собственно говоря, и держащегося, нужно спросить: «дальше что?» И вот то, что дальше, выясняется и принимается не за один «сеанс». Возможно, потребуется ходить три с половиной года за Христом, записывать, запоминать, молиться, и, может быть, тогда мы поймём, что такое святость в повседневности, что такое священное спасение вола в субботу, священное нарушение субботы, потому что эти два полюса должны сойтись в одной точке. И тогда они не будут противопоставлены, тогда они не будут обеспечивать своим взаимным отторжением и притяжением бесконечный круг, по которому бежит человечество.

80.

Притча, которой не должно быть

ноябрь 2018

О первых и последних, Лк.14:7–11

Эта притча словно бы из притч Соломона или из афоризмов Конфуция. Она очень проста. Придя на праздник, не садись на первое место, так как, если тебя попросят подвинуться на второе или на пятое место, тебе будет не очень приятно. Поэтому садись на последнее место. Где Христос это рассказывает? В доме одного из начальников фарисейских. Позванные вместе с Ним, конечно, думали, как бы им сесть поближе к Иисусу. Вот Он им и рассказал эту притчу, так как не мог позволить Себе говорить прямо.

Притчи все лживы, поэтому сами они нам не нужны. Нам нужна мудрость, которая является основанием притчи. Христос не может сказать то, что Он думает на самом деле. В доме фарисея аудитория совершенно не готова к восприятию правды, поэтому Он и говорит чистую ложь. Апостолам же сказал, когда они затеяли спор: «Это у других первый, второй и третий, а у вас да не будет так. Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою».

Здесь же Он не мог этого сказать, поэтому произносит притчу, которая по сути дела ничего не решает.

Эта притча о том, как безопасно залезть на первый ряд. Она сохраняет саму ситуацию конкуренции. Более того, она выстраивает дело так, что человек начинает ещё больше лицемерить. То есть, желая попасть на первый ряд, он садится на последний, чтобы его потом с честью пересаживали вперёд. Так что эта притча сама по себе не лечит, а только калечит.

Нам важно понять: притча возникает тогда, когда невозможно сказать что-то прямо, и означает то, что *неправильно об этом спрашивать*, потому как ответ на вопрос есть признание правоты и правомочности вопроса. Когда фарисей спрашивал: «кто есть ближний мой?», – Христос ответил притчей. И эта притча означает, что не должно быть такого вопроса. Потому что если мы рассмотрим саму притчу, она окажется глупой. Кто есть ближний мой? Тот, кто тебе встретился на пути, кому нужна помощь. Для каких-то пустынных районов Палестины эта притча ещё сгодится, но если вы живёте в городе Одессе – вы замаетесь этих бедных подбирать, и сами до дома вряд ли дойдёте. Рано или поздно вы всё равно выставите фильтр – кому помогать, а кому не помогать, и тогда вы ничем не будете отличаться от фарисея, который тоже хочет получить этот фильтр, спрашивая о нём.

То есть эта притча означает, что её не должно быть. Не должно быть вопроса «а кто есть ближний мой?». И если человек недостаточно зрел, чтобы понять это, но об этом спрашивает, – он получает ложь или какую-то глупость. «Помогай ближнему». Это вообще о чём? Ведь спрашивали не о том, помогать ли ближнему, а кто есть ближний. Помогать всем невозможно – вот правда. И это куда большая правда, чем «помогайте людям».

А теперь посмотрите на притчу о том, чтобы не сяди-лись на первые места, и оглядитесь вокруг. Испокон веков

ведутся споры о патриархатах, юрисдикциях, праве чести, кто имеет право давать автокефалию, кто не имеет, о преступлениях в этой области, о том, что не там сели, не так сели, не то сказали и т.д. Кажется, уже седые старцы, а даже этой простой примитивной притчи не читали. «Среди вас не должно быть так», – говорит Христос.

Наше призвание заключается в том, чтобы увидеть, что то, что мы понимаем, то, что мы видим, не должны видеть все. И чтобы это исполнять, не нужно ждать, пока все это увидят. Начните претворять это в жизнь уже сейчас. Не называй себя ни первым, ни вторым, ни даже пятым. Но мы с вами в мире, где не только притчи произносятся. Люди не готовы принять полное равенство Бога и человека и людей между собой, поэтому и саму притчу понять не могут.

И вот мы все равны, одинаковы в том смысле, что все возле Христа и все в доме фарисея. Эта притча произнесена в доме фарисея для тех, кто возле Христа. И здесь не важно, кто из нас первый, кто второй, кто выше, кто ниже. Хотя бы на время Божественной Литургии мы можем перестать меряться праведностью и не называть себя первыми. И, превосходя вот эту притчу, не будем называть себя и последними. Потому что, если мы называем себя последними, мы всё равно сообразуемся с некой шкалой, в которой хотели бы быть первыми. Так, отмечая эту притчу, мы говорим о том, что на полтора часа, на время Литургии, мы будем все одинаковы пред Богом. Не будем думать о том, грешные мы или праведные, всё ли мы сделали для Причастия или не всё. Как говорил Иоанн Златоуст – придите все, постившиеся и не постившиеся, праведные и грешные, «пришедшие около одиннадцатого часа» и пришедшие на Литургию вовремя... И тогда у нас с вами получится пространство, где об этом не думают, где наконец-то этого нет. Нам не удастся это исполнить во всей жизни, но, по крайней мере, в пространстве храма так может быть.

Место для праздника

26.12.2021

На притчу о званных на пир, Лк.14:16–24

Наверное, нет такого священника, который, говоря об этой притче, не вспоминал бы тех, кто не пришёл на пир господина. Но, конечно, притча не об этом. Я вот читал и волновался, что же там дальше будет. И, слава Богу, в этой версии притчи господин не сжигает города тех, кто не пришёл, и не выбрасывает из-за столов тех, кто пришёл не в брачной одежде. Здесь всё хорошо. Почти всё хорошо. Господин лишь сильно расстроился и вместо званных пригласил с улиц и переулков нищих, увечных, слепых... Создаётся такое впечатление, что для хозяина дома званные не важны – не эти будут, так другие. Все остальные люди окажутся только продолжением его настроения. Представьте себе, вы пригласили дорогих вам людей, а они не пришли, и вы говорите: «Ну, тогда позовём других. Какая разница-то!» И оказаться даже на пиру в этой притче не очень приятно, потому что, собственно, тебе не очень рады. Вы видите, как хозяин в гневе ходит по комнате и говорит вам: «Садись, места свободны. Просто *наши* не пришли».

Но эта притча не об этом, конечно. Она о вовлечённости. Кто куда вовлечён, тот тем и поглощён, и живёт этим. Если мы увлечены скрупулёзной работой, если мы увлечены какой-то животрепещущей проблемой, мы все там. И мы не находим для себя места. Для праздника места у нас нет. У нас нет возможности оглянуться, присмотреться, вдохнуть воздух, посмотреть на снежинки (в Одессе это не всегда получается). Нам нужно найти в себе место для того, чтобы погрузиться в этот праздник. Потому что не всегда, даже оторвавшись от своего занятия, у нас внутри есть пространство для него. И для того чтобы

праздник состоялся, чтобы всё было по-настоящему, нужно не думать о своих заботах.

Знаете, от этой притчи возникает двойное чувство: то ли ты здесь по особому приглашению, то ли какой-то приличный человек отказался веровать во Христа, и поэтому Бог позвал меня. Неужели мы – христиане потому, что нормальные люди христианами не стали? Или мы есть те самые, которых позвали? Вот давайте не думать об этом, потому что, если мы погрузимся в эти мысли, мы можем дойти до гнева, как хозяин дома. Всё, что мы можем сказать Богу на этой вечере, так это: «Господи, Ты хоть Сам не волнуйся. Не думай плохо о других людях, они тоже Тебя как-то любят. А главное – у Тебя ведь есть мы». Вот такая сегодня наша молитва.

82.

Место для Учителя

06.11.2022

На притчу о богаче и Лазаре, Лк.16:19–31

Хорошая эта притча – о богаче и Лазаре. И она стала бы ещё лучше, если бы мы её слушали так, как будто нашли в Палийском каноне, Трипитаке, Упанишадах, Чжуан-цзы, Пашупата-сутре, в какой-нибудь Сунне или раввинистическом мидраше, – вот тогда бы мы включились и стали думать над этой притчей, потому что эта притча в себе может таить яд, а может таить в себе что-то полезное. Тогда бы мы стали слушателями. А пока что мы – лишь апологеты этой притчи, ибо христиане не привыкли слушать Бога. Они привыкли только повиноваться и трепетать.

Слушать учителя означает предполагать, что он скажет какую-то ерунду. Если же мы этого не предполагаем, то мы оправдываем всё наперёд. Так случилось и с этой притчей. К ней христиане добавили, что богач был

плохим, а бедняк был якобы хорошим. Хотя этого в тексте вообще нет. Более того, в тексте ясно говорится богачу: «ты страдаешь за гробом не за то, что был плохим, а просто за то, что тебе было хорошо в жизни; бедняк же утешается не за то, что был хорошим, а за то, что ему было плохо».

Эта притча подаётся той формации людей, которые не могут согласиться с тем, что они есть. Знаете, есть люди сильные, а есть слабые. Не только физически, но и духовно. Сильный человек – это тот, кто может признать своё место, даже если оно не первое и не второе. Сильный человек скажет: «В этой жизни я всего лишь грузчик. Да, я такой. Просто, так случилось». Но слабый человек никогда не простит богатым, что они богаты. Он придумает, что даже на том свете они будут мучиться за то, что они были богаты. И вот эти слабые люди исправляют несправедливость, по их мнению, и делают ещё большую несправедливость. Как будто Бог так глуп, что может только переверачивать с ног на голову: сегодня бедняк будет бедный, а завтра – богатый или блаженный, а богатый, соответственно, будет мучиться вечно. И в притче это подчёркивается. Авраам как бы говорит, что в жизни-то всякое бывает, как с Иосифом Праведным – «из грязи в князи», а у нас здесь, в загробности, никто не переходит. Всё. Калитка закрылась. И теперь вечно будет жариться этот богач. Какая радость для нас с вами, господа бедные! Какая удача! И это вся притча?!

Но, конечно же, притча не об этом. Она о том, что если они Моисея и пророков не слушают, то они не могут больше ничего услышать. Для нас это означает, что если мы не имеем интереса к тому, что нам уже дано – Ветхий и Новый Завет – то мы никогда не попросим большего. Мы же ещё не увидели проблемы. Мы не почувствовали, что и в Ветхом Завете есть что-то очень нездоровое, и Новый

Завет также тяжело болен. Если мы этого не чувствуем, нам не нужен Учитель.

Христиане раньше (до того, как в Антиохии их прозвали христианами) назывались «учениками». Ученик создаёт пространство для Учителя. Сначала приходит ученик – тот, кто не удовлетворён тем, что он знает, – и как бы просит: «Учитель, дай мне что-нибудь другое». И тогда появляется Учитель.

Что ещё говорить людям, удовлетворённым этой притчей? «Вот и ладушки! Лазарь – молодец, богач – “редиска”». Те же, кто чувствует здесь какую-то неправду, несправедливость и попросту глупость, могут переворачивать этот «пирожок» много раз: то нам богача станет жалко, то Лазаря опять поставим вниз и т.д.

Итак, эта притча о том, чтобы мы были учениками. Если мы будем слушать внимательно, оставляя место для поучения, не боясь ставить вопросы к Учителю, вопросы к Богу, если у нас есть неудовлетворённость тем, что мы знаем, тогда мы сможем идти дальше, чем Моисей и пророки. Если же мы удовлетворены Моисеем и пророками, то мы и Моисея, и пророков не читаем. Не правда ли? Когда вы последний раз читали пророков?.. Правильно, они же святые! Что их читать-то!? А лучше бы читали. И когда бы вы один раз возмутились, потом ещё раз и ещё, вот тогда бы вы уже слушали что-нибудь от Бога такое, что было бы выше пророков, выше апостолов, выше Евангелия. Нет же, у нас всё в порядке. Поэтому мы ничего и не читаем. И хорошая притча получается, – как раз о том, что богачу надо налить расплавленного олова за шиворот, а бедного всё-таки накормить вечными плюшками.

Как нам сделать прочитанное нами Евангелие актуальным? Ведь оно звучит как издёвка, поскольку сегодня прокажённых исцеляется ровно ноль. Стало быть, для нас это Евангелие – не об исцелении. О чём же? Наверное, о примере благодарности. Но если бы эта притча была так проста, то и не стоило бы её записывать. На свете нет ни одного народа, который бы не говорил о том, что человеку нужно быть благодарным. Более того, чем более грубые нравы в том или ином народе, тем более там подчёркнут фактор благодарения. Встать из-за стола и не поблагодарить возможно только среди людей, которым ты доверяешь. А людей, которых ты боишься, ты обязательно поблагодаришь за еду, даже если она была невкусная.

Также эта притча не о благодарении ещё и потому, что Христос намеревался не получить благодарность, а просто исцелить этих несчастных людей. Он же этого хотел? Или Он хотел, чтобы Его благодарили? Чего Он хотел? Если Он хотел исцелить, то, конечно, притча не о благодарности.

В притче неслучайно самарянин опять оказался лучше иудеев. Не думаю, что самаряне были действительно лучше. Но в притче опять получается так. Этим Христос, кажется, показывает нам ещё одну банальную истину: отверженные нами не отвержены Богом. Может быть, об этом притча? Но не всё так просто. Нет смысла говорить нам о том, что отверженные нами не отвержены Богом, потому что в этом случае фигура Бога для нас становится противоречивой. Например, наша Церковь до сих пор верна своему догмату против апокатастасиса (т.е. всеобщего спасения): мы не можем допустить всеобщего спасения, иначе мы теряем значимость верности Богу.

О чём же эта притча? Она нам раскроется, если мы спросим: «Как получилось, что самарянин остался один?» Ответ прост – Христос всем десятиерым сказал: «Идите покажитесь священникам». И по дороге к ним прокажённые очистились. Но один из них был самарянин. Почему-то самарянин не захотел показываться иудейскому священнику, что он очистился, и поэтому вернулся ко Христу, Который как бы спрашивает: «А девять где?» Ну как где? Там, куда Ты их послал. Они пошли к священникам, чтобы показать, что они чисты, и принести положенные жертвы. Они не неблагодарные. Притча не об этом. Притча о том, чтобы мы не закрывались в своём коконе. Христос намеренно посылает девять прокажённых к священникам, чтобы священники заверили, что они здоровы. Священники для этих девяти иудеев были свидетельством мира, в котором они жили, потому что именно священники выгнали их, объявив нечистыми. Теперь священники должны объявить их чистыми. И вместо того чтобы создавать какое-то своё пространство, внутри которого можно получать бонусы, как это обычно бывает, Христос посылает этих людей туда, где они живут, и как бы говорит: «Ты там живёшь. Вот там и стань лучше».

А у нас как? Человек, попадая в Церковь, получает некое отдельное пространство, где он собирает фишки, как Марио. Постись, молись, слушай радио «Радонеж», и на этой песочнице ты будешь одним из первых. В монастырях всё ещё ярче: духовность подчёркивается разными облачениями, чётками и прочим; берутся удивительные звучные имена – отец Панкратий, отец Пафнутий, – словно из книжек. То есть это приняло вид настоящей ролевой игры, и внутри этой игры её участники получают свои бонусы. Таким образом, каждый раз, когда люди пытаются подняться, стать здоровее, они получают не здоровье, а отдельное измерение, где это считается здоровьем. Это всё равно,

что у вас будет фурункул, а врач вам посоветует: «У меня для Вас есть палата, где люди лежат с фурункулами, так вот Ваш там будет одним из лучших». И вы пойдёте туда гордиться тем, какой он у вас формы, и как быстро он у вас дозрел. Примерно так выходит.

Христос мог бы сказать: «Иди вслед за Мной. У Меня, кто больше проповедует, кто больше километров намотает, тот и считается лучшим». Но Он не говорит этого.

Можем ли мы сегодня сказать атеисту нечто такое, чтобы, оставаясь атеистом, он стал лучше? Лучше по его меркам, а не по нашим. Можем ли мы сегодня баптисту сказать: «Не пропускай собрания, слушай пастора и не наезжай на коллег, которые не так хорошо знают Писание»? Можем ли мы адвентисту сказать: «Не печалься, Христос скоро, таки да, придёт»? Нет, не можем. Мы не можем ничего больше, кроме как перетащить его в нашу песочницу и говорить: «Здесь важны синие шортики, а здесь – синие носочки».

Это Евангелие о том, что Христос желает оставить человека на том месте, где он есть. И на том месте, где он есть, будучи иудеем – он прекрасен. А другой человек прекрасен, будучи самарянином. И оба получают похвалу. Одни – в тот момент, когда показываются священнику, и он говорит: «Вот это да! Вы исцелились», а самарянин – в момент возвращения ко Христу, когда говорит: «Смотри, Ты исцелил меня. Благодарю Тебя!» В этих непересекающихся мирах происходит одно и то же. И Христос это видит и благословляет: одного – в одном мире, другого – в другом мире, не перетаскивая их в некое чуждое для них измерение.

И мы последуем за этой притчей и за Христом, когда, во-первых, перестанем осуждать тех, кто не благодарит; во-вторых, перестанем думать, что Христос исцеляет всех прокажённых; а в-третьих, перестанем перетаскивать всех в свою вселенную для того, чтобы похвалить его по нашим

меркам, и согласимся с тем, что кто-то должен пойти к своему «священнику» (например, к какому-нибудь атеисту, популяризатору науки), а кто-то – к своему оракулу или авторитету, чтобы получить от них благословение. И мы этому будем рады. Такое христианство, я думаю, действительно приблизится к человеку.

84.

Когда спасение возможно?

январь 2012

Об оставивших всё ради Христа, Мк.10:23–32

Это Евангелие лучше всего понимать не с начала повествования, а с концовки, где Пётр спрашивает: «Господи, что же будет нам, тем, кто оставил всё и последовал за Тобою?» На этот по-детски меркантильный вопрос Христос отвечает: «Всякий, кто оставил дом, или братьев, или сестёр, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради Меня и Евангелия, получит в сто раз больше домов, братьев, сестёр, отцов, матерей, жён, земель и впридачу жизнь вечную». Понятное дело, что... Он пошутил. Понятное дело, что эти пафосные слова следует воспринимать не иначе как грустную иронию над Петром и другими учениками. Понятное дело, что не дали ни им, ни другим последователям Христа в сто раз больше домов, жён, матерей, земель...

Согласно евангелисту Матфею, Христос продолжает ещё более саркастично и гиперболично: «И сядете вы, последовавшие за Мною, на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых». Говорит Он это уже в то время, когда всё уже давным-давно размыто, а сами израильтяне едва-едва нащупывали все эти колена, которые звучали так же архаично, как и сейчас у нас звучит «Святая Русь православная» или что-то подобное.

Христос обещает им то, что они хотят слышать. А хотели они слышать это потому, что их ужаснули и поразили

Его слова «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие». Это идиома, означающая, что «скорее Луна сойдёт на Землю» или «когда рак на горе свистнет».

Почему же апостолы, которые сами очень небогаты, так изумляются услышанному от Христа? Почему они говорят между собой: «кто же тогда может спастись?» Дело в том, что богатство в Израиле всегда мыслилось не просто как комфорт житейский, но являлось знаком особого благоволения Божия. В Ветхом Завете так и говорится, что у того, кто праведен, будет много плодов земных, стада будут пастись на обильных пастбищах, у того будет много богатства и радости. Праведный благоденствует и займы даёт, «и потомство его в благословение будет». «Праведники наследуют землю и будут жить на ней вовек». Праведный Иов был вознаграждён многими стадами, многими детьми и т.д. Богатый юноша, который, собственно, и породил эти слова, сказал Иисусу: «я соблюл все заповеди». То есть неспроста Бог дал ему это богатство. После его ухода Христос как бы комментирует: «Как же тяжело человеку, имеющему знак благоволения Божия, спастись!» Это всё равно, если бы мы сказали: «Как тяжело православному праведнику и чудотворцу спастись и попасть в Царствие Божие». И мы вместе с апостолами ужаснулись бы и спросили: «Если тот, на ком особое благоволение Божие, не может спастись, тогда кто же может спастись?»

И вот мы приходим к самому началу этого повествования. Христос говорит: «Человекам спастись невозможно, но всё возможно Богу». Так зачем же Он это всё говорит апостолам, если это всё действительно так? Всё равно от человека по сути ничего не зависит. А затем, чтобы они именно ужаснулись (а не просто узнали из газет) и увидели, что спастись, уповая на свои добродетели, человеку невозможно. И когда человек видит это, тогда Богу всё становится возможно.

Один человек спросил Христа (как и мы с вами вопрошаем Бога): «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» Евангелист думал, что тот Его искушает. Но это не было искушением. Он искренен, потому что дальше о том же самом спросят апостолы. Он как бы спрашивает: «Что мне делать для жизни вечной в рамках знакомой мне системы координат Ветхого Завета?» Христу оставалось только сказать: «Всё, что ты знаешь и имеешь, для начала нужно упразднить, потому что не вливают новое вино в старые мехи». Не получается инкрустировать Евангелие в старую систему. Но у апостолов получилось. Они спрашивают Христа: «Как же богатому невозможно спастись?» Вначале Он сопротивлялся, сказав, что «это невозможно, исходя из этой системы», однако, исходя из другой системы мышления, «невозможное человекам возможно Богу». Бог, значит, мыслит как-то иначе. Но Пётр не унимался и спросил: «А вот по прежней системе, нам, всё оставившим, что будет?» В той системе всё было логично – если ты что-то сунул, то должен что-то высунуть из другой точки. Как весы древнеегипетских богов – кладёшь на одну чашу весов, а другая поднимается. Видимо, вопрос Петра был такой же искренний и святой, как вопрос ребёнка «где именно живёт Дед Мороз (или Санта-Клаус)?» Здесь нехорошо включать взрослого и рассказывать, что «нигде именно», а лучше успокоить: «где-то в Лапландии, там, где олени, белые медведи» и т.д. Поэтому Христос вынужден сказать: «Всем, кто что-то оставит здесь, по правилам мирового равновесия, естественно, будет в сто раз больше». Матери, вы слышите? Если вы оставите здесь своих чад, вам ещё больше будет.

Человек не может просто оставить. Даже когда человек дарит подарок на день рождения, он может думать: вот я тебе подарил на 20 гривен, а значит, и ты мне должен подарить хотя бы на 5 гривен. Так ты дарил или продавал, или менял?.. Человеку невозможно что-то оставить, так как он живёт правилами пункта обмена.

Дальше Христос пытается говорить: смотрите, вообще вся система неправильная, потому что Сына Божия (по-вашему, Христа или Машиаха) унижат, оплюют и убьют. То есть это совершенно другой сценарий, не тот, на который вы рассчитываете. Но они не хотели слышать того, что Ему предстоит пострадать и умереть – сердце их было закрыто. «А я в домике», – как бы сказали апостолы. Поэтому, когда Ты снижаешься до нашего уровня и говоришь на языке Ветхого Завета – «кто оставит, тому воздастся...», «тот спасётся, а тот не спасётся», – тогда мы Тебя ещё как-то понимаем, а как только Ты пытаешься рушить всю систему, то мы Тебя не хотим слушать.

Вернёмся к вопрошающему. Что же он спрашивает? «Что делать в старой системе, чтобы наследовать жизнь вечную?» Что такое старая система мышления? Это когда говорится: «Бог создал человека». Ты думаешь: «Кого это?» – «Человека». – «Но это же я. Получается, Бог создал меня». И мы здесь должны сделать то же самое опознание (что проповедует, собственно говоря, Бог), которое сделал Адам, опознавая Еву. Он сказал: «Сия есть кость от кости моей и плоть от плоти моей. Я её узнаю, это как бы сам я, только немножко в другом виде». И мы должны опознать в себе Бога! Не думать, что Бог – это кто-то где-то там, снаружи, и мы должны Ему что-то сделать, чтобы Он нам что-то дал. Мысль Христова в том, что мы должны опознать Бога, Который уже в нас. И тогда нам не нужно будет Ему угождать. Тогда нам надо будет только опознать Его и в ближних, и в «натяжении» между ближними.

Если мы думаем, что Бог – это ещё один спутник (только невидимый), вокруг Земли летающий, то вся система Ветхого Завета оказывается правильной. Они именно на спутника и рассчитывают, с которым можно взаимодействовать. От Луны зависят приливы и отливы рек, а от Яхве зависят приливы и отливы денег, детей и прочие приливы и отливы. «Поэтому с Ним надо считаться», – говорят ветхозаветные люди. Христос говорит: «Не надо ни с кем считаться. Отца нашего можно опознать, как Адам опознал Еву – как самого себя». То есть мы опознаём Бога, Который в нас страдает и жаждет, Который в нас радуется и сорадуется, Который хочет протянуть нам эту нить – нить священной любви, которой любят только люди. Бог не может любить так же, потому что то, как Он любит, не является тем, как мы любим. Поэтому, когда мы говорим «Бог любит», мы вообще не понимаем, о чём идёт речь. Слово «любить» – человеческое слово. Можно ли сказать, что жаба тоже любит? Может, жаба и любит жабу, но то, как она её любит, мы вообще не понимаем, поэтому слово «любовь» здесь не подходит. Вот я о чём. И Бог любит человека, но как-то странно. Для Бога важно, когда мы любим друг друга. Вот что говорит Христос.

Человеческая любовь реабилитирована, потому что Бог в нас, а не снаружи. Она бы ничего не стоила, если бы Бог был снаружи. А так как это не сходится с Ветхим Заветом, то придётся оставить всё, чему нас учили, чем мы восхищались и т.д. Неслучаен диалог с вопрошающим: «Соблюдай заповеди», – «Да я всё соблюл», – «Теперь брось это, зачеркни», – «Зачем?» – «Затем, что иначе невозможно принять то, о чём Я говорю», – вот в чём смысл.

Но сегодняшнее евангельское чтение показывает нам не только то, что Бог желает сказать, но и то, как Ему не дают это сказать, как Он вынужден говорить одно, желая сказать другое. Так бывает. Хочешь сказать «А», а говоришь «Б». И это бывает в Евангелии. Христос говорит:

если вы оставили то-то и то-то, вам будет то-то и то-то. Так не надо было Ему и рождаться, потому что об этом написано уже в 28-й главе книги Второзаконие. Там всё так и написано: если ты будешь слушать Бога, тебе будет то-то и то-то, а если не будешь – ты будешь только в минусе. И всё замечательно. Смысл тогда всего этого? Вот об этом мы будем думать и, особенно, молиться.

86.

Неконвертируемое в богообщении

26.01.2020

*О богатом, вопрошающем о жизни
вечной, Мк.10:17–31*

Сегодняшнее зачало очень сложное, если воспринимать его так радикально, как оно звучит. Ко Христу приходит богатый человек и спрашивает: «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» Христос говорит: «Раздай всё имение». В иудаизме, как вы знаете, богатство – это дар Божий и признак благословения. Бог принимает тебя через то, что даёт богатство. Поэтому раздать имение нищим – это всё равно, что раздать все дары и поощрения Божии, как бы развестись с Богом и начать всё заново. Христос здесь очень радикален. Нам сложно начать заново. Поэтому мы не принимаем такую радикальность и по большому счёту отрицаем это Евангелие.

О чём это Евангелие на самом деле? Некоторые считают случайностью, что вначале есть диалог: «Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» – «Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог». Всё-таки пафос вопрошателя сконцентрирован в вопросе «что делать, чтобы наследовать жизнь вечную?». Как Христу объяснить, что тот не должен что-то «делать» или «не делать»? В религии не должно быть момента взаимовыгоды, она не про то, что сделать, чтобы что-то

получить. Нельзя религией забивать гвозди в стену, выплавлять рельсы или строить дома. Религия – она сама по себе, ею нельзя ничего добиваться. Поэтому «что мне сделать, чтобы достичь того-то?» – это неправильный вопрос.

Христос развенчивает само это направление мысли. Он говорит, что, во-первых, благ только один Бог, т.е. ты неправильно Меня назвал, а во-вторых, если хочешь наследовать жизнь вечную, то сделай то, чего ты не можешь сделать. Мы же не верим, что раздача имения что-то даст. Потому что тем, кто раздал имение, когда они сказали: «Дай нам сесть по правую и по левую сторону», – Он ответил: «Это вообще не от Меня зависит...». Поэтому нельзя от религии требовать эффекта и, в том числе, спасения. Нельзя думать, что у Бога есть ответ на этот вопрос.

Что сделать, чтоб спастись? А ничего не сделать! Именно так и ответил Христос. Вот ничего, и всё. Тогда Его спросили: «Кто же тогда может спастись?» Этот вопрос ведь не случаен. Это только жалкий плебс думает, что богатым будет туго, а бедным будет хорошо. Апостолы-то поняли правильно: кто тогда вообще может спастись? Христос говорит: никто не может спастись. Никто! Весь этот подход «хочу спастись» – неверный. Потому что тогда Бог превращается в Того, на Кого направлены наши манипуляции. Он становится инструментом спасения. Религия, все её обряды, все её молитвы превращаются в разменную монету нашего спасения. И всё, религии уже нет. Яхве, Ваал, Афина или Зевс – какая разница? Все они, как бурлаки на Волге, тянут баржу нашего спасения. Мы их плёткой в молитве – хлоп! – я же молюсь, – хлоп! – я же пощусь. Помните картину Репина? Там впереди только Христа дорисовать, чтобы мы Его так – хлоп! – приговаривая: вот, сколько у меня баллов для того, чтобы Ты меня спас! Христос не хочет играть в эту игру. Поэтому Он богатому предложит раздать имение, зная, что тот не раздаст, и потом резюмирует: «Тяжело богатым спастись. Скорее верблюд пройдёт через игольные уши».

То есть это что-то совершенно невозможное. И бедным тоже невозможно, и всем невозможно. Перестаньте об этом спрашивать.

Если мы видим Бога, этого уже достаточно – мы уже живём, включая Его в нашу жизнь. Мы дышим, включая Его дыхание в наше дыхание. Так правильно относиться к Богу. Ведь мы не думаем, что дружба с Петровым или Сидоровым спасёт нас в вечности. Мы просто к ним хорошо относимся. И это не спасает, но это делает нас друзьями. Когда мы любим человека, мы что, думаем через эту любовь спастись? Нет. Мы просто любим человека, и так можем почувствовать себя настоящими, что ли, делающими то, что нужно делать. Мы любим. И, слава Богу, ещё никто не придумал конвертировать любовь во что-то другое. Слава Богу, люди не придумали, что если они любят пять человек – у них уже пять баллов набрано в Царстве Божием, а если будет шесть, то шесть баллов. Слава Богу, мы любим, симпатизируем и дружим бескорыстно, потому что религия не проникла в эту область. Там, где проникла, – всё испортила.

Будьте осторожны, входя в религию, – любите Бога, Который вот перед нами. И мы скажем: «Господи благий, мы пойдём за Тобой, чем бы всё не кончилось, как бы всё там ни было. Нам не нужно знать, кто сядет по правую сторону, кто – по левую, кому будут престолы, а кому – стульчики. Мы не будем об этом спрашивать». И поэтому, наверно, в зачалах о Воскресении Христа так часто подчёркивается, что они уже ни о чём Его не спрашивали. Может быть, это победа учеников – перестать спрашивать о том, что это значит. Ничего не значит. Просто пришёл. Если человек танцует – что это значит? Ничего не значит, просто ему хорошо. Вот что такое настоящая религия, и вот как можно понимать это зачалю. А кто понимает иначе – раздавайте имение. Желательно, в этот храм.

Ответ и вопрошание

31.01.2021

*О богатом, вопрошающем о жизни
вечной, Лк.18:18–27*

Пятисоттысячный раз мы читаем это зачало, но оно не может оставить нас равнодушными. Подходит человек и спрашивает Иисуса: «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» Это спрашивает иудей, который от юности соблюл все заповеди, и который, наверное, спрашивает это, условно говоря, на фоне больших книжных полок, где всё уже давно растолковано. Это означает, что этот человек спрашивает что-то особенное, и ожидает чего-то большего.

Но так бывает, что иногда мы рожаем вопрос, но мы не способны принять ответ. И тогда вопрос оказывается лучше любого из ответов. И если бы Христос ответил ему по сути, Он бы сказал ему: «У тебя такой хороший вопрос! Этот вопрос не просто приблизил тебя ко Мне, этот вопрос тебя движет. Но любой из ответов, который Я тебе дам, тебя остановит, даже правильный ответ – он сделает тебя мёртвым, он сделает с тобой то, что ты перестанешь куда-либо стремиться. Если скажу “раздай имение” – ты отойдёшь скорбя, скажу “соблюдай заповеди” – ты самодовольно скажешь “всё это я соблюл”, скажу “изучи ещё что-то” – ты изучишь и остановишься». И таким образом, человек оказывается заложником полученного ответа. А ответ убивает, ответ не даёт развиваться, ответ не даёт подойти ко Христу. И вы видите, что, получив ответ, он отходит от Христа.

Читая этот рассказ, мы иногда завидуем, что было время, когда можно было подойти к Самому Господу Богу и о чём-либо Его спросить. Но вы видите, что положение этого человека ничем не лучше, чем наше. Сегодня мы, спрашивая, что нам делать и как нам так жить, чтобы эта жизнь могла продолжаться вечно, тоже оказываемся без

ответа. Думаю, это не случайно. Откуда мы узнаем, что мы идём по правильному пути? Вот здесь, в этих строках, Бог как бы отвечает нам духовно. А если бы Он отвечал нам физически, как авторитет, то мы бы были как попугаи, повторяющие ответ. Сказал бы Он: «дважды два – шестнадцать» – мы бы так и твердили, считая, что это правильно. Но это означает, что мы не способны сложить дважды два.

Если мы спрашиваем у кого-то: «что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?», это означает, что мы никогда не способны это понять. Есть вещи, о которых не надо спрашивать. Если ты спрашиваешь, ты не понимаешь и не поймёшь. Если же получишь ответ, не дай Бог, ты ещё подумаешь, что ты понял. Но есть такие вещи, которые надо именно чувствовать, слышать. Тогда ты не спросишь: «влюблён ли я или нет?», «а какое у меня сейчас настроение, вы не скажете?» И если вы получите ответ на этот вопрос – вы не узнаете, какое у вас настроение, любите вы или нет.

Этот вопрос «что мне делать в этой жизни?» вытекает из желания как-то сориентироваться. Например, Климент Александрийский, Секст Эмпирик и другие христиане II-III веков рассуждали о том, что самое главное – это соответствовать природе. Тертуллиан даже сначала забросил в понятие «человеческой природы» понятие «христианство», а потом, по стоической традиции, как бы выводя из природы своё поведение, говорит: «Душа по природе-то христианка. Следовательно, идя за природой, мы становимся христианами. И то, что природно, то правильно». Но это классическая натуралистическая ошибка. Нельзя апеллировать к природе, определяя, что правильно, а что неправильно, потому что мы видим, что в природе творится всё что угодно. Нельзя из природы вывести правильность нашей жизни.

С другой стороны, мистик апостол Павел говорит: «Чувства совершенных навыком приучены к различению добра и зла». Но это означает, что мы должны где-то

внутри себя различать, где хорошо, а где плохо. А как мы будем различать? Ну, когда у нас волны благодати: нам приятно – значит, мы правильно живём, нам неприятно – мы неправильно живём. Но это тоже плохой ориентир, потому что то, что доставляет нам удовольствие, не всегда есть то, что правильно. И мы не можем двигаться по жизни, доверяя удовольствиям, т.е. своим чувствам. Все, кто заблудились в лесу, шли туда, влекомые любопытством или интуицией, удовольствием или чувством безопасности. Они получали удовольствие, когда шли всё дальше в лес. Все, кто заблудились в этой жизни, тоже заблудились, исходя из того, что они шли туда, куда их влечёт, или куда они считали правильным идти.

Итак, тот богатый юноша опечалился, отошёл и, видимо, краем уха ещё слышал, что удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому спастись. От этого ему было ещё более досадно, я думаю.

И сегодня нам узнать о том, что нет ответа на этот вопрос, может быть, тоже неприятно. Никакая внутренняя интуиция не может нам подсказать. А значит, мы должны остаться вопрошающими. Мы должны остаться в ситуации, когда мы открыты к чему-то новому. Мы хотим вырасти и получить ответ. Нам кажется, что ответ всегда лучше вопроса, потому что мы живём в мире, который нас воспитал со школы в традиции, где мы точно знаем, что учительница всё знает. Это *мы* не знаем. Мы привыкли жить в мире, где всё уже решено. И в православии часто слышны такие голоса: ну, святые отцы всё решили, ответы на всё дали, да и в Писании всё написано! Всё написано?! Это школьный синдром. Завязывайте с этим.

Оказывается, ситуация вопрошания бывает лучше, чем ситуация получения ответа. Вот и Христос, казалось бы, отпускает юношу с ответом, но на самом деле тот остаётся в ситуации вопрошания. Равно как и Никодима Он оставил

без ответа. Он ему говорит: «Тебе надо родиться свыше». – «А что такое родиться свыше?» – «Это означает – от Духа. И мы не знаем, откуда Он приходит и куда уходит. Дух неуловим». Я себе представляю, в каком настроении вышел старец под утро. Примерно в таком же, как этот юноша, или как те, кто не поняли, о чём я говорю.

То есть это сложно, и я говорю: должно быть сложно, иначе мы не сможем расти духовно. Что делает человека быстрым? Это осознание того, что не всё прилетает ему в рот, если он лежит на диване. Что делает человека умелым? Это видение того, что ему не дают мешки денег просто за то, что он лежит на диване. Что делает человека духовным? Некоторая внутренняя неудовлетворённость тем, что у него внутри, в сердце, тем, где он находится, тем, что у него в перспективе. И вот эта неудовлетворённость – она является спасительной в какой-то степени. Я думаю, что именно об этом наше сегодняшнее Евангелие.

88.

Завеса слов и богообщение

12.09.2021

*О богатом, вопрошающем о жизни
вечной, Мф.19:16–26*

«Учитель благий, что мне делать, чтобы иметь жизнь вечную?» – спрашивает юноша. Я уже обращал внимание на то, что ответ Господа таков, что его стоило бы отрицать. То есть Он говорит нечто, что на самом деле прячется Им. Он говорит: «Что ты называешь Меня благим? Я не благий. А на твой запрос уже давно ответил Моисей своими Десятью заповедями». То есть Иисус выступает как иудейский раввин и как будто больше ничего из Себя не представляет. Но юноша говорит: «Все эти заповеди я соблюл; чего ещё недостаёт мне?» Иисус опять говорит ему нечто, что стоило бы тоже отрицать: «Пойди и раздай всё имение...» Как будто,

если человек раздаст имение, ему гарантировано хоть что-нибудь духовное. Вон у нас полно не имевших имение и даже раздавших его, и они сами свидетельствуют, что это не приводит к духовности. Но юноше хватило этого слова, чтобы отойти с печалью. И Христос говорит ученикам третье наставление: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому войти в Царство Небесное». На что они опять недоумевают: «Так кто же может спастись?» И Христос как бы им говорит: «Вы воспринимаете всё слишком серьёзно. Из ваших рассуждений – никто не может спастись. Невозможно это человеку, но Богу всё возможно».

Итак, мы видим трёхслойную завесу, которую Бог строит перед Собой для того, чтобы люди постепенно её разбирали. И когда мы уберём всё, что Бог наговорил, чтобы Его не опознали, мы зададимся вопросом: как мы теперь будем (вос)принимать Бога, если Его заповеди и тексты – это не совсем то, Его самые крайние аскетические рекомендации – тоже не то, и вообще, спастись – это не то, что возможно человеку? И вот в этой ситуации, в которой мы оказались, нам остаётся быть внимательными к себе. Нужно обратить внимание на ту благодать, которую Бог нам иногда даёт, и связать этот опыт с какой-то внутренней мелодией. Мы слишком много полагались на слова. Но слова зачастую бессильны и не могут объять духовный опыт. Лучше напеть себе какую-то мелодию, очень личную, которую мало кто поёт. Или сделать какой-то личный жест – мимикой или рукой – который поймёте только вы и Бог. То есть присутствие Божие будет связано с какой-то внутренней мелодией или с каким-то только вами считываемым жестом.

Таким образом, нам становится понятно, почему все слова, сказанные Богом, не должны быть понятны. Потому что только на своём внутреннем языке можно более-менее это как-то ухватить. И тогда Богу, Который нам говорит «соблюдайте заповеди», мы скажем: «Нет, мы уже знаем,

что за этим всем стоит что-то другое. Мы не так Тебя опознаём». Мы не говорим: «это не те заповеди, дай нам другие заповеди», мы не говорим: «вот ты дал нам другие заповеди, теперь дай нам толкование на заповеди, а теперь дай нам толкование на толкование». Это слова! Если у каждого из нас будет жест и маленькая мелодия, мы обнимем каждого, кто говорит не те слова. Потому что это всё равно, что счастье показывать на пальцах. Показывая, вы понимаете, какая дистанция лежит между словами и тем, что мы переживаем.

Подошедший юноша ударился в слова Иисуса и отступил. И апостолы не смогли перешагнуть через Его слова. А Христос им говорит как бы: «Эх вы, это ж только слова. Ведь то, что вы полагаете невозможным, оно возможно, но только не в том поле, в котором вы это высказываете».

89.

Нет ни последних, ни первых

август 2017

О рабочих виноградника, Мф.20:1–16

Притча эта хорошо нам знакома по упоминанию её на Пасхальном богослужении. Интересно, что здесь мы видим две концовки, которые взяты из других мест Евангелия, и которые сюда совершенно не подходят. Может быть, в этом был Божий промысел, чтобы переписчики дописали их сюда, авось, мы когда-нибудь спросим о них. Но не спросили. Вообще, любопытно: что нужно написать в Евангелии, чтобы у православного родился к Евангелию вопрос?..

Итак, притча проста: хозяин целый день – с утра до позднего вечера – нанимает в свой виноградник работников. Пришли они на работу в разное время, но получили все поровну. Причём здесь «много званых, а мало избранных»? Причём здесь «будут последние первыми, и первые последними»? Наоборот получается – никто не будет ни первым, ни последним. Конечно, мы знаем, откуда эти

добавки, из какой притчи «много званых, а мало избранных». Здесь же нет этой эклектики, нет выборки, чтобы один предпочитался другому. Наоборот, это мы всегда предпочитаем одного другому. Это мы делим, это мы ранжируем, а Бог этого не делает, и мы всё никак не можем это принять.

Чтобы хоть как-то пояснить притчу, представим, что люди в разное время приходят в Церковь, к Богу, и посвящают себя Ему. У них нет «стажа», нет никакого преимущества одного перед другим. Человек, который в молодости пришёл к Богу, посвятил Ему время и силы, ум и красоту свою, нисколько не превосходит человека, который пришёл в Церковь в дряхлости, – словно бы из мощевика сбежал – и подарил свои почти «нетленные мощи». Подарил он, конечно, лишь какую-то сыпучесть свою, но он подарил всё, что у него есть. То есть человек как бы отдаёт свои две лепты, когда приходит поздно к Богу. У него не так много и есть, чтобы что-то дарить, но он дарит всё. И таким образом, люди равны пред Богом, потому что дарят всё, и пусть даже у одного это «всё» – не так много, как у другого.

И вот, почему хозяин (за которым стоит, конечно, Бог) в этой притче награждает всех поровну? Потому что это мы делим: кому-то больше благодати, а кому-то меньше, кто-то более достоин, кто-то менее достоин. То есть у нас всегда эта линейка в кармане. Знаете, раньше считалось, что у советского интеллигента должна быть дуля в кармане. А вот у православного подвижника всегда линейка в кармане, он всегда меряет, кто из нас недостойнее. И себя, конечно, он считает наиболее недостойным. Но если бы он перестал мерить, тогда бы он хоть на минутку понял Бога.

Бог не динарии раздаёт, Бог Себя даёт, Себя дарит. Ему нечего подарить нам, кроме Себя Самого. А если Он дарит Себя, то не может последним подарить половину или четверть. Вот поэтому-то притча заканчивается тем,

что господин даёт всем одинаково. Мы иногда не понимаем эту доброту, ссоримся и говорим, что не может быть чудес у других людей, только у нас чудеса, они у нас будто бы запатентованы. То есть, если то же самое чудо случится у каких-то кошмарных харизматов, то это уже не считается. Эту ревность, конечно, понять можно, но мы не понимаем Бога в таком случае. Бог нас уравнивает, потому что Он один, и Он дарит всем Себя без остатка. И если мы пришли в последний час, это не значит, что мы не работали. Мы просто поздно пришли. Так получилось.

В предпоследнем диалоге в этой притче хозяин спрашивает у стоящих без дела: «Что вы тут стоите целый день?» Те отвечают: «Никто нас не нанял». Другими словами, в этой жизни нас ничто не зажгло, не сподвигло, не сделало нас идущими. Мы просто стоим на позициях тинейджеров, которые пытаются выпендриваться, пытаются быть круче других, и так до конца жизни.

Если Бог касается человека, он начинает свой путь и становится Божиим человеком. И дай Бог, глядя на другого и чувствуя своё недостойнство, нам сказать: «Господь принимает и меня так же, как и его». А чувствуя своё превосходство, сказать: «Господь принимает и его так же, как и меня».

90.

Реакция на Бога

14.02.2021

Об обращении Закхея, Лк.19:1–10

Закхей по своему любопытству влез на дерево, чтобы увидеть знаменитого чудотворца. Господь же, придя к Закхею, оказал ему любовь. И после беседы и чаепития Закхей сказал: «Половину имущества моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, возвращу вчетверо». Это его порыв ответной любви.

Большой ошибкой было бы сделать вывод, что надо поступать так, как Закхей. Не надо поступать так, как кто-то. Реагировать надо по-своему, любовь должна быть естественной. Никто Закхею не понуждал к этому, поэтому и нас (по примеру Закхея) никто не должен понуждать что-то раздавать или ещё что-то делать.

Каждый встречает и реагирует на Бога по-своему: Закхей раздаёт имение, Никодим донимает Его своими вопросами, недоумениями, самарянка спрашивает Его о своём, апостолы заказывают престолы и тоже о чём-то спрашивают. И нам нельзя выдумывать правильную реакцию на Бога, потому что тогда мы будем имитировать. Если на Бога никто не обратил внимания, может быть, это тоже правильная реакция, потому что иногда Его проповедуют такие люди, что лучше бы они не обратили на Него внимания. По крайней мере, у нас создаётся такое впечатление. Так что любая реакция на Бога является правильной, главное, чтобы она была свободной.

Итак, Христос оказал Закхею большую любовь. И на любовь человек отвечает любовью. У каждого своя мера, и ни у кого из нас не должно быть требования к другому: ты почему не любишь Бога? ты почему не как Закхей? ты почему не как апостол Пётр? и прочее. У каждого из нас есть только наша совесть, наша душа, наше тело, наша жизнь. И если Бог даровал нам любовь, мы будем как-то откликаться с этого момента и далее, понимая, что как бы мы ни поступили, это всё будет правильным. Главное, чтобы мы помнили, что каждое наше действие – это ответ на действие Божие. И тогда вся жизнь будет диалогом – живым диалогом с Богом. Наверное, это самое главное, потому что только этот диалог и может продолжиться вечно.

Нам сложно читать тексты предыдущих эпох, так как они написаны не для нас. Нередко, задумываясь о прочитанном, мы встречаем одно искушение за другим. Мы выросли в культуре, в которой нельзя обижать младших и слабых, нельзя быть расистом, нельзя мучить животных, нельзя смеяться над уродцами и увечными, нельзя подчёркивать недостаток другого. И вообще надо быть добрым и отзывчивым. Всего этого в культуре раньше почти не было. И мы, воспитанники новой культуры, когда читаем подобные тексты, можем считать их своими, но не можем их принять как свои.

Притча о талантах написана в мире рабов и господ. Здесь есть только господин и его рабы. Мы видим не в меру жестокого и даже неадекватного господина, который наказывает человека за то, что тот его убоился и потому ничего не сделал. Это всё равно, что ругать детей и сердиться, что они боятся. Господин не понимает простой вещи, что если человеку что-то не удалось, то он сам об этом жалеет. Не нужно его ещё за это наказывать. Например, если кто-то бедный, давайте ещё бить за это сверху. Давайте бить бедных за то, что им не удалось стать богатыми. Давайте бить больных – им не удалось быть здоровыми. Давайте бить некрасивых людей – им так и не удалось стать красивыми.

Также господин в этой притче делает такой разбор полётов, который странен для нашего века. Вот у меня, например, пять детей. В каждом из них я вижу свои дарования, таланты. И я тоже хотел бы, чтобы они развились и принесли плод. Это нормальное желание. Но устроить такой разбор полётов где-то в мои шестьдесят пять, когда они уже будут реализованными людьми, и сказать: «ты не реализовал талант, будь ты проклят и иди в ад, во тьму внешнюю», –

что это такое? Что это?! На языке нашей культуры это уже психопатия. Не потому что автор притчи психопат, а потому что сместилось значение всех смыслов, и теперь такое поведение не может считаться нормальным. Если Бог действительно раздал какие-то таланты, то в рамках нашей культуры понимания Он не может устроить в конце такой разбор полётов. Не может!

Но самое главное, этого господина из притчи (т.е. Бога) интересуют только таланты, его не интересуют люди. Он дал таланты – он должен вернуть их себе с лихвой. А что там человек, который их получил? Даже тот, который удвоил свои пять талантов, – как он их делал? Скорее всего, он тоже боялся. Потому что в мире, где есть господа и рабы, существует только страх. И те рабы, которые принесли господину ещё два или пять талантов, кроме тех, что получили, тоже напуганы, ровно как и третий раб. Только те два сообразили, что нужно что-то делать, а этот не сообразил. Но боятся-то они одинаково. Господина не волнует, кто что переживает. Его волнует только то, чтобы люди дали ему, что он хочет.

Исходя из нашей культуры (с её высочайшей этикой), в которой мы выросли, и которая и не снилась тогдашнему веку, происходящее в этой притче совершенно бесчеловечно – здесь нет ни Бога, ни человека, здесь есть только власть и страх. Власть требует, страх боится. В любом случае, продукты страха – это закопать в землю деньги или их умножить.

Эту притчу понять по-нормальному невозможно. Но в этой притче есть хороший ключик. Он висит за притчей, в конце. Христос сказал: «Кто имеет уши слышать, да слышит!» То есть для нас это означает, что эту притчу не нужно понимать так, как она сказана. Нужно иметь какие-то другие уши, которые услышат что-то другое. Значит, мы имеем право понимать эту притчу в меру своей духовности, т.е. в меру

своей ушастости. У нас огромные уши! У людей Церкви предыдущих эпох были уши, настроенные на их эпоху. На эпоху власти, на эпоху рабов, когда лучше всего быть хорошим и верным холопом своего господина, да ещё и гордиться этим.

Итак, какое можно придумать духовное истолкование этой притчи? Я думаю, что те, кому дано знать Бога не как господина, они поймут проповедь Христа. А те, кому не дано знать Бога не как господина, у тех ничего кроме страха и не остаётся. Религия, понятая как подчинение большому боссу, никуда не уйдёт от страха – страха выполнивших, страха не выполнивших. И поэтому в этой притче не существует места для личности. Там нет ни личности господина, ни личности раба, поэтому он и назван «раб», а не «сын». Эта притча как бы говорит: «Смотрите, люди, вы *этого* хотите?» На некоторые притчи нужно возмутиться и сказать: «Нет, это ужасно». О, значит, у тебя есть уши! И ты услышал, насколько это ужасно. Насколько ужасно принимать Бога за господина, а себя – за раба, верного или неверного. Этот функционализм бесчеловечен и безбожен.

И если человек услышит своими ушами что-то духовное, он скажет: «Господи, а что ты можешь предложить?» Он нам предлагает Тайную Вечерю – вечерю равных, где мы беседуем со Христом. И попытку умыть Ему ноги Он предваряет тем, что умывает ноги нам, т.е. нивелирует эту разницу. Бог хочет быть с нами на равных, хочет быть с нами сыном Отца Небесного, хочет быть нам братом. Но эту Его тайну мы не можем никому открыть, потому что никто не может её принять. Никто не хочет её принять из тех, у кого нет ушей.

Эта притча для того, чтобы мы её отрицали. И только после её отрицания мы можем приступить к Евхаристии. Евхаристия – это вечеря равных и любящих. Это вечеря в каком-то смысле отверженных – одинаково отверженных

от большого социума и любящих свою маргинальность. Людей, которые понимают, что кроме друг друга у них никого в этом мире и нет. Нет больших организаций, глобальных движений, огромных идеологий, ничего этого нет. Есть лишь вот эта вечеря, на которую не могут зайти те, у кого есть великие господа, великие корпорации, великие идеи, ещё что-то великое. Великое не помещается в маленькую горницу, в которой возлежат апостолы со Христом. И мы сегодня хотя и не возлежим, но постоем пред Христом так, как Он того хотел от Своих учеников на Тайной Вечере в самый искренний момент Своей жизни.

92.

Голубей подсобрали и продолжили

01.10.2017

Об изгнании торгующих из храма, Мк.11:11–23

Опять люди расстроили Бога своего, и Он начинает выгонять торгующих из храма, опрокидывать столы меновщиков, скамьи продающих голубей и укорять их.

А почему бы Ему, как спрашивал Его когда-то Моисей, снова не уничтожить человечество и заново не создать мир вместе с Адамом и Евой? Может быть, змей подполз бы с другой стороны, так Ева его и огрела бы чем-нибудь, и всё было бы хорошо. Почему Бог милосердно не уничтожит весь этот болезненный злокачественный процесс, а терпит всё это? Ведь милосерднее было бы всё сделать как будто не существовавшим – без боли, без умирания – и начать всё заново.

Но Бог влюблён в человека, который есть. Он любит не идеальную модель или проект человека, а именно того человека, который уже существует. Поэтому Он и носится с ним, и пытается очистить храм от торгующих, хотя человек не может иначе. У него в душе постоянно какой-то движ. Он вечно живёт какими-то шумами, торгами, суетой, пере-

живаниями... По-другому человек не может. В доме молитвы ему скучно. Ему нужна бурная деятельность. И вот начинается всевозможный шум и гам. Если бы какая-нибудь сорока-белобока была верующей и могла целый день скакать, и если бы её спросили: «что ты, дорогая, делаешь?», она бы сказала: «я Богу служу». Она бы и так это делала – собирала бы какие-нибудь бусинки, каркала, летала туда-сюда, потому что она по природе своей существо шумное. И так же человек тащит в храм торговлю не потому, что он зол, а потому что он не знает, что делать с этим храмом.

Что значит дом молитвы? Это значит дом стопроцентного предстояния пред Богом? Ну где это было? Мы всегда тащим в дом Божий всевозможное музыкальное сопровождение, элементы театра и этикета, определённый экономический и хозяйственный уклад, какой-то порядок – там стоит то, а здесь – это, ибо так положено. Человек привносит в храм Божий какие-то развлекательные, шумные моменты. Потому что понять, что такое тишина Божия, нам труднее всего. И сколько бы Христос не выгонял торгующих из храма, там снова начнётся и шум, и движение. Никогда не может быть у человека дома молитвы, потому что для него дом – это он, а он – это шум. Когда человек поселяется в каком-то доме, в этом доме поселяется суета, в этом доме начинается погоня за ветром каких-то перемен. Если Бог сделал мир и вселил туда человека, значит, построенный дом Божий с вселённым туда человеком будет таким же: суетным, гоняющимся за ветром и толкающимся локтями.

И вот Бог, глядя на всё это, продолжает любить людей. Поэтому, опрокинув там все эти лавочки и клетки, Он затем пошёл к Марфе и Марии. Люди же подняли эти клетки, поправили лавочки, голубей подсобрали и продолжили жить.

Нечасто читается это зачало, и нечасто мы, может быть, задумываемся о том, что означает исполнять волю Божию, и что в этом исполнении является центральным моментом.

Когда отец просит двух сыновей пойти в виноградник, один сказал ему: «не хочу», а потом подумал, «раскаялся» и пошёл; второй же ответил: «иду, отец», и не пошёл...

Если человек живёт постоянно под чьим-то руководством, он может потеряться, так как не видно, где здесь он сам. Когда металлическая стружка реагирует на магнит, где она? Её нет, мы видим только действие волн, идущих от магнита. И человек, исполняющий заповедь, не может не задуматься о том, где, собственно, он находится. Может быть, он превратился в продолжение чьей-то руки, продолжение чьих-то амбиций, чьей-то воли, пусть даже божественной – неважно, всё равно его нет. Когда человек исполняет чью-то волю – где он есть? Он всё равно, что мотыга, которой что-то там рыхлят, и грабли, которыми что-то сгребают. То есть он не существует.

И, кажется, вот эта боязнь раствориться в чужой воле рождает определённое сопротивление. Поэтому вроде бы мы должны встать на сторону первого сына, который действует по своей воле. Но здесь нас сбивает с толку слово «раскаялся». Если он сказал «не хочу идти», а потом раскаялся и пошёл, он, конечно, «погиб», потому что он подавлен чужой волей. Вот он не хочет, но затем он подавляется, сламывается и «раскаивается», т.е. входит в какой-то внутренний дискомфорт и делает то, что велят. Что в этом хорошего? Любой подчинённый вначале не хочет принимать задание, отфутболивает его, но потом под каким-либо давлением выполняет волю начальника.

Заканчивается эта притча порицанием, обращённым к первосвященникам и старейшинам, что «мытари и блудницы вперёд вас идут в Царствие Божие». Это Христос говорит тем, для которых мытари и блудницы находятся вне Царствия Божия. И тем же законникам Он говорил: «Законы, которые, вы думаете, нарушают другие, – нарушаете вы сами, напридумав всяких хитростей и лазеек, заместив своими преданиями заповедь Божию». Подобные люди всегда думают чем-то спастись и чем-то других погубить. Но Христос всегда оборачивает их «праведность» против них.

Как же всё-таки принять заповедь Божию? Нужно вернуться к первому сыну, который сказал «нет, я не хочу», но пошёл. Сказав «нет», он правильно сделал. Мы не должны слепо верить, мы не должны слепо принимать. Потому что это вовсе не означает верить и принимать. И если мы вначале на каждую заповедь скажем «нет», а потом подумаем отдельно от этого императива, от этого требования её принять: «А что это было? А может быть, это была умная мысль? А может, это было спасительное нечто для меня?» И тогда мы примем, но не как послушные рабы, а как благоразумно исполнившие заповедь Божию.

Что из этого следует? Из этого следует, что мы не должны имитировать исполнение всех заповедей, как это делает второй сын. Пусть мы будем исполнять половину заповедей, или половину одной заповеди, но мы это будем делать, потому что мы так избрали. Мы посмотрели и подумали, и после нашего свободного «нет» мы сказали наше свободное «да». Только тогда мы сможем любить Бога за Его заповеди, а не доказывать любовь к Нему соблюдением Его заповедей. Не должно быть так! Мы любим Бога и заповеди, потому что они совпадают в нашем сознании. А не так: «хочешь быть с Богом? – ну, тогда не ешь котлету в среду». Это противопоставление заранее рождает конфликт, который совершенно не нужен. Мы должны принять заповедь

так, чтобы она не конфликтовала с Богом. А таких заповедей Бог выдал не так много. Поэтому мы их рассмотрим, отложим, но некоторые примем. И это будет подлинное приятие, это будет подлинное христианство. Оно будет на чуточку, оно будет на зерно горчичное. Не надо говорить, что мы тем самым горы двигаем. Но это будет настоящее зерно, и, может быть, из него вырастет какое-то дерево, под которым будут выпивать и закусывать наши знакомые. Может быть, с этого начнём, а не с конца, имитируя, что мы уже всё поняли, всё исповедуем? Лучше сказать: «я в христианстве почти ничего не исповедую, я в христианстве понял три пункта, они мне нравятся, поэтому я христианин». И это будет правдой, нежели говорить, что «я исповедую догматику», которую не читал, «Символ веры», который не понимаю, «считаю, что мы стоим на основании апостолов и пророков», которых я никогда не читал и не собираюсь читать.

Итак, притча весьма мудра. И мудрее она тем, что оставляет нас без чёткого ответа. Потому что тот ответ, который даёт Христос, – он неприемлемый. Он неприемлемый, потому что законники не представляют, как мытари и грешники могут идти в Царствие Божие впереди людей, которые всю жизнь посвятили исполнению заповедей. Поэтому будем думать над заповедью, будем принимать её и говорить «аминь» только после нашего свободного «нет».

94.

О меркантильности и благодарности 22.10.2017
На притчу о злых виноградарях, Мф.21:33–41

Обычно про притчу о злых виноградарях говорят, что она о нас, о неблагодарном народе, которому Бог дал и виноградник, и точило, и изгородь, т.е. всё, что нам нужно для счастья. А мы (тут мы не виноваты – Он нас такими создал) хотим всё больше и больше, и больше. Мы хотим в вино-

граднике не только работать, но и владеть им, получать выращенный урожай.

Однако в ситуации, в которой находятся виноградари из притчи, откуда у них должна быть благодарность? Благодарность у людей обычно рождается, когда они получают больше, чем им обещали. А когда они сравнивают, и выходит наоборот, то люди неблагодарны. Почему эти люди должны быть благодарны? Потому что они работали-работали на винограднике, а кто-то потом придёт и заберёт? Почему один работает, а другой забирает? Это несправедливо. Поэтому эти люди однажды решились: сначала схватили посланных за плодами слуг, «иного прибили, иного убили, а иного побили камнями». Когда хозяин послал ещё больше слуг, с ними поступили также. И в конце концов, они решились убить и сына, наследника, этого мажора, который пришёл забрать у них плоды их труда. Когда кто-то просто приходит и говорит: «Вот вам рубль, дайте мои сто рублей», эти люди реально оценивают ситуацию. Они решаются на убийство, потому что ситуация им показалась несправедливой. Каждый из нас притязает на лучшее, только убить не может. А эти люди могут, вот и вся разница. Поэтому нет драмы вокруг убийства как такового. Есть драма ситуации, в которой оказывается каждый человек, кем бы он ни был: рабом на фазенде у хозяина, или самим хозяином, – всё равно он хочет большего, большего и большего.

Зачем Христос вообще произносит эту притчу? Помните, Он перед тем зашёл в храм, опрокинул столы меновщиков, выпустил всех голубей, волов выгнал... Потом Он рассказал им эту притчу, смысл которой заключается в том, что вы из дома молитвы сделали себе тут частный бизнес. Бог отнимет у вас этот бизнес и отдаст православным. Так Он и сделал, и теперь в храмах торгуют православные. Невольно задашь себе вопрос: «Господи, неужели Ты скоро и нас так же выгонишь и отдашь бизнес кому-то ещё?»

А Он спрашивает: «Кому? Лютеранам? Баптистам? Католикам? Кришнаитам?.. Все вы одинаковые». Можно отнять бизнес у «плохого» человека и отдать «хорошему». Но нет плохого и хорошего. Это нам только кажется кто-то высоким. А он не высокий, он такой же, только находится на другой полочке. Если перемешать одних с другими – то одного поставить наверх, то другого – разницы нет, и смысла тоже. Поэтому Бог и перестал это делать. Мы должны усвоить урок, что трагедия Распятия Христа не в том, что Его распяли, а в том, что Его не могли не распять, и не могли не одобрить это. Все одобрили – и христиане, которые сказали, что Распятие было очень нужно, и поэтому сами Небеса решили Его распять – и Его распяли. То есть мы похожи на виноградарей, которые убили сына, потом сделали икону, позолотили её, поставили над виноградником, и сказали: «Здесь был сын! Вот, можно приложиться к месту, где его убили». То есть сделали культ из убитого сына. Пусть это благодарные виноградары. Какая разница? Они убийцы всё равно.

Ситуация гораздо плачевнее. Христос им говорит: «Вы убили Меня, как бы думая, что Я оскорбил ваши религиозные чувства или нарушил деловые какие-то бизнес-расчёты. Но на самом деле Я затронул ту струну, которая играет вечно». Тот, кто считает, что он низко, намеревается оказаться сверху. Дело только в средствах. Кто-то распнёт другого, кто-то «по дружбе» столкнёт с мостика и пройдёт к цели... Кто как, но каждый идёт наверх. И невозможно несопротивляющемуся Христу быть нераспятым в нашем мире, который так устроен. Это совершенно predetermined. Слушая эту притчу, мы должны видеть результат наших чаяний: когда мы желаем большего, это ведёт в пустоту. Вот это желание большего, ангельское желание быть возле Бога, человеческое желание быть возле Бога, желание быть как можно выше – оно работает против человека, оно травмирует его.

Наше желание иметь больше, жить лучше – очень травматичное желание: оно травмирует и Бога, и нас. И воскресный день может быть тем днём, когда мы отказываемся, чтобы нам было лучше, когда мы говорим: «Господи, как хорошо, что есть так, как есть, без планов на завтра, без того, чтобы завтра было лучше». Хотя бы раз в неделю мы можем отменить свои планы на улучшение жизни, на улучшение самочувствия, улучшение состояния, улучшение духовности. Зачем нам улучшать духовность? Вот у нас есть какая-то духовность – и слава Богу! И всю неделю мы опять будем улучшать духовность. Вот это будет хороший план на неделю! Если мы так решимся, неделя пройдёт не зря. Всю неделю мы улучшаем духовность, а в воскресенье говорим: «Слава Тебе, Господи, за то, что у меня есть какой-то там виноградник, какое-то точило. Что-то у меня есть, и я не хочу больше, поэтому не буду третировать рабов Твоих, убивать Сына Твоего, потому что мне не надо больше». Но если мне надо больше, я уже убийца всех на свете, и не убиваю только потому, что не могу.

95.

Пир с Богом

26.09.2021

О злых виноградарях и брачном пире,

Мф.21:33–41, 22:1–14

Сегодняшние притчи, рассказанные нам Господом Богом, представляются такой дикой смесью, в которой сложно отличить одно от другого. Но если мы отличим, если мы обнаружим себя в этой картине правильно, тогда это будет действительно Благая весть.

Первая из трёх притч – о злых виноградарях, у которых был повод убить тех, кто приходит к ним, забирает плоды, и в конце концов может отнять сам виноградник. Вторая притча – о царе, который устроил брачный пир. Он

зовёт званых, но они не приходят: один занят полем, другой – торговлей, а прочие без всякого повода убивают рабов, посланных царём. И, конечно, он истребляет убийц и сжигает их город. В итоге царь собирает на распутьях всех подряд... Отсюда становится понятно, почему возле Бога находятся самые разные люди. И третья притча про пир царя и про приглашённых уважаемых людей, у которых должно быть несколько смен одежды. Только к ним можно адресовать замечание «друг! что же ты пришёл сюда не в брачной одежде?» Потому что у созванных на распутьях из предыдущей притчи ни у кого не было нарядной одежды – откуда у бомжей вторая одежда, тем более нарядная? Таким образом, здесь смешались сразу три притчи: о злых виноградарях, о пире с бедными людьми и о недостойных, которые неправильно оделись.

Если мы посмотрим внимательно на эту картину, мы увидим, что в этих притчах нет места ни для Бога, ни для человека. Бог здесь выглядит очень странно. Он мстителен. Он убивает тех, кто не хочет отдавать плоды, Он гневается на тех, кто не отзывается на Его приглашение, и карает тех, кто пришёл на пир не в той одежде. В этом нарисованном мире нет места никому. Мы все должны быть выброшены. Неужели у кого-то из нас есть чистая, непорочная душа, которой святые отцы называют брачную одежду? Мы видим мир абсурда. И это абсурдная притча. И только когда мы это поймём, мы увидим, что Бог говорит: «Вот теперь ищите Меня и выводите из того, что есть». А что же есть?

На самом деле есть то, что Бог призвал нас в чудный Свой свет. Нас, застрявших на перекрёстках жизни, в каких-то заботах и вовлечённостях, Он призвал и посадил за Свой торжественный стол. Мы, пришедшие в этот мир, теперь можем вкушать Его угощение. Но самое главное не это. Самое главное то, что мы едим и пьём с Господом Богом.

Ведь это и есть Царствие Божие, когда, что бы мы ни ели, что бы мы ни пили, где бы мы ни ели и ни пили, всё мы это делаем с Господом Богом. Эта притча, по-моему, говорит именно о том, что мы находимся за одним столом. И если он у нас скудный – ничего, Бог с нами. Если он у нас богатый – и слава Богу, Бог опять с нами. И это получилось не потому и не почему. Все наши объяснения никуда не годятся. Это произошло, просто потому что произошло. Вот так оно и есть. И, закусывая с Господом Богом, не будем забывать о том, что самое главное всё-таки то, с *Кем*, а не то, что мы едим.

96.

Кесарево и Божие.

Что такое духовность?

05.11.2017

О подати кесарю, Лк.20:19–26

Христа спрашивают, платить ли подать кесарю, и Он отвечает: «Отдайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Конечно, здесь речь идёт не о налогах. Речь идёт о более важном – о том, как служить Богу. Традиционно кесарево, т.е. нечто плотское, нужно отдать плоти, а духовное отдать Богу. И Христос говорит: «Смотрите, здесь же на самой монете написано, что она кесарева». То есть монета уже устроена так, что её невозможно отдавать Богу. И если посмотреть на нашу телесность, можно сказать то же самое: «Что тут решать? Телесность так устроена, что она требует, чтобы её отдать телесности. Отдайте телу тело, а духовность – Богу». Вот здесь-то и таится главная сложность.

Есть люди, которые не могут понять, что значит «отдайте Божие Богу». И поэтому всё, чем они могут послужить Богу, это «не давать кесарю кесарево». Например,

не доедать, не досыпать, не насыщать свои чувства, т.е. не давать телесности телесное. Эти люди вообще не понимают и не знают, что такое духовность. Что же они делают? Они всю свою духовность реализуют через телесность, т.е. через кесарево.

И вот иудеи тоже хотели искренне служить Богу. Они ухватились за идею: «а что если мы будем служить Богу через то, что будем солить кесарю – не давать налогов, сопротивляться, готовить восстание...». Бедные люди. Они вообще не видят, что они всё равно остаются в телесности. Но они служат Богу на этом языке.

Дилемма «что отдать кесарю, а что – Богу» решается Христом предельно просто. Всё отдайте кесарю. А то, что невозможно отдать кесарю – Божие – отдайте Богу. Вот и всё. Однако люди бездуховные не понимают, что тогда останется, если мы всё отдадим кесарю. Вот мы съедим котлету, когда тело захочет съесть котлету. Пойдём загорать, когда туловище захочет загорать. Попрыгаем, когда нам захочется прыгать. Покашляем, когда нам захочется кашлять. И тогда они скажут нам: ведь мы же во имя Бога не кашляем и не едим котлет. Где же духовность? Что же Божие в человеке?.. И что Ему остаётся?

Божие в человеке – это все наши радости и вся глубина наших интимных переживаний – всё то, чего нет у животных. Наши маленькие житейские радости, моменты счастья, когда я знаю, что мне сейчас хорошо, мне это приятно, и наоборот – понимаемый нами трагизм жизни, трагедия своей смертности, все наши раздумья о вечности, упования и надежды – всё это нужно отдать Богу.

Но у кого этого нет, он вообще не понимает, о чём идёт речь. Что, собственно, нужно отдать Богу? В том-то и дело, что ничего Богу не нужно отдавать, кроме того, что уже принадлежит Богу. Все эти переживания сердца и души, какие-то наши озарения о самих себе, познание

самого себя с той стороны, с которой больше никто не знает. Вот это нужно отдать Богу. Не носиться с этим, как с флагом, или как с чем-то позорным, что нужно скрывать, а просто сказать: «Господи, вот я. Вот это Твоё». А всё остальное – поесть, поспать и прочее – это не Твоё. Это всё животное, которое мы отдадим животному миру.

Оканчивается это зачало очень символично: вопрошающие, подсланные книжниками, удивились такому ответу Христа, замолчали и оставили Его. Оставили, потому что Он говорит о непонятном. Он говорит: «Вы уже настолько все кесарева, что решать, давать кесарю или не давать, – бессмысленно». То есть мы настолько телесны, мы настолько укоренены в земную жизнь, в экономику и политику, в социальность, в психологичность всех наших процессов, что, естественно, мы не можем этим служить Богу. И как бы мы ни рыпались, оно всё остаётся отданным. Это всё уже давно отдано.

Нам остаётся посвятить Богу маленькое духовное пространство внутри нас. То, что мы не можем пересказать другому, – принадлежит Богу.

Историю о том, как мы нашли пятьдесят гривен на дороге, или как я раньше был неверующим, пил, курил, а сейчас верующий, не курю и не пью, – это можно рассказать ближнему, и значит, это уже не принадлежит Богу. Это уже принадлежит людям. А вот то, что невозможно рассказать, то, что только моё, – вот это и есть Божие, которое нужно отдать Богу. И тогда мы поймём смысл того пути, который Христос нам начертал. Но это, может быть, позже. А сегодня Христос только преломляет нас на эти две половинки и говорит: «Телесное отдайте телу, а духовное – Богу. Имеющий уши слышать, да слышит».

У людей есть любимые паутинки, в которых они друг друга путают, – это слова, в которых они сами запутались. Почти всю 22-ю главу Евангелия от Матфея оппоненты Христа пытаются подловить Его на слове. Они спрашивают: «А можно ли приносить подать кесарю?», «вот семь мужей имели одну жену, чья она будет в воскресении?», «а какая заповедь бóльшая?» Христос отвечал, как мог: и там вроде ответил, что отдавайте кесарю кесарево, и тут сказал, что в Царствии Божием вообще так не бывает, и две заповеди выделил. Но потом Он говорит: «И Я вас тоже могу спросить: а кем приходится Давид Христу – отцом? Как же – отцом, если он Его Господом называет?» То есть Христос им задал тоже словесный вопрос, из которого нельзя выпутаться, и который снимает их вопрошание. То есть те вопросы, которые они Ему задают – это те сети, в которые они сами попали.

Люди запутались в своей реакции на Бога и ссорятся по поводу этой реакции. Представьте себе группу туристов из разных стран, на которую неожиданно полил дождь и град. Они начинают это комментировать, и каждый на своём языке. Будет ли правильным, если они будут выяснять, кто из них правильнее комментирует происходящее? Кто-то на финском языке, кто-то на английском, кто-то на румынском – все реагируют по-разному. Но люди занялись тем, чтобы выяснить, кто правильнее реагирует на Бога, кто правильно говорит о Нём. Казалось бы, Христос Своим вопросом положил конец этому вопрошанию. Он говорит: «Вот вы же не можете сами ответить, тогда зачем вы хотите, чтобы другие вам отвечали?» После этого мы должны были бы, наверное, меньше верить словам, потому что слова – это сети. Мы накидываем сети друг на друга,

но сами попадаем в них же, мы спутаны сами и других впутываем. И после ответа Христа мы должны были бы сказать: «Мы не умеем говорить». В той ситуации, когда не стоит доверять словам, лучшие слова – «ух ты!», «ого!» или «вот это да!». Они, наверное, выражают больше по отношению к вечернему закату, например, чем какие-то тирады, подробно описывающие, что они видят.

Это Евангелие о том, что Бог тоже может поиграть в слова, и Он выиграет. И мы должны, как люди, которые подняты на одной волне, подумать: «Что движет фарисеями? Почему они не отстанут от Христа? Почему они не едят дома блинчики в кругу семьи? Что их так сильно волнует? Почему когда-то молодой человек решил стать фарисеем? И вот он состарился. Что им движет?» Им движет Сам Бог, но он, как некогда Савл, интерпретировал Бога так: «Значит, я должен быть выделенным, избранным, я должен быть фарисеем». И вот он – фарисей, и запутался в словах. А кто-то стал саддукеем и тоже запутался. Потому что всякая реакция есть тупик. Мы должны не отрывать взгляда от того, на что мы реагируем. В Евангелии сказано: «Во время óно фарисей некий спросил, искушая Его». Он искушает, потому что он вовлечён, он подхвачен этой волной. Эта вовлечённость гораздо важнее того, что он слушает и как к этому относится. И эта вовлечённость создаётся Богом, как большой воронкой, в которую мы все попадаём, но спорим друг с другом: «ты неправильно крутишься», «ты не так расположен». А мы всё равно танцуем свой танец вокруг Него, хотя и не хотим танцевать, часто протестуем, но и в протесте тоже есть этот танец.

Наверное, люди, которые оппонировали Христу, по-своему были святыми людьми. Они тратили на Бога в неделю больше времени, чем мы. И это что-то да значит. Пусть неправильно тратили, совершенно неверно всё делали по сравнению с нами. Тем не менее, если мы

не теряем из виду сам эксцентрик этого вопроса, мы никогда не разозлимся на людей, которые оппонируют нам. И мы, может быть, им скажем: «Кажется, вы запутались в словах ещё до того, как я родился». И Он, отвечая на вопрос о том, какая заповедь большая, берёт слова Симеона бен Гиллеля, того самого, который, скорее всего, и был прототипом Симеона Богоприимца. Потому что Гиллель умер примерно в десятом году по Рождестве Христовом, т.е. он теоретически мог быть тем самым учёным старцем Симеоном, который мог взять на руки и поддержать Младенца Иисуса, а потом умереть. И вот Гиллель сказал, что наибольшая заповедь – возлюби Господа Бога твоего и ближнего твоего. Только не спрашивайте при этом, как он реагирует на Бога, а то вы поссоритесь.

98.

«Да любите друг друга!»

сентябрь 2017

*О наибольшей заповеди и о Господе Давида,
Мф.22:35–46*

Сегодня Евангелие предлагает нам два простых сюжета, которые на самом деле являются очень глубоким открытием Бога о Себе.

После разговора с саддукеями о воскресении ко Христу подошёл один законник и, искушая Его, спросил: «Учитель! какая заповедь наибольшая в законе?» Надо заметить, что сам этот вопрос возможен, только если начинает ощущаться конфликт внутри этих заповедей. Когда заповеди конфликтуют, тогда хочется знать, какая из них главнее, какую нужно уважить, а какую нужно подвинуть. И поэтому, резюмируя закон двумя заповедями, Христос этим указывает на заключённое в законе противоречие.

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим: сия есть

первая и наибольшая заповедь», – говорит Христос. И тут же хитро, по-ленински улыбаясь, продолжает: «И вторая есть, точно такая: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки». Всё дело в том, что эти две заповеди друг другу противоречат, и все об этом прекрасно знают. Кроме нас, конечно. Но сегодня и мы об этом узнаем.

Первая заповедь – «возлюби Господа Бога...». Сколько полегло из-за этой заповеди? Не обязательно внешних, которых Бог неоднократно повелевал убивать. Но сколько раз Бог, словно настоящий живодёр, говорил: «Убейте ближнего своего, поскольку тот не совсем правильно поклоняется Мне»? Когда Моисей вернулся с горы Синай, то вся духовность его выразилась в том, что он посёк четырнадцать тысяч своих соплеменников. По повелению Божию. Они же неправильно верят, вокруг не того осла танцуют, а надо было танцевать вокруг правильного. Скольких блудниц мы недосчитались от того, что они как-то неправильно себя ведут. Почему их камнями побивали? По заповеди Божией. Оказывается, заповедь Божия кроме ближнего. И если кто не так верит или не то проповедует, не так думает или не то делает, – ему смерть. А если не смерть, то какие-то неприятности.

И конечно, как только ты подумаешь пожалеть ближнего, ту же блудницу пощадить, ты уже не исполняешь заповедь Божию. Как только ты хочешь накормить своих друзей каким-то священным хлебом (как это сделал Давид при Авимелехе), так сразу нарушаешь заповедь Божию. Христос постоянно хотел исцелять в субботу и тоже нарушал заповедь Божию; захотел в субботу утолить голод учеников зёрнами с колосьев – тоже нарушил. Всякая любовь к ближнему есть попрание любви к Богу. Это прекрасно поняли наши аскеты и сказали: «Арсений, бегай людей и спасёшься». То есть не могли они одновременно жить с Богом и с

людьми, даже с родными матерью и отцом, с братьями и сёстрами. Вот такая любовь к Богу, превышающая всё на свете. А если кто любит ближнего, тому, выходит, до Бога дела нет, он не успевает, он очень занят ближним.

Не случайно в антагонизме этих двух заповедей Европа долго мучилась и кромсала друг друга ради Бога, а потом отвергла Бога и родила атеизм, который сказал: «Слушайте, сколько мы будем уступать? Бог должен уступить!» И это несмотря на то, что в Евангелии Сам Бог говорит о том, что Он уступает: «Сын Человеческий пришёл не для того, чтобы Ему служили, но чтобы Самому послужить... Кто принимает ближнего, тот принимает Меня...» То есть Бог уступает и как бы говорит: «Всё, всё! Я понимаю, эти заповеди противоречат друг другу, поэтому исключите заповедь первую. Не надо Меня почитать, почитайте ближнего. Отдаю Свой голос в пользу второй заповеди».

Но люди не способны на это, как и не способны на то, чтобы принять Бога. Об этом – второй диалог, в котором уже Сам Христос спрашивает фарисеев: «Мессия – Он чей сын?» – «Давидов». – «А как же Он Давидов, если тот в 109-м псалме называет Его Господом?» То есть даже когда они считали, что мессианский псалом говорит о том, что Господь Бог придёт, они не могли принять Господа Бога.

С одной стороны, люди не могут принять Бога в ближнем, а с другой стороны, хотят почитать Бога вопреки ближнему. И вот Христос им как бы говорит: «Всё равно вы не можете принять Бога, даже если бы у вас было написано, что Господь Бог придёт из Назарета, как и не можете отрицать конфликта заповедей».

Поэтому Господь Бог по любви Своей уступает первую заповедь ради второй, чтобы мы, видя эту жертву, – вот где жертва! не на кресте жертва, а здесь! – хотя бы чуть-чуть больше любили друг друга.

От Великого поста до Пятидесятницы

99.

Барьер принятия

09.02.2020

В Неделю о мытаре и фарисее, Лк.18:9–14

Неслучайно я прочитал вначале этого зачала на одно предложение больше. В нём сказано, что притча эта о том, чтобы праведники не возвышались над грешниками, чтобы мы не осуждали друг друга, чтобы мы принимали друг друга такими, какие мы есть. Если мы не перестанем осуждать другого человека, то мы не поймём, почему оба вышли оправданными. И мы не поймем, почему мытарь вышел ещё более оправданным, чем фарисей. Мытарь вышел более оправданным, потому что он не осуждал фарисея. Фарисей тоже вышел оправданным, ибо был праведником, но он осуждал мытаря. И сегодня во многих храмах всё-таки звучат проповеди, подчёркивающие это, – проповеди, осуждающие фарисея.

Если мы осуждаем фарисея, то делаем то же самое, что и фарисей, который осуждает мытаря. Не всё ли равно, за какую команду мы играем – за команду фарисеев или за команду мытарей? Главное, принять их обоих, как Христос принимает их. Ведь фарисей по-своему праведен, он делал всё, что по закону должен был делать. Он и постился, и на службу, наверное, приходил вовремя. В своей молитве он говорит, что даёт десятину от всего, что попадает в его руки, даже от тмина и мяты, т.е. есть от совершенно маленьких каких-то вещей он тоже отделяет десятую

часть для Бога. Это человек максимальной праведности. Единственное, что его делает хуже мытаря, – он осуждает другого человека. И если мы воспринимаем притчу о мытаре и фарисее как очередное противопоставление праведника и грешника, то мы никуда не двинемся с места, потому что мы всё равно будем осуждать. И превратимся в фарисеев из команды мытаря в футболках с надписью «я за мытаря». Мы останемся теми же.

Поэтому Христос говорит эту притчу для тех, кто праведностью своею возвышается над грешником. Принимая каждого человека – принимая человека, который кается, и человека, который гордится своим покаянием, человека, который приходит вовремя и который опаздывает, человека, который молится, и человека, который не молится, постится и не постится, – мы тем самым поступаем как Христос. Да, этим самым мы ставим себя в очень опасную ситуацию. Мы оставляем людей без ориентиров, мы оставляем им ту свободу, которая в конце концов их может погубить. Но это цена христианства. Если христианство хочет состояться, оно должно оставить своих людей в свободе. Будучи свободными, они могут потеряться. И это очень сложный момент. Но для того эта притча и читается перед началом поста – чтобы мы почувствовали, какой высокий барьер даёт нам Господь Бог, какой высокий призыв мы от Него слышим. Потому что осуждать одного в пользу другого – это невысоко. А принять их обоих – вот где высоко; принять того, кто свободен от тебя, – вот где высота, которую Господь нам даёт.

Вчера на богослужении мы молились: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче». И я думаю, что эту дверь Бог нам стал отверзать, хотя мы её чуть прикрыли, чтобы раньше времени не портить себе праздник. Начинаются подготовительные недели к Великому посту. Сейчас у нас

сплошная седмица – и мы учимся жить беспечно. Потом – в Сырную седмицу – мы научимся жить внимательно, контролируя свои движения. Ну а потом мы научимся жить в подвиге. Даст Бог, на каждом этапе помощь Господа нашего Иисуса Христа будет с нами.

100.

Выйти из соревнований

21.02.2021

В Неделю о мытаре и фарисее, Лк.18:9–14

Кроме самой притчи о мытаре и фарисее я прочёл предложение, которое предваряет её и которое является ключом к ней: «Сказал [Иисус] также к некоторым, которые уверены были о себе, что они праведны, и уничижали других, следующую притчу...» Притом, что Господь, конечно, знал, что Ветхий Завет призывает именно к праведности.

Человек всегда мыслит бинарными оппозициями, парными понятиями: хороший – плохой, быстрый – медленный, успевающий – опаздывающий, праведный – грешный... И в этой притче тоже разрезали человека надвое, как будто бывает чистый или грязный мытарь и чистый или грязный фарисей – их точно не бывает. Но Бог желает, чтобы мы не соревновались друг с другом и не разделяли на чёрное и белое, правильное и неправильное. Хотя это разделение само по себе бывает очень полезно. Мы разделяем пищу на съедобную и несъедобную, поведение на опасное и безопасное, и это необходимо, потому что иначе мы бы погибли.

Но где-то это разделение должно прекратиться. Где-то это противопоставление – мысль, постоянно нуждающаяся в том, чтобы противопоставить себя другой – должно уйти. Это должно уйти из области веры. Когда мы входим в храм, можно, наконец-то, не думать о том, кто я – первый или последний. Но как же нам перестать соревно-

ваться, если самое пространство, в котором мы находимся, выстроено как репрессивная, тоталитарная система, если туда, куда мы стремимся, нам нельзя войти? Об этом говорит сам храм: алтарь, Царские врата, катапетасма, Причастие, чистота/скверна, достойно/недостойно, подготовка, грешник... Как нам не соревноваться, если сама богословская картина, в которой мы находимся, выглядит так, что в конце стоит Бог, а мы все стремимся к Нему, как в тараканьих бегах: кто-то успевает, кто-то не успевает, у кого-то ножки подгорают, а кто-то ленится или вообще в сторону уходит.

Так мы мыслим религию. Мы уже не живём, а спасаемся. И спасение – это та ниточка, за которую если потянуть, мы всё поймём. Вытяните это слово. Когда человек спасается, например, от носорога, он разве замечает красоту луга, по которому бежит? Нет. Когда человек тонет в болоте, разве он слышит пение каких-нибудь болотных соек? Не слышит. Когда человек спасается, разве он вообще что-то делает, кроме того чтобы спастись? Он ничего не делает, он ничего не чувствует. И если надо где-то для спасения низко пригнуться, мы пригнёмся, но это не пригибание перед величием, это всё-таки спасение. Есть детский анекдот, построенный по принципу «заметил – не заметил»: «Представь себе, за тобой бежит лев. Впереди огромная стена, которую невозможно перепрыгнуть. Но перед ней стоит бочка с нечистотами, связанная подземным ходом с такой же бочкой с другой стороны стены. Что бы ты делал?» – «Я бы прыгнул в бочку и выбрался за стеной». – «Хорошо. А здесь ещё один лев. Он опять за тобой бежит, опять стена и та же бочка. Что бы ты сделал?» – «Ну, прыгнул бы в бочку». – «Хорошо. Бежишь ты дальше. Опять стена, опять бочка с нечистотами. Что бы ты сделал?» – «Ну, снова прыгнул бы в бочку». – «А зачем ты прыгнул? Льва-то уже нет».

Это ситуация, в которой мы прыгаем, спасаемся, хотя за нами уже никто не гонится. Христос объявляет нам: «Да хватит уже, не соревнуйтесь! Смотрите, мытарь и фарисей вышли оправданными, при том что один уж явно быстрее и лучше другого, один протягивает жемчуг своего достоинства, другой – какой-то потёртый камешек. Но для Бога это одно и то же, не беспокойтесь. И вы, первые, не метайте грязь на последних. Соревнования закончились».

Вот это и есть благовестие. Не то чтобы мытарь больше нравился Христу, чем фарисей, потому что получаются гонки наоборот. Я смотрел как-то «Animal Planet»: бежит лъвица за антилопой, а потом обратно антилопа бежит за лъвицей – видимо, развернулась. Так это одно и то же. Если Богу больше нравится мытарь, ну так давайте теперь объявим фарисеев такими же «редисками», негодьями, отсталыми, как мытари в то время. И всё останется на месте... Люди думали, что кто-то должен выйти гораздо менее или вообще не оправдан. Поэтому чтобы как-то уравновесить картину, Христу надо было сказать: «мытарь пошёл в дом свой более оправданным».

Неслучайно эта притча предлагается нам накануне Великого поста. Она подготавливает нас к нему. Она как бы объявляет нам: не соревнуйтесь во время поста, не смотрите, что делает другой. Пусть кто ест, тот ест, кто не ест, тот не ест. Если вы сидите за столом, придвиньте кому-то свининку или пельмени. Не считайте того, кто ест, плохим, или того, кто не ест, отсталым. Этого не должно быть. И хотя в каноне Андрея Критского, который читается в посту, остаётся эта дичайшая ситуация соревнования: «я никто», «я отстающий», «я крайний», «я последний в очереди», мы можем выйти из этой очереди и просто побыть с Богом. Хватит зарабатывать что-либо. Представьте себе, что вам кто-то улыбается, потому что хочет

вам понравиться. Это не то же самое, как если бы он был рад вас видеть. Представьте себе, вам кто-то даёт шоколадку, потому что он в чём-то перед вами виноват. Это не то же самое, что кто-то просто хочет поделиться своей радостью. Вся эта машинерия со спасением должна отложиться в сторону хотя бы на время Великого поста. И, может быть, тогда он и станет по-настоящему Великим.

101.

Повод обнять человека

16.02.2014

В Неделю о блудном сыне, Лк.15:11–32

Сегодня мы с вами не можем толковать притчу о блудном сыне и другие притчи Христовы так, как толкуют их морализаторствующие. Взять, например, притчу о добром самарянине. О чём она? Может, о том, чтобы быть добрым, ходить и всем помогать? Но это было бы так нудно и банально для нормального иудея и даже язычника. Нет, фокус этой притчи, её суть в том, что самарянин, т.е. религиозный оппонент, – тот, кто не может быть добрым, – вдруг оказался добрым.

Вот и здесь, в этой притче, то же самое. Опять всё с ног на голову. Наивно думать, что эта притча о том, что надо каяться. Тогда отец из притчи превращается в обычного торговца, который торгует своим благоволением: вы мне – покаяние, а я вам – прощение и перстень на руку. Но эдак любой простит, а не только добрый отец. Мы не можем подумать о том, что эта притча просто призывает к тому, чтобы любить Бога и возвращаться к Богу. Об этом хорошо говорит Ветхий Завет. И не стоило Сыну Божию открывать Свои уста, чтобы говорить такие банальные вещи. Но человек всегда так искривит Бога, что Бог Сам Себя не узнаёт. И поэтому эта притча осталась почти без смыслов.

Если мы с вами войдём немножко в контекст ветхозаветного благочестия, то мы увидим, что эта притча чрезвычайно странная. Все притчи чрезвычайно странные, и эта тоже. Вот у некоего довольно состоятельного отца было два сына, один из которых не стал дожидаться, пока тот умрёт, поэтому решил взять досрочно часть имения. После чего он пошёл в страну далече и там промотал всё своё наследство, «живый блудно», т.е. распутно... Конечно, блуд – это грех, но для еврея впустую транжирить капитал – это преступление похлеще всякого блуда. И вот этот промотавшийся сынок, который транжирился, возвращается в родовое гнездо. Явился, не запылится. В этом возвращении нет ничего хорошего, и слушатели притчи не могли бы в этом узреть что-то доброе. Да и сам сын это понимает. Пока что в этом рассказе нет ничего интересного. Сын, продумавший, что он скажет отцу, возвращается. Любой бы возвратился – вот и он возвращается, так как его кругозор ограничен, и он не знает других работодателей, которые позволили бы ему влачить своё жалкое существование.

Но дальше притча становится интереснее. Мы вдруг видим, что отец принимает сына как сына. Так же, кстати, Бог относится и к человеку. Если Он принимает тебя, то принимает как сына (или как дочь). У Него нельзя быть так, серединка на половинку, «я тут с краешку», «я чуть-чуть, Боже», «мне много не надо». Нет, если Бог принимает нас, то принимает всецело. Но суть притчи в другом. Отец радуется возвращению сына – бежит навстречу, падает ему на шею, обнимает, целует, одевает в лучшую одежду, даёт перстень, откормленного телёнка заколает и т.д. За что? Почему? Нам этого не понять. Потому что это притча не о блудном сыне, а о чудном, уникальном отце, которого вообще трудно понять. Он ценит такую вещь, как *обретение человека*, независимо

от того, каков он, хороший или плохой. Отец пытается пояснить этот момент старшему сыну: «Сын мой! брат твой был мёртв и ожил, пропадал и нашёлся». Нашедшийся неинтересен, мёртвый тоже, а вот этот момент, когда человек выходит из этого состояния, когда он «пропадал» и «нашёлся», когда он «воскресает» и приходит к отцу – этот момент очень интересен для Бога.

Бог рассказывает эту притчу, потому что Он любит обниматься. Ему всё равно, что делают Его сыновья. Ему важно, чтобы был повод обнять сына. Со старшим хуже, потому что он не даёт повода обнимать его. Младший расточил имение, но его возвращение – это повод обнять его. Отец Небесный непонятен тем, что Он любит обниматься. Вот эти странные объятия – это самый главный момент. Не мораль, которая отсюда вообще никакая не следует, потому что сын не каялся толком, а праведник (старший сын) остался озлобленным... В этой притче вообще нет морали. В этой притче есть момент, который очень нравится Богу. Ему нравится, когда человек вдруг *начинает быть*. Может быть (и наверняка!), сын, который вернулся, останется таким же балбесом, каким и был. И потом, набравшись смелости и наглости, он снова попросит часть своего имения и т.д.

Христос рассказывает притчу о Себе. Все Его притчи о Себе. Притча о добром самарянине – тоже о Себе. Притча о Страшном суде – опять о Себе. О Себе странном, о Себе потрясающем, о Себе непонятном. Не о морали, о которой у людей есть восемь томов Талмуда, а о Себе. И мы узнаём Его. Мы узнаём Его невозможность. Я думаю, что молитвами всех святых мы прославим Бога за то, что Он такой. А за сынами, злобно остающимися, или сынами, блудно уходящими, уже дело не станет.

Что Богу сказать людям?

08.02.2015

В Неделю о блудном сыне, Лк.15:11–32

Собирался ли блудный сын каяться? Вовсе нет. Было ли ему в стране далече дело до отца? Ничуть. Он думал только о себе. Он не подумал: «Как там старик-то мой поживает?» Он подумал: «Отец мой наемников кормит лучше. Пойду туда, где кормят лучше, придумаю текст какой-нибудь, чтобы он переформатировал меня из сына в наемники...» И вот он возвращается. Старший сын тоже не лучше. Затаил обиду на отца за то, что тот ему не давал козлёнка... Оба сына такие жалкие и никчёмные. Никто из них и не думает об отце, думают только о своём достоинстве. Неужто притча должна сказать нам, что кто-то из них лучше другого? Что с того, что кто-то из них лучше? Вот один подумал: «Хочу быть как те, что гуляют». Старший сын тоже так подумал, но добавил: «А ещё я хочу быть как те, что исполняют приказания и гуляют». Что ж, есть у них отличие, конечно, но оно несерьёзное. Они такие, какие есть. Никто из них не злой и не добрый. Они просто не умеют любить, не хотят любить, да никто им не говорил, собственно, об этом.

Господь хочет сказать притчу о Себе Самом, о Своей любви к этим людям, у которых мораль заключается в том, чтобы быть лучше другого, чтобы вымерять достоинства и недостатки ближнего. Это, кажется, можно найти и в других притчах. Например, в притче о мытаре и фарисее каждый из них словно бы заявляет: «а я всё-таки моральнее других». Ведь не только фарисей не такой как мытарь, но и мытарь этот не такой как прочие его коллеги-мытари, которые не пошли в храм. В притче о Закхее, когда тот принял у себя Христа, люди возмутились и стали роптать: «Не с теми Ты, Господи, ешь и пьёшь». Люди так «любят»

Христа, что не дают Ему пройти, куда Он хочет пройти. Они всегда думают о себе, и никто не подумает о Боге. Они хотят быть впереди других, лучше других, они вымеряются этим. И поработана мораль вот этим соперничеством. Люди соперничают друг с другом, и поэтому они моральные. Если бы они не были соперничающими, то не были бы они и моральные. Основа морали – ненависть к ближнему своему.

Отец любит одинаково всех, и не за то, что один – грешник, и не за то, что другой – праведник, а просто за то, что они существуют. За то, что они есть. Но им некогда об этом и подумать, они начинают вымерять, кто сильнее другого, кто праведнее другого, кто лучше другого. И что сказать Христу этим людям? Что можно посоветовать Богу, как быть Ему с нами? Что не скажешь, всё не так. Пойдёшь к Закхею – скажут: «Куда Ты идёшь? Он же ужасно грешный». Позовёшь праведников – скажут: «Так нам же, жалким грешникам, ничего не светит. Царствие-то Твоё только для ста сорока четырёх тысяч девственников из двенадцати колен сынов Израилевых, не познавших жены. А мы, скверные, чего? Куда нам идти, раз мы не евреи?» И так далее. И всегда так. Что делать Богу с такими?

Дети иногда просят меня – особенно раньше – рассказать им на ночь сказку. И я им рассказывал. Не важно, о чём сказка. Важно, что есть повод для общения. Повод для того чтобы побыть вместе. Застенчивым, разобщённым, испуганным людям постоянно необходим какой-то предмет, якобы их соединяющий. Например, сказка, притча, басня, мораль, проповедь. И люди просили у Христа: «Господи, расскажи нам проповедь». А что им сказать, если они каждый раз из любой проповеди делают себе фишку и медальку, чтобы повесить её на грудь? И слышим мы из века в век: «Несть таких смиренных, как православные! Православные – самые смиренные на свете!» И так далее. Просто смешно.

Эта притча об отце, рассказанная для того, чтобы люди посмотрели на Бога, Который вне этой игры. Она о том, что Он любит людей и принимает, если они уходят, приходят или вовсе не приходят. Не побежал бы отец навстречу сыну, если бы не ждал его, если бы не думал о нём, если бы он не был с ним и духом, и душой, и сердцем. Поэтому Бог никого не отпускает от Себя, *мы* же нуждаемся во врагах и оппонентах. «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его», – а как же Бог без вразей? Он без них уже и не Бог вовсе. И эта притча выявляет нашу сущность. Людям ничего нельзя сказать – они всё превращают в какую-то шахматную фигурку: дашь им какую-то истину, а они из неё слепят ферзя и начинают двигать, обыгрывать кого-то и унижать.

И в этой ситуации – особенно сейчас, перед Великим постом, – нам бы хоть одну минуту в неделю подумать о том, каково Богу с нами – Богу, у Которого завязаны уста. Он ничего не может сказать, всё выходит во вред. Богу, Который ничего не может сделать, – за всё Его осудят и распнут... Бог ничего не может, но Он хочет быть с нами. Что Ему делать? Что Ему дать нам такое, чтобы мы этим не подавились, чтобы мы от этого не убили друг друга?

И вот если одну минуту в неделю об этом думать, то значит, эта притча сказана не зря. Если же мы будем думать, что мы ни тот сын, ни другой, а может быть какой-то средний, то толку с того не будет. Всё равно, какой сын. Бог ведь всех любит одинаково. Не так ли?

Думаю, что Бог мечтал бы о том, чтобы мы немножко подумали о Нём. Ведь Он о Себе тоже немножко думал. Например, этой притчей. А дети всё просят Его: «Боже, расскажи нам сказку». – «Ну про что?» – «Ну про то, как себя правильно вести». Да как бы ты себя ни вёл, всё равно в ящик сыграешь. Разницы тут не много. Кто-то свою дряхлость почитает за победу над страстями, а в молодости он говорит: «Ничего, я состарюсь, буду такой благочестивый,

степенный...» Многозначительно кряхтящий и благочестиво выпуливающий из себя какие-то банальные мудрости...

Всего одна минута в неделю. И мы поймём Бога чуть лучше, чем если будем бить себя в грудь или на эту же грудь вешать свои медали.

103.

В поисках и ожидании лучшего мира 16.02.2020

В Неделю о блудном сыне, Лк.15:11–32

Притча о блудном сыне – самая, наверное, истолкованная притча из всех Христовых притч. Однако каждый раз, когда мы её читаем, возникает некоторая новая перспектива её прочтения, и Бог открывает нам нечто важное именно для нашего века. Вот, кажется, блудный сын совершает ошибку – и он действительно её совершает, – но мы должны задуматься не о том, что он плохой, а о том, зачем это всё было нужно.

Мы с вами живём одновременно в нескольких мирах. Младший сын до того, как стал, так сказать, блудным, жил в мире, где всё было довольно-таки предопределено, где он должен был работать на отца, дожидаться его смерти, после чего на него работали бы уже дети, которые также ждали бы его смерти. А где-то совсем рядом есть другой мир, как он верил. Мир, где можно есть, пить и веселиться. Мир благоденствия. Он подумал: «А ведь в это самое время я мог бы заниматься чем-то другим и быть кем угодно». И он решает идти в тот мир, который он давно уже носил в своём сознании. Он берёт свою часть имения, идёт в «дальнюю сторону», где прожигает это имение. Дальше вы знаете, что произошло. Он возвращается. Он приобретает огромный опыт путешествия в том мире. Он ещё не осознал этот опыт. Он ещё совсем глупый человек, он только и может что заметить: «Что-то здесь плохо кормят, пойду-ка я туда, где лучше

кормят». Но после того как он возвращается на родину, происходит встреча – встреча с другим отцом. То был отец, который лишал его настоящей жизни, а теперь он встречает реальность, которая даёт ему настоящую жизнь.

Мы с вами живём в той реальности, которая во многом ограничивает нас. У нас недостаток денег, здоровья, красоты, молодости, успеха... А ведь мы могли бы жить гораздо лучше, могли бы быть успешнее! «Ты должен был сделать то-то и то-то! И сейчас ты можешь это сделать! Ты можешь преуспеть в этом мире! Ты достоин большего!» У нас в голове, как и у этого сына, шевелится эта идея, что рядом есть лучший мир, где мы могли бы жить иначе, где можно преуспеть. У православных – это там, где мы были бы не такими грешными. Но это такая же ерунда, как и быть богаче, например. И вот человек, который так подумает, однажды идёт в этот мир.

Мы никогда не поймём этой притчи, если не одобрим поведение блудного сына. Пока мы ему сопротивляемся, мы живём в том мире, где главное – не совершать ошибок, не высовываться, и всё будет замечательно. Однако, оглядываясь на реальный мир, мы говорим: «Здесь, где я нахожусь, много ошибок. А вот в другом мире, там, где нет этих ошибок, там, где я поступил правильно, сказал правильно, где я всё сделал правильно, – в этом мире всё замечательно».

И вот блудный сын возвращается из этого путешествия, в которое мы едва ли отправлялись когда-либо всерьёз. Он обращается к реальности, которая теперь есть дающая реальность. Он понимает, что тот мир, в котором он жил, – это не мир, который его чего-то лишал, забирал, а мир, который ему что-то давал, дарил. Пока у человека два мира в голове, он думает, что этот мир, в котором он живёт, больше забирает, нежели даёт. Этот мир у нас отнял безгрешную жизнь – это раз, ну и далее по загибаниям пальцев. Скольких потенциальных возможностей мы с вами были лишены!..

Обычно толкователи этой притчи говорят: «плохой сын, хороший отец», и тогда мы делим мир на плохой и хороший. Мы говорим себе: «Я живу в плохом мире, потому что есть лучший». А нет лучшего. Вот там, где мы живём, где мы находимся, в каком состоянии, в каком возрасте и виде мы находимся – это лучший, это единственный, это *дающий* мир, это обнимающий нас мир! Это как отец, который встречает издалика «и мил ему бысть» сын, он его обнимает, что-то заколает, чтобы угостить, и т.д.

А старший сын в конце притчи всё ещё живёт в двух мирах, он всё ещё говорит: «Эх, а вот ты мне никогда не дал даже козлёнка, чтобы повеселиться с друзьями, я лишён того, я лишён этого...». Он работает, он исполняет приказания, но реальное его устремление – в другой мир, там, где он не работает, а кушает козлёнка с друзьями. То есть он такой же, как его младший брат. И все православные такие, если они рисуют себе другой мир, где нет грехов, нет дурных попов, нет неисправимых прихожан, где в храме окна сами протираются. Они живут в другом мире. И вот в этом трагедия. Не в том, что кто-то сходил, поблудил и вернулся, а в том, что мы так и не поняли, что это было нужно. Мы так и не поняли, что это опыт, созидающий человека.

Наверное, этот вернувшийся сын пережил опыт, но он его пока не осознал. Позже, когда он осознает этот опыт, он скажет: «Вот есть у меня кружка кваса и хлеб, и папаша у меня вредный. Это всё, что у меня есть. Ну и слава Богу за это!» Своему старшему брату младший сказал бы в продолжение притчи: «Всё ещё живёшь ожиданиями? Всё ещё надеешься получить тот мир, который ты сам себе придумал?» Старший отвечает: «Да, брат, надеюсь». А тот лишь улыбнулся бы: «Ну-ну». И на этом заканчивается эта притча в XXI веке.

Притча о блудном сыне готовит нас к следующей Неделе – о Страшном-страшном суде. В притче об очень Страшном суде Бог действует по Своим собственным правилам. Также и сегодняшняя притча – это притча не о блудном сыне, а скорее об отце, оторванном от реальности, в которой живут его дети. Вот блудный сын приготовил слова извинения, но Христос подчёркивает, что отец не слушает его. Отец, как сказано в притче, издали его увидел, «сжалился, и, побежав, пал ему на шею и целовал его». А тот даже не успевает завершить заранее заготовленную речь. Отец его не слушает. Он приказывает слугам: «Принесите ему лучшую одежду, дайте перстень на руку его и обувь на ноги; заколите откормленного телёнка; станем есть и веселиться!» Отцу совершенно неинтересно, что, собственно, говорит ему сын. То, что старший сын был ему верен, отец не замечал. Отец не слушает покаяние младшего сына и не замечает верность старшего, который говорит: «Как же так, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козлёнка, чтобы с пацанами посидеть!» А тот ему говорит: «С чего вдруг? Кто тебе мешал? Всё моё – твоё (оказывается, можно было брать козлёнка!). Ты сам себе придумал что-то, в том числе то, что надо быть верным, исполнять все приказы, а теперь жалуешься. Лучше заходи и повеселись со мной».

Это, конечно, хорошо, что Бог наш такой оторванный, но зачем Христос нам это сказал? Вот в чём проблема. А сказал Он нам это затем, чтобы мы понимали, что ближний наш, которого мы с таким трудом пытаемся полюбить вот уже много лет, может не совпадать с нами в своих вкусах и предпочтениях. Но его как-то тоже надо любить, ведь он

похож на нашего Бога, Который также Сам Себе на уме. Как в притче о Страшном суде, где одни подвизались-подвизались, и всё зря, а другие вообще даже не думали об этом, а потом, оказывается, словили джек-пот.

Великий пост, к которому нас готовит Церковь, – общественный, а притча о блудном сыне – очень индивидуальная. Это некоторая личная драма, которую каждая душа несёт своему Отцу, Богу. Душа говорит: «Вот, я лично тебя предала». Но исторически Церковь не выдержала этого диссонанса. Тезис о том, что покаяние не может быть личным, вырастил новое поколение блудных сыновей, которые, приходя к отцу, осуждают старшего брата за то, что тот не кается. И сегодня православные, каясь, осуждают других за то, что те не каются.

Так вот, для того чтобы наш пост, будучи общественным, продолжал быть личным, надо позволить рядом с собой быть людям не кающимся. Не надо осуждать и требовать покаяния от всех. Если вы хотите каяться, то кайтесь, это ваше личное дело. Тот, кто верный и исполнительный, пожалуйста, может крутить и слушать эту свою любимую пластинку про то, какой он замечательный. Но эти притчи нам помогают увидеть, что Бог вас всё равно не слушает. Приняв волюнтаризм Бога, мы поймём, почему вдруг работники, пришедшие в последний час, получают столько же, сколько те, кто вкалывал целый день, и почему человек, который о Боге и не думал, идёт в Царствие Божие, а человек, который всю жизнь посвятил Богу (может быть, не Тому, может быть не так, ну, бывает) идёт в ад кромешний, и почему блудный сын, который расточил всё имение, получает такие фанфары, которые никогда не получал его старший брат. Почему так? Да потому что всё это не считается.

Хорошо приступать к Великому посту с этой мыслью. Давайте не будем считать, что наше покаяние чего-то

будет стоять. Кто-то ещё не приступил (сейчас ещё идёт пельменно-шашлычный период), но уже начинает это ценить: «Вот скоро я начну, а вон там ходят люди, которые и не думают начинать, и не начнут, в отличие от меня...» Вот так православные – чувствуете? – осуждают непостящихся, осуждают немолчаливых, осуждают некающихся. И вот это уже гротеск, это улыбка Бога на всё небо: кающийся осуждает того, кто не кается. А может, ему не в чем? Нет! Он обязательно должен в чём-то каяться. Представьте, блудный сын пришёл к отцу и выясняет: почему здесь не все каются? почему не все под меня равняются?..

Так что, идя Великим постом, мы будем понимать, что каждый сходит с ума по-своему, а Бог принимает всех одинаково. Тот, кому нравится канон Андрея Критского, читает канон Андрея Критского. Кто слушает «Модерн Токинг», тот слушает «Модерн Токинг». И вот только тогда эти люди смогут по-настоящему дружить, а не рассчитывать друг с другом, кто сколько стоит, и кто кем станет в конце нашего забега, т.е. в конце жизни.

Всё-таки эта притча очень полезная. А в моём толковании она вообще выглядит настоящим откровением Божиим. Вот с ним мы пока и побудем.

105.

Христос ломает все счётчики

03.03.2019

В Неделю о Страшном суде, Мф.25:31–46

Рассказывая о Страшном суде, Господь нам, конечно же, путает все карты. Он делает этот суд таким, что невозможно определить, за что, собственно говоря, люди будут миловаться или наказываться. Действительно, в этом сказании все недоумевают – и праведники, и грешники – потому что те признаки, по которым Христос «судит», они вроде как абсурдны. И когда Он говорил: «кому дано

сесть по правую и левую сторону, не от Меня зависит», апостолы, наверное, также недоумевали.

Не один раз Христос пытался избавить людей от вот этой бинарности, от деления на хороших и плохих, от того, чтобы они пересчитывали свою жизнь, свои добродетели в какой-то другой эквивалент. Ведь это параноидальная ситуация, когда человеческая жизнь вдруг оказывается кем-то просчитываемой, и неважно, как просчитываемой, неважно, по какому критерию, это всё равно сумасшествие. Если человек кормит собачку на улице, должен ли он думать о том, что это кто-то пересчитает в какие-то очки, баллы и бонусы? А если он пнул собачку, должен ли он думать, что теперь за это ему влетит? А может быть, Бог тоже считает, что эту собачку надо было пнуть?.. Фарисеи думали: «если я не так мою руки, если я прошёл лишний шаг в субботу, то за всё это я отвечу, а если я даю десятину от мяты, мне это засчитается». Откуда этот типаж? Оттуда, что ветхозаветные люди вообще считали жизнь подсудной. Так же мыслим и мы вслед за ними. Вот мы как-то проживём, а потом зачётку свою должны показать, и там: помощь бедным – 90 баллов, терпение скорбей – 30 баллов. Незачёт, не прошёл. Как можно так жить?

Христос хочет, чтобы, когда с Ним сели на Тайной Вечере, когда Он отдаёт людям Самого Себя, никто не считал, сколько бонусов Он за это получит, будет ли нам отпущение грехов за то, что мы откусим от Его Хлеба (Тела) и отопьём от Его Вина (Крови)? Или, наоборот, – причащусь ли я в суд и в осуждение? Да посиди с Богом нормально хоть пять минут! «Нет, мне за это что-то должно быть!» А просто так нельзя с Богом побыть – без того, чтобы просчитывать? Апостолы, когда встретили Его после Воскресения и ели рыбу, они что там считали? Иоанн запомнил, что насчитали сто пятьдесят три рыбины. Но

делить-то их не стали. Им не хотелось тогда знать, как там Христос считает...

Люди придумали себе параллельный мир, состоящий из проекций их жестокости. Это *мы* хотели бы, чтобы всё было пересчитано в нашу пользу, и чтобы наша бессмысленная жизнь была пересчитана в какой-то смысл. И чтобы наш смысл был ещё более осмыслен, чем смысл нашего соседа. Но Бог не хочет считаться с людьми. Он не хочет в конце истории разводить по правую и по левую сторону. Поэтому эта притча рассказана в качестве абсурда. Она абсурдна. Ты подал воды, обогрел, сходил в темницу – это всё естественно. Это нормально. Религиозные деятели говорят: «Господи, мы же так старались тебе угодить!» А Он вдруг говорит: «Всё это не считается, друзья Мои». И самое важное, что надо запомнить – что ничего не может считаться. Если мы думаем накануне поста, что нам засчитается пост, то счётная машинка поломана Господом Иисусом Христом.

До тех пор, пока у нас будет эта сотериологическая возня с Богом, мы не сядем с Ним за стол. Потому что мы будем просчитывать, а во что нам это станет. Он ничего не считает, иначе жизнь наша должна была бы превратиться в постоянное оглядывание, просчитывание: а что будет от того, что я пришёл в разных носках на Литургию? Я хорошо повернулся к Богу, или Он мне засчитает это за оскорбление? Я хорошо Ему сказал? Он засчитает это мне за смирение? «Господи, а можно мне откусить краюху хлеба? Поддай мне, пожалуйста, рыбки, если Тебе не трудно. О, великий!» А нельзя ли проще общаться? Ничего тут не считается. Хочешь хлеба – ешь хлеб. Хочешь капусту – жуй капусту. Надо чтобы Бог помог? Скажи: «Господи, помоги мне». А все эти поклоны, лобызания... Если мы хотим сесть с Ним на Тайной Вечери, – что Он сказал? – прежде всего надо перестать мыть Ему ноги (скорее, это Он нам помоеет ноги!),

перестать лебезить, пытаюсь угадать, какое поведение правильное. И тогда, может быть, мы сумеем увидеть Его. Увидеть. И Он будет перед нами без этой счётной машинки. Общение с Ним ничему не будет эквивалентно. Это просто общение. «Вот мы за Тобой пошли – что нам с этого будет?» А просто так идти не хочется? Что-то ещё должно с этого быть? А за то, что вы стоите и слушаете мой бред, что вам с этого будет? Да ничего. Просто слушаем, что говорит человек. Никто в эту минуту не угодил Богу, никто Его не оскорбил. Всё ровненько.

Мы должны перестать искать эквиваленты. Об этом сегодняшняя притча, мне кажется. Остальным так не кажется. Но она так рассказана. Нам показан какой-то странный суд. Для истинного израильтянина это ненормально, когда заповеди все игнорируются, а поднимаются на щит только какие-то обычные общекультурные вещи. Его послушаешь – так язычник, который подавал кружку воды, одел нагого, посетил больного, тоже нормальный. Все так делают. Тут нет критериев. Мы должны понять, что это стёб. Это именно девальвация и отвержение идеи суда и воздаяния. Как и в случае, когда Его просят: «дай нам сесть по правую и по левую сторону», а Он говорит: «это не ко Мне».

Замечательно, что Павел в сегодняшнем чтении Апостола говорит: «Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем». То есть это не считается – вот что важно. И было бы хорошо, если бы перед началом поста мы все немножко усмехнулись этому посту, принизили его, чтобы он превратился в нолик. Вот мы идём по коридору, кто-то – по правой стороне, кто-то – по левой. Какая разница? Это ничего не стоит. Кто-то идёт с котлеткой или рыбкой в желудке, а кто-то – с капустой. Здесь нет разницы. И тогда, занизив цену поста, мы сможем приступить к посту, не видя

в нём отдельной какой-то системы угождения Богу, а видя в нём некоторый внутренний индикатор чувства недосыщенности, как бы ущемлённости, который обращает нас к Богу. Это наш жест перед Богом для того, чтобы мы сумели, к Нему повернувшись, хотя бы задержать немного внимания на Нём. Это нам нужно, а не Ему, Он не пересчитывает это всё.

Разве могут поститься сыны брачные, если они на свадьбе? Разве могут поститься люди, пришедшие на Литургию? У нас вполне могут. Потому что что-то утеряно, что-то очень важное, что-то очень жизненное, сама жизнь утеряна, остались только счётчики и счёты. Когда вы целуете друг друга, вы тоже считаете поцелуи? Это всё смешно. Все счётные машины, все сотериологии – глупости. Они мешают нам пройти к Богу. И дай Бог нам в эти сорок восемь дней убрать пелену с глаз, которая состоит из цифр, как в фильме «Матрица». И убрав эту шторочку, нам, возможно, откроется Лик Христов. Он не исчисляет и не исчисляется. Он просто есть – ради нас, чтобы мы были с Ним.

106.

Время послушать Бога

07.03.2021

В Неделю о Страшном суде, Мф.25:31–46

В Неделю о Страшном суде маленький перепуганный человек клыпает глазками, и всё, на что он посмотрит или что прочтёт, для него кажется страшным. И даже эта притча, которая является настоящим утешением и улыбкой Бога, она тоже ему кажется страшной. Слова «страшный» здесь нет, но наши пастыри похожи на водителей-инструкторов, которые говорят: «поворачивай». Человек поворачивает, а инструктора заклинило, он продолжает: «поворачивай, поворачивай...». Так они и ездят по кругу.

Нам хочется испугать людей, говоря о Страшном суде, в то время как притча говорит, что на этом суде ты будешь оправданным просто потому, что когда-то подал кому-то чашку воды или посетил каких-то дружков, вообще не думая о Боге. То есть если ты просто сделал нечто доброе от себя самого, тогда тебе не стоит бояться этого суда. Но маленький человечек желает ретранслировать свой страх и находит всё, что может послужить для того, чтобы испугать других.

Если всё будет так, как в притче, то можно сказать, спасение у меня в кармане: уж стакан-то воды я однажды подал! Однако испуганный человек хочет, чтобы все боялись. Мы – те, кто бьёт своих увязших лошадей, как пел Высоцкий: «Грязью чавкая жирной да ржавую, вязнут лошади по стремяна...»¹⁰. И мы всё бьём их, бьём: «давай же, вперёд, бойся, бойся, бойся, как я боюсь!» Но в какой-то момент нужно остановиться, вывести лошадей из этой грязи и повернуть в другую сторону или хотя бы просто перестать их бить, т.е. перестать нагонять этот ужас. Люди устают. Люди уже не могут бояться. Линейная педагогика, когда нужно только бояться, бояться и бояться, перестаёт работать.

Вот я читаю сейчас эту притчу и спрашиваю: «А чего здесь надо бояться – что мне скажут, что я не подал кружку воды? Извините, но я подал кружку воды. Не посетил? Посетил. Со мной всё нормально». Иногда нужно остановиться и разобраться в том, что с нами происходит. Дайте вашей лошади отдохнуть. Пусть просто постоит в этом болоте. Может быть, у нас не хватает мужества распутать себя. Пора уже заканчивать эту истерику – «Бога надо бояться, бояться и бояться!» А что если Он желает нас утешить?

¹⁰ Из песни В.С.Высоцкого «Купола» (1975).

Итак, находясь на пороге Великого поста, мы уже не можем бояться, не можем скрючиваться всё ниже и ниже. Нам нужно научиться быть учениками Иисуса. А для этого нужно найти время для Него. Многие пошли за Ним, выкроили время для того, чтобы послушать, что Он говорит. У нас же нет времени слушать то, что Он говорит. Мы уже привыкли к тому, что зачало ещё не успело начаться, а мы уже назвали его «О Страшном суде», потом вспомним Адамово изгнание, потом – Канон Андрея Критского, который опять нам скажет, что мы все такие-сякие. И даже на Пасху тоже надо бояться, потому что «да расточатся врази Его и да бежат от лица Его...». Да, на этот раз «бежат» наши враги, но только испуганный человек может думать о себе как об устрашающем. Он сам напуган, бедный, поэтому он может только пугать – пугать бесов, даже на Пасху. Он и на Пасху не может отстать от темы страха, потому что фундировал эту тему на протяжении всей своей духовной жизни. Перепуганные рожают перепуганных. Своим испугом они читают Писание, и всё у них есть испуг. Даже весть о славном Христовом Воскресении – это испуг для других. Так, может быть, на этот раз нас пронесёт?

Впереди у нас Масленица, т.е. сплошная Сырная седмица, на которой мы найдём время для того, чтобы съесть и сыр, и масло с блинами. Мы найдём время для того, чтобы потратить его друг на друга. А дальше, в течение Великого поста, Великого и Страшного, где будет и Неделя Торжества Православия (тоже очень страшная и опасная), мы можем найти время для того, чтобы послушать, что желает донести до нас Бог. И если найдём время, то это будет по-настоящему хороший пост. Может, мы откажем себе в кофе, в сале... Вообще, во многом себе можно отказаться, лишь бы найти время для того, чтобы послушать, что Бог желает нам сказать.

Сегодня Евангелие говорит нам, что как только Иисус крестился и возвратился от Иордана, Дух повёл Его в пустыню, где Он сорок дней и сорок ночей постился и был искушаем от дьявола. Поэтому и мы после периода празднования переходим к посту.

Пост – это особое время, которое Бог создаёт для нас. И Церковь упорядочивает жизнь так, чтобы в это время мы были лучше, чем обычно. Это может показаться некой неправдивостью, но оно так. Бог устраивает лучший момент в духовной жизни человека, чтобы судить о нём по этому моменту. Так с разбойником на кресте: Христос знакомится с ним, узнаёт его не тогда, когда этот разбойник разбойничал, убивал, а тогда, когда он говорит: «Помяни меня, Господи, во Царствии Твоем». И мытаря Закхея Он узнаёт не тогда, когда тот строил своё богатство, отнимая его у людей, а тогда, когда Закхей взлез на смоковницу, чтобы увидеть Иисуса. Христос подобрал Матфея мытаря, когда тот был готов, и узнал прокажённых, когда они просили Его об исцелении. И слепых увидел тогда, когда они просили Его о прозрении. Блудница омывает слезами и отирает волосами ноги Иисусу; и Господь с ней знакомится по промыслу Божиему тогда, когда она лучше всего, когда она приносит покаяние, делает что-то доброе. Каждый раз, когда мы видим помилование человека, тогда мы являемся свидетелями Встречи (Сретения) – Христа и человека. Даже Пилат, человек, который, в общем-то, плохо относился к иудеям, и то расчувствовался и сказал: «Я не вижу вины в этом человеке», – ибо понимал, что по зависти Его предали. Римский правитель Иудеи знакомится с Иисусом тогда,

когда у него, возможно, случается духовная весна, когда он может что-то сделать для невинного Праведника, хотя бы жест омовения рук перед всем народом.

Наступает Великий пост – то время, по которому Бог судит о нас. И если в это время мы не будем лучше чем обычно, то когда же мы сможем указать на себя и сказать: «Господи, вот я»? Бог Сам нам предоставит возможность указать на самих себя: «Вот я, Господи, суди меня». Оглядываясь в своё прошлое, мы, наверное, выберем какой-нибудь Великий пост, когда мы ради Христа проводили дни и ночи в молитве и размышлениях о Нём, недоедали, трудились... Наверное, эти дни самые лучшие, с нашей точки зрения, когда мы будем предстоять перед Богом, и когда Бог будет предстоять перед нами. Это момент Встречи.

В посту, конечно, нельзя уповать ни на какой устав. Мы сами пред Богом постимся. Вкушаем ли мы то, что положено или не положено, делаем ли мы больше того, что положено, или меньше, – нам самим нужно надеть на себя эти «одежды», чтобы они нам были впору, чтобы нам удобно было идти в них и трудиться.

108.

Открыться пред Богом

02.03.2014

Накануне Великого поста

Сколько существует человечество, столько оно желает знать истину, желает знать то, как всё есть в действительности. И о самом себе человек тоже желает знать правду. Но эта правда должна быть подана красиво, культурно, без ругани, чтобы она не запятнала нас.

Есть что-то общее между культурой и религией. Человека без культуры легко опознать по тому, как он обнажает все свои страсти, все свои примитивные животные желания. Такого человека (без культуры речи, без культуры

поведения, удовлетворяющего любое своё желание, любое своё стремление), мы считаем диким, уродливым. А это всего лишь человек, оставшийся без культуры. То же самое можно сказать и о человеке без религии. И если человек может быть без религии, то только благодаря одеждам культуры. И наоборот. Человек может казаться себе полноценным, только если он прикрывается культурой или религией. Культура и религия служат человеку для того, чтобы он видел себя и не ужасался.

Настаёт Великий пост, и Церковь говорит нам о том, что мы должны отменить привычную для нас культуру, в данном случае – церковную. Потому что и церковная культура прикрывает нашу страстность, нашу греховность, нашу немощь. И вот в Великом посту в церквях прекращается пение. По уставу всё должно читаться. Прекращается многолампадное возжжение, так как раньше людей это развлекало; много зажжённых свечей и лампад считалось признаком праздника.

Начинается чтение очень резких, жестоких и неприглядных словес, которые должны «оскорбить» и отрезвить душу: «окалях душу грехми», «скоту уподобихся», «на гноище раны, струпы мои кто помажет», «тело мое изнемогло»... Если бы перевести это на современный язык, то эти слова действительно звучали бы отрезвляюще, достигая цели, ради которой они и написаны. Но время сделало так, что самые грубые, самые возмутительные и оскорбительные слова, сказанные в том же каноне Андрея Критского, опять словно бы закрыты культурным покровом. И теперь через эти словеса, через этот византийский узор нам ещё нужно продрасться. А ведь покаянным Великим канонам Андрея Критского человек хочет оскорбить самого себя. И кто бы из нас, желая оскорбить самого себя, говорил высокопарными словами? Но так получилось, что канон, который задумывался как «вырез-

витель» для верующих людей, теперь стал культурным достоянием.

Нам бы отвергнуть этот канон или читать его на языке нашей культуры. Но тогда скажут, что мы некультурные, бесстыжие, скажут, что мы словесно оголились, что мы в депрессии и прочее. А ведь в Великом посту всё это есть, всё это выражено в богослужении, но только не воспринимается.

Неслучайно и облачения в Великом посту должны попросту сниматься. Но в нынешней традиции они опять надеваются, но уже чёрные. Фелонь означает торжество Воскресения, а Воскресение не бывает чёрным. Но без фелони, говорят, служить нельзя. И без торжества служить невозможно. Вот поэтому облачения в нашей культуре лишь темнеют, но не оставляют своей торжественности. При этом поклоны, которых в Великом посту положено делать очень много, делаются несколько неудобными.

Великий пост должен как резак срезать с нас культурный слой бесчувствия. Слой, с которым можно играть, отдельно им занимаясь, писать книги, диссертации по культуре покаяния. Я был на конференции в Киеве и слушал доклад «Культура покаяния Ефрема Сирина в текстах Великого поста постной Триоди». Замечательный доклад. Только там не было ни капли покаяния самого докладчика. Оказывается, можно рассуждать об этом отдельно, как о слое культуры, как о некой шубе. Великий пост – это когда эту шубу нужно снять и рассмотреть самих себя. Нам холодно, стыдно, мы видим свои раны, гнойники и чиряки, и говорим: «Господи, помоги нам, не хотим больше прикрываться, хотим исцелиться». Вот это путь Великого поста. По традиции Церковь заранее говорит о том, что нас ожидает. И если заранее не сказать о том, что такое покаянный Великий канон, то когда он будет читаться, естественно, его цель будет непонятна.

А сегодня у нас последнее воскресное богослужение перед началом Великого поста, на котором мы слышали стихиру «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче», печальный 136-й псалом «На реках Вавилонских» и другие песнопения и призывы. Завтра – воспоминание Адамова изгнания. В народе этот день называется Прощёным воскресеньем. Снова Евангелие возвестит нам о важности и необходимости прощения. Без прощения невозможно рассматривать себя. Люди, которые хотят раздеться, открыться пред Богом, должны заранее простить другим людям их наготу и уродливость для того, чтобы, когда все разденутся, они не рассматривали грехи друг друга, а видели только свой грех. Именно для этого существует чин прощения, т.е. чин отрицания чужого греха.

109.

Принять прощение Бога

14.03.2021

На Прощёное воскресенье, Мф.6:14–21

Наверное, день воспоминания Адамова изгнания из рая к нам вообще не относился бы, если бы это изгнание не было постоянной повесткой всей нашей духовной жизни. Православные всё пытаются вернуться в рай, но что-то им мешает – их всё изгоняют и изгоняют. Дело в том, что они не могут получить прощение от Бога, будучи уверенными, что просят прощения не так искренне, как грешат. А значит, они никогда не почувствуют себя вполне прощёнными.

Простит ли Господь нас после сорока раз «Господи, помилуй» или после двадцати пяти? Мы знаем, что мы никогда Ему не позволим нас за что-либо простить. Поэтому Христос обращает внимание на серьёзную аскетическую ошибку, когда люди просят прощения у Бога, а не друг у друга.

Посмотрите, как странно выглядит покаяние. Вот, например, пророк Давид убил Урию, можно сказать, насильно

взял себе в жёны Вирсавию, после чего просил прощения у Бога. Да разве здесь у Бога нужно просить прощения?.. Или вот царь Манассия грешил много лет, а потом, повернувшись к стене, на ложе своём, просил прощения у Бога. Не к стене надо повернуться, а надо повернуться к людям и у них попросить прощения. Вот почему Бог говорит: «Если вы будете прощать друг друга, то за Богом дело не станет». И может быть, тогда люди примут Его прощение, когда оно будет идти вслед за людьми.

Предыдущая притча о блудном сыне закончилась вовремя. Отец объясняет старшему сыну, как всё хорошо. Но сын должен был ответить: «Посмотрим». И дальше должно было быть раскрыто, что младший сын не случайно ушёл «на страну далёче», что в нём есть какой-то корень индивидуализации. Когда человек становится личностью, для него важно быть отдельным. Поэтому он не может закопать себя, вернувшись к отцу. Он будет стараться снова и снова отделиться... История заканчивается на моменте покаяния. Но Богу не нужно наше покаяние. Он не верит в него ни капли, и даже не слушает его. Здесь самое важное, что блудный сын просто развернулся лицом к отцу. А то, что он говорил, уже не важно.

Бог настолько опорочен в сознании людей, что когда-то Антоний Сурожский сказал: «Давайте простим всё Богу в начале Великого поста». Я бы сказал иначе: «Давайте лучше повернёмся к человеку». Так надёжнее получить прощение. И если мы прощаем друг другу согрешения наши, то и Бог в таком случае наконец-то получает возможность сказать: «Да-да, Я давно хотел сказать, что Я тоже прощаю согрешения ваши». И тогда мы с чистой совестью и спокойным сердцем начнём долгий путь к Голгофе и Пасхе.

На этом пути может быть всякое: и споры, и недоразумения, и конфликты. Но надо помнить, что Бог видит это всё плохое, как что-то поверхностное, а то, что между

нами хорошее, оно находится глубже. Мы не можем сказать, что человек, которого мы прощаем, стал хорошим. Мы можем сказать, что плохое в нём – только на поверхности, а самое важное находится глубже.

То есть мы различаем разные слои, мы ничего не отрицаем. Мы не скажем на ленивого, что он работающий, мы не скажем на некрасивого, что он красивый. Нет, мы просто иначе расценим все эти качества. Надеюсь, что наш Бог не похож на Бога теологов, что Он смотрит на нас и говорит: «Самое драгоценное в нём или в ней то, о чём они вовсе не догадываются». Если мы так друг на друга посмотрим, то мы простим всё сразу, даже не входя в подробности.

110.

Оставить суд другим

март 2014

На притчу о сучке и бревне, Мф.7:1–5

В Великом посту Господь предлагает нам наконец-то отстать от нашего брата, которому мы вечно вынимаем что-то из глаз и из других частей тела, и говорит: «Махните на него рукой, не лезьте к нему со своей заботой». Мы недоумеваем: «Как же так, Господи? Как мы можем оставить брата, у которого сучок в глазу? Мы ведь его любим. Значит, обязательно надо вытащить!» Бог говорит: «Не нужно вытаскивать. А вдруг это не заноза в глазу брата твоего, а веточка от бревна твоего, которая постоянно попадает тебе “в кадр”, и кажется, что у всех по чуть-чуть есть древесины в глазу?»

В заботе о том, чтобы мир не забывал, как он виновен, мы теряем из вида то, что судьи всегда найдутся. Бог говорит так беспечно, потому что знает – сколько бы Он ни говорил «не осуждайте», максимум – снизится градус осуждения, но всё равно осуждать не перестанут. Мы всё волнуемся, что мир останется без нашего назидания, что

проститутки не узнают, что они творят зло, что наркоманы не поймут, что они гробят своё здоровье, и что кто-то не в курсе, что аборт вреден для здоровья, особенно младенцев. Мы должны им срочно об этом сказать – а как же! – они ведь останутся в неведении.

Но если мы внимательней присмотримся, то увидим, что мир сам себя здорово осуждает. Среди людей, курящих марихуану, есть много тех, кто осуждает все эти пороки. И среди самых низких, аморальных людей мира сего находятся пророки, которые не меньше нашего полощут и бесчестят друг друга неприличными словами.

От нас же требуется только быть иными, т.е. делать то, что другие, может быть, и не делают – вынимать брёвна из своих глаз. Без этих брёвен наши глаза, наконец-то, потеряют всю «телескопичность», за счёт которой мы видим, в основном, все немощи мира сего. Мы знаем, чем вредно и опасно начальствование, а особенно президентство, и как губительна должность начальника налоговой службы. Мы знаем все недостатки всех. Всё время чужие грехи в глаза лезут, постоянно кто-то грешит перед нашими праведными очами. Как всё-таки тяжело быть праведником!

И вот Христос проповедует эту лёгкость, которая освобождает нас от мировой цензуры, от внимательного полицейского досмотра над нашим ближним и ещё более – над нашим дальним. Он говорит: «Не нужно этого делать. Не заботьтесь». Всегда найдутся осуждающие. И если мы все замолкнем, люди, которые творят зло, сами себя осудят, и их соседи, которых мы осуждали вместе с ними. Поэтому наше дело, особенно в Великом посту, заботиться о том, чтобы наше око, которое взирает на этот мир, было как можно более чистым и светлым, чтобы мы поняли Бога, Который, взирая Своими странными очами, возлюбил этот мир.

Какое зачало самое постное и подвижническое, как не это? Когда мы читаем о том, как Иисус ходил по водам, воскресал или Сам воскрес, это неудивительно, ибо Он Бог, Богу положено ходить по водам и воскрешать. И вот после крещения Господь идёт в пустыню. Пустыня – это не современные пустыни Африки или Азии. Это места, в которых когда-то жили люди, где есть горы, некоторые деревья и даже ручьи, но человек своей деятельностью всё изгадил, сделал эти места непригодными для жизни. Именно в такой пустыне стоит подумать, идти ли на Крест ради человека. И вот Иисус, ведомый Духом, отправляется на сорок дней в пустыню, подобно тому, как и Израиль, ведомый Богом, уходит туда на сорок лет.

«И приступил к Нему искушитель...» – у художников это излюбленный евангельский сюжет. Как сказал один богослов: почему чаще всего изображают искушение Христа в пустыне? – потому что здесь есть хорошая возможность нарисовать сатану. И конечно, представляется он всем по-разному. Может быть, для пастухов сатана явился бы с козьей бородкой, рогами и копытами. Для тех, кто скупает и перепродаёт эти рога и копыта, он является в виде торговца, который предлагает свой «товар». Для тех, кто сторожит, он является в виде тихого вечера и спокойного сна. Кем явился сатана Иисусу? Мы можем об этом только гадать. Но само это повествование, конечно, не столько об искушениях, сколько о самом характере искушающего. Главное, он видит, что Иисус «напоследок взалкал», на сороковой-то день. Иисус захотел есть, как и мы. Но мы, когда хорошо попостимся, не то что есть хотим, а прямо-таки жрать и кусать. И сатана видит, что это ведь просто

человек, и Его можно искусить, Ему можно что-то предложить. И вот он подходит с тремя искушениями, которые нам всем известны. Он думает, что раз Христос голодный, то Он съест всё: все доводы, аргументы и все цитаты. Голодный, как правило, управляем. Но не голодный Христос.

Откуда мы знаем об этом повествовании? Конечно же, Христос Сам об этом рассказал. А часто ли Христос рассказывает автобиографические заметки? Никогда. Поэтому этот рассказ был подан как некая притча, как то, что может чему-то поучить. Читая в Писании притчи или случаи, мы в них привычно представляем себя в какой-то роли. И здесь христиане по привычке представляют себя в роли Христа. Мы противимся дьявольским искушениям, отказываемся превращать камни в хлеб и прочее. Но наша роль там иная. Христос не об этом хотел сказать. Слушая этот рассказ, мы должны видеть здесь намёк на то, что это *мы* *искушаем Бога*, мы стремимся превратить Евангелие в программу насыщения хлебом всего народа, в конвейер или поле чудес, где Христос исполняет, наконец, мечты и чаяния праведников и наказывает, побеждает их врагов. Мы стремимся превратить Евангелие в идол для поклонения, подчинить Евангелию все народы, потому что они невежды, а мы-то знаем, где истина.

Эти три искушения исходят от нас. Но Христос представляет их исходящими от дьявола, который не знает, кто Он, и думает, что это обычный праведник, подвижник типа Иоанна Крестителя, коих много он имеет на своём счету. Христос не рассказывает ему, кто Он такой, не рассказывает, что Он Сын Божий или Господь Бог, пришедший во плоти. Почему не рассказывает? Потому что бесполезно. Сатана не верит в то, что Бог любит людей, и уж тем более не поверит в то, что Бог стал человеком и готов ради них поститься и идти на Крест. Вся игра

искусителя – т.е. нас – заключается в том, что эти посвоему резонные и дельные предложения он предваряет словами «если Ты Сын Божий». И что бы мы ни сказали после этой фразы, что бы Он ни сделал, всё превращается в игру, в которую предлагают поиграть Христу, – «а докажи нам, что Ты Сын Божий». «Если Ты Сын Божий, – говорили позже Христу, – почему Ты нарушаешь субботу?», «если Ты Сын Божий, дай знамения», «если Ты Сын Божий, сойди с креста». Здесь же – «скажи, чтобы камни сии сделались хлебами...». Думаю, что через пять минут после этого искушения Христос уже ел, потому что сорок дней поста уже прошли. Но дело не в этом, а в том, что Ему предложили поест в доказательство того, что Он Сын Божий.

Войдя в Церковь, как тот бес, рогатый или очень галантный, мы можем обращаться к Богу с лестными предложениями: «Господи, Ты же Истина, Ты же Всесильный и Всезнающий, сделай что-нибудь. Или Ты не Истина и не всё знаешь?» Каждый раз мы ставим на кон всё Божие достоинство. Но Он не играет в эти игры, Он говорит: «Отойди от Меня, сатана» – не потому, что его искушения злы (его предложения могут казаться очень хорошими), а потому что это всё игра.

Повествование об искушениях в пустыне – это сжатый рассказ о том, что предлежит долго рассказывать в Евангелиях. Как вначале люди видели во Христе хлебодавца и ходили за ним, потому что «ели хлеб и насытились». Вместе с тем, Его почитали за чудотворца, и поэтому хотели сделать Его царём. Но все эти три искушения Господь отменяет. И, возможно, историю о сорокадневном посте в пустыне и об этих лукавых искушениях Он рассказал тогда, когда люди в очередной раз к чему-то Его принуждали. Он же говорит, что всё это уже было, вы делаете то же, что делал сатана.

В Великом посту мы хотим быть похожи на Иисуса. Но эта притча всё-таки о нас – о нас искушающих, а не о нас постящихся. И поэтому как-нибудь мы с Божией помощью попостимся, но вот сможем ли мы удержаться от постоянной попытки сыграть в пост? Когда мы приступаем к Иисусу и говорим: «Господи, я сорок восемь дней постился – где же пасхальная радость?», или: «Я пришёл на исповедь – где моё покаяние и слёзы?», «я причастился – где же благодатное озарение?» Не играйте в эти игры. Петру Господь однажды пояснил: «Отойди от меня, сатана! Ты Мне соблазн! потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое». Оно, может быть, очень нужное, но оно слишком человеческое.

112.

Защитить икону Бога и человека

15.04.2012

На Торжество Православия, Ин.1:43–51

Торжество Православия понимается как победа Церкви над иконоборцами в 843 году. Прошли столетия, и с тех пор кое-что поменялось. Сейчас многие православные с трудом понимают, о чём, собственно, тогда был спор, потому что сегодня можно быть православным и с иконами, и без икон. Отцы VII Вселенского Собора понимали это. И некоторые нынешние православные, как и тогдашние – а надо помнить, что тот Собор почти наполовину состоял из бывших иконоборцев – говорят: какова цена вопроса? При чём здесь иконопочитание? Ведь Христос духовен, и мы живём, молимся и поклоняемся перед Богом... И если так настаивает Лев Исаврянин, можно и уступить ему.

Другие же, понимая иконопочитание широко, говорили о том, что мы не просто иконы защищаем, мы защищаем саму воплощённость Бога в этом мире, саму Его изобразимость, что Христос не просто был материален,

но и есть материален. Воплотившись, Он остаётся частью человеческого естества. Они указывали на две опасности. Во-первых, есть опасность мыслить Бога слишком абстрактно, и тогда всё телесное, плотское, вся жизнь, время и все события кажутся излишними, мешающими абсолютной абстрактности, абсолютной духовности. Во-вторых, есть искушение идолопоклонства, когда Бог воспринимается как нечто конечное, ограниченное, когда икона воспринимается не как символ Бога, а едва ли не как Сам Бог.

В этой дилемме, защищая иконопочитание, мы защищаем икону Богочеловека. И если в VIII-IX вв. больше мыслили об иконе Бога (иконоборцы утверждали, что нельзя изображать Бога), то сегодня важно подумать о защите иконы человека. Человек не может пониматься слишком абстрактно! Можно сказать: «человек – это звучит гордо» или «человек отпал от Бога». Но когда мы говорим о любви к ближнему, то это наше отношение или обозначение не должно быть бестелесно, всё должно быть хотя бы немножко более материально. Любить ближнего – это значит любить того, кто рядом, того, с кем мы проходим жизнь бок о бок. Это тот самый человек, который есть у нас, сосед по подъезду, знакомый по работе и т.д. И мы должны сохранять их иконы, их святой образ, который в нас может жить. В нашей душе должен быть маленький такой иконостасик живых настоящих людей, которых мы повстречали на своём пути. И этот иконостасик нас и спасёт от той желчи и гнева, от того праведного негодования, которое всегда лежит подле нашей души, всегда хочет овладеть нами.

Некогда протопресвитер Александр Шмеман, прожив долгую, отданную людям жизнь, проведя последние восемь месяцев в больнице, с благодарностью писал в своём дневнике о заботе своих близких, об их деятельной

любви, которую они ему дарили. «Какое всё это было счастье!» – написал он об этом тяжёлом для него времени в самом конце дневника незадолго до своей смерти.

Здесь важно понять: именно это спасает человека – не изощрённые попытки полюбить абстрактного негра из Гарлема, а нормальное и естественное стремление полюбить того, кто рядом, того, кто близко. И если человек соберёт в себе этих людей, поблагодарит Бога за тех, кто ему встретился в жизни, за время, проведённое вместе, за силу и радость, которые Бог ему дал, и даже за скорби, которыми Бог его как каменщик отесал, как резчик изваял из бесчувственного дерева, то это и будет защита подлинного иконопочитания Бога и человека.

113.

Евангельское торжество Православия 17.03.2019

На Торжество Православия, Ин.1:43–51

Неслучайно сегодня праздничное евангельское чтение не рисует нам многолюдную площадь или какое-то прекрасное шествие, похожее на Вход Господень в Иерусалим. Торжество Православия не может быть в людских потоках, на стадионах, на трибунах, в мощи. Торжество Православия – это когда что-то интимное, личное, как молитва Нафанаила под смоковницей, становится не только твоим. Кто-то узнаёт в тебе это, и тебе радостно это открывать. Или ты узнаёшь в ком-то Сына Божия. Взаимопрятие, взаимоузнавание, диалог между двумя-тремя – вот где может быть Торжество Православия.

Сегодня Торжество Православия – это победа истины над ложью, над ересями. Но вспомним, сколько заповедей дал нам Господь?.. Одну заповедь! Поэтому у нас есть одна заповедь и одна ересь. Одна заповедь – чтобы мы

любили друг друга; и одна ересь – когда мы забываем эту заповедь, не любим друг друга и по-богословски посылаем куда-нибудь далеко лесом.

Евангелие показывает нам, что самый главный день Торжества Православия – это Воскресение Христово. Вот где торжествует Православие. Христос воскресает, и неслучайно Торжество Православия всегда попадает на воскресный день. Воскресение – это когда Бог воскресает ради нас. В факте Христова Воскресения гораздо меньшее значение имеет оживление мёртвого тела, нежели диалог с человеком.

Христос говорит с людьми на языке их надежд. Их надежды были ложными, конечно. Они думали, что скоро все воскреснут, пойдут, соберутся в Иерусалим, и настанет гегемония Израиля над остальными странами. Но этот диалог важен Богу, и Он поддерживает его. Он воскресает и этим самым не только говорит о том, что мы воскреснем, но и поддерживает наше устремление. А это означает, что даже если наше устремление ложно, Он всё равно будет с нами, и если кто-то из нас ошибается – ничего страшного, это не смертельно. Он будет ждать нас там, где наша ошибка.

Аристотелевская теория истины говорит о том, что есть соответствие и несоответствие истине. И половина людей, которые не соответствуют истине, «пролетают» мимо. Как половина гороха, который сыплут в ведро, пролетает мимо, так и половина (в лучшем случае) человечества летит в ад, потому что они неправильно думают. Но разве правильно думали иудеи, верившие в воскресение? Неправильно, но Христос воскрес. Он воскрес, и это больше чем просто воскресение. Это означает, что Бог принимает наше исповедание. Он отвечает на него Своим действием, Своей жизнью. Он подстилает Свою жизнь под наше исповедание.

Поэтому, если мы в чём-то заблуждаемся, здесь нет ничего страшного. Страшно, если мы никого не любим. Потому что эта заповедь не просто некое предписание. Ведь не на площади Он говорил: «любите друг друга...», а именно в интимной обстановке Он делился личным. Как когда-то Нафанаил признал Христово откровение, что он действительно был под смоковницей, так и Бог потом поделился, что Он просто любит людей. «И вы любите друг друга», – говорит Он нам. Любовь – это дыхание Божие, Бог дышит любовью. И Торжество Православия – это когда у нас с Ним одно дыхание – любовь.

114.

Крест как бунтарство

11.03.2018

«Отвергнись себя... и следуй за Мною...», Мк.8:34

Евангелие, которое читается на Крестопоклонной Неделе, напоминает нам о цене, которая даётся Господом (Крест) и нами (крест). Часто это евангельское зачало принимает какое-то противоположное значение, когда говорят о том, что «отвергнись себя, возьми крест свой и за Мной иди» означает согласиться со своей долей, уподобиться ишаку, навьючить на себя побольше и тащить по жизни. Но Христос был не таков. Он был другим. Иначе Он, будучи сыном плотника, так бы и плотничал до конца жизни, надеясь получить какой-нибудь большой заказ от пилатова двора, чтобы заработать какие-то небольшие деньги, чтобы потратить их на пельмени.

В словах Христа «возьми крест свой» крест, конечно, ассоциировался с сопротивлением, бунтарством, даже с тем самым восстанием Спартака и шестью тысячами, распятыми вдоль Аппиевой дороги. Всё это было бунтом, призывом к какому-то радикальному пересмотру себя. Но для нас сегодня «отвергнись себя!» звучит так, как будто

мы отвергаем что-то большое. Но сможем ли мы отвергнуть хотя бы какие-то свои забобоны, предрассудки, старые привычки, чтобы идти вперёд? А вот с этим большая проблема, потому что мы обычно хотим, чтобы до того, как сделать шаг вперёд, нам чётко обрисовали, ради чего мы должны отказаться от чего-либо (от себя, например). Вот Пётр когда-то, не будучи в состоянии вслепую отвергнуть себя и идти за Христом, вопрошает: «Господи, вот мы всё оставили, а что нам с этого будет?» Но если мы точно знаем, что отвергшись себя, мы обретём что-то большее, мы делаем тот же расчёт, какой сделал человек из притчи, который решил разрушить старые житницы и построить новые. Такая решительность в нём от того, что он знал, ради чего он разрушает старое.

И мы также готовы были бы разрушить свой дом, если бы знали, что за это нас ожидает трёхэтажная вилла. Вот такие мы, знаете, на всё готовые! А готов ли человек бросить свою дорогую шариковую ручку, чтобы та попала в карман к другому? И тут он уже задумается. Потому что мелкий пошёл нынче христианин – не готов отвергнуться даже от шариковой ручки, когда не знает, чем это обернётся...

Нам нужно обновление – готовность к тому, чтобы быть другими, чтобы узнавать больше, чтобы куда-то двигаться, чтобы быть свободными от себя вчерашних. Вот к чему призывает Христос – к какому-то пересмотру своего статуса, своего самомнения. И тогда мы будем готовы сделать что-то такое, что не обязаны делать или никогда не делали, что-то совершенно новое для нас, что не является суммой предыдущих состояний, предыдущих обязанностей.

Христианин – не тот, кто точно знает, что идти за Христом выгоднее, чем за каким-нибудь другим человеком, а тот, кто полюбил Христа и понял, что его теперешнее состояние – это в любом случае суета сует, и кто идёт за Ним,

не зная, куда Тот идёт, не зная, чем это всё закончится. Вот кто такой христианин, вот кто такие почитатели Креста Господня. Не те, кто думают, что крест приносит удачу, а те, кто говорит: Крест есть неизвестность. Что это? Радость Господа или печаль Господа? Фиаско или прославление Его? Мы не знаем и не должны знать. Только тогда мы христиане, только тогда мы готовы меняться, только тогда мы готовы уступить в споре или победить в споре. Только тогда человек вечно молод и готов к смерти. И если он умирает, он готов к Богу, потому что Бог – это то, к чему нельзя подготовиться.

115.

Путём позора и унижения

27.03.2022

В Неделю Крестопоклонную, Мк.8:34–9:1

Крестопоклонная Неделя, находящаяся в середине великопостного пути, – это Неделя унижения. Но православная традиция по-своему противостоит такому смыслу. Наши песнопения радуются о том, что Крест Христов – это и попрание дьявола, и торжество православных христиан. В тропаре у нас поётся: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы православным христианам (раньше пели: «православным императорам») на сопротивных даруя...». Как видите, Бога уже давно наматало на маховик войны, как тряпку на фрезерный станок. Он крутится там, даруя здоровье и «сохраняя жительство» всем воюющим: и атакующим, и обороняющимся. Православные хотели торжественных реляций в этот день, вот и выписали их себе. «Радуйся, Крест Христов», – обращаемся мы к Кресту, а Крест, видимо, нам как-то отвечает. И кажется, всё хорошо.

А между тем, Бог в этом году решил всё-таки «попоститься» вместе с нами и умакнуть Свою Церковь в её

срам, чтобы было видно всем, что мы есть. Потому что одна половина православного человечества молится за победу «православным христианам на сопротивных», а другая молится против этих самых православных и христиан... И это позор. Это позор, который Бог часто устраивал, и который не всегда заметен. Пройдут эти годы, и об этом никто не вспомнит, всё будет, как будто ничего не бывало. Но сейчас-то мы можем увидеть, что Бог так призывает нас вспомнить о Его и нашем позоре и унижении.

На 1-й же Неделе Великого поста православные торжествуют свою победу. На 2-й Неделе они вспоминают, как Григорий Палама поборол и низверг всех своих оппонентов. На 3-й Неделе они опять торжествуют. Не рано ли? Опять мы торжествуем, что у нас Крест Христов – поправление и осмеяние дьявола, превосходство и унижение всех вокруг... Так мы идём за Христом и не осознаём того, что Он ведь полностью проиграл. Борясь против фарисеев, Он создал Церковь. Но фарисейство победило, назвав себя христианством. Он говорил о том, что не на Гаризиме, и не в Иерусалиме надо поклоняться Отцу. Сейчас же Иерусалим – главное паломническое место к Тому Самому Богу, Который говорит, что «не здесь, и не там, а в духе и истине». Но мы сказали «здесь!» и едем туда. Или ездили, пока ковид не мешал. А Бог нисколько не мешает...

И таких позорных моментов вообще-то много. Мы этого всего просто не замечаем, потому что мы похожи на водомерку, такую таракашку, которая может бегать по воде, вообще о ней не думая. Мы не чувствуем, что находимся в позоре, потому что внутри той вселенной, которую мы себе нарисовали, этого позора вообще не видно. Мы не видим себя снаружи. А сегодня, в том контексте, в котором мы оказались, наконец-то это всё стало чуть заметнее. И это означает, что мы, слава Богу, всё-таки попали в Великий пост.

В сегодняшнем Евангелии Христос говорит: «кто постыдится Меня и слов Моих...» Оказывается, Его слова постыдны. И они должны звучать постыдно, ведь крестный путь, к которому Он призывает, – это путь позора. Распятие – это не просто казнь. Вы знаете, что распятые мучились долго, будучи обнажёнными и опозоренными. Это отражено в Евангелии, когда проходящие у креста злословили Иисуса и насмехались. Это была действительно позорная казнь. И Христос призывает идти за Ним, призывает идти через этот позор. У нас же позора нет. Вы присмотритесь к этим богослужениям. Вообще никакого позора! Мы как та водомерка или какая-то птичка, которая летает по болоту, с кочки на кочку, и никогда не обмакивается в болотную грязь...

И вот теперь сама жизнь объясняет нам и напоминает, что значит быть православным христианином. Это означает быть опозоренным. Православные, которые всегда подпевали своим императорам и правителям, да ещё и гордились этим, теперь наконец-то могут этим не гордиться, а задуматься и немножко погоревать об этом. И тогда нам останется воспринять всю эту нашу уничижённость, обнажённость и уязвимость. Следуя за Христом, не нужно прикрываться и прятаться, не нужно говорить, что это не про нас, что мы на самом деле другие и т.п. Нужно быть готовым к тому, что кто-нибудь да и скажет нам, что мы плохие люди. И в этот момент надо будет подумать: «О, пожалуй, мы слишком близко подошли ко Христу, на Которого тоже всякое говорили. Особенно в эти страстные дни».

Христос в Свои последние дни не постился. Мы же постимся. Но Он не постился, потому что прощался с тёплой компанией, а мы не прощаемся. Наверное, поэтому мы будем продолжать поститься, но поближе к Богу, поближе к Его позору, а заодно, поближе к Его Воскресению.

Музыка и тишина христианского пути 11.04.2021*В Неделю Иоанна Лествичника,**о вере и неверии, Мк.9:14–27*

Зачало о неверии и вере, живущих в одном человеке, указывает нам на то, как сложен этот мир. Часто мы хотим назваться то верующими, то неверующими, и говорим как тот человек Иисусу: «Верую, Господи, помоги моему неверию». Кстати, а не укрепится ли наше неверие, если Он поможет ему? Ладно, это шутка. На самом деле, действительно, большая проблема в том, что люди слишком поспешно делают обобщения о себе. Ученики Христовы, наверно, действовали из позиции полного обладания чудодейственным даром. Но вот они теряют контроль над ситуацией и не могут исцелить отрока.

Христос объясняет: сей род изгоняется только молитвой. Молитвой, т.е. какой-то простой надеждой на Бога, без расчёта на заклинательные формулы изгнания бесов, без каких-либо гарантий эффекта. Молитесь, а там пусть будет так, как будет. В этой надежде и содержится бич против бесов. Но оказаться в такой неуверенности в себе людям тревожно, и поэтому они избегают её и думают, что верят. И отец одержимого отрока тоже так думал. Но когда Христос сказал ему: «Если сколько-нибудь можешь веровать, всё возможно верующему», – то это предложение исходило из того, что он вроде как и не веровал до сих пор. Но Христос ему дал понять, что его вера и неверие очень тесно переплетены. И когда человек постигает это о себе (как отец отрока), тогда вера его хотя и не становится больше, но она становится более зрячей. Он не стал увереннее в том, что что-то произойдёт. Наоборот, в какой-то неуверенности он стал молиться о том, чтобы его вера умножилась. Его настигла неуве-

ренность в своей вере, и эта неуверенность в вере – больше чем вера, она живее, она подвижнее, она может вырасти.

Бог едва уловим. Когда Он касается нас, мы не можем быть уверены, Божие ли это прикосновение. И многие святые тоже не особенно были уверены. Например, Иоанн Лествичник, которого мы вспоминаем сегодня, в шестнадцать лет пошёл в Синайский монастырь. Там он погрузился в чтение книг, получив прозвище «схоластик», т.е. ученый. Иоанн «убежал из мира», и всего себя, всю свою жизнь, посвятил монастырю, потому что ему было очевидно, что в мире он не сможет удержать в себе этот едва-едва ощутимый опыт прикосновения к Богу. Если бы у него были все эти наши чаемые гарантии о том, что благодать Божия неминуемо льётся на того, кто, например, принимает крещение, то зачем куда-то бежать? Мы должны понять подвижников, которые, следуя за едва уловимым Богом, всё отсекают, чтобы не потерять Его из виду.

Скоро мы вспомним и Марию Египетскую, также последовавшую в Заиорданскую пустыню за Богом, о Котором она не была уверена, что Он вот, уже у неё в душе, и теперь можно расслабиться и идти в кафе. В этом выражена её некоторая тревожность.

Иоанн Лествичник начинает свою книгу с разлучения, т.е. со слова об отречении от жития мирского, и заканчивает словом о вере, надежде и любви, т.е. некоторым приятием. Он что-то оставляет для того, чтобы что-то принять. А нам, не последовавшим за ним в монастырь, нужно действовать наоборот. В этом мире, который он оставил, чтобы принять Бога, нам нужно найти Бога. Различие в этих путях – как различие между любовью к музыке и наслаждением тишиной. Я думаю, каждому из нас знакомо наслаждение тишиной. И каждому из нас

известна любовь к музыке. Одному человеку важно, чтобы было тихо, а другому нужна мелодия. Хуже всего, когда христиане говорят друг другу «ты не ту музыку слушаешь» и спорят об этом.

Так мы проходим с преподобными Иоанном и Марией две пустыни, а дальше – Вход Господень в Иерусалим. И там – в шумной толпе, в жужжащем улье людей, которые что-то постилают и каким-то образом пока преданы Христу, чтобы потом закричать «распни, распни Его», – там Бог, и в Заиорданской пустыне – Бог, и в Синайской пустыне – Бог. Главное, чтобы мы, вспоминая подвижников, которые отреклись от мира, понимали, *что* они любят. Они любят эту тишину, которую мы тоже любим, но они любят и мелодию, которую мы тоже слышим. И таким образом, поняв брата своего, пройдя через две пустыни, мы зайдём в шумный град Иерусалим и там тоже увидим Бога. Это и есть христианский путь, когда мы можем пройти рядом с апостолом Павлом, рядом с преподобными, рядом с благоверными и зайти в шумную толпу неверных, агрессивных, и там увидеть Господа Бога нашего.

117.

«А вы за кого почитаете Меня?»

ноябрь 2013

*На Петрово исповедание Иисуса Мессией,
Лк.9:18–22*

Помолившись, Господь спросил учеников: «За кого почитает Меня народ?» Ведь Христа считали и проводником сатанизма, и бесноватым, и сумасшедшим, и праведником, и грешником... Но ученики собрали самые лучшие мнения и сказали: «Одни Тебя считают Иоанном Крестителем, другие – пророком Илиёй, кто-то почитает Тебя за какого-то древнего пророка». И Христос, как бы отвергая всё это, говорит: «А вы за кого Меня почитаете?» И Пётр от себя и от

лица всех отвечает: «За Христа Божия», – т.е. за Мессию. Хотел бы он сказать что-то повыше, но выше просто некуда. И махнув рукой, Христос сказал: «Лучше уже молчите тогда, и никому не говорите об этом».

Почему нельзя говорить, что Он Мессия? Он тут же объяснил. Какой же Он Мессия, если Он будет схвачен, оплёван, поруган, отвержен лучшими людьми Израиля: книжниками, фарисеями, старцами, т.е. авторитетами духовной жизни? Он будет отвержен народом. Он будет всеми отвержен и, в конце концов, распят, убит, но в третий день воскреснет. Но после таких оглушительных откровений о Себе то, что Он воскреснет, уже мало кого интересовало. Поэтому мало кто это и запомнил. Не запомнили даже то, что нельзя говорить, что Он Мессия, и потом всё равно разнесли об этом.

Но вопрос в другом. Зачем Господь вообще спрашивал учеников об этом? Ведь Он-то знал, что они думают. Более того, Он вообще не нуждался в каком-то поддержании собственного имиджа. Ему было мало интересно, что о Нём говорят, что о Нём думают. Он не был, как дешёвая певичка, которая спела и тут же спрашивает: «Ну как? Ну что? Да? Нет?» Он проповедовал Царствие Божие, это была Его миссия, в этом был Он Сам. Поэтому беспокоиться о том, что там думают о Нём люди, каждый вечер расстраиваться по поводу того, что кто-то думает плохо, – не в духе Иисуса Христа.

Он спрашивает учеников для того, чтобы они рассказали Ему о себе. Потому что то, что мы думаем о Боге, на самом деле, говорит не столько о Нём, сколько о нас. Если для какого-то человека Бог – бездарный полицейский, и он на Него в обиде, то он называет себя атеистом. Это всё, на что способен человек, т.е. иначе смотреть он не может. О чём он может ещё подумать, если не о бездарном полицейском или о распухшем на всю Вселенную

«президенте»? У него мысли дальше не работают, у него душа большее не вмещает.

И вот Христос, говоря «что обо Мне думаете вы?», как бы просит: «Поговорите со Мной». Когда человек говорит, он самовыражается, он открывается. Иногда человек, проговаривая что-то, сам себе делает понятным то, что у него происходит, что в нём растёт. Он уясняет самому себе то состояние, в котором он находится. И вот Христос спрашивает учеников, чтобы они Ему сказали своё мнение. И мы не знаем толком, для чего Он спрашивает. Мы знаем только то, что мы должны говорить пред Богом. Поэтому говорите пред Богом – Ему это надо.

118.

Этапы веры

август 2018

Накануне крестных страданий, Мф.16:20–28

Вот только что мы слышали диалог Петра и Иисуса: «Ты – Христос, Сын Бога Живаго». – «Не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Небесный, и ты, Пётр, есть камень, на котором Я создам Церковь Мою и дам тебе ключи Царствия Небесного...» И именно после того, как Пётр и остальные апостолы признали Иисуса Христом, Он, во-первых, запрещает им говорить, что Он Христос, а во-вторых, начинает их убеждать в том, что это не так, что Ему предстоит пострадать от старейшин и книжников, и что это страдание входит в Его планы. И Пётр, только что названный камнем, внезапно становится сатаной, т.е. противником Христа.

А дальше, в обычном Своём стиле, Он бросает совершенно непонятные афоризмы. «Кто хочет душу свою сберечь, тот её потеряет, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретёт её». Это не должно быть понятно, потому что здесь момент, когда учитель говорит: «А вот

теперь мы всё ломаем». Они шли, что-то строили, чтобы признать Иисуса Христом, т.е. Помазанником. И как только они это исповедуют, Он желает вести их дальше, потому что путь духовной жизни лежит через вот эти преобразования, через некоторые ломки, через преодоление самого себя.

Мы принимаем Христа вначале как «что-то в Нём есть». Потом мы узнаём, что это Господь Иисус Христос, возносящий нас и спасающий от внешних угроз. Потом мы понимаем, что у Него есть душа. А потом мы понимаем, что только душа у Него и есть.

Но для того чтобы перейти из одного понимания в другое, нужно пережить вот этот кризис, когда апостолы не смеют произнести, что Он есть Машиах, т.е. Помазанник. И наконец, Пётр это произносит. Иисус хвалит его, более того, Он говорит, что это Сам Бог его вразумил. Пётр потом мог бы возразить: «Если Бог меня вразумил, как может быть, что Он в конце концов оказался совсем не Машиахом?» А дело в том, что Бог вразумляет человека для того, чтобы потом это же вразумление у него отнять. Мы думаем, что мы, как дудочка без отверстий, из которой можно выдувать лишь один звук, т.е. если Бог нас вразумит – мы сразу вразумимся. Но ситуация такая, что Бог вынужден говорить сначала одно, потом второе, а потом третье. Вот Бог представляется как чудотворец, а потом говорит, что не хочет творить чудеса и являть знамения. То Он Мессия, то просто учитель, то Он Вседержитель, то неизвестно кто, ведь вседержители не молят «да минует Меня чаша сия». Непонятно это всё. Потом подумали, что Он вернётся и восстановит свой имидж, а Он не вернулся. И снова с задержкой мы начинаем догадываться, что Он и не собирался возвращаться.

Для того чтобы наступил следующий этап веры, нужно немножко потерпеть, нужно сломать себя, нужно

дать себе расти дальше. Я плохой садовод, но я слышал, что для того чтобы был какой-то плод, деревья весной или осенью обрезают (по иудейской традиции, видимо). Так и Бог, Он что-то у человека отчикивает, какие-то его былые радости – может быть, самые священные надежды – для того чтобы тот рос дальше. Но что было бы из учеников, если бы Он их оставил в покое, с идеей, что вот-вот Иисус придёт, порядок наведёт. Ну чем бы они отличались от всех тех, кто верит в долгожданного бунтаря-революционера или хозяина, который придёт, порядок наведёт? Это всё один и тот же психотип человека. Не важно, кто придёт, – главное, что мы дождёмся его, будем скандировать «осанна!» или «но пасаран!», и этот кто-то порядок наведёт.

Для того чтобы повести человека дальше, Христос ошарашивает его оксюмором: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережёт её». Апостолы понимают, что они ничего не понимают, что им надо отставить предыдущее рассуждение и идти дальше вслед за Богом. И нам иногда приходится отставлять предыдущее рассуждение. Но если в Евангелии уже через несколько строк приходится отставлять предыдущее рассуждение, то мы вынуждены порывать с целыми годами каких-то переживаний, мнений, и говорить: «Смотрите-ка, оказывается, у Бога есть душа».

У Бога есть душа, которая переживает вместе с человеком, она желает быть увиденной. Поэтому с Него нужно снять всесилие, справедливость, всеведение, всякого рода регалии и прочее. Мы же иначе не можем видеть, вот в чём всё дело. И нам приходится обратно всё это надевать. Вот мы не очень-то умеем разделять людей на хороших и плохих, иногда ошибаемся. Неужели и Он этим озабочен, чтобы не ошибиться с приговором? Или это не так?

Это так и не так одновременно, потому что в Евангелии можно найти и то, и другое, и третье.

Вот на этот момент перехода я и хочу указать. Нам дано и то, и другое, и третье не для того, чтобы каждый застревал в одном, а для того, чтобы те, кто могут идти дальше, послушали Бога и сказали: «Господи, вот мы вслед за тобой идём просто для того, чтобы понять: а что это было?» Что это было за явление Бога, которое влечёт, манит и оставляет вот эту загадку перехода, т.е. отвержения одного этапа и вхождения в следующий, где Он, возможно, имеет что-то ещё нам сказать? «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною...», – говорит Христос. И эта сложность, может быть, не каждому адресована, потому что Он же не раз повторяет Своим ученикам: «кто имеет уши слышать, да слышит!»

И если те, кто имеют уши, потрудятся, то могут услышать Божие повеление о том, что наш путь состоит из череды ситуаций принятия и отрицания. Мы отрицаем то, что приняли, и набираем следующее, как солдат, который идёт за огнём, – он высыпает серебро, чтобы набрать золото. Что-то высыпать, оставлять на пути – это болезненная ситуация, это кажется предательством своего прошлого. А мы ничто так не любим больше, как своё прошлое. Ведь правда – мы влюблены в свою вчерашнюю праведность, поэтому иногда говорим «я согрешил», как будто был когда-то я, который не согрешал.

Я думаю, что Бог укрепит нас на этом пути, потому что сколько бы неразумия у нас ни было, Он-то нас не оставляет. Даже Петру говорит: «Следуй за Мной, хоть ты говоришь совершенно противоположное тому, что Я говорю, всё равно следуй за Мной». И может быть, мы, следующие за Господом, говорим совершенно не то, что Он нам говорит, но всё-таки мы идём за Христом.

*«Когда были они на пути, восходя в Иерусалим...»,**Мк.10:32–45*

Вот мы приближаемся, как и апостолы приближались, к тому дню, когда Христос будет предан и осуждён, поруган и оплёван, унижен и распят. Он им говорит об этом Своём позоре и смерти, а они не могут это принять. И мы не можем принять. Кто когда-нибудь задумывался о своей смерти, может вспомнить, как уносит его от этой мысли, уносит в сторону... В сторону чего? В сторону похорон. Что будет дальше после меня, уже без меня? Конечно, люди не выдерживают мысли о смерти. А апостолы настолько любили Христа, настолько было для них невероятным, чтобы Он умер, что они этого просто не слышат. Для них естественно было начать думать о том, что будет после того, как свершится воцарение Христа в Иерусалиме. И они стали думать о том, кто сядет по правую и по левую стороны. Ровно как мы, когда думаем о своём умирании, думаем, что будет после нас, какие будут похороны, какой будет памятник, что о нас скажут, как о нас забудут...

Христос, конечно же, шутит с учениками, когда отвечает им на просьбу сесть справа и слева в славе Его (т.е. поближе и повыше даже в этой иерархии учеников). Он говорит, что это дорого стоит, – тут и чашу надо пить какую-то горькую, и крещением каким-то огненным креститься. И они на всё согласны. «Согласны? Хорошо. Это можно устроить. Но сесть рядом со Мной – не от Меня зависит». То есть это такая острая шутка, когда люди купили билет, заплатили, но им не дали билет. При этом другие ученики вознегодовали на тех двоих, которые, мол, лезут вверх по иерархии, желая быть выше других.

И вот, самое главное: Христос благовествует нам с вами, что Он не мыслит Себя в какой-то иерархии.

Например, Он – на вершине, за Ним идут какие-то хорошие, за ними средние, потом – плохие, а дальше – вообще никакущие. Он вообще не так мыслит. Это мы мыслим иерархически, мы мыслим, что всегда один лучше или достойнее другого, а другой хуже. Мы не можем себе даже представить, как Бог, встретив нас, не проранжирует нас тут же по каким-то критериям, потому что Он, безусловно, должен быть выше нас. И мы представляем себе, что Бог мыслит так же, как и мы. Поэтому Он должен будет, как и мы, всех расставить по полочкам – кого-то убрать с полочек, а кого-то поставить на первую, верхнюю полочку.

Бог мыслит совсем не так. Для Него мы выглядим человечками, ходящими по ровной плоскости с флажками в руках. Один на флажке написал «я посередине», другой – «я высоко», третий – «я в стратосфере», четвёртый пишет «я хуже всякого человека, я на дне морском». А на самом деле для Бога все они на одном уровне. В конце концов, когда Он нас всех встретит, Ему не обязательно куда-то нас определять – вправо, влево, вниз или вверх. Бог не принадлежит иерархии, Он по ту сторону всяких наших делений.

Поэтому мы можем надеяться на то, что когда мы встретимся с Ним, мы не окажемся вверху или внизу, мы окажемся рядом, потому что и Он не вверху и не внизу, Он всегда рядом. Он не меряет нас так, как мы меряем других. И это то благовестие, которое мы можем услышать по ту сторону всех этих речей о скором Распятии Сына Божия. И если десять учеников вознегодовали на двоих, то лишь потому, что они такие же самые, они думали, как бы их не обогнали, как бы кто не оказался впереди них. Христос говорит: «Да нет никакого передела и зада, нет верха и низа! Есть душа человеческая, принадлежащая Богу, а всё остальное – это человеческое».

И вот, получив такое откровение от Бога, мы с вами хотя бы напоследок пути (осталось не так много до Его

Распятия, смерти и Погребения), может быть, отложим эти наши деления и перестанем говорить себе: «а где я нахожусь?», «я высоко или низко?», и примем Господа так, как Он принимает нас, рядом с нами, на одной горизонтали. Представьте себе, Бог нашего роста, нашего калибра. Вот мы Его встречаем ровно глаза в глаза, Он не выше и ниже нас. Он не невидимка, который поставит нас в неудобное, дискомфортное положение, и мы будем оглядываться и говорить: «Господи, где Ты?». Нет, Он сделает всё, чтобы при встрече мы не чувствовали себя теми, кто должен был лишь служить Ему, но ничего не сделал. И Господь заканчивает это зачало словами: «Сын Человеческий пришёл не для того, чтобы Ему служили, но чтобы Самому послужить и отдать душу Свою для искупления многих».

120.

Урок уступать друг другу

18.04.2021

*«Когда были они на пути, восходя в Иерусалим...»,
Мк.10:32–45*

На духовном пути всегда встречается нечто такое, чего не было до того. Ведь путь подразумевает изменение в процессе движения. Вот апостолы подходят ко Христу и задают вопрос: «Можешь ли Ты дать нам сесть по правую и по левую сторону в Царствии Твоём?» Видимо, эта их просьба обоснована. Ведь на первых порах Сам Христос говорил им о грядущем Царствии Божием, к которому они должны стремиться. И они всецело нацелены на это будущее.

Но наступает этап, когда уже не надо ориентироваться на будущее, это вредно, и поэтому Христос им говорит: «Я не могу вам дать то, что вы просите. Я не могу вам дать будущее, Я могу вам дать только настоящее. Вот, Я пью горькую чашу, – о которой Он только что рассказывал, что поругаются над Ним, будут бить Его, оплюют Его и убьют, –

Я пью горькую чашу, Я крещусь горьким крещением, Я могу вам дать это. И вы друг другу можете дать только то, что сейчас имеете – сейчас вы можете уступить». Он говорит: «Вот, вельможи и князья народов властвуют ими, а среди вас не должно быть так. То, что вы можете сегодня, это уступить друг другу». И очень важный урок даже не в том, чтобы обязательно уступить друг другу, не об этом речь. Речь о том, чтобы не думать о будущем. До определённой степени религия – это манна небесная, это то, что обещано нам. Но когда мы духовно возросли, нам важно понять, что не нужно думать о том, чем нам будет выгоден Христос: действительно ли за то, что я уступлю сегодня, мне потом двадцать пять баранов небесных дадут или кресло помягче и поближе ко Христу. Нет, вся эта счётная машина должна на каком-то этапе духовной жизни быть оставлена. И Христос призывает к невероятному для христиан – к тому, чтобы не считать Его гарантом того, что они правильно поступают.

Иаков и Иоанн правильно поступали всё это время. Они ходили за Христом, и теперь они просят быть возле Него в Его Царстве. Но Он говорит: «Это не от Меня зависит». Мы можем поделиться только тем, что имеем сейчас. Поэтому уступим тем, кому важно считать, что они в Царстве Небесном что-то будут значить. Уступим тем, кто считает, что они-то уж точно будут спасены, а мы наверняка нет. Уступим им, потому что всё, что нам обещал Христос, это то, что мы видим перед собой. Он сказал, что не может нам гарантировать ничего посмертного, ничего далеко грядущего. Мы как христиане можем остаться с этим незнанием о будущем, и, наверное, это самое христианское, что может быть! Мы следуем за Христом, не зная, что нам с этого будет. Хотя на определённом этапе, ещё раз говорю, было сказано, что будет что-то хорошее. И мы пошли за этим. Но подлинное христианство заключается в том, чтобы принимать то, что есть, в том числе и униженного Христа, в том числе и братьев, которые стре-

мятся быть впереди нас и затапывают перед нами наши дорожки, пылят нам в глаза тем, что опережают нас в чём-то. Уступим им! И это может сделать нас христианами.

121.

Шествие со Христом

25.04.2021

На Вербное воскресенье, Ин.12:1–18

Каждое событие, которое происходит, мы принимаем или отвергаем в силу того смысла, который придаём этому событию. А у Входа Господня в Иерусалим нет завершённого смысла, потому что он похож на струну, натянутую между двумя фактами – ликующим народом и плачущим Иисусом Евангелия от Луки. И пытается спасти ситуацию тропарь праздника, придав ему смысл: «Общее воскресение прежде Твоя страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже». Но мы не видим, чтобы после воскрешения Лазаря последовало общее воскресение. Напротив, мы видим, что Лазарь уж очень оторвался от коллектива воскресающих.

Мы не можем встречать Христа так, как Его встречал этот народ. Потому что в их душах и головах эта встреча могла легко сойтись с Распятием, которое они поддерживали через пять дней. Мы не можем признать Его царём Израилевым, потому что Он говорил: «Князья народов властвуют над ними, и вельможи владеют ими. Но между вами да не будет так. А кто хочет между вами быть большим, да будет всем слуга». Поэтому мы не принимаем Его как царя и не можем придать этому смысл. Но мы следуем за Ним, как бы там ни было, и что бы это ни значило, не зная смысла происходящего. Потому что наше шествие со Христом есть взаимное сопровождение. Он сопровождает нас по жизни на пути к Себе. А мы сопровождаем Его во всяком известном нам фрагменте истории.

Сегодня праздник не совсем праздничный, потому что Христос плачет на этом празднике. В Евангелии от Иоанна об этом не сказано, но сказано в параллельных местах других Евангелий. Да, не всегда совпадает Христос со Своими последователями. Я думаю, что Он вообще никогда не совпадает с ними. Не стоит этому удивляться, потому что иудеи ждали своего. А ещё не всегда то, что хочет дать Бог человеку, необходимо ему. И не всегда то, что нужно человеку, нужно другому человеку. Поэтому всегда будет вот это несовпадение, когда вопреки тому, что Бог пытается что-то рассказать, привнести, человек устраивает из этого что-то своё, особенное. И это прекрасно, что мы не слушаем Бога, а делаем по-своему. Так было всегда и так будет всегда, и на этом стоит уже успокоиться.

Особенно мне нравится праздник Яблочный Спас, т.е. Преображение. Прекрасен и праздник мучеников Маккавеев, т.е. Медовый Спас, когда «маки веют» (филологам богатое поле для изучения народного творчества). Неважно, Христос преображается или с Маккавеев сдирают кожу, – важно, что мак надо веять в этот день. И неважно, что Христос сегодня плачет. Мы же с вербочками, у нас настроение приподнятое! И ничего, что в этот день Христос чуть ли не проклинает Иерусалим, говоря: «Иерусалим, Иерусалим, сколько раз Я хотел собрать людей твоих, как курица собирает птенцов под крылья свои, но вы не захотели. Се, оставляется дом ваш пуст».

Ну а что нам до Бога? Ведь мы всегда себе на уме, как и Он тоже. Я думаю, когда мы бросим добиваться полного соответствия, единомыслия и чуть ли не единства духа и тела, тогда мы поймём, что праздник – это то, что мы привносим в каждое дело Христово. Вот Он зашёл

в Иерусалим на ослике, и тамошние иудеи сделали себе праздник – сами себя обманули и рады. Они говорят: «Осанна Сыну Давидову!» Что такое «осанна»? Знающие язык говорят о том, что это слово состоит из двух слов: «спаси» и «сейчас», т.е. «спаси нас сейчас, Сын Давидов, Царь Израилев!» Он не стал доказывать, что всё это не так, чтобы не портить им праздник. Они не Его приветчают и не Ему постилают ветви и одежды, они постилают их своим собственным фантазиям. Эти прекрасные фантазии творят человека и создают целые религиозные праздники и религиозные институты, люди в них благополучно рождаются, живут и умирают.

Несмотря ни на что, мы назначаем на этот день другой праздник и говорим: «При чём здесь эта колоссальная ошибка иудеев?» Да они, собственно, оказались в ситуации, когда они и не могли не ошибиться. В их религиозном представлении, как и в нашем, не может быть человека или просто проповедника, который въезжает на ослике, и это вообще ничего не значит. Нет, это обязательно что-то должно значить, и мы назначаем этому празднику своё звучание. Мы говорим: «Это праздник весны!» Вот вайи росли, расцветали, а их взяли и сорвали. Теперь они не будут расцветать, но зато они будут *означать*. Они будут означать, что мы выходим из области зимы, тьмы и холода, и начинается нечто хорошее.

Действительно, положив руку на сердце, можно сказать о том, что Вербное воскресенье – это праздник предшествования Воскресения Христова. В пятницу мы закончили читать кафизмы, и мы уже чувствуем, что Святая Четыредесятница закончилась, впереди у нас хотя и Страстная седмица, тем не менее, это уже преддверие большого-большого Праздника. А эти вот ветки и это ликование не имеют ни малейшего отношения к Евангелию, они имеют отношение к нашему настроению, которое гораздо важнее, чем всякое Евангелие. Потому что тот, кто прочтёт Еван-

гелие в плохом настроении, поймёт его плохо, а кто прочтёт в хорошем, подумает: «Это Вербное воскресенье! Какой замечательный праздник! Нужно снять с себя халат и постелить Христу, Который едет на ослике». И нам батюшки объясняют, всё никак достучаться не могут, что вхождение на ослике означает принесение мира. Но какой Он мир принёс? Я не могу вспомнить, когда земля существовала без войны. Но, наверное, принёс, если Христос ехал на ослике. А ещё батюшки нам говорят, и богослужение нам говорит о том, что Он победил смерть. Аминь!

Кстати, сегодня можно есть рыбу. И это ещё один праздник. Прекрасный праздник!

Чем бы дитя ни тешилось, главное, чтобы мы сели со Христом за один стол и поняли, что мы никогда не поймём друг друга. Мы можем только любить, но не понять; любить, но не соответствовать; и не угадывать сказанное. Например, какой-то японец скажет нам фразу, и мы угадываем: наверное, он сказал: «слава Тебе, Господи!» А может, он другое сказал? Да неважно, что он говорит! Обнимите его, налейте ему sake, и всё будет хорошо, а если нет – то нет. Хотите угадывать? – будете всю жизнь напрягаться, угадывать, что он сказал, что он имел в виду, и друг друга ставить на место – «ты неправильно его понял!» Если же мы успокоимся и будем просто пить с японским самураем то, что он посчитает нужным, то это и будет праздник взаимности, но не взаимопонимания.

Итак, сегодняшний праздник – это и праздник весны, и праздник встречи Господа. Для меня это также праздник предшества Святого Воскресения. Так что каждый вкладывает в этот праздник то, что у нас есть. И когда мы будем сегодня освящать вербы, будет замечательная молитва на освящение ваий. Обязательно послушайте эту молитву, потому что я, когда буду её читать, буду думать, что вы её слушаете.

Егда́ сла́внии ученицы́ на умо́вении ве́чери просвеща́хуся ,
тогда́ Иу́да злочести́вый сребролю́бием недѹговав омрача́шеся ,
и беззако́нным судия́м Тебе́, Пра́веднаго Судию́, предаёт.

Из тропаря Великого Четверга

Такой богослужебный взгляд на злочестивого Иуду, наверное, правилен, но как минимум недостаточен. Одно дело, Иуда был сребролюбив, другое – он предатель. Иуда ведь и не думал быть предателем, поэтому, когда он увидел себя предателем, он не смог этого выдержать и повесился.

Иуда был сребролюбив, а кто-то не был. Кто-то был добр и щедр, кто-то жаден и завистлив, кто-то весел и умён. Всё это свойства человека, но не человек. И если мы с вами за этими параметрами человеческой личности не будем видеть человека, то мы тоже распнём Христа. Потому что Его Распятие началось, конечно, не с Иуды, а с того, что на Христа посмотрели как на набор свойств, как на Того, Кто даст силу и свободу. Поэтому Иуда и повесился, увидев, что он просто убил неповинного человека.

Толпа, которая встречает Христа на Вербное воскресенье, ожидает явления Его силы и других свойств. Она кричит: «Осанна Сыну Давидову!», т.е. «спаси нас, потомок Давида», «помоги нам, о, царь». Они не видели Его. Плачет ли Он, скорбит или возмущён – они не видят ничего, кроме свойств. Поэтому очень любопытно, что ещё до того, как фарисеи науськали народ отпустить Варавву, а не Христа, служанка сказала Петру: «И ты был с Иисусом Галилеянином», – в той коннотации, что и тебя бы тоже надо к стенке. А другая повторила: «Точно, он был с Ним». И те, кто были у костра, тоже готовы разоблачить и преследовать последователя Иисуса. Это не фарисеи, не саддукеи,

не книжники, а простой народ, которому Иисус точно ничего плохого не сделал, и который «всегда прав»! Народ реагирует на силу или слабость, как животное. И если Христос слабый, значит, нам такое не нужно...

Если мы будем смотреть на Иуду как на носителя только свойств предательства и сребролюбия, а на Христа как на носителя добрых свойств, мы будем мыслить, как тот же народ, распявший Его за негодные свойства. То есть мы не будем мыслить вообще, за нас будут мыслить клетки нашей кожи, и где теплее и суше, туда мы и будем тянуться. И наоборот, что нам неприятно, то мы стремимся вытолкнуть из жизни.

Так на Христа реагируют все. Первосвященник Анна что-то Его спрашивал о Его учениках и учении. Затем Каиафа спрашивал: «Ты ли Христос?»... Все хотят выяснить, какие у Него свойства, а не Кто Он. Когда сказали, что Он из Себя творит Сына Божия, Пилат как язычник убоялся, подумав, что у Него, может, действительно есть такое свойство. Но скоро и Пилат убедился, что такого свойства у связанного Иисуса нет. Христос оказался без каких-либо суперкачеств.

Слабый не нужен ни христианству, ни тем, кто отрицает христианство. Распявшие Христа думали как те, кто осуждает Иуду. Лишь оправдав Иуду, мы не сможем распять Христа. Мы скажем, что Иуда по-человечески ошибся в том, в чём и наша ошибка. Он наш брат по мысли. Он вначале думает: «Кажется, у этого человека из Назарета есть свойства Божии. Пойду-ка я к Нему в ученики». Разве мы не так мыслим? Если у Него есть божественность, значит, мы будем с Иисусом. А если бы её не было? Ну, не воскрес бы, например? То мы, наверное, сказали бы: «Да ну Его. Мы не с Ним. Пошли рыбу ловить». Неважно, мы христиане или антихристиане, – мы мыслим абсолютно одинаково.

В погоне за свойствами мы не видим друг друга. И говорим: «Вот добрый человек, поскольку у него есть свойство доброты, а этот жадный, так как у него есть

свойство жадности. Так мы говорим не о людях, а об их свойствах, отлично зная, что часто им самим не нравятся те свойства, которые они носят. Апостол Павел признаётся: «Не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю, ибо в теле моём вижу другой закон, противоборствующий закону ума моего». То есть Павел сам говорит, что он проявляется снаружи не так, как хочет. Значит, он не равен своим свойствам. Но мы судим по свойствам.

Почему так получается, что те, кто издеваются над Христом, делают то же самое, что и те, кто Его превозносят? Потому что одинаково мыслят, вот и всё. Когда Он висел на кресте, Ему говорили: «Ну, сойди с креста, покажи нам что-нибудь, и мы в Тебя уверуем». А мы разве не так мыслим? Мы тоже так говорим, только возражаем: «Вот Он сошёл с креста в Своём Святом Воскресении и показал, что Он великий Воскресатор». Те просто этого не знают. Они требуют – и не получают. Мы же требуем – и получаем. Но когда мы требуем, мы совершенно одинаковы, вот в чём проблема. Неважно, что они сегодня говорят: «Осанна Сыну Давидову», ведь через три или четыре дня они будут готовы убить Иисуса. Люди видят только свойства, и по этим свойствам определяют не только других, но и самих себя.

И когда Иуда повесился, он мыслил как православный: «Я плохой человек, потому что я сделал что-то плохое». Но если ты сделал плохое дело, ты можешь сделать и хорошее дело, и не одно. То, что ты делаешь, и ты сам – это разные вещи. Если бы он мыслил правильно, он бы отделил себя от своего дела и сказал бы: «Я предал Иисуса, потому что я реагировал на Его свойства. Теперь я хочу реагировать на Его личность, и буду искать её». Какая разница, что мы сделали?

Вот мы стоим на земле, где сто лет назад тоже стояли какие-то люди. Они работали, пили, ели, танцевали – и умер-

ли. А может, не танцевали – какая разница? Если мы не научимся искать не дела, а человека, то когда мы умрём, умрёт всё, что мы искали. Умрут все свойства и функции, тепло и все остальные характеристики уйдут, и не останется связи между людьми. Надо искать человека. Как один безумец по имени Диоген днём с фонарём искал человека и спрашивал: «Где человек?» Одни туловища и свойства, одни внешности, авторитеты и статусы, которые мы должны отрабатывать. Если женщина – надеваешь юбку. Если мужчина – штаны. Надевали и умерли. И толку с того, что надевали.

Если мы смотрим на Христа, то нам должно быть всё равно, воскреснет Он или нет, Бог Он или человек. Потому что мы видим такого, как я, т.е. своего брата. (А если Он Бог, то какой же Он нам брат.) Может быть, у Него много добрых дел, а у меня нет ни одного доброго дела, но в каком-то отношении мы равные. И Христос всегда считал Себя равным с теми, кто Его окружал. Момент, когда Христос омыл ноги ученикам, очень важен. Он считает, что всё равно, кто кому умывает ноги. Нет никакого критерия, по которому бы один человек был лучше другого. Ни дела, ни черты характера этого не определяют.

Если мы откажемся от этого принципа – судить о людях по их свойствам, – тогда мы поймём трагедию Евангелия. Трагедия Евангелия в том, что сошлись почитатели и отрицатели Иисуса и стали петь хором одно и то же: «Требуем, требуем Божиих свойств!» Те, кто считают, что они дождались, стали христианами. Кто считает, что ждали иного – стали иудеями, и ждут дальше. Некоторые считают, что дождаться невозможно, и поэтому бессмысленно – они стали атеистами. Но все они с одним и тем же запросом обращены к миру, Богу и к бытию. Если же у человека будет другой запрос, начнётся другая беседа с Богом, и что-то начнёт меняться.

Случайно ли, что Христа распяли? С одной стороны, это неслучайно, и мы читаем, что Христос Сам воспринимает Свою смерть как приношение. С другой стороны, осмысляя драматизм Евангельской истории, проще всего представить дело так, что кто-то там был плох, а кто-то – хорош. Тогда окажется, что всё это было случайностью, – всё бы ничего, да вот фарисеи злые, Пилат слабый, Иуда жадный, Пётр малодушный, и если бы эти не подкачали, всё было бы иначе. Вот если бы фарисеи не науськали народ, то уж, конечно, народ был бы за Иисуса. Обычно на это и делают акценты. И так вполне можно всё объяснить, даже находясь в детском саду старшей группы.

Подлинная драма заключается в том, что в любом народе в любое время всё это повторяется, потому что людям очень сложно не быть с большинством. Так, апостолы думали, что если мы сейчас в меньшинстве, то в будущем будем в большинстве, т.е. будем главными. Но когда они оказались в актуальном меньшинстве, так как Христа уже арестовали и мучили, тогда ни Пётр, ни другие ученики не могли выдержать своей маргинальности, своей ничтожности и беспомощности.

Понтий Пилат всегда выступал на стороне силы – силы империи. И вот, пока он разговаривал со своей женой, первосвященники возбудили и настроили народ против Иисуса, как наивно объясняет евангелист. Нет, народ ненавидел Иисуса на самом деле. На чьей стороне быть Пилату? На стороне Того, Кто с тобой-то и разговаривать не хочет? Тогда Пилат остался бы вообще один за Христа, но и без Христа, так как Тот отказывался с ним разговаривать. Пилат не смог выдержать этого. А кто бы выдержал? Одна жена на его стороне со своими женскими заморочками и сновидениями.

А что же народ? Народ внятно проговорил, что он хочет. «Осанна ("спаси нас"), Сын Давидов! Мы Тебя встречаем как спасителя по нашему завету». Желал того Иисус или не желал, так получилось, что народ сам себя обманул. Хотя не то чтобы сам, ибо весь Ветхий Завет ему говорил о том, что должен придти Царь. Например, Захария намекал про Царя на ослице. И народ думал, что теперь-то они точно в большинстве. Пока люди в большинстве, они чувствуют себя хорошо. И когда выяснилось, что это не так, а все их чаяния на воцарение Иисуса оказались тщетными, тогда что здесь можно подумать? Здесь легко можно подумать, что этот человек заслужил быть распятым.

И эта история повторяется каждый раз. Люди очень боятся остаться в одиночку против системы, против общественного мнения, против чего бы то ни было. Обычно все эти борцы-одиночки лелеют где-то у себя в душе идею, что рано или поздно их точка зрения восторжествует. Это не совсем настоящая маргинальность. Настоящая маргинальность – это принять, что ты сейчас никого не убеждаешь, и никогда никого не убедишь. Ты сейчас – меньшинство, и в будущем будешь ещё меньше, и все твои идеи никогда не будут всерьёз восприняты. Вот на такую маргинальность никто не способен. Даже Иисус засомневался, воскликнув на кресте: «Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» То есть Он тоже остался один, получается? Это огромный бич человеческого одиночества. Настоящего одиночества. Не в смысле «Я один, но Отец со Мной», как мы сегодня читали. Отнюдь. Евангелие буквально отсекает множественность от каждого участника событий. Вот пока были вместе, апостол Пётр отрезает ухо Малху. А когда он один, он даже поговорить не может с тем, кому ухо отрезал. Пока нас много (или мы думаем, что нас будет много), мы все такие на коне, и Сам Христос в том числе. Он говорит, что «вы все

разбежитесь, но Я не один», а оказывается – тоже один. И каждый, кто оказывается один, вопиет: «Боже, зачем Ты меня оставил?» Вот то, что актуально, то, что важно, то, что *сегодня*.

Меня спросили вчера: «Как нам правильно понимать то, что произошло две тысячи лет назад?» А зачем нам понимать то, что произошло две тысячи лет назад? Нам нужно понять то, что происходит сейчас, и тогда нам раскроется то, что произошло и две тысячи лет назад, и три тысячи лет назад.

Бегство человека от одиночества само по себе оправдано. Наверное, человек создан не для того, чтобы быть одному. Наверное, мы должны быть как-то вместе. И в завершении Евангелия до нас доносится это: Иосиф Аримафейский, Никодим, жены, стоящие у распятия и пришедшие помазать тело Иисусово, – они тоже не хотят быть отдельно. Мироносицы идут помазать тело Иисуса. И в этом неправильном действии (ведь Христос воскрес и Его не надо помазывать), очень много правды, очень много подлинного человеческого желания быть причастным, быть вместе. Я думаю, что Никодим или Иосиф, которые закупили масла, и жены, шедшие на гроб, были правее, чем ученики, которые разбежались, не выдержав своей «расщеплённости», «единичности». И жены не выдержали, но ученики согласились с тем, что ничего нельзя поделать, а жены – нет. Иуде же хуже всего пришлось, он вообще остался один-одинёшенек. Первосвященники, к которым он пришёл, оттолкнули его раскаяние, сказав: «Что нам до того? сам смотри», т.е. они дистанцировались от него. Он сам дистанцировался от апостолов, от Иисуса. И оставшись совсем один, он и покончил с собой. Я думаю, это желание приходит ко многим в разном виде, но не все могут это увидеть, и каждый раз оно приходит тогда, когда человек остаётся совершенно один.

Христианство – это весть о том, что мы не одни: «и се, Я с вами во все дни до скончания века». Это благо- вестье ложится в самое сердце. Это и есть самое благо- вестье, а всё остальное – кто кому сколько должен, кого нам любить, самарян, иудеев, как нам поститься – это всё неважно. Мы чаем то, без чего просто не можем быть, и никто не может – ни Бог, ни человек. Никто не может быть один, хотя и кажется, что может, – а не может. Даже Бог, и Тот создал небо и землю. Спрашивается, зачем? Просто Он не может быть один! Хоть бы это была и ересь, всё равно не может.

Поэтому мы, собираясь вокруг этой истории, собираемся вокруг собственной судьбы, здесь мы чувствуем нашу суть. Господь открывает нам это в Своих страданиях. И даст Бог, мы дождёмся и Его Воскресения.

125.

Бог умер понарошку?

26.04.2019

В Великую Пятницу

Как на погребении люди прощаются с умершим, так и сегодня мы будем подходить к Плащанице, целовать тело Иисусово и прощаться с Ним. Но здесь всегда просится слово «как бы», «как бы прощаться». Однако, если Он «как бы умер», то всё христианство становится ненастоящим. Христиане – дети Воскресения, которое заполнило наше зрение и вытеснило из виду смерть Христа. Эта смерть для нас стала неким чудесным фокусом, доведённым до абсурда, когда богословы говорят, что Он на самом деле не умер, а проповедовал где-то в аду, в общем, был занят. И тогда чего мы тут собрались, вокруг Его тела?

Но Бог действительно умер. И всё, что мы знали о Боге, о поклонении Ему, умерло вместе со Христом.

Само Его Воскресение это показывает. Воскреснув, Он не установил никакую религию, Он не дал никакого учения. Он не сделал того, что надлежало бы сделать тому, кто воскрес. То есть Своей смертью Он ставит точку в том, что мы знали до сих пор о Боге: Он упраздняет все жертвоприношения, все служения, все каждения, все облачения, все храмоблагодетельства, всевозможные страты жрецов, знатоков и толмачей Писания. Всё это должно было умереть вместе с Ним. Если же Бог умер понарошку, тогда Он «уничтожил», перечеркнул Свою смерть. То есть в Своём Воскресении Он лишь подтверждает Свою смерть и то, что Он ничего не сделал, чтобы взять реванш. «Явить Себя миру» в апокалиптическом или мессианском ключе не входит в Его планы. Бог ставит точку в прежних отношениях с человеком.

Нам же пора присмотреться к смерти. Что означает «Бог умер»? Это значит остаться с пустотой, с бессмысленностью, без какой-либо надежды. Вот так должно быть. И тогда, увидев перед собой этот ужас ничто, человек может стать христианином. А до тех пор люди отводят взгляд от смерти Христа и говорят: «Ну как же, наша помощь ближним говорит, что наша религия правильная». А что, до Христа никто не помогал ближним? И какой смысл был Ему умирать?

Смерть Бога есть именно смерть Бога. То есть жил-был Бог, Который сотворил небо и землю, Который устанавливал религии, Который давал откровения, обетования, заповеди и прочее. И вот Он стал человеком и умер, решив навсегда остаться человеком. Тем самым Он возжелал, чтобы мы обратили внимание друг на друга, потому что когда люди обращают внимание на Бога, они мешают друг другу, как на архиерейском богослужении в кафедральном соборе. Что там делают остальные люди? Они толкаются и мешают друг другу, потому что им важно

угодить Богу, а не человеку. Пока в приоритете у человека будет важно служение Богу, люди будут ради Него проклинать и сжигать друг друга, потому что эта скала висит над ними. Как её убрать? Бог должен умереть. И Он приносит Себя в жертву, чтобы, освободив их от Своего колоссального давления, указать им на самое важное, что они могут делать, – любить друг друга. До этого их любовь к друг другу была мелочью. После смерти Бога *только это и важно*, только это у нас и есть. Бог теперь Тот, Кто заполняет пространство между людьми. Не между небом и землёй, а между людьми. Это христиане называли Его Посредником между небом и землёй в Послании к Евреям, а Сам Он говорил: «Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них». Он вторичен после нашей любви. Мы соберёмся – и Он существует. Но Он существует для того, чтобы мы увидели друг друга.

Все остальные интерпретации смерти Бога – это уродство, сохраняющее египетскую религию, со своими мумиями и нашими новомодными мумиями. Если не понять этого момента, мы теряем всё, что сделал Христос. Мы превращаем Его в морализатора, Который лишний раз напомнил, что нельзя воровать и убивать. Без Него знали об этом. Обезьяны знают об этом, потому что это наказуемо. А те, у кого более сложная психика (как у Раскольникова), сами могут себя наказывать. Сделают что-то не то, и не спится им. Внутренние полицейские работают.

Так вот, смерть Бога – это действительно невыносимый подвиг. Это как, например, если бы вы жили в одной комнате со своими детьми, которых вы явно стесняете, и вот вы решаетесь выйти в окно. Так и Христос решается уйти. И даже когда Он вдруг появляется по Воскресении, люди думают: «О, раз Ты опять пришёл, значит, миссия продолжается». Его спрашивают: «Господи, не в сие ли время восстановляешь Ты Царство Израилю?» Наша песня хороша,

начинай сначала!.. Тогда Он «умирает» во второй раз, т.е. возносится, и говорит: «Друзья, оставайтесь здесь. Я пошлю вам Духа – Духа, Который между вами, Духа, Который объединяет вас, Духа любви, Духа истины, Духа, Который “где двое или трое”, Духа, Который “когда вы любите друг друга”...»

Бог следует за человеческой любовью, Он как шарик в руках у Пятачка. Куда Пятачок, туда и шарик. Если человек любит другого, то и Бог его любит, с Ним вообще нет проблем. Проблема только в том, чтобы человек любил другого человека. Поэтому Иоанн пишет в своём Послании: «Братья, будем любить друг друга, потому что Бог есть Любовь. И тот, кто любит, тот знает Бога и пребывает в Нём». Если до того Он был первичен, а твоя любовь к ближним – вторична, то теперь именно *она* оказывается больше.

Людей раздавила религиозность. Они устроены так, что даже атеисты служат чему-то высшему, они тоже готовы расталкивать друг друга за демократию, за гуманизм, за мир во всём мире, за экологию... И поэтому человек рядом с ними всегда страдает, так как есть нечто высшее. И ради этой высшей цели люди могут быть репрессированы, расстреляны и т.д.

Христос принёс Себя в жертву, чтобы до нас дошло, что такая мысль убивает. И доколе мы будем мыслить так же, мы тоже будем готовы убивать. Мы не будем убивать лишь потому, что мы слабые, но мы хотели бы иметь право и возможность убить. В этом не так сложно, я думаю, признаться. Христиане говорят, что взрывать людей нельзя, но тех, кто взрывает людей, их самих надо взрывать. Разве мы не так мыслим? Так. Это потому что у нас есть теория, которая важнее человека. А у тех, кто взрывает людей где-то в Шри-Ланке, есть своя такая же теория. Если у вас есть теория, которая важнее, чем человек, вы фашист, какая бы там теория ни была, даже антифашистская.

Христос отвергает все теории и говорит: «Вы просто любите друг друга, а Бог будет принимать это на Свой счёт». И мы вчера читали: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга». Не Десятизаконие Моисеево, а единственную заповедь, новую – в смысле, ту, которую Моисей как-то позабыл дать. Моисей очень разбирался в том, кого можно есть (зайца, сома, карася...), но он забыл сказать «любите друг друга». Потому что для него самое важное было – угодить Богу, и не дай Бог съесть верблюда или комара, т.е. нечистое животное. А вот человека забить камнями за то, что он в субботу собирает палочки, конечно, можно – он же не соблюл высший принцип!

Что остаётся сделать Богу в этом случае? Только умереть. Вот Он и умер. Умер гораздо более по-настоящему, чем умер Владимир Ильич Ленин, потому что Ленин умер, чтобы дело его жило. А Христос умер для того, чтобы закончилась вся эта канитель, где люди носят на себе египетские пирамиды, наверху которых восседает какое-то божество. И в этом служении страдают все: они сами, те, кто иначе это делает, и те, кто вообще это не делает.

Христос показывает, что из вот этой бессмыслицы, оставшейся после смерти Бога, есть только один выход – любовь. Любовь всё наполняет смыслом. Любовь делает существование человека оправданным.

Представьте себе, вы идёте по улице, и вас толкнул какой-то жлоб. Кажется, что он не должен существовать. Но вы узнаете, что его любит жена и дочка, его кот и попугайчик. Что ж, значит, в каком-то смысле он всё равно должен существовать, пусть даже он вас намеренно обидел и не прав. Любовь – это единственное, что может оправдать человека. Если же он прожил и никого не любил, это похоже на яблоко, которое выросло, упало на землю, сгнило и ничего не оставило после себя.

Правда Погребения

30.04.2021

На Великую Пятницу

Смерть Бога – это то, что немыслимо, это то, что мы не допускаем всерьёз, потому что мы, как христиане, знаем, что Бога убить невозможно. И поэтому нынешнее Погребение Христа – как бы понарошечное, так как в глубине души мы не верим в то, что мы делаем. Так часто бывает в нашей жизни. В то же время мы словно бы не верим в то, что Он жив. Потому как о том, что Он говорил, как поступал, как там всё было, мы удостоверяемся из переписанных слов современников Христа. Так принято в Церкви. Мы узнаём, наводим справки о Нём так, как будто Его уже и нет. Знаете, как трагически погибший Александр Сергеевич Пушкин. Откуда мы можем узнать о его жизни? От современников – одним доверяя, другим не доверяя.

Так же поступают люди и с Богом. Вроде Христос воскрес, но мы так живём, словно бы Он не воскресал, словно бы мы действительно Его похоронили. Поэтому в этом Погребении есть своя большая правда. Так как люди не доверяют живому Богу и не могут сказать: «Он мне вчера сказал то-то и то-то», или: «Моё пребывание во Христе свидетельствует ярче, нежели воспоминания Его современников, потому что я сам – современник Иисуса Христа, а Он – мой современник. Он вне всякого времени и во всяком времени». И вот это нынешнее недоверие себе, недоверие Воскресению, наверно, имеет право быть.

Сегодня при совершении чина Погребения Плащаницы мы слышим молитвы, которые Христа оплакивают, вспоминая о том, как это было. И в этом Погребении действительно есть погребение чего-то живого.

Вы знаете, человеческая культура развивалась вокруг погребений, вокруг того, что должно было бы быть, но не осуществилось. Каждое погребение – это похороны чьей-то вечной жизни, и мы сожалеем о том, что человек не прожил ещё столько-то лет. И мы чувствуем правду в этом Погребении. Правда не в том, что Он живёт вечно (как видите, сейчас Христу никто не доверяет, доверяют только сказаниям о Нём), а правда в том, что Он должен был бы жить вечно, это должно было быть, но этого нет. Знаете, как вырванный зуб. Мы ощущаем, что он здесь должен бы быть, но его нет. Его нет не так же, как нет, например, розовых слонов или летающих бегемотов. Собственно, их как бы и не должно быть. А вот Бога нет иначе. Его нет так, как будто Он должен был бы быть. И если мы так ощущаем это отсутствие в момент Погребения, то оно тоже действительно, оно говорит правду.

Мы, конечно, знаем, что это Погребение не навсегда. Многие из нас уже приготовили пасочки, закупили яйца, чтобы красить, и вообще спланировали свой воскресный день или ночь с субботы на воскресенье. Поэтому я и сказал вначале, что это понарошечное Погребение. Но всё равно в нём столько много правды сожаления о том, что чего-то важного нет, что с нами нет Бога, в том, что мы – не Его современники, что Он умер. Хоть бы мы сто раз говорили, что Он тогда воскрес и сейчас с нами, и что Он понимает нас гораздо лучше, чем мы понимаем себя, и мы являемся большими Его современниками, чем даже Его апостолы, всё равно это слова не настолько весомые, насколько слова о Погребении. Поэтому традиция Погребения так же важна, как и празднование Воскресения.

В нашем чувстве недостаточности, указывающем на то, что тут должно было бы быть что-то большее,

заклучена, наверно, главная правда. Когда мы смотрим на человека плохого, мы думаем: «Он должен был быть лучше». Когда мы смотрим на человека хорошего, мы говорим: «Этот человек должен быть вечным, он не должен состариться, заболеть и умереть». Мы каждый раз фиксируем, что здесь что-то должно было быть другое. И вот в этой самой фиксации для нас больше истины, чем в Воскресении Христовом. Потому что Он-то воскрес, явился Петру, Марии, ещё кому-то, но это ж там, где-то далеко, две тысячи лет назад. И вот это чувство дистанции между нами и Воскресением, между нами и Христом, оно сегодня подчёркнуто чином Погребения. И в этом ритуале самое главное – это сожаление о том, что должно было быть здесь.

Если каждый из нас всерьёз задумается о себе, то знаете, о чём мы будем каяться? О том, какими мы должны были бы быть. Не столько о том, что мы сделали плохого, сколько о том, что можно было бы иначе, можно было бы немножко по-другому прожить этот день, этот год, эту жизнь. И этот аспект бытия, действительно, важен для нас. Это то, вокруг чего происходит вращение, то, что должно было быть. И это возвышенное чувство сегодня всячески подчёркивалось в чине Погребения. Поклоняясь Плащанице, мы преклоняем колена пред Тем Богом, Который должен был выйти нам навстречу ещё раньше, перед теми нами, кто должен был быть нашим примером, перед теми днями, которые мы должны были провести иначе. Но мы хороним это и говорим: «А иначе уже не будет». Мы соглашаемся с этим. И дай Бог, чтобы это согласие со смертью, с тем, что никогда не будет, было уравновешено воскресением того, что у нас всё-таки есть, – Воскресением Господа нашего Иисуса Христа.

Пасхальные послания святителей и их спичрайтеров не могут передать всего торжества, которым наполнено Воскресение Христово, потому что Бог общается с человеком не только на языке слов, но и на языке какого-то ощущения, что так должно быть.

Самое главное, что мы здесь слышим, это ответ на вопрос о смерти. Смерть человека всегда несправедлива. В наших глазах даже насыщенный днями человек не должен умирать. И Пасха – это Божий ответ на то, что по ту сторону смерти, по ту сторону нашей дряблости, неинтересности, ворчливости. Он всё равно встречает нас и продолжает начатый диалог, потому что объяснение Его Воскресения всегда повисает в воздухе. Хорошо было апостолу Павлу, который думал, что скоро вслед за Христом воскреснут все остальные. Но нам не так просто вывести причину Его Воскресения.

Почему Христос воскрес? Если брать по факту, то похоже на то, что Он воскрес для того, чтобы продолжить диалог с человеком, и прежде всего – со Своими учениками. Вот почему Он не явился Каиафе, Пилату и другим хорошим людям. С ними просто не было такого диалога, который бы Он хотел продолжить. Но когда Он воскресает, Он продолжает беседовать. И, конечно же, воскресает Он на языке иудейском, показывая им Своё тело, что-то кушая, пытаясь донести, что это не их фантазии, а настоящее продолжение диалога, признание в любви к человеку и желание быть с ним. Хотя иудей с трудом это понимал, продолжая мечтать о скором реванше и всемирном господстве Израиля. И Христу только и остаётся, что кивнуть: «Пусть. Я не спорю. Может, ты тоже прав».

Сегодняшний Праздник обращён внутрь нашего страха о смерти, нашего беспокойства об увядании, отупении, беспомощности... Это так и будет. Или уже есть... (И, возможно, надо заканчивать эту проповедь, потому что это может начаться раньше, чем я думал.) Но по ту сторону всех этих наших страхов и беспокойств стоит Христос и говорит: «Войдите в радость Господа своего». Он уже о чём-то радуется, Он что-то знает. А мы знаем только то, что мы грешны, из-за чего нам стоит беспокоиться и бояться. Он же знает о чём-то другом и ждёт нас с радостью, и сопребывает с нами сегодня в радости.

Христово Воскресение не где-то и не когда-то. Оно всегда с нами, ибо существо человека и в I веке в Палестине, и в XXI веке в Одессе всегда одинаковое. Мы спрашиваем: «Господи, Ты видишь меня по ту сторону всего, что я имею?» И Он отвечает: «Да, Я буду с Тобой. Наше общение продолжится». Благовестие Христова Воскресения в том, что наша природа не оставлена. Ландыши, розы и другие прекрасные цветы живут, потому что повторяются. Человек не повторяется, поэтому ему нужно иначе жить.

И вот, пройдя Великий пост (неважно, кто как постился), совершив этот важный переход, мы начинаем жить иначе. И дай Бог, чтобы, живя иначе, мы также были вместе.

128.

Вера как ощущение ран Христовых

19.04.2015

В Неделю апостола Фомы, Ин.20:19–31

Вера Фомы – это ощупывание ран Христовых. Вера каждого человека есть то же самое – ощупывание Его немощи, ощупывание Его ран. Не просто знание или понимание того, каково положение теодицеи, а именно ощущение этого. Верующий человек ощущает немощь Христову. Христос

после воплощения остался с ранами, нанесёнными Ему людьми. С этими ранами Он и воскрес, и дал осязать себя Фоме. Когда Фома говорит: «Верую...», он исповедует немощ Божию, раны Его, и Его пребывание с нами. Апостолы сообщили Фоме: «Христос воскрес!» Но Фому не удовлетворяло то, что Христа нет рядом с ним, и Господь не явился именно ему.

Хорошо, когда мы исповедуем нечто, произошедшее где-то когда-то давно, но очень часто не достаёт вот этого требования: «Господи, то, что было далеко где-то там, пусть будет здесь и сейчас! Ты говоришь, что Ты немощен, так дай мне ощутить и немощь Твою». Пусть Он распятый, пронзённый, но это тоже нам нужно пережить. И каждый из нас не оказался бы здесь, если бы не был тогда с Фомой, если бы не был в определённый момент своей жизни тем самым Фомой, который, как-то идя по жизни на ощупь, сказал: «Господь мой и Бог мой!» Это своего рода дарение себя Богу. И дальше мы должны быть тоже с Фомой, который, сказав эти слова, пережив это ощущение, следует за Христом, принадлежит Христу во всякую минуту жизни.

Не думаю, что у апостола Фомы всегда была такая вера, как в тот момент, что он никогда не сомневался, что всегда ощущал Христа, стоящего пред ним. Наверняка были моменты, как и у нас, какого-то затмения, замутнения жизни, когда человек мало что чувствует и переживает, когда он разочаровывается в жизни и перестаёт верить не только в Бога, но и в друзей, и вообще в людей, перестаёт воспринимать радость как радость или горе как горе. Тогда необходима верность этому откровению. Потому что у человека нет какой-то жизни доброй или злой, светлой или тёмной, у него постоянно мелькает всё вместе; и нужна верность истинному свету Божию во все дни нашей жизни, во всякое мгновение. Мы должны помнить, что и у нас был момент, когда мы стояли с Фомой и говорили:

«Господи, Ты воскрес из мёртвых ради меня, Ты явился мне и показался мне». И тогда это будет не просто днём апостола Фомы, но и днём каждого из всех здесь предстоящих и молящихся.

129.

Благовествование для опоздавших

09.05.2021

В Неделю апостола Фомы, Ин.20:19–31

Сегодня для всех, кто опоздал или проспал в прошлое воскресенье, празднуется Антипасха, т.е. «вместо Пасхи». Апостол Фома считается тем, кто опаздывает на событие Воскресения Христа, кто как бы разрывает единство апостолов, которые ему говорят: «Мы видели Господа!» Он отвечает им: «Пока я не увижу Его сам, я не могу веровать». И тут вопрос, который интересен сам по себе: почему всё-таки люди должны быть едины? Может быть, они слишком разные, и призыв к единству является фальшивым? Может, когда они одинаковые, лишь тогда мы можем призывать их к единству на твёрдом основании?

Из Евангелия мы видим, что люди очень разные. Подчёркивается, что даже факт Воскресения Христа убеждал далеко не всех. У евангелиста Матфея прямо сказано, что даже когда Он явился после Воскресения многим, одни поклонились, а другие усомнились. Евангелист Марк вообще пропускает все явления Христа, он не описывает, что было дальше (известно, что после 9-го стиха 16-й главы идёт текст не Марка). Он фиксирует только то, что Тело Господа исчезло (ангел говорит мироносицам: «Он воскрес, Его нет здесь...»), как бы оставляя ситуацию неразрешённой. Евангелист Лука свидетельствует о том, что апостолы не понимали смысла Воскресения Христа, хотя и знали, что Он воскрес. Они спрашивают: «Не в сие ли время восстанавлиешь Ты царство Израилю?»

Евангелист Иоанн подчёркивает это внутреннее разделение апостолов после Пасхи и выводит в апостоле Фома как бы персонифицированное неверие в Воскресение. Фома как бы говорит: «Я не могу быть с вами единым, я другой, я не могу так поверить». В конце концов Фома убеждается, и Христос говорит ему: «...и не будь неверующим, но верующим». Но ещё до того, как он был убеждён, он ведь идёт к ученикам. И разве был он неверующим за двадцать минут до встречи с Христом? Разве неверующий пришёл бы и проверял бы факт Воскресения? На нашем языке это означало бы: разве мо́лится Христу тот, кто Ему не верит?.. И вот тот, кто пытается быть вместе с другими апостолами, вознаграждается тем, что тоже получает свидетельство Воскресения.

Но сегодня день апостола Фомы, а значит – день другой веры, не нашей веры в Воскресение. Евангелист Иоанн с большим оптимизмом говорит о том, что если вы будете хорошо сомневаться, то Бог даст вам вложить ваши пальцы в Его раны, и вы убедитесь. Но есть и другие Фомы, которым не дали вложить пальцы куда надо. Их «вера» является, с одной стороны, неверием, но, с другой стороны, это тоже опоздавшая вера – вера, которая ещё не созрела. Может быть, она вот-вот созреет и зацветёт, а мы воспринимаем её, как сорняк. Мы говорим: «Смотри, евангелист Иоанн сказал, что Фома убедился, – и ты убеждайся!» Но Фома убедился, потрогав, а тот должен убеждаться, читая книгу. Это совсем не то же самое. И то, что Фома таким образом убедился, должно уверять меня в обратном, что читать книгу не стоит. Фома не прочёл книгу. Точнее, он «прочёл» речь своих друзей – «Мы видели Господа!» Это и есть Евангелие – слово Божие! И он отвергает слово! И сколько ходит таких «фом неверующих», которым не довелось вложить пальцы в раны Христа, и они остались вот на этой фразе Фомы: «Если я

сам не увижу – не поверю». Они так до сих пор говорят, если с ними пообщаться. И это такие же честные люди. Просто так случилось...

Итак, в эту вторую Пасху и в эти дни дома, на улицах и на кладбищах мы благовествуем о Воскресении людям, возможно, совсем далёким от веры, как мы её понимаем. До того, как пришёл воскресший Христос, мы говорим Фоме: «Мы видели Господа!», или, по-нашему: «Христос воскрес!» А он: «Не знаю, как у вас, но у меня – нет». И вот на этом, собственно, евангельском моменте мы зафиксируем ситуацию, что у Бога есть и такие ученики. Может быть, не до всех Он дошёл. Может быть, Его не было тогда, когда нужно было. Или они как-то уже свиделись, но человек назвал Его иначе, посвятив себя чему-то и сказав, что его смысл жизни – в том-то и том-то. Я думаю, если мы так будем понимать наш возглас «Христос воскрес!», то и ответ «Воистину воскрес!» будет действительно распространяться на всех людей, а не только на тех, которых мы – слава Богу! – опознаём как своих.

130.

Пасха для взрослых

01.05.2022

В Неделю апостола Фомы, Ин.20:19–31

Антипасха – это Пасха для тех, кто опоздал и вместе с апостолом Фомой уверился в Воскресении немного позже. Зададимся вопросом: а кем был Фома до того, как он уверился? Ведь он вроде как из апостолов, из учеников Христовых, и считал себя таковым, но, тем не менее, не поверил в Его Воскресение, когда пришёл к остальным апостолам. Почему же его не было тогда, в день Воскресения? Видимо, потому что в нём не было «страха ради Иудейска», и поэтому он не был с апостолами в этот день и пропустил явление Воскресшего.

И вот эту дистанцию он решил наверстать, сказав: «Если я не увижу того, о чём вы говорите, то, как хотите, но я не поверю». Он попросил то, что было дано другим. Это всё равно, что ребёнок, который увидел мороженое в чужих руках, говорит: «Я тоже хочу! Почему им дали, а мне нет?» И здесь чадолюбивый отец может, конечно, купить ему мороженое, а может показать ему, что в мире бывает так, что у одного есть, а у другого нет. Как поступить правильно? Никак. Поскольку, если он объяснит ребёнку: «Понимаешь, иногда так бывает, что ты ничем не хуже, но тебе мороженого не достаётся», тогда ребёнок скажет: «Ты меня не любишь». А если ему купить мороженое, он подумает, что мир так устроен, что раз у другого есть мороженое, то и у тебя должно быть. А это неправда. И тут Христос как всегда, так сказать, выкручивается. Что же сказать Фоме, который желал увериться? Конечно же, здесь Христос как бы лукавит, показывая ему то, что у Него есть и нет в одном и том же смысле, в одном и том же отношении. Есть ли у Христа раны? Вроде есть. Но когда Он шёл с путешественниками в Эммаус, их не было. И когда Он явился Марии Магдалине, опять же, ран не было. То есть у Него эти раны так же есть, как и нет. Но поди-ка объясни Фоме: «У меня раны так же есть, как и нет». Нет, Фома хочет увериться так, как и задумал.

Фома не был худший апостол. Когда решался вопрос, идти ли Христу в Иерусалим, он сказал: «Пойдём и мы умрём с Ним». И тогда, когда у всех не доставало духа спросить, и все делали вид, что понимают, о чём Он говорит, Фома сказал: «Мы не понимаем, о чём Ты говоришь. Куда Ты идёшь?» Ну и Христос тогда ответил, что они за Ним сейчас не могут идти и т.д.

Самые большие преграды – те, которые мы сами себе нарисовали. Фома придумал себе преграду, и он бы её не пересёк. Он сам себе придумал: пока я не вложу

пальцы в Его раны, пока не увижу... И в этом Евангелии Христос поступает так, что «даёт мороженое». А когда мы не можем пересечь преграду, у нас тоже есть выбор: или остаться травмированными, или стать мудрее. Можно ходить всю жизнь и говорить: «Эх, мне не дали». А можно сказать, что я стал мудрее, я понимаю, что иногда дают, а иногда – нет. Мир так устроен сложно, что нельзя объяснить, положено ребёнку мороженое или нет. Иногда положено, а его просто нет, и всё. Это невозможно объяснить в каких-то вот таких детских рассказах. И Фома призывается к тому, чтобы быть умнее, чтобы понимать, что Воскресение Христово – это не то, в чём можно и нужно быть уверенным всегда. Это не тот вопрос, когда ты, вложив руку в рёбра, всё разрешаешь. Но Христос поступает здесь так, словно это именно такой вопрос.

И в любом случае, все остальные христиане – типа нас – говорят: «А как же мы? Мы тоже пальцы приготовили вкладывать». То есть у нас та же дилемма – или мы пересечём этот барьер, или мы станем мудрее и скажем: «Неважно, что я там себе придумал, важно то, что есть вещи, которые иначе нужно принимать». Вот, допустим, продают за углом шарики надувные или не продают? Мы это можем проверить. А есть вещи, которые нужно принимать иначе.

Воскресение Христа должно принимать так, как Он говорит: «Блаженны невидевшие и уверовавшие». Это не о том, что человек вообще ничего не видит, и должен верить каждому встречному-поперечному, а о том, что здесь есть сложность. Ты убедился, уверился и не сомневаешься? Молодец! Но Христос говорит: «Я-то воскрес, но лучше бы, чтобы ты в этом сомневался. Лучше бы, чтобы ты верил, не видя». Это другой статус веры. *Когда мы верим и видим, мы уже не верим, мы просто видим.* В том-то и дело, что есть некоторое полагание, в котором ты чувствуешь этот риск,

ты знаешь, что это ты так решил, ты подвинул тот забор, который сам себе придумал.

И вот на этом пути нас встречает Антипасха, т.е. другая Пасха, взрослая Пасха. Пасха для детей – когда мы видим и стопроцентно верим – «вау, мы победили!» И это хорошо. Но прошла неделя, и вот – Пасха для взрослых. Мы говорим: «Да, Христос воскрес, но мы не можем в этом увериться». Христос воскрес, но это никак не доказуемо, Христос воскрес, но это немыслимо и даже бессмысленно, потому что если мы сейчас попытаемся придумать смысл, то его у нас тоже не найдётся. «Победил смерть», «сразил дьявола», «разрушил врата ада»... Говорите и вы так. Митра вообще из камня вышел, какие могут быть сомнения! Мы оказываемся в ситуации взрослого Воскресения – Воскресения, где все уже сыты, пасочки съедены и яйца тоже, алкоголя осталось немного. В этой ситуации надо подумать чуть глубже, и тогда мы уже вместе с Фомой по-серьёзному скажем: «Господь мой и Бог мой».

131.

Преодоление дистанции

16.05.2021

В Неделю жен-мироносиц, Мк.15:43–16:8

Бог, создавая многообразие мира, создавая мужчину и женщину, сразу установил какую-то дистанцию между ними. И мы всю жизнь её преодолеваем, стараясь быть ближе друг к другу. Но Бог эту дистанцию нарочито сделал. Мужчины и женщины, мы сотворены разными, поэтому между нами всегда будет эта дистанция. Только в дистанции и в преодолении дистанции люди – как мужчины, так и женщины – могут быть по-настоящему мужчинами и по-настоящему женщинами. Да и вообще, человек по-настоящему может быть человеком, когда перед ним дистанция.

И вот Христос Своей смертью полагает некоторую дистанцию между Собой и женами, которые Его любили. И как Иосиф Аримафейский сделал всё, что мог (купил плащаницу, выпросил у Пилата тело Иисусово, положил Его во гробе), так и они делают то, что могут. Они преодолевают эту дистанцию теми способами, которыми можно было её преодолеть. Тогда было принято помазывать трупы уважаемых людей благоуханным маслом, оказывая этим любовь и почтение к усопшим. Поэтому они берут ароматы и идут ко гробу. И в этом движении они и реализовывались. Как говорится, птица видна по полёту. Но в полёте она что-то ищет, чем-то занята. А человек смотрит на птицу и думает: «Как она красиво летит!» И цветок красив, когда он расцветает. А между тем, цветок своим цветением решает какую-то свою задачу. Можно сказать, жены-мироносицы тоже решали определённую задачу, и они были прекрасны в своём высоком порыве.

Мироносицы вроде как должны были знать, что Христос воскреснет, но вот не знали. Я думаю, эта их ошибка, когда они шли помазать ароматами Его тело (а тела-то и не было), – по-настоящему святая ошибка. Может быть, в нашем духовном пути всё состоит из таких священных и праведных ошибок. Например, когда мы полагаем, что Бог чего-то не знает, и без нашей молитвы о ближнем Бог не вспомнит о нём, мы в этом тоже ошибаемся, но само обращение к Богу и простирание нас к ближнему в молитве и заботе о нём – это важно, это ценно.

Богу не нужны ни молитвы, ни бидоны с маслом, но Он принимает и то, и другое. Поэтому сегодня у нас будут только молитвы, ну а бидоны с маслом будем понимать духовно. То есть они будут изливаться на каждого встречного из нашей души. И наши жены-мироносицы будут этим маслом духовно благоухать.

В этот день во всех храмах батюшки рассказывают о том, как они любят своих прихожанок, наших мироносиц, у которых не мир в руках, а мир в душе. А всё потому, что женщины для Церкви очень важны. В своё время, в Советском Союзе, как говорится, с «белыми платочками» Церковь переживала самые трудные времена. И сейчас – оглянитесь вокруг! – наши женщины несут основной труд молитвы. Церковь всегда это ценила, но никогда женщина не будет равна мужчине в Церкви, потому что и священником нельзя быть женщине, и в алтарь всё равно вам нельзя, – а что делать, вы же нечистые круглогодично. Вот такая неблагодарочка. Да, у нас есть день святых жен-мироносиц, однако Церковь, конечно, является наследницей того общества, где женщина не считалась полноценным человеком. И всё-таки Церковь проделала большой путь на пути к женщине.

Когда мироносицы шли ко Христу, неся ароматы, они шли в страхе и трепете. Они шли, недоумевая, «кто отвалит камень от двери гроба». И этот путь сегодня Церковь делает по отношению к этим женщинам, потому что Неделя жен-мироносиц, – это на самом деле Неделя свидетелей Воскресения. Во 2-ю Неделю по Пасхе у нас – Фома, в 3-ю Неделю – жены-мироносицы. Они есть свидетели Воскресения Христова. И именно как таковые, собственно, они и интересуют Церковь, а не сами по себе, потому что ничего о них толком неизвестно, никто не интересовался ими, да и не заинтересуется.

Поэтому надо жить в таком мире, где вы можете кого-то интересоваться на самом деле, в мире, где Бог, несмотря на наши ошибки, бежит нам навстречу. И ведь

жены в то утро ошибались, они несли миро Тому, Кому не нужно миро. Тогда было такое суеверие, что покойников надо намазывать благовониями. Иосиф Аримафейский не успевал и положил тело Христа во гроб, просто обвив плащаницею, но не помазав благовониями. А помазать-то надо. И вот жены, идя ко гробу благодаря этой традиции, стремясь сделать всё правильно, встречают Того, Кто воскрес из мёртвых. Таким образом, жены-мироносицы – не особенно духовные люди, это просто люди, которые хотели сделать всё правильно, как положено. Женщины очень часто выступают носителями самых архаичных верований, самых глубоких пластов культуры, и они знают, как положено, и они соблюдают это «как положено». И Бог, идя навстречу всевозможным этим культурным заморочкам, встречает их и говорит: «Христос воскрес». То есть Он даёт им гораздо больше, чем они чаяли.

Миро, которое несли жены, им не пригодилось. И оно осталось в Церкви как драгоценность. Оно разлито по нашим душам и благоухает, к сожалению, один раз в году. Но, тем не менее, я надеюсь, что если принохаться, то вот этот аромат женского присутствия в Церкви так или иначе когда-нибудь станет равным мужскому. Постепенно мы пройдем этот путь, и как жены дошли до воскресшего Христа, идя к мёртвому, так и мы дойдём до женщины, равной мужчине. Хотя идём просто поздравить её с праздником, а найдём там величие Божиего замысла. Не того, знаете, который есть в начале Библии, – «сотворим ему помощника, подставочку, мотыжку». Помощник – это не то. Не помощника создадим, а, собственно, создадим человека ещё раз. Этого человека надо открыть, так как, очевидно, он до сих пор не открыт.

И вы видите, Церковь делает всё для этого. Обычное воскресенье, которое посвящено Воскресению Христову, мы превратили в день жен-мироносиц – в православный

женский день. И это невзирая на то, что по уставу такого дня нет. Это означает, что за последних лет двадцать-тридцать Церковь серьёзно продвинулась к воскресшему Христу – Христу, Который не бывает воскресшим Сам по Себе. Ведь кто-то видит Христа воскресшим. А кто Его видит первым? Его видит первой Мария Магдалина, Его видят первыми жены. Поэтому Христос воскресший никогда не бывает без женщин, которые Его созерцают. Вот это созерцание Христа воскресшего и является сегодняшним днём. И дай Бог, чтобы наши святые жены, которые благоухают тем самым миром, всегда были окружены теплотой, любовью и светом Воскресения Христова.

133.

Нарушить священное

29.04.2018

В Неделю о расслабленном, Ин.5:1–15

Повествование о расслабленном очень глубокое и пасхальному весёлое. Оно строится не на том, что Христос совершил чудо (исцелил очередного больного), а на том, что тут совершается «преступление»: Христос нарушил субботу, и расслабленный нарушил субботу.

Почему расслабленный лежал у купели тридцать восемь лет? Он постоянно не успевал. Богу, наверное, было забавно устроить такие «гонки». Ангел внезапно возмущал воду, и кто быстрее из страждущих добегал до неё, тот и исцелялся. У расслабленного не было друга, который помог бы ему, поэтому, когда он дотягивался до воды, другие опережали его. В итоге, по результатам 38-летней «олимпиады» он, понятное дело, так и продолжал лежать.

Раньше меня это возмущало, а сегодня – нет. Я понял. Суть дела здесь в том, что вот этот расслабленный

был по-настоящему хороший иудей, полностью завязанный на социальных установках. Он чтит субботу, чтит этих прилетающих ангелов, не имел к ним ни малейших претензий и соглашался с тем, что только раз в год и только по их команде он имеет право исцелиться. В общем, он был почитатель священного. А Христос как бы выхватывает его из этого порядка, вырывает из этой социальной паутины, в которой тот оказался, и говорит: «Если хочешь, ты сейчас можешь исцелиться, в субботу, не дожидаясь ангела. Встань, возьми одр твой и ходи!» И тот встаёт, берёт одр и ходит. То есть он выходит из подчинения священному.

Если мы хотим чего-то большего, нежели почитания святыни, которая делает нас расслабленными, недвижимыми, делает нас жалкими и ожидающими чего-то свыше, то мы должны нарушить субботу. Что такое суббота? Это священное для иудеев! Если мы хотим духовно вырасти, нужно быть «еретиком», нужно нарушить священное. Если же мы думаем быть христианами, не нарушая священное, – мы не можем быть христианами!

Вот человек лежит тридцать восемь лет. И в чём он виноват? В том, что он ждёт и слушает ангела, который приходит и говорит: «А теперь, господа, кто готовился: На старт! Внимание! Марш!» – И те бегут. Но пока расслабленный слезает и ползёт, уже кто-то другой докатывается до купели... Это зачало выстроено так, что сам евангелист интересуется не столько исцелённым, сколько «преступлением» и его «расследованием». Фарисеи донимают исцелённого и тот «сдаёт» Христа, лишь бы отделаться от них. И те стали искать способ погубить Иисуса, потому что Он проповедует таким исцелением путь, который почему-то всегда, как бы случайно (но не случайно для евангелиста Иоанна) попирает самые священные заповеди.

Итак, ситуация такова: хотите духовно вырасти? – нарушьте священное; не хотите? – так и будете лежать и жаловаться на то, что «мы не успеваем», «мы не можем», «нам некогда», «мы ж не монахи», «мы ж не преподобные», и ещё тысячи прекрасных и точных отговорок. Если мы не готовы переступить какую-то священную заповедь, то мы похожи на этого расслабленного и будем ещё долго ждать, когда что-то случится, и мы «успеем» на общих правилах, которые выстроены таким образом, чтобы мы никогда ничего не успели. Они так сложены. Или вы думаете, что тот случайно не успевал в течение тридцати восьми лет?

Так устроено в духовной жизни и в социальной сфере, что хоть трижды ты будешь святым – ты не можешь быть святым. И сосед, который рядом с тобой, не имеет права назвать тебя святым. Потому что не пришёл раз в столетие ангел и не открыл этого. Тогда – будем ждать или не будем ждать – мы скажем Христу: «Господи, тут такие расклады... Мне (как и всем остальным) нельзя стать святым во время этой жизни, и подумать так о себе я не могу. И назвать другого человека праведным, если он ещё жив, я тоже не могу. Что делать?» И нам Христос скажет: «А что делать? Да наплюй! Назови кого-то праведным, себя – святым. Может, ошибёшься, но не больше, чем если ты не назовёшь так никого или будешь перечислять в качестве святых только мёртвых».

Это Евангелие, конечно же, о нас. И, наверное, в каждом храме сегодня проводится параллель о том, что расслабленные – это мы. Но только расслабленность наша – не в лени, не в грехолюбии, а в вере во священное, которое не даёт нашей праведности раскрыться перед Христом по-настоящему.

Сегодня воскресное Евангелие у нас такое хорошее, потому что всё хорошо, что хорошо кончается. Также это очень дерзкое Евангелие, поскольку дело не в расслабленном самом по себе, а в дерзости, которую Христос опять проявляет в субботу. Тридцать восемь лет лежал человек. Мог он ещё один день подождать? Мог. Это все прекрасно понимают. Но Иисусу надо было подойти к нему именно в субботу. И, конечно, исцелённый рад, а окружающие возмущены. Так бывает, например, когда Бог приходит, не согласовав свои действия с церковной иерархией. Он так иногда хулиганит. И раньше хулиганил.

Если мы присмотримся к купальне Вифезда у Овечьих ворот, которую раз в год посещает ангел, – Вифезда в переводе означает «дом милосердия», – то увидим, что «дом» этот стал домом паралимпийских соревнований, где все калеки, слепые и хромые готовы были мчаться наперегонки, дождавшись момента. И вот, к одному расслабленному подходит Иисус и спрашивает: «Хочешь быть здоровым?» Тот отвечает: «Да, но у меня нет человека, который бы быстро меня донёс». А соревнования-то не были командными, там каждый должен был сам добежать до воды, и после того как первый окунается, ангел Божий говорит опоздавшим: «Извините, дорогие мои, вы вторые. Всё! Исцеления на сегодня иссякли». Ну, и те отползают на прежнюю позицию и ждут весь следующий год. Если это не юмор, тогда я ничего не соображаю в юморе (конечно, в чёрном юморе), в котором Бог тоже мастер.

И вот Христос приходит в купель с пятью притворами и творит чудо. У Иоанна всё неслучайно. Его Евангелие, как известно, – достаточно полемичное антииудейское

сочинение. Здесь очевидно, что расслабленный, который почти сорок лет ожидал возмущения воды, – это Израиль, блуждавший по пустыне с Моисеем, а пять притворов к водной купели – это Пятикнижие (первые пять книг Торы). И все эти пять путей не приводили к живой воде, к настоящему омовению и здравью, сколько бы они ни лежали. Но отцы Александрийской школы аллегорически толкуют это место так, что здесь Бог приходит на помощь иудеям и говорит: «Не нужно вот так десятилетиями валяться и ждать милости от ангела. Нужно встать и ходить, если ты в это можешь поверить, если ты можешь это принять». И здесь вот эта обычная тема: для того чтобы быть благочестивым, чтобы быть Божиим человеком, нужно переступить через самые благочестивые божеские заповеди.

В этом Евангелии нет одной лишь картинки, что расслабленный встал и побежал, как зайчик, крича: «Спасибо, доктор». Здесь всё немного усложнено последующим повествованием. Происходит встреча в храме, и Христос пугает исцелённого: «Смотри не грехи, чтоб тебе ещё чего похуже не было». И создаётся впечатление, что он лежал тридцать восемь лет, потому что сделал что-то нехорошее. То есть здесь Христос как бы соглашается с друзьями Иова, которые ему говорили: «Раз ты болеешь, значит, ты что-то сделал». Я не знаю, что мог сделать этот человек, чтобы тридцать восемь лет лежать у купели. Наверное, он что-то и сделал, но не более чем остальные, а то там лежал бы весь Иерусалим, и Христос только и ходил бы вдоль них. Мы не надеемся, что мы когда-нибудь станем такими светлыми зайчиками, прошедшими путь полного очищения и скачущими по полям, исцелёнными и полностью очищенными, на что надеялось Евангелие от Иоанна.

Христос просто обращается к нашему внутреннему «я». И один во мне человек всегда будет расслабленный, жалующийся на жизнь, причитающий. А второй, к которому

обратился Христос, будет радоваться и благодарить Бога. И тот, который радуется и благодарит, тоже неоднозначен, потому что, встретившись в храме, Иисус к нему обратился, а тот, зная, что ведётся расследование о нарушении субботы каким-то человеком, вначале сказал: «Это тот, кто говорил со мной», – потому что он не знал, кто это. А как только узнал, сразу сдал Иисуса Его врагам. То есть, нет однозначности. Можно было бы ещё раз разделить этого исцелённого на две части, и один бы сказал: «Искренне благодарю Тебя, Иисусе», а второй бы сказал: «Извини, но я верю в то, что иудеи правы – нельзя нарушать субботу, и я тебя сдам». И сдал.

Те, кто откликнулись на призыв Христов, знают, что благодать Божия не соотнобразуется с человеческими суббота́ми, священными обрядами, правилами и самыми священными книгами. Всё это – ничто по сравнению с Богом. Но в то же самое время мы верим в то, что именно эти обряды и правила очень сильны. Поэтому одному расслабленному остаётся надеяться на обряды, а другому – бегать и радоваться. И из тех, кто бегают и радуется, один предаёт Христа, потому что продолжает верить ситуации, а другой – искренне благодарен. Это раздвоение, множественность, с которой имеет дело Христос, не могла быть выдержана в Евангелии, она не могла быть продемонстрирована. В Евангелии от Иоанна даже Иуда превращается чуть ли не в чистое зло, в то время как человек он был, наверное, многогранный, и про птичек мог что-то интересное рассказать, и с детками поиграть.

Итак, сегодня Неделя о расслабленном, который перестал быть расслабленным. Поэтому мы всё-таки на этой неделе будем стараться обращать внимание на ту часть себя, которая может встать, взять одр свой и пойти. Для чего он взял одр свой? Небось, место занимал хорошее, а на том месте уже другие будут лежать следующие

двадцать лет. И вот одна часть нашей души будет до конца своих дней верить в то, что если неправильно будешь ходить и кадить, или если ты выйдешь не в тех облачениях, то Бог не придёт, а другая часть души может встать и пойти, сказав: «Бог везде!» Мы всегда такими будем. И это нормально. Так вот, сегодня – Неделя обращения к тому, кто может встать, ходить и благодарить.

135.

Усложнение от человека

04.06.2017

В Неделю о самарянке, Ин.4:5–42

Уже в который раз приглашает нас Евангелие к диалогу со Христом, где мы невольно ставим себя на место самарянки, пришедшей к колодцу. И всё в самарянке хорошо. Не хватает только одного – простоты. Такие необразованные люди всё усложняют и закручивают. И получается такой разговор: «Дай Мне воды попить». – «Да ты иудей, а мы самаряне, мы не дружим, и черпала у Тебя нет». – «Пойди-ка, позови мужа». – «А вот мужа не имею»... То есть самарянка входит в такую формальность, что её нынешний «муж» ей вообще-то не муж. Она продолжает: «Мы на одной горе поклоняемся, а вы – на другой», а Христос в ответ: «Да какая разница, где поклоняться?» – «А Ты кто? Мессия?» – «Да Мессия, Мессия»... И она бежит, зовёт свидетелей, чтобы те проверили. Как будто это можно проверить.

И вот в этой всей сложности Христос погибает, потому что пока разрулишь все эти вопросы, то уже едва успеешь сказать про то, что хотел сказать – про «воду живую, которая течёт в жизнь вечную». А где эта вода? В чём она? Ничего не сказано. То есть в диалоге с самарянкой Христос только и успевал преодолевать усложнения, выдвигаемые самарянкой. В итоге она побежала в Сихем рассказывать всем про замечательного пророка или даже

Мессию. Какая разница, Мессия Он или нет, если даже признав Его Мессией, они всё равно от Него отреклись? В любом случае Он им не нужен. Но Он хотел же что-то до них донести? А они всё усложнили.

Так бывает и с нами. Мы тоже недалеко от этой женщины, которая всё усложняет. Нам Бог открывается всем сердцем, а мы говорим: «Ты Царь», «Ты Вседержитель» и т.д. А просто по душам поговорить не получается? Нет! Начинаем о чём-то Его умолять, просить, и просьба искажает наше общение, просьба делает Его абсолютно невидимым. Мы уже обращаемся не к Богу, а к силе Божией. Нам нужны какие-то силы, сдаиваемые с Бога, как надои с коровы. А ещё нам нужно милосердие. Дабы это слово не казалось нам каким-то величественным, задумаемся, что такое милосердие? Это когда люди ещё маленькие, в песочнице, но они уже чувствуют, что они хищники, и выбирают для себя жертву, заклёвывают её, отнимают что-то, а то и выгоняют из песочницы... Эти дети вырастают для того, чтобы подавить друг друга. И наконец, вырвавшемуся вперёд или забравшемуся наверх напоминают: «Эй, слушай, ведь у тебя есть рудиментарное пятно – милосердие. Вспомни, ты такой как мы, а мы такие как ты». И он, движимый этим атавизмом, т.е. остаточным каким-то явлением, присутствующим в нём, начинает проявлять гуманность к униженным и побеждённым. Это называется милосердием у людей. Если мы это отнесём к Богу, то сделаем Его таким же уродцем, как и мы сами, милосердствующие друг о друге.

Поэтому когда мы просим Бога, уже нет никакого Бога, есть только сила и снисхождение силы. Оккультизм в прямом смысле этого слова – когда мы ищем силу и находим пути для её низведения на землю. «Низведи нам огонь на землю», – говорят фарисеи. Их тоже, кстати, как и любого просящего, интересует сила Божия. Поэтому, если

хотите увидеть Бога, не просите Бога. Не усложняйте беседу с Ним, не делайте Его помпезным. Пока мы не преодолеем эту помпу, мы не дойдём до Бога, Ему ничего не удастся нам открыть, ничего не удастся сказать о Себе. А ведь Он нам принёс воду живую – не ту, которую мы постоянно черпаем и радуемся, что у нас воды больше, чем у других, и локтями отталкиваем других от этой воды. Он говорит: «У Меня есть вода, которая течёт в жизнь вечную, от которой человек не будет жаждать вовек». А мы задаём пятнадцать тысяч вопросов, чтобы потом торжествовать – Арий не прав, Несторий не прав, Апполинарий не прав... А, собственно, правда-то в чём? В том, что все вокруг не правы. В молитве и богослужении то же самое происходит. Богослужение устроено так, что пока преодолеешь эти семиэтажные пируэты о том, что Он Царь, а мы рабы, ты уже и забудешь, зачем вообще туда шёл. Чтобы помиловал? А если уже помиловал? Что дальше делать?

Люди сегодня не принимают Бога не потому, что не верят в то, что Он существует, а потому что порою, как и мы, не знают, что с Ним дальше делать. «Как что делать? Преодолевать препятствия между нами!» – говорят православные, сами не зная, что будут делать, после того как эти препятствия преодолеют. Поэтому увлекаются больше препятствиями, сами их строят, чтобы потом, преодолевая, говорить: «Вот это и есть религия».

Может, это и есть религия, но Христос нам предлагает иное – воду живую.

И дай Бог, чтобы мы перестали спрашивать о количестве мужей, жён, о том, общаются ли самаряне с иудеями, и стоит ли нам принимать Христа за Мессию или не стоит, поклоняться на этой горе или на Синай нужно съездить с паломничеством. Как бы Христос нам ответил? Он сказал бы: «Махните рукой на все эти вопросы. Вы теряете время». И время истекло, и самарянка ушла, смущаемая святыми

апостолами, которые пришли к Иисусу и говорят: «С кем Ты тут разговариваешь? Что это?» Конечно же, она ушла, и время кончилось – для неё, для них, для всех. Христос пришёл и ушёл, а живая вода стала тем, что написано на бумаге, но не проговорено даже. А ведь она могла быть проговорена, Он хотел об этом сказать, хотя поначалу могло показаться, что Он лишь хочет попросить у неё воды попить. Но не на ту нарвался. И Он утонул в этой беседе.

И дай Бог, чтобы Он не утонул в нашей молитве, чтобы мы, к Нему прорвавшись, сказали: «Вот для чего всё это было, вот для чего храмы, Чаши, Причастие, проповеди, облачения, молитвы, пощения, моления. Вот для чего всё это было». Если мы доберёмся до этого стержня жизни, до этой воды живой, – всё оживится, и всё станет прекрасным.

136.

Подслушанный разговор

30.05.2021

В Неделю о самарянке, Ин.4:5–42

Как так получилось, что мы стали свидетелями глубоко интимной беседы Христа с самарянкой? Каким образом мы об этом знаем? Ведь этого никто не слышал. Получается, что Сам Христос рассказал об этом Своим ученикам.

Этот рассказ учит нас понимать, что Бог говорит с каждым человеком на языке этого человека. Потому что, когда апостолы вернулись к колодцу, они удивились тому, что Он разговаривает с женщиной, тем более с самарянкой, которая в полдень пришла за водой. Всё это совершенно не соответствовало принятым канонам коммуникации. Ученики считают, что они вообще не должны были разговаривать.

То, как один человек общается с Богом, всегда будет казаться юродством для другого человека. Поэтому Бог так устроил, что Он говорит с каждым на его языке. И никто

не слышит духовности другого человека, никто не подслушает наши интимные шептания с Богом.

Но подслушав разговор у колодца, мы сразу понимаем: и самарянка, и Иисус говорят что-то не то. Он у неё просит воды, а затем они продолжают говорить о том, что ей интересно: про воду живую, про поклонение, про Мессию... Когда она заговорила про Мессию, Он говорит: «Я и есть Мессия». Наши богословы подсказали бы Ему из-за кустов: «Надо было сказать: Я – Вторая Ипостась Святой Троицы». А ей бы из других кустов кричали другие богословы: «Кайся, кайся!» А она вот не кается, она с Ним просто общается. И мы, когда слышим чужой духовный разговор или молитву, чужое покаяние или, может быть, личное исповедание веры, настоящее внутреннее кредо, – мы каждый раз хотим что-то исправить у этого человека.

А когда к Нему приближаются сихемцы, ученики говорят: «Кушай, Равви, Ты же нас вроде послал купить пищи...» Он отвечает коаном: «У Меня есть пища, которой вы не знаете», и для них непонятно – может, Его уже кто-то покормил, что Он не хочет есть? Но Он им ответил: «Как Я буду есть? Вон, уже люди идут, а значит, наступает время жатвы...» То есть сейчас будет «следующая серия». Как общаться с этими сихемцами? У них свой язык, свои какие-то религиозные предрассудки, и они не любили иудеев, оппонировав им при каждом возможном случае. То же самое делали и иудеи. А Христос умел говорить и с теми, и с другими. И это то, чего мы не умеем.

Нам же остаётся только поблагодарить Бога за то, что Он умалился, став человеком, став нашим собеседником и собеседником каждого из нас. И, собравшись вместе, нам остаётся только сказать: «Слава Тебе, Господи, за то, что Ты говоришь каждому из нас, и никто больше этого не слышит».

Христос пробует общаться с самарянкой, хотя они не должны были общаться. «Иудеи с самарянами не сообщаются», – сразу же напоминает она Ему. Да им, собственно, и не удалось пообщаться, потому что каждый был на своей волне. Он обращается к ней: «Дай Мне воды попить». И она, по-видимому, так Ему и не дала попить воды – так увлеклась беседой. Она Ему отвечает: «Между нами – пропасть, мы не можем говорить», – в то время как она уже говорит. Он сообщает ей, что она без мужа, а те пятеро, что были – тоже ей не мужья. И тут у неё происходит внутреннее озарение: это Божий человек, раз Он знает такое. Об этом, наверно, вся округа знает. Тем не менее, Он же иудей. Она Его спрашивает, где поклоняться. Он отвечает загадкой, и это загадочное нечто является подлинным ответом для неё, потому что сама она не знает, а ответы «в Иерусалиме» или «на Гаризиме» она уже слышала. Дальше самарянка говорит о некоем Мессии, который придёт и всё расскажет. И Христос ей отвечает то, что она хочет слышать: «Я уже пришёл». Тут же у неё что-то складывается. Она бросает свои ведра и бежит со срочной новостью в город. А воду пусть Он Сам набирает.

Общение Бога с человеком всегда происходит как общение человека внутри самого себя в присутствии Бога. Как была самарянка на своём уме, так и осталась. Для неё важно, что этот незнакомец что-то знает. И тут оказывается, что Он – Мессия. У неё в мозгу вдруг сложился пазл, и она сказала: «Эврика! В нём что-то божественное». Также и другие собеседники Христа говорили: «О, мы увидели именно то, что хотели видеть». И как бы два проводка соединились в их голове. Один говорит: «Как много здесь

мудрости!», другой: «Сколько здесь чудес!» Так они контактировали сами с собой, с собственными ожиданиями. А Христос говорит: «чудеса и знамения род прелюбодейный и грешный ищет», «мудрость – это пустое», «ешьте и пейте Плоть и Кровь Сына Человеческого» и т.д. Некоторые люди говорят: «Бога нет, мы сами с собой контактируем». Другие думают иначе: «то, что у меня сработало в голове – это и есть Бог, это благодать, это моё открытие и это Бог мне так внушил».

Самарянка была убеждена (причём весь Сихем убедил) в том, что Иисус есть Христос. Если вы копнёте, какое было представление у самарян о Мессии, вы увидите, что они ошиблись. Он не Тот, Кого они ждали. Но они порадовались. И так каждый раз, подходя к Богу, человек радуется не о Боге, а о том, что у него свои кубики сложились. Каждый ценит, в сущности, своё. Но Бог есть Свет, поэтому Он даёт расцвести каждому цветку, каждой травинке. И мы рядом с Ним попросту расцветаем в своих надеждах, глупых ожиданиях, невозможных фантазиях. Мы начинаем доверять этому миру, в котором есть Бог. Наконец-то для самарянки окружающий мир стал оправдан, ибо нашёлся Тот, Кто свяжет все непонятные его части в одно и сделает мир яснее. Он не сделал мир яснее, но она так хотела и это назвала Богом. Другие называют Богом чудеса, третьи – мудрость, четвёртые – своё смирение, пятые называют Богом свою гордость, свободу и т.д. Но до Бога так никто и не доходит.

Вот это и есть общение с Богом, Который говорит: «Посижу-ка Я с тобой». Так ребёнок в детском саду складывает кубики в какой-то домик, а Бог ему незаметно – раз! – и поможет. И ребёнок радуется: «Сложилось!» Что сложилось? Безделушка, в общем-то, у него сложилась, потому что это никому не нужно, кроме него. Но у него сложилось, и Бог вместе с ним радуется, хотя ребёнок так

и не догадался, почему у него сложилось. У него как-то так получилось. И кто-то радуется, что у них получилось поверить, и говорят: «мы верующие», а у других – Бога нет, они атеисты; они знают, что они не заблудшие, нет-нет, просто говорят: «мы атеисты». И все выходят из детского сада такие довольные! Потому что Бог каждому помог построить его домик. А кто-то не достроил, и Бог тоже присутствует рядом с ним, как с этой самарянкой, которая думает: «Как это не на горе?.. Как вообще возможно, чтобы какой-то иудей был больше отца нашего Иакова?»

Подлинное богообщение есть то, что происходит на самом деле. И мы не будем говорить: «я точно знаю, а ты – не точно», «я понял, а ты – не понял», «я точно переживаю, а ты что-то неправильное переживаешь». Потому что Бог говорит с нами коанами. Вот ученики говорят: «Учитель, ешь», а Он как бы им отвечает: «Я сыт по горло». Они в недоумении: «Неужели кто-то Ему дал есть?» А Он им: «Моя пища – творить волю Отца Моего». И важно то, что хоть они всё равно Его не поняли, но остались рядом. А мы думаем, что мы поняли – и поэтому остались рядом. Нет, мы тоже, как и апостолы, не поняли – и остались рядом, самарянка не поняла – и побежала, Никодим не понял – но подумал, что в этом что-то есть и т.д. И это движение подобно растекающейся евангельской вести о Христовом Воскресении.

138.

Ослепляющее прозрение

06.06.2021

В Неделю о слепом, Ин.9:1–38

Мы часто сталкиваемся с тем, что слепота может быть свойственна даже тем, кто вроде бы всё видит. Мы не замечаем, не ухватываем вокруг и внутри нас чего-то важного, чего-то такого, что позволяет ангелам, херувимам и серафи-

мам петь «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф...» неумолчно, день и ночь, невзирая на повышение цен, пандемию и другие дела. Они что-то знают, а мы этого не знаем. Они что-то видят, а мы этого не видим.

В сегодняшнем Евангелии Христос отверзает глаза слепому от рождения. Этот человек увидел не только мир вокруг, он увидел и фарисеев, которые стали спорить с его зрячестью, как с аргументом, и от которых он получил, в конце концов, проклятие.

В этой истории важно то, что иногда самое прозрение ослепляет. Люди, которые его спрашивали, они ведь действительно знали Бога, они ведь не были язычниками или атеистами. Но открыв что-то, они заняли твёрдую позицию «вы во тьме и тени смертной сидите, а мы – во свете», «ты ничего не знаешь, а я всё знаю». Так, когда человек однажды получает откровение от Бога, он неминуемо стремится стать в эту позицию. Как мы видим, прозревший слепец тоже их не понимает, и начинает над ними издеваться. Он, собственно, такой же, как они. Люди, получившие один раз откровение от Бога, они тут же делят мир на чёрных и белых, на получивших откровение и не получивших откровение.

Люди же, получившие второе откровение, понимают, что когда первый раз они думали, что оказались во свете, они хотя и были во свете, но чего-то очень важного ещё не знали. Теперь же, после второго раза, они могут сказать: «Да, сейчас я понял, но, судя по всему, я и теперь чего-то очень важного не знаю». То есть Бог им открывает, что никакое откровение не является полноценным.

Мы продолжаем не знать, каким образом Бог может быть всеблагим, каким образом ангелы могут славить и радоваться, и вообще каким образом проект под названием «Человечество 2.0» (т.е. после Ноя) внушает надежду Господу Богу. Вот нам – не внушает, а Ему – внушает.

Нам ещё предстоит прозреть. Поэтому, будучи зрячими и слепцами одновременно, мы не будем так жёстко спорить с фарисеями, как это делал бывший слепец версии 1.0, потому что мы – слепцы версии 2.0 – знаем не только то, что нам что-то открыто, но и то, что гораздо больше в этой жизни мы не знаем.

139.

**Оторваться от абстракций,
или «так получилось»**

29.05.2022

В Неделю о слепом, Ин.9:1–38

Сегодняшнее Евангелие рассказывает нам о том, как Христос исцеляет слепого от рождения и обвиняет в слепоте тех, кто не видит и не ценит этого исцеления. Все окружающие (как апостолы, так и фарисеи) находятся в плену одной и той же идеи, что есть некоторая метафизическая причина всего происходящего. Проходя мимо слепца, они спросили Иисуса: «Господи, кто согрешил – он или родители его?» Христос отвечает: «Никто не согрешил, так получилось. А сейчас получится так, что он исцелится». Он плюнул, помазал ему грязью глаза и отослал от себя: «Пойди в Силоамскую купель и умойся». Слепой уходит и исцеляется.

Таким образом, Христос, оставшись как бы вне события исцеления, предлагает деперсоналистическую картину мира, в которой всё происходит само по себе. Казалось бы, эта идея очень жёсткая, но если мы её приложим к своему миру, это будет хорошо знакомая нам модель. Вот вы идёте по улице, а тут бензин подорожал. Сам по себе взял бензин и подорожал. Или кто-то вас толкнул ненароком, и вы упали носом в клумбу. Никто не виноват, так получилось. Потом с вами случилось что-то хорошее. Как-то само собой. То есть нет какого-то большого объяснения или причины, так как

это приводит к тому, что у нас есть горстка святых, которых эта причина возводит в самый высокий ранг, и куча осуждённых «плохишей». Когда люди начинают объяснять мир через большие конструкции, они больше осуждают, чем благословляют. Так получается. Это просто факт.

Вот почему Христос в этой ситуации предлагает не искать причину, почему человек был слеп, и почему он стал зрячим. Так нам будет легче жить.

Христа не заботит Его слава, за которую пострадают тысячи человек. Сколько людей не принято, потому что они не похожи на Христа? Сколько людей отторгнуто, потому что они говорят не как Христос? Похоже, что идол Христа раздавил больше людей, нежели порадовал. И поэтому Христос уходит из этой сцены.

Почему же человек родился слепым? Так получилось. «Кто тебя исцелил?» – «Некто по имени Иисус. Больше ничего не знаю». Никто ничего не знает. Ведь люди, которые обвиняли прозревшего, рассуждали точно так, как апостолы, и точно так, как и прозревший. Они рассуждают: «Кто бы это мог быть, если Он субботу нарушает?» То есть они оперируют некоторой абстракцией: вот идёт суббота, и вдруг – раз! – она нарушена. Знаете, я видел одну картинку в интернете «Изучать английский нужно с носителями языка» – идут три человека и несут огромный язык над собой. Тут примерно то же самое. «Нарушить субботу» – это что? Суббота – как болезнь в голове у людей. И в голове у них она и нарушена. Но люди за это готовы отрицать чудотворца Христа, и даже убить. Эта же конструкция есть и у самого исцелённого. Он говорит: «Как же Он неправедный, если от века такого не было, чтобы кто исцелил слепорождённого? Значит, Он – святой». Какое бесчеловечное суждение! А если бы тебя антихрист исцелил? То есть они все, не видя человека, опираясь на абстрактные конструкции, пытаются выяснить, Он хороший или плохой.

Вот именно против этого и восстаёт Христос (даже если Его хвалят, когда Он попадает в дружественную абстрактную конструкцию). Христианство – это тет-а-тет, это то, что произошло между двумя, тремя, между небольшой группой. Всё остальное – абстрактные конструкции. Может быть, они и не бесполезные, но они бывают очень жестокими.

Так, люди, рассуждая этими конструкциями, готовы проклинать целые народы, Церкви, иные варианты христианства. Даже не видя людей, они считают их нехорошими, достойными уничтожения, сокращения и выбрасывания. Люди головой упёрлись в эти абстракции, и их трясёт как от розетки 220 вольт. Христос предлагает нам оторваться от этих розеток.

Смотрите на жизнь, как она есть. Так получилось, и так происходит. Восславим Бога за то, что у нас есть зрение, потому что так получилось. И, слава Богу, что у нас есть ручки-ножки, и мы ходим и радуемся. Мы можем молиться, и у нас есть вера во Христа. Так получилось. Не «мы что-то заслужили», не «Бог о нас позаботился»! А то выяснится, что все атеисты не откликнулись на голос Божий, как говорил Августин. А я всегда за атеистов переживаю: почему это вдруг они не откликнулись? Может, их никто и не окликнул, как положено? Так что, чтобы не обвинять ни Бога, ни атеистов, нужно сказать: «Так получилось».

140.

Желание Бога

20.05.2018

*В Неделю отцов / Вселенского Собора,
о единстве, Ин.17:1–13*

Сколько замечательных слов, сказанных Господом Богом, стали крылатыми! И на этих крылах они улетели из нашей реальности, и мы их чествуем просто как слова Бога. И вот Христос в Своей предсмертной, можно сказать, молитве,

обращённой к Отцу, молится о единстве христиан: «Да будут они едино, как мы едино, как Я в Тебе и Ты во Мне, да будут они в Нас едино».

Эта молитва больше говорит о Боге, нежели о реальности. Но Бог – тоже реальность. И Он говорит о Своем желании. Он видит суть всего происходящего в единстве. Но мы, когда пытаемся обнять друг друга, когда мы пытаемся бежать навстречу этому призыву, иногда спотыкаемся о сомнение и страх. Некоторые замыкаются, закрываются на всякий случай: а вдруг здесь что-то неладное, кто-то посмеётся над моим внутренним миром? А кто-то может бессознательно опасаться, что если он откроет скорлупку, в которой он живёт, то он исчезнет как особый мир, как внутреннее «я». То, о чём он думает или грезит, узнают абсолютно все, и если вдруг никто не примет этого, то это может разрушить человека. Другие же идут к единству, желая лишь попользоваться другим, проникнуть в другого и пожрать его изнутри. И это называют, собственно, единством, и говорят: «давайте ещё с кем-нибудь также объединимся», потому что они не могут не пользоваться. Как можно объединить ёжиков с мыльными пузырями? Одни пузыри боятся лопнуть, потому что они попросту исчезнут. Другие – вечно опасаются подвоха. Третьи – нападают и пожирают другого, т.е. говорят: «Давай, выдавай что-нибудь, подтверждай что-нибудь, говори что-нибудь соответствующее, глубокое и истинное». А человек не может выдавать, он не хочет, чтобы кто-то лез к нему в душу с требованием «давай мне духовность, говори вот это, будь тем-то, будь таким-то». Это всегда так.

Люди и рады бы объединиться, но это невозможно. Если те, о которых молит Бог, когда-либо станут «едино, как и Мы», т.е. едино, как Святая Троица, то это уже будут не они, а кто-то другой. Понятия «они» уже не тожде-

ственны. Если мы предположим, что ёжики будут летать, а крокодилы будут растворяться в воде, а потом опять собираться, это уже не будут ёжики и не будут крокодилы. Это уже будет что-то другое. Так и здесь: Бог молится о такой степени единства, которая отсутствует в нашей природе. Она отсутствует в человеке как таковом.

Повторюсь, нам неважно, что мы не можем это исполнить. Важно то, почему Господь это произносит в самый сакраментальный момент. Потому что это последний вечер Его жизни, впереди – ночь мучений, и наутро – Распятие. Он это произносит, потому что Он видит в этом смысл Своей жизни. Он желает наладить подлинное единство, которое Он видит в Самом Себе. А в тварном мире оно не налаживается. И мы, как христиане, как ученики и дети Божии, должны сделать всё, чтобы воплотить это в жизнь. Всевозможными путями. На путях интеллектуального общения, на путях взаимопомощи, на путях симпатии. Мы должны постараться, чтобы было поменьше преград. И, естественно, Бог так желает объединиться с нами, что Он готов поступиться чем угодно. Готов поступиться нашей праведностью (т.е. Он не дожидается, что мы станем праведными) и нашим пониманием истины (т.е. Он готов обнимать даже тех, кто обнимает Его по ошибке). Ну, перепутал. Бывает. Вы бы получали удовольствие от того, что кто-то перепутал вас с кем-то и крепко обнял? Вряд ли. А Бог получает удовольствие от этого. Потому что у Него нет других удовольствий. Его всегда с кем-то путают, Его никогда не обнимают просто так. Постоянно что-то от Него хотят, и конечно, путают Его с Помазанником, т.е. Царём Иудейским, который должен прийти и порядок навести, или ещё с кем-нибудь. А у Него другой жизни и нет, кроме той, которая выражена в молитве о единстве.

Поэтому так болезненна именно эта молитва. Эта молитва безумна, потому что Бог отчаялся в Своём желании. И от этого мы узнаём Бога ещё ближе. И когда между нами возникают барьеры, мы должны вспомнить эту боль Божию, которую Он выразил в виде молитвы, и сказать: «Ну, зачем же мы ещё будем умножать эти барьеры между собой?» Кто-то мыслит или говорит иначе. Кто-то съёжился и не хочет раскрываться – не будем его мучить. Кто-то желает быть похожим на какой-то роман или какое-то кино. Он видит там реализацию своего «я», он видит, что он тогда был бы настоящим человеком, если бы был похож на какого-нибудь героя или актёра. И когда мы говорим ему: «не будь похожим на этого актера», для него это означает «не будь человеком». А он так хотел себе жёлтые волосы, пирсинг в нос, ещё что-нибудь хотел, чтобы быть похожим, например, на актёра из фильма «Апокалипто».

Значит, самое главное в этой молитве – это вынесенная боль души Божией. И поэтому для нас с вами грех есть то, что разъединяет, а то, что соединяет, есть праведность. И, может быть, вот такое упрощённое понимание Христовой молитвы будет полезно нам в течение этой и следующих недель.

141.

Истина и единство

05.06.2022

*В Неделю отцов I Вселенского Собора,
о единстве, Ин.17:1–13*

Наша жизнь, как и Евангелие, построена на противоположных утверждениях. Сегодня, в день памяти отцов I Вселенского Собора, мы читаем молитву Христову о единстве, которая занимает всю 17-ю главу Евангелия от Иоанна: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино».

Эта молитва о единстве не учитывает только одного, что, в отличие от Лиц Святой Троицы, люди – грешные. Говоря о единстве, мы всегда должны иметь в виду компромиссы, потому что без них единство невозможно. А вот об этом и не договорились. Поэтому в православной традиции равно присутствует тезис «да будут они едины, ибо нет ничего важнее любви», и тезис апостола Павла из Послания к Галатам: «Если бы даже мы или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема».

Что важнее – единство в любви или истина понятий? Этот вопрос не решён в христианстве, и никогда, наверное, не будет решён. Вот у Павла мы находим, что важнее истина понятий, а у Иоанна – важнее любовь к брату. У Христа в молитве находим, что Он молится только о единстве, а отцы I Вселенского Собора считают, что гораздо важнее истина.

Спор Ария с Афанасием и с Александром Александрийским вовлёк в него всю империю. Это был не просто богословский спор, а спор о том, кто будет доминировать. И вот после Вселенского Собора сперва репрессировали несогласных с православием Афанасия – их сместили с кафедр и сослали. Ведь для духовных людей понятно, кто прав! Но затем жена Константина Констанция как бы внушила ему через духовника, который оказался арианом, что всё-таки Арий, наверное, прав. И тогда с кафедр полетели уже православные, в том числе и Афанасий. Потом ветер подул в другую сторону... Ничто не могло помирить Афанасия и Ария, потому что для них истина была важнее. Далее опять – то Констанций за ариан, то Констант за православных. Репрессируют то одних, то других. Юлиан Отступник и вовсе вернул всех по местам: «Идите вы все на одни и те же кафедры. Может, передерётесь».

Таким образом, запущен мощный механизм, который выясняет, кто из нас прав, а кто не прав. И сегодня мы знаем, как надо писать – «омоусиос» или «омиусиос», какие формулы исповедания и символы веры правильные, сколько воли и сколько естества во Христе. Я думаю, если бы сейчас на входе в храм стоял экзаменатор с первого курса семинарии, то половина бы пошла домой удручёнными тем, что они анафематствованы, так как не соответствуют православию. Они бы почувствовали, насколько это дико – думать, что если человек исповедует правильную формулу, то он правильный человек. Всё дело в том, что всем всё равно. То есть любой православный скажет: «Скажите мне, как правильно, я соглашусь и войду в храм. Дайте мне зайти в храм! Мне нужно в храм, а не формулы!»

Но, оказывается, это очень важно. Как говорил Аристотель: «Платон мне друг, а истина дороже». И мы должны понимать брата, для которого истина бывает иногда дороже, чем ваша судьба, здоровье и благополучие. Это люди, которым очень важно противостояние и твёрдое самоопределение. Твёрдость этого самоопределения рождается в противостоянии, в борьбе «за это». «В борьбе за что?» – «Ну, за это...» Не важно, за что. Если мы боремся против чего-то, то наше самоопределение растёт и крепнет. Если же мы всё размазываем тонким слоем и говорим: «И то неважно, и это неважно», люди теряют самоопределение и говорят: «Что же это тогда за православие такое, если это неважно? Дайте мне что-нибудь важное, за что я буду бороться». А может, и убивать, как это было после Вселенских Соборов. Для людей иногда религиозная борьба является если не единственным, то главным религиозным действием. Дайте человеку побороться за то, что он даже не понимает, и он будет чувствовать свою нужность, будет чувствовать себя воином света.

Богу невозможно было дать один критерий. Он, конечно, молится о единстве, но в то же время и проповедует истину. И апостолы едва-едва улавливали эту ситуацию, когда противоположности никак не могут сойтись и сделаться каким-то единым синтезом. Что важнее: истина или любовь к ближнему? Мы не имеем в виду того хроника, о котором Христос говорит: «Если ближний твой согрешит пред тобою 490 раз и за каждый раз извинится, то его надо простить». Ведь понятно, что он хроник, если 485-й раз подходит, и вы, конечно, его прощаете. Но всё-таки нам не дано знать формулы соотношения истины и любви.

Итак, православие даёт нам сразу два утверждения. Для тех, кто хочет бороться за истину, пожалуйста, – боритесь за омоусиос. Главное, не перепутайте с омиусиосом, иначе попадёте в ад. Те, кому всё равно (т.е. они повторяют то, что им скажут), тоже правы, потому что стремятся ко Христу, а не к формулам, они стремятся к единству у Чаши. А есть люди, которым просто нужна любовь, как пели «Битлз»: «All you need is love»¹¹. Иногда это гораздо истиннее, чем любое определение. Людям холодно без любви, они хотят любви, ищут её в Евангелии, в Церкви, и они тоже правы. И в такой палитре возможностей православной традиции каждый выбирает то, что его созидает.

«Всё мне позволительно, но не всё полезно», – говорит апостол Павел. Ты можешь быть православным, который говорит: «Мне всё равно, какие формулы, главное, чтоб любовь была». Но если тебе это не полезно, лучше исповедуй формулы, учи катехизис. Есть православные, которые борются за формулы, но при этом озлобляются,

¹¹ Слова из одноименной песни группы «The Beatles»: «Всё, что тебе нужно – это любовь» (1967).

теряют друзей и близких, особенно, если те – католики или протестанты.

Так что Бог предлагает нам не только Свою молитву о единстве, но и благословляет нас на своего рода подвиг: «И да будем мы едины с теми, кто борется против нас за формулы, и с теми, кто не согласен с нами, и с теми, кто нас любит, и с теми, кто нас не любит». Ибо подлинное единство должно обнимать даже эту многокритериальность христианства. Хорош был бы такой диалог: «Ты как своих определяешь?» – «По цвету носков». – «Замечательно. А я вот по формуле Никейского исповедания». – «Зато я люблю ближнего». – «Тоже хорошо. Любовь, говорят, покрывает всё». И мы уж точно будем молиться сегодня вместе со Христом о единстве, о котором Он не просто вспоминает, а говорит, как о реальности этого дня и этого момента.

142.

Большие вопросы и беседа у костра 04.08.2018

О явлении Воскресшего при море Тивериадском,

Ин. 21:1–25

Занимаясь духовными материями, человек рано или поздно устаёт и хочет взяться за всякие мелкие дела, пожить простыми радостями. Мы видим, что Господь после Воскресения не открывает нам какую-то великую истину. Он жарит рыбу на берегу и приглашает друзей покушать с Собой. И никто не смел Его даже спросить «Ты Кто?», потому что видели, что это Господь. Интересно, о чём они говорили, если они не спрашивали о главном? Наверное, о том, что вот этот карп вкуснее амура, а другому по вкусу форель, или о том, что сегодня погода прохладней, чем вчера, зато комары не кусают, или, наоборот, кусают. Представляете, такая беседа у

костра в воскресном зачале? Мы бы сказали, что это ни о чём. А они бы сказали нам из Евангелия: «Это вы ни о чём, потому что вы застряли где-то и везде хотите слышать высокую ноту». Господь просто испёк рыбы (без всяких высоких материй), потому что Он знает человека.

Человек не может быть постоянно ни в большом пафосе, ни в низком. Даже самые маленькие люди регулярно «спасают вселенную», голосуют за правильного президента, задумываются над большими проблемами не потому, что они о себе что-то выдумали, а потому что они устают от мелочности. Да, просто ловить рыбу, смотреть в окно или собирать ромашки – всё это, конечно, хорошо. Но как же тайны вселенной, как же вечные вопросы духовности, смысла жизни? Без этого люди не могут жить, поэтому их постоянно несёт в эту сторону. Но как только они пресыщаются, они снова смотрят себе под ноги.

И вот, после Воскресения Христос даёт немного. Помогает ученикам поймать рыбу – сто пятьдесят три штуки. Толкователи Евангелия гадают: «Что бы это могло значить?» Да просто много рыбы – вот что это значит! Сто пятьдесят три рыбины, при том что они вообще ничего не могли поймать. Христос их кормит, и вскоре возникает вопрос. Евангелие от Иоанна пафосное, в нём только большие вопросы. И там Пётр спрашивает про Иоанна: «А он что?» Христос отвечает Петру: «Если и захочу, чтобы он аж до Второго пришествия был, тебе-то что? Ты иди за Мною». Апостолы подумали, что услышали что-то эпохальное! А это была просто шутка. И через лет шестьдесят после этого случая Иоанн понял, что это была шутка. И так и написал в Евангелии, что Христос просто сказал: «Если и так, что тебе до того?»

Христос может говорить иногда незначущими ничего словами, может шутить, радоваться, может просто встречаться с людьми или болтать ни о чём. Поэтому мы Его так редко видим. Мы ведь ждём, что Он выступит с программной речью на всю нашу оставшуюся жизнь. А Ему просто хочется поболтать с нами.

Думаю, если мы поймём, что Бог, так же как и мы, не может постоянно быть на одной ноте, то сможем Его видеть в мелочах и в великих делах, в мировых событиях и в потрескивании костра. Так, наверное, будет правильнее. Исходя из сегодняшнего Евангелия, уж точно только так и правильно.

143.

Последние слова Христа

29.05.2022

Перед Вознесением

Перед тем как вознестись, Христос сорок дней пробыл с учениками, рассказывая им что-то очень ценное. Стенограмм и аудиозаписей не сохранилось, конспектов и даже маленького пересказа, собственно говоря, тоже нет. Досадно ли это? Не думаю. Почему? Ну, поставьте себя на Его место. Что бы вы сказали важного человечеству первого (да любого) века в лице апостолов, если бы у вас оставались считанные дни? Может, вы бы им строго-настроено наказали: «Ребята, не создавайте иерархий, юрисдикций, всяких больших структур с мощью, властью, деньгами, а то будете ссориться»? Но если бы вы им такое поручили, мы бы об этих структурах и не узнали, потому что это были бы структуры, которые не дошли до нас.

Если бы вы заповедали: «любите друг друга», они бы это записали, но понимали бы это так: «любите друг друга, но сохраняйте код "свой-чужой", т.е. любите своих,

и не любите чужих». Чужих нельзя любить, особенно если у них не та юрисдикция.

А может, им посоветовать правильную молитву? Но посмотрите на учеников Христовых: там есть и Левий Матфей (т.е. бухгалтерский человек), и Симон Зилот (т.е. человек, который за Бога готов зарезать)... Как они должны молиться? По-разному они должны молиться. И нет никакой правильной молитвы, нет никакого правильного правила или стиля молитвы. Потому что если сказать правильно для одного, то другой скажет: «это неправильно». Поэтому Христос не мог дать им правило молитвы.

Тогда о чём же Он говорил в последние дни перед Вознесением? Я думаю, что Он говорил что-то очень личное – для Петра, для Филиппа, для Иоанна и других, – то, что в пересказе уже теряет всякий смысл, потому что подлинный смысл всегда непересказуем, он никогда не бывает общественным. Христианство не может быть по-настоящему общественным, вот почему последние беседы Христа были не как учителя с учениками, а как друга с друзьями. И, наверное, было бы курьёзно, если бы вы пришли на день рождения к лектору, а он бы вам ещё одну лекцию за столом рассказывал. Христианство, в каком-то смысле, не может выйти из личного общения, не может по-настоящему стать общественной религией, подобно митраизму. А может быть, и может, хоть я и сказал, что не может.

144.

Бог далёкий и близкий

02.06.2022

На Вознесение, Лк.24:36–53

Внутри христианской традиции очень любопытно само отношение к дистанции между человеком и Богом. Дело в том, что у нас есть Откровение о том, что Бог, вопло-

тившийся в человека Иисуса, вознёсся и увеличил дистанцию. Мы так устроены, что наше духовное зрение подобно физическому. Если слишком близко поднести палец к глазам – мы ничего не увидим кроме размытого пятна, а если слишком далеко – тоже не сможем рассмотреть палец. Мы видим вещи на определённых расстояниях, а некоторые вещи только на расстоянии и видны. Например, горизонт, радугу, вечерний закат невозможно наблюдать изнутри.

Категория «Бог» изначально включает в себя дистанцию. И поэтому, когда Он стал одним из нас, мы Его не распознали, потому что мы так устроены, что у нас сама эта категория обозначает дистанцию. Когда дистанции нет, мы, естественно, не можем Его распознать, и наш глаз, конечно, «прав», когда не видит пальца на расстоянии двух миллиметров.

Таким образом, у нас есть два Откровения. Христос возносится, и в 1-й главе Деяний апостолов ангел даёт им, так сказать, задание: «Что, мужи израильские, стоите и смотрите? Каким образом Он вознёсся, таким образом Он и вернётся». И вот теперь наша задача – соединить с этим другое Откровение – о Его близости, когда Он говорит «где двое или трое, там и Я посреди вас», «кто любит Меня, тот соблюдёт слово моё, и Мы с Отцом придём к нему и обитель у него сотворим», или, как мы молимся, «Царю Небесный, Утешитель, Дух истины, везде пребывающий и Собою всё наполняющий... приди и вселись в нас». То есть, с одной стороны, мы фиксируем крайне большую дистанцию: Он вознёсся за облака, т.е. за горизонт восприятия, а с другой точки зрения, Он живёт в нас и, по словам апостола Павла, даже молится в нас: «Авва, Отче!»

Таким образом, каждый из нас должен вернуть себе вознёсшегося Христа на ту дистанцию, которую он считает

приемлемой. Иванов скажет: «Бог живёт рядом со мной и отходит с обидой, когда я грешу». Петров скажет: «Бог живёт во мне, но Он выходит из меня, когда я грешу». Сидоров скажет: «Бог живёт во мне и не уходит, когда я грешу». Пупкин скажет: «Бог является частью моего сознания, и только я придаю Ему субъектность». А кто-то скажет: «Бог на небеси контролирует меня через ангела-хранителя, через беса-искусителя, за всем следит, посылает или не посылает благодать». То есть каждый человек вымеряет теперь эту дистанцию, обозначенную двумя Откровениями о том, что «Бог далеко» и «Бог близко».

Дистанция до Бога очень произвольна, потому что каждый человек выбирает для себя ту дистанцию из широты Откровения, которую он считает для себя приемлемой. Так и некоторые люди, чтобы прочесть текст, отдаляют от себя бумажку, а некоторые – приближают, другие – надевают очки. Так и мы. Некоторые должны чуть удалить Бога, говоря: «что-то слишком близко и непонятно – то ли пророк, то ли еретик, потому что субботу нарушает». Вблизи человек не видит Бога, а вот когда Он удаляется, так сразу у него фокусируется зрение: «О, теперь ясно, что Господь наш – Бог недостижимый, всемогущий, вездесущий; вон, потопление сделал, значит – по грехам». Таков, в общем-то, ход мысли у каждого, и ни один не лучше другого.

Все мы – дети Божии, и, когда Он улетел, каждый Его по-своему вернул. Кто-то говорит: «где двое или трое, там Он посреди нас», а кто-то говорит: «да что мне до этих двоих, я тут сам, поэтому приди, Господи, и очисти мою душу». И человек очищает душу. Так что поздравляю вас с дистанцией и её преодолением. Поздравляю вас с тем, что Бог и обнимает каждого, и позволяет Себя считать вознёсшимся.

Праздник Пятидесятницы очень похож на книгу Бытие, где Бог вдохнул дыхание жизни в человека, и человек стал дышать отчасти воздухом, отчасти Духом Божиим. И дар Святого Духа в этот день – ещё одно такое искусственное дыхание, вдыхание в нас жизни. Но оно бывает гораздо чаще, чем на Пятидесятницу. Есть замечательное высказывание: Бог ближе к нам, чем наше дыхание. И когда мы дышим Духом Божиим, в нас есть некоторое благословение от Него, чтобы посвящать своё дыхание другому – тому, ради кого Бог создал всё это.

Когда Айболит пришёл новые ножки зайчику, он не привязал его к себе и не сказал: «Теперь ты будешь поклоняться мне!» Он сказал: «Я пришью ему новые ножки, он опять побежит по дорожке». Когда хирург вставляет новое сердце человеку, он не требует, чтобы тот ходил за хирургом, и всю жизнь связывал с ним. Он это делает для того, чтобы человек обратился к тем, кого он любит всем сердцем и всем помышлением.

Когда Бог дарует Духа Святого на Пятидесятницу, апостолы понимают это правильно, и обращаются к людям, и раздают этот огонь, раздают эту жизнь. И если нам хочется чем-то поделиться, значит, мы приняли Духа Святого. А если мы стоим и смотрим на небо, значит, мы всё ещё ждём. Когда мы куда-то побежали и благословили каждый день и час, каждое дыхание, значит, коснулось нас дыхание Божие, и сердце Божие поселилось в нашем сердце. Это самое главное на Пятидесятницу. Вся эта жизнь, зелёные ветви, листья и цветы, всё это олицетворяет нас и является живым символом цветения и радости. Оно сегодня есть, завтра – нет. Но сегодня же оно есть!

И научиться ценить то, что есть сегодня, – неважно, что будет завтра, – вот это, пожалуй, одна из очень важных вещей.

Я очень часто говорю, что Бог для того приближается к нам, чтобы мы приближались к другим, чтобы мы что-то дали людям. Не для того чтобы мы Ему ответили и вернули пять бубликов из десяти, которые Он нам дал, а для того чтобы мы отдали хотя бы один бублик ближнему своему, для того чтобы мы пожертвовали хотя бы часом или двумя часами времени ради ближнего. Это будет значить, что Бог коснулся нас.

В этот день, когда был шум и глас, и огонь сошёл на землю, – огонь этот поселился в сердцах. Может быть, огня у нас мало, но хотя бы шум сделать мы можем. Ну а там, глядишь, кто-то шумит, кто-то горит, кто-то дымит, кто-то трещит, а все вместе мы как большой костёр – издалека смотрится неплохо. Бог смотрит на нас и изблизи, и издалека. Может быть, некоторые из нас изблизи – не очень, а издалека – то, что надо. И когда мы вместе, мы так хорошо смотримся перед Богом!

Протоиерей Вячеслав Рубский
«ЕСЛИ ОКО ТВОЁ СВЕТО...»
Проповеди

Для заметок

